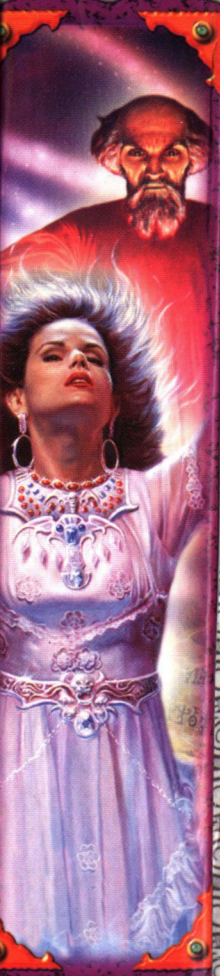

Ведьмы Красного ордена вступают в бой с Агачами Сарамира...

✱
Крас
Вудзигт
✱

Крас Вудзигт

НИТИ
ЗЛА

Бел
Дракона
НИТИ ЗЛА

CHRIS WOODING

«The Skein of Lament»

Крас Вудзінт

НИТИ ЗЛА

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44
В88

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Chris Wooding
THE SKEIN OF LAMENT

First published by Gollancz Ltd, London

Перевод с английского М. Малолетовой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения издательства Gollancz Ltd,
an imprint of The Orion Publishing Group Ltd
и литературного агентства Synopsis.

Подписано в печать 20.06.2008. Формат 84x108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 3 000 экз. Заказ № 8915.

Вудинг, К.

В88 Нити зла: [фантаст. роман] / Крис Вудинг; пер. с англ. М. Малолетовой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 477, [3] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-055412-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-9665-9 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Люди не могут, не должны пострадать от таинственной Порчи. Поручкой тому — могущество Ткачей, магов, хранящих Сарамирскую империю от демонического Зла, угрожающего ей разрушением. Каждый порченный подлежит казни — иначе последствия будут ужасны. Ведь, всякий, кто отмечен клеймом Порчи, обладает колдовскими способностями, слишком огромными и непредсказуемыми, чтобы не представлять опасности для обитателей Сарамира...

Так считалось.

Но правда ли это?

Ведь ныне в Сарамире все больше силы набирает Красный орден, загадочная школа колдуний, где порченных девушек обучают пользоваться своим магическим даром и внушают им, что в действительности Ткачи давно уже служат не Свету, но — Тьме.

Скоро — очень скоро — ведьмам ордена предстоит встретиться со своими давними противниками в открытом бою...

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (4Вел)-44

© Chris Wooding, 2004

© Перевод. М. Малолетова, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Глава 1

Густой, жаркий тропический воздух кишел насекомыми.

Солнце палило безжалостно, но пыльный валун укрывала тень дерева чапапа. Саран Иктис Марул неподвижно лежал на плоском камне. В руках он сжимал длинноствольную винтовку, через прицел которой уже несколько часов наблюдал за окрестностями. Перед Сараном простиралась узкая речная долина, похожая на ножевую рану. Дно ущелья было усыпано огромными белыми камнями. Их когда-то принесло сюда течением реки. Сама она давно уже нашла другое русло, и виной тому — ужасные землетрясения, то и дело раскалывающие огромный дикий континент Охамба. Плотное сплетение ползучей растительности покрывало древнейшие скалы, образовавшие отвесные стены ущелья. Кустарники и деревья отчаянно цеплялись за каждую трещину, каждый уступ, до которого могли дотянуться.

Саран залег в самой высокой точке. Когда-то именно отсюда сбегала вниз река. Чудовище, преследующее их уже несколько недель, должно было пройти этим путем — если, конечно, оно продолжало погоню. Особенности рельефа не оставляли ему иных вариантов. Рано или поздно монстр появится здесь. И когда бы ни настал этот момент, через час или через неделю, Саран дождется его.

Первого чудовище убило полмесяца назад. Жертвой стал сарамирский проводник, которого наняли в поселении кураальских колонистов. По крайней мере его сочли убитым, хотя тела не нашли, как вообще не нашли никаких следов насилия. Проводник утверждал, что всю сознательную жизнь провел в джунглях, но даже он не был готов к встрече с тем, что таилось в темном сердце Охамбы.

Потом исчезли двое кпетов. То были туземцы, надежные гиды, отлично справлявшиеся и с ролью носильщиков. Кпеты рождались альбиносами. Тысячелетиями они жили в недостижимых центральных землях, где солнечные лучи почти никогда не пробивались сквозь плотный древесный полог. Потом их вытеснили с родных территорий, и они поселились на побережье. Но там кпеты вели ночной образ жизни, спасаясь от обжигающего их кожу дневного света. Тем не менее этот народ сохранил древнее знание, и в вечном полумраке джунглей навыки кпетов были просто бесценны. А еще они охотно продавали свои услуги за кураальские деньги, на которые, в свою очередь, можно было купить относительно легкую, спокойную жизнь на хорошо охраняемых северо-восточных землях, принадлежащих Теократии.

Их Саран не жалел. Эти двое ему не нравились. Наймиты, бравшие деньги за услуги, наплевали на идеалы своего народа, променяв тысячелетнюю веру на золото. Он нашел исчезнувших кпетов очень скоро. Теперь это были кучки растерзанной плоти. Кровь их щедро напоила темную землю родины.

Еще двое кпетов сбежали, охваченные ужасом. Чудовище превратило их в приманку для ловушки. Они лежали на тропе, которой шла экспедиция, со сломанными ногами и медленно поджаривались под палящим солнцем. Несчастные молили о помощи. Крики должны были привлечь остальных. Но Сарана так просто не проведешь. Он предоставил бывших спутников их собственной судьбе и обошел ловушку стороной, сделав большой крюк. Против такого решения никто не возражал.

Еще четверо кураальцев погибли, не в силах противостоять непостижимой жестокости джунглей Охамбы. Двое стали жерт-

вами существа, преследовавшего группу путешественников. Один сорвался в пропасть, переходя через ущелье. Последнего потеряли, когда опрокинулась его ктапта — плоскодонная лодка из тростника. Ослабевший от лихорадки несчастный не сумел справиться с ней, а когда суденышко перевернулось снова, в нем никого уже не было.

За две недели — девять погибших. Осталось только трое, включая самого Сарана. И вот — развязка. Хотя путешественники уже выбрались из дебрей центральной Охамбы, до места встречи оставались еще долгие дни пути. Если, конечно, встреча состоится.

Все пребывали не в лучшем состоянии. Вейта, последний сарамирец в экспедиции, все еще страдал от лихорадки, сгубившей его товарища. Он был крайне истощен, рассудок его почти помутился. У Тсаты в плече загноилась рана, и она не затянется, пока он не найдет нужные целебные травы. И только Саран остался здоров. Его не тронула болезнь, и он не знал усталости. Но даже Сарана мучили сомнения: а доберутся ли они до места назначения живыми? Дело не только в его собственной смерти. На карту поставлено очень, очень многое. Неизмеримо больше, чем жизнь Сарана.

Тсата и Вейта затерялись внизу, в высохшем русле реки, затаились в причудливом лабиринте поросших мхом валунов. Они тоже ждали.

Еще дальше — и тоже невидимые — таились устроенные Тсатой ловушки.

Тсата был уроженцем Охамбы, но его родина лежала к востоку, там, куда издавна заплывали сарамирские купцы. Он принадлежал к ткиурати, племени, совершенно отличному от белокожих обитателей ночи — кпетов. И Тсата — единственный член экспедиции, способный вывести их из джунглей. В течение трех часов под его руководством они сооружали ловушки, рыли волчьи ямы, устанавливали отравленные колья и закладывали остатки взрывчатки. Пройти вверх по ущелью, ничего не задев, стало почти невозможно.

Но Саран не терял бдительности. Он лежал недвижимо, как мертвый. Терпения ему было не занимать.

Даже сейчас, в нынешнем состоянии, он оставался поразительно хорош собой. Кожу покрывал слой пыли, в которой прочертили дорожки капельки стекающего пота. Черные, до подбородка, волосы влажными грязными прядями облепили лицо и шею. Черты лица выдавали кураальского аристократа: твердый, даже жесткий рельеф губ, надменный взгляд карих глаз, агрессивный, с горбинкой нос. Бледная кожа потемнела от загара после многомесячных скитаний в джунглях, но осталась безукоризненно чистой, и иных следов перенесенные испытания не нанесли.

Честь и традиции запрещали Сарану менять тесный, строгий наряд своей родины на более подходящую одежду. Поэтому, несмотря на неудобство, на нем была накрахмаленная черная блуза, кое-где уже смятая. По краю высокого воротника змеилась серебряная вышивка, спускавшаяся от горловины до бедра вдоль расположенных сбоку застёжек. Черные штаны с серебряной отделкой он заправлял в смазанные кожаные ботинки, которые туго охватывали щиколотки и натирали немилосердно во время долгих переходов. На запястье левой руки — именно той, что сейчас поддерживала ствол винтовки, — висел крохотный медальон из платины с изображением спирали и треугольного щита, символов кураальского бога Иктиса, от которого Саран получил свое второе имя.

Он обдумывал ситуацию, не отрывая взгляда от ложины. Самый узкий участок ущелья был напичкан ловушками, а по обе стороны возвышались отвесные стены. Валуны, лежащие грудami, — напоминание о прежних обвалах — возвышались футов на восемь или больше, образуя естественный лабиринт, через который непременно пройдет охотящаяся тварь. Если только она не решит взобраться на вершину. В этом случае Саран убьет ее.

Выше, вблизи от сидящего в засаде человека, старое речное русло расширилось, и там начинались заросли. Растения самых разных видов боролись за каждый свободный пятачок земли и за свет, подбираясь к самым берегам. Скалы сжимали деревья с боков — темно-серый камень с белыми прожилками.

Первостепенной задачей Саран считал задержать врага в пересохшем русле реки. Если только существо доберется до деревьев...

Едва уловимое движение — на пределе видимости. Часы, проведенные без движения, не помешали Сарану среагировать мгновенно. Он прицелился и выстрелил.

Вой. Звук, похожий одновременно на визг и на мычание, прокатился вверх по склону.

Саран перезарядил винтовку, плавным движением передернул затвор. У него еще оставался запас пороха. При нормальных условиях хватило бы на семь выстрелов. В такой сырости — на пять от силы. Чертовски ненадежная вещь этот порох!

Чужеродный звук ружейного выстрела подавил все другие. В перепуганных джунглях воцарилась тишина. Саран ждал движения. Ничего. Постепенно в лесу снова зазвенело и зажужжало, крики животных и трели птиц вновь сливались в безумную какофонию вечной жизни.

— Попал? — раздался голос из-за плеча стрелка. Тсата задал вопрос на сарамирском, единственном языке, который понимали все оставшиеся в живых члены экспедиции.

— Возможно, — ответил Саран, не сводя взгляда с ущелья.

— Оно знает — мы здесь. — Было неясно, что имел в виду Тсата: что Саран выдал их местонахождение выстрелом или что монстр выследил их еще раньше. Тсата знал много языков, но грамматика сарамирского смущала даже его. Только урожденный сарамирец мог правильно употреблять окончания своего языка. Для остальных эта задача оставалась почти непосильной.

— Оно уже это знало, — тихо уточнил Саран.

Тварь чудовищно умна, по крайней мере казалась таковой до сих пор. Множество раз ей удавалось опередить группу, предугадать маршрут экспедиции, обойти стороной ловушки и распознать ложные следы. Один лишь Тсата два дня назад увидел монстра, направлявшегося вслед за экспедицией в лощину. Ни Саран, ни Тсата не обманывали себя: их ловушки не застигнут хищника врасплох. Единственная надежда заключалась в том, что хищник просто не сможет обойти все капканы.

— А где Вейта? — спросил Саран. Он вдруг понял, что Тсата рядом с ним, а не там, где должен быть, внизу, под прикрытием валунов. Иногда Саран жалел, что жители Охамбы лишены с детства привитой дисциплины, которой могут гордиться сарамирцы и кураальцы. Вместо этого они обладали неумным темпераментом, благодаря чему поведение «прирожденных анархистов» становилось непредсказуемым.

— Справа. Под деревьями, в тени...

Саран не позволил себе отвлечься. Он уже хотел задать другой вопрос, но в этот момент в ущелье грохнул глухой взрыв, от которого по деревьям прошел ветер и задрожали скалы. Над серединой старицы медленно поднималось плотное облако беловатой пыли.

Отзвуки взрыва еще пульсировали в небе, и джунгли снова затихли. Все живые твари разом умолкли — такая тишина производила гнетущее впечатление. На протяжении нескольких месяцев шум джунглей служил неизменным фоном, а сейчас внезапно повисшая тишина отдавалась в мозгу болезненной пустотой.

Несколько томительно долгих минут никто не двигался, затаив дыхание. Наконец под ногой Тсаты сдвинулся камень, и этот шорох вывел обоих из оцепенения. Саран бросил короткий взгляд на ткиурати, который припал на одно колено позади него, укрываясь, как и его спутник, на фоне гладкой коры чапапы.

Никто не произнес ни слова. Слова были не нужны. Тсата и Саран просто ждали, когда пыль осядет и откроет местность, чтобы продолжить наблюдение.

Как ни удивительно, Сарану стало легче теперь, когда его спутник сидел рядом. Выглядел он странно и еще более странно себя вел, но Саран доверял ему. А он был не из тех людей, которые легко доверяют кому бы то ни было.

Ткиурати, по сути, полукровки. Тысячу лет назад первые ткиурати появились от браков кураальцев, покинувших свои земли, и туземцев, которых изгнанники повстречали на востоке. Из-за молочно-золотистого цвета кожи Тсата при разном освещении выглядел то здоровым и загорелым, то болезненным и желтушным.

Грязные светло-оранжевые волосы он откинул назад. Они слиплись от крови. Тсата носил сероватую безрукавку и штаны простого пенькового полотна. Но на тех участках кожи, которые не прикрывала одежда, можно было увидеть фрагменты огромной татуировки, расплывшейся по всему его телу.

Завитки чрезвычайно сложного узора на бледно-желтой коже казались зелеными. Рисунок начинался на пояснице, вился по плечам, на ребрах, спускался по бедрам, икрам, охватывал лодыжки. Причудливые линии разбегались по всему телу ткиурати, пересекались, сходились в точки. Рисунок был абсолютно симметричен относительно воображаемой оси, проходившей сверху вниз через все туловище Тсаты. Более тонкие усики татуировки поднимались на шею и выше, проходили вдоль линии волос, соскальзывали по щекам, огибая глазницы. Два тонких отростка шли под подбородком и изгибались вверх, очерчивая губы. И из-под этой вечной маски, обрамляющей его черты, зеленоватые глаза Тсаты пристально вглядывались в ущелье.

Примерно через час к Сарану и Тсате присоединился Вейта. Он выглядел изможденным и больным. Короткие черные волосы были безжизненно тусклыми, а глаза, наоборот, лихорадочно блестя.

— Что вы делаете? — раздался свистящий шепот Вейты.

— Ждем, — ответил Саран.

— Ждете чего?

— Чтобы оно пошевелилось снова.

Вейта тихо выругался.

— Вы что, не видели? Взрывчатка сработала! Если даже эту тварь не убило взрывом, она наверняка угодила в одну из ловушек!

— Мы не можем полагаться на удачу, — сурово осадил его Саран. — Чудовище, возможно, всего-навсего ранено. Или могло задеть ловушку нарочно.

— И долго мы будем здесь сидеть?

— Сколько потребуется, — отрезал Саран.

— Пока солнце не сядет, — сказал Тсата.

Саран не разозлился на возражение. В глубине души он боялся, что чудовище уже выползло из ущелья под прикрытием валунов и добралось до леса. Хотя маловероятно, что ему удалось бы проделать этот путь незаметно для них троих.

После заката тварь получит преимущество, и тогда ее не обнаружат даже привычные к темноте глаза Тсаты.

— Да. Пока солнце не сядет, — поправился Саран.

И хотя насекомые жалили их, а воздух становился все более тяжелым и влажным, и каждый вдох давался с усилием, осторожные путешественники внимательно наблюдали за ущельем. Ничего, что напомнило бы о преследовавшей их твари.

Вейта возмущался, но остальные оставались глухи к его протестам. Саран мог ждать вечно, а Тсата беспокоился только о том, чтобы быть в безопасности настолько, насколько это возможно. Его всегда больше всего заботило благополучие и сохранность экспедиции, и он отлично знал, что преследователя лучше переоценить, чем недооценить. Но Вейта все ворчал и ворчал. Он горел желанием спуститься вниз, увидеть труп их страшного врага и побороть наконец страх перед чудовищем, которое удалось увидеть только Тсате, и то издали. Демон мести уже завладел сердцем сарамирца.

До заката оставалось около часа. Тсата беззвучно отделился от ствола чапапы.

— Пора, — тихо проговорил он.

— Наконец-то! — Вейта не смог сдержать радостного возгласа.

Саран, пролежавший ничком почти целый день, поднялся мягким движением. Раньше, в первые дни экспедиции, Вейта дивился выносливости этого человека, теперь она только раздражала. От боли Саран сейчас должен был бы чувствовать себя, как на дыбе. Но нет, он двигался гибко, как если бы только что совершил легкую прогулку.

— Вейта, мы с тобой зайдем через скалы с другой стороны. Ты знаешь, где ловушки. Будь осторожнее. Не все могли сработать от взрыва.

Вейта рассеянно кивнул.

— А ты, Тсата, пройдешь по верху каменных завалов. Если оно бросится на тебя или метнет что-то, спускайся и беги сюда со всех ног.

— Нет, — возразил Тсата, — оно могло уже добраться до деревьев. Я буду легкой мишенью...

— Если ему удалось выбраться из ущелья живым, тогда мы все теперь — легкие мишени, — ответил Саран. — Но нужно, чтобы кто-то посмотрел сверху.

Тсата задумался.

— Я понимаю, — проговорил он.

Саран решил, что ткиурати согласен с планом.

— И будьте настороже, — посоветовал напоследок Саран. — До времени лучше действовать так, будто оно живо и все еще очень опасно...

Тсата проверил и перезарядил винтовку. Саран и Вейта спрятали свои в подлеске: в узкой расселине они могли только помешать. Вместо этого оба обнажили клинки. У Вейты был узкий кривой меч, а у Сарана — длинный кинжал. Они вышли из укрытия и начали пробираться через скалы.

В узких коридорах между огромными валунами жара казалась непереносимой. Косой свет падал на лица путешественников, двигавшихся вперед, пересекая четкие границы между ярким солнцем и горячей тенью снова и снова. Булыжник усыпал высохшее дно, камни помельче смывало в сезон дождей, когда на несколько недель в году река возвращала себе частицу прежней бурливой мощи. Оставались самые тяжелые камни, которые поток не мог унести, громоздкие обломки потрескавшейся беловатой породы, обточенные водой и ветром.

Саран скользил по каменному лабиринту, полагаясь исключительно на чувство направления, чтобы выбрать верный путь в череде тупиков. Где-то выше, перепрыгивая через узкие провалы, двигался Тсата с винтовкой наготове, напряженно ожидая хоть какого-то движения. Саран слышал, как позади него, шаркая, пробирается Вейта. Неловкий сарамирец всегда производил много шума.

— Вы приближаетесь к ловушкам, — раздалось сверху предупреждение Тсаты.

Саран замедлил шаг, выискивая на камне выпарапанные тайные знаки, которые они оставили, чтобы самим не угодить в волчью яму или западню. Он заметил значок, глянул вниз и перешагнул через проволоку, не толще человеческого волоса, которая была натянута на высоте дюйма над землей.

— Ты его видишь? — Вейта топтался сзади.

Саран почувствовал, как внутри поднимается волна раздражения. Хотя бесхитростного Вейту можно было только пожалеть.

— Еще нет, — ответил Тсата. Его голос будто стекал сверху по уплотнившемуся воздуху. Сейчас он был полностью на виду, и голос не мог рассекретить его.

Валуны здесь немного расходились, и Саран заметил тень своего друга ткиурати, который с величайшей осторожностью пробирался к цели на некотором расстоянии от них.

— Куда мне идти? — снова раздался голос Вейты.

— Видишь валун справа? Наполовину расколотый? — спросил Тсата сверху.

Саран обходил по краю замаскированную яму-ловушку, когда понял вдруг, что Вейта так и не ответил. Саран застыл.

— Вейта? — позвал Тсата.

Тишина.

Сердце бешено застучало. Саран ступил на твердую почву. Сжал пальцами рукоять клинка.

— Кажется, оно здесь, — обронил Тсата. Он не стал дожидаться ответа. Саран заметил, как ткиурати с глухим звуком спрыгнул на землю и исчез из виду, затерявшись под прикрытием валунов. Охотник остался один.

Он в смятении откинул слипшиеся волосы со лба. Напряг слух, пытаясь уловить шорох, звук шагов — хотя бы что-то, что выдавало присутствие врага. Саран был твердо уверен, что Вейта уже мертв. Даже этот сарамирец не такой дурак, чтобы шутить сейчас подобным образом. Но он умер слишком тихо, и это пугало больше всего.

Не сидеть на месте... Если двигаться, можно получить преимущество внезапности. Саран углубился в беспорядочные нагромождения камней, протиснувшись в щель между двумя валунами. Проклятая тварь поджидала их здесь. Это ловушка. Не могло быть и речи о бегстве. Никаких шансов.

Саран едва не пропустил охранительный знак, увидев его за мгновение до того, как могла бы сработать ловушка. Вверху он заметил подпорку, удерживающую от падения большой кусок скалы. Пригнувшись, кураалец проскользнул под бечевкой, натянутой на уровне груди, и переступил через другую, сразу за первой, на высоте щиколотки.

Он уже добрался до того места, где взрывной волной разметало камни. Удивительно, что ловушка с распоркой не сработала. Было заметно, что мелкие камни и пыль осели совсем недавно. Саран со всей осторожностью продвигался вперед.

Тишина пугала. Снаружи, за пределами тесного мирка, состоящего из ненадежных коридоров тени и света, почти оглушительно шумели джунгли, но здесь, на пути Сарана, все застыло.

Бисеринки пота скатывались по щеке. Жив ли Тсата? Или тварь добралась и до него?

Шорох гравия.

Реакция Сарана была мгновенной. Но чудовище все же двигалось чуть быстрее. Человеку даже не хватило времени взглянуть на врага, когда инстинкт заставил его отпрянуть. Когти монстра — нечеткое пятно перед глазами — и уже две неглубокие царапины рассекают шею. Боль еще не дала о себе знать, когда последовал новый удар. Но на этот раз клинок Сарана был наготове — существо взвизгнуло и рванулось назад, мгновенно обмякнув.

Два когтистых пальца упали на землю между врагами. Пыль поднялась легким белым облачком.

Саран пригнулся пониже, держа левую руку перед кинжалом, чтобы скрыть угол следующей атаки. Рана на горле начинала гореть. Яд...

Быстрый и пристальный взгляд Сарана скользнул по врагу: человекоподобное существо, но лишь отчасти, как если бы ка-

кой-то безумный гончар взял человеческую плоть и вылепил из нее что-то ужасное. Лицо чудовища было словно растянuto по удлинённому черепу, черты деформированы, нос приплюснут. Черные акульки глаза глубоко сидели в узких глазницах. До невозможности широкий рот вмещал в себя два ряда абсолютно прямых зубов, острых и толстых, как иглы дикобраза. Зубы потемнели от свежей крови. Голая серая кожа покрывала изящные конечности с пучками крепких мышц. Рудиментарные оборки плоти, походившие на рыбы плавники, свисали с предплечий, бедер и похожего на обезьяний хвоста, которым заканчивался позвоночник существа.

В Сарамире Сарану случалось видеть порченных, выглядевших еще омерзительнее, чем эта тварь, но те были ошибкой природы, отступлением от нормы. А это существо кто-то таким *создал*. Изначально изуродованная плоть — для устрашения, все черты, члены переделали с одной целью — получить совершенного охотника.

Монстр держал в лапе нож, свирепо изогнутый клинок, удобный в джунглях, но не сделал пока ни одного движения, чтобы атаковать. Он опередил противника на один удар и теперь ждал, пока подействует яд.

Саран оступился, осел. Он ничего не видел. Глаза закатились. Существо приблизилось, взмахнуло ножом, чтобы вскрыть ему глотку. Но удар клинка рассек пустоту — Саран увернулся. Он не был и вполонину так слаб, как притворялся. Кинжал взметнулся, чтобы вонзиться в узкую грудь чудовища. Застигнутое врасплох, оно отклонилось неудачно, и кончик лезвия оставил на ребрах длинный след.

Ни секунды передышки. Чудовище снова напало, на этот раз быстрее, не обманываясь насчет слабости своей жертвы. Саран парировал удар, раздался неприятный скрежет металла о металл. Человек с силой ударил монстра в шею. Но враг был текучим, словно вода, удар прошел мимо, и Саран потерял равновесие. Тварь сжала его запястье железной хваткой и швырнула через плечо. Мгновения тошнотворной невесомости — и жесткое столкнове-

ние с землей. Кинжал, выбитый из руки, отлетел за камень. Саран упал, беспомощный, уже чувствуя, как острые челюсти смыкаются на его теле...

Но ловушка сработала.

Саран задел ногой шпагат за секунду до того, как кусок скалы рухнул на землю как раз в том месте, где только что была его голова. Одно мягкое движение — и Саран уже на ногах, но безжалостный противник перемахнул через обломки породы даже прежде, чем рассеялась пыль. Саран едва успел понять, что потерял кинжал. Он блокировал удар, подставив под замах запястье, но в этот момент, будто из ниоткуда, возник кинжал — и резанул по лицу. Саран дернулся в сторону — лезвие прошло в волоске от носа. И тут нечто схватило его за щиколотку. Саран повалился назад, теряя равновесие. Резкий свист... Что-то размытое промелькнуло перед глазами. Ветерок от летящего предмета коснулся волос...

Глухой, влажный звук.

В следующее мгновение Саран плашмя ударился о землю. Лежащий на земле, он оказался беспомощным перед смертельным ударом врага.

Но удара не последовало.

Саран взглянул вверх.

Чудовище безжизненно застыло над ним. Уродливое тело обмякло, и только зловеющий ряд деревянных шипов, прошедших через грудную клетку, поддерживал его в воздухе. Саран угодил в ловушку, но согнутое дерево распрямлялось, когда он падал назад, и ударило по чудовищу. Несколько долгих мгновений Саран лежал, не веря в произошедшее.

А потом из его груди вырвался истерический смех.

Мерзкий уродец висел перед ним, как марионетка с оборванными нитями. Голова его безвольно болталась. Невидящие черные глаза остекленели.

Когда Тсата нашел Сарана, тот отряхивался от пыли и все еще смеялся. От остроты пережитого кружилась голова.

На лице ткиурати застыло недоумение.

— Ты ранен? — спросил Тсата.

— Чуть-чуть яда. Слишком мало. Какое-то время я буду не в форме, и все. А тварь рассчитывала, что убьет меня этой дозой... — Саран снова затрясся от смеха.

Тсата знал о необыкновенных свойствах организма Сарана, поэтому не стал задавать лишних вопросов. Он осматривал существо, нанизанное на колья.

— Почему ты смеешься?

— О боги, Тсата, да все случилось так быстро... — Саран судорожно хохотнул. — Схватиться с таким чудищем и победить...

— Рад за тебя. Но не спеши праздновать победу.

Саран неуверенно ухмыльнулся.

— Что ты имеешь в виду? Вот твой охотник. Он мертв...

Тсата посмотрел на Сарана. Взгляд его светло-зеленых глаз был суров.

— Охотник, но не мой, — поправил он. — Это не тот, которого я видел два дня назад.

Саран похолодел.

— Есть другой...

Глава 2

На севере все еще низко стояла ущербная Иридима, а огненный шторм рассвета уже захлестнул небо на востоке. Сначала на краю моря появилось тусклое розовое пятно. Оно росло, становилось ярче и ярче, поднимаясь над кромкой горизонта. Море, на ночь погружившееся в глубокие раздумья в тихом свете Иридимы и Арии, теперь подбирало мелодию солнечного света, как робкий, неуверенный хор.

В едином ритме с движением волн то там, то здесь загорались сполохи. И новые волны, порожденные подводными течениями и силой притяжения лун-близнецов, тоже вспыхивали. Небо из черного постепенно превращалось в ярко-синее, и звезды в вышине медленно блекли.

Неторопливый рассвет взорвался в немыслимом крещендо, и над горизонтом показался краешек глаза Нуки. Око воспламени-

ло весь обозримый океан. Свет разлился над морем, над щепками сарамирских лодок, сновавших вдоль западного побережья, и над сушей. И он, всепоглощающий и бесконечный, затопил весь мир, как океан, не нашедший своих берегов.

Охамба.

Порт Кайсант лежал в уютной колыбели — в защищенной лагуне, которую древние скалы, как крепостные стены, отделили от открытого моря. Тонны черного камня надежно хранили лагуну от разрушительных штормов, обрушивавшихся на восточное побережье в это время года; в подземных каналах в изобилии водилась океаническая рыба. Тысячелетиями эрозия и вода подтачивали породу, а потом свод одного из туннелей рухнул, открыв путь даже большим торговым кораблям.

«Сердце Ассантуа» вошел в этот тоннель со спущенными веерообразными парусами. Промозглая сырость мгновенно сменила теплое солнечное утро. С невидимого потолка капала вода, и гулкое эхо гуляло между каменными стенами. Сверху фонари бросали скудный свет, почти бессильный в борьбе с тьмой, но все же достаточный, чтобы увидеть протянутые вдоль стен веревочные мостки.

Все внутри тоннеля казалось таким грубым, будто не менялось испокон веков. Тысячу лет назад сюда бежали от Теократии кураальцы. Люди искали убежища. И они еще не знали, какой кошмар поджидает их.

Моряки с острейшим зрением направляли медленный путь «Сердца Ассантуа» в полумраке. С носа корабля рулевому подсказывали точный курс. Десятки матросов стояли вдоль бортов с длинными шестами, чтобы отталкиваться от стен, если громоздкое судно подойдет к ним слишком близко. Путь сквозь замкнутый, странный мир, соединявший порт с океаном, занял несколько томительно долгих минут. А потом все закончилось, и команда снова оказалась под сияющим голубым небом. Три четверти лагуны закрывала тень от скалистой стены, но с запада лился свет, и там лежал Кайсант — конечный пункт долгого путешествия.

Яркий, пестрый, как платок, порт расползался по берегу лагуны, тянулся вверх по крутым склонам гор, окружавшим ее. Кай-

сант напоминал гигантский калейдоскоп, пестреющий деревянными молами, мостиками, раскрашенными домами, облупленными складами и средней руки конторами. Вдоль грязных мостовых теснились постоянные дворы и ветхие трактирчики. На лотках сарамирская еда встречалась так же часто, как и продукты из Охамбы. Маленькие плоскодонки и ктапты сновали вдоль северных пляжей, рассекая кильватеры более крупных судов, теснящихся у пристани. Корабельные рабочие орудовали молотками тут же, на песке, любовно латая корпуса. Все в Кайсанте было выкрашено яркими красками, которые, увы, поблекли от палящего солнца и бешеных ветров. В этом дисгармоничном мире рассохшуюся древесину и облупленные стены прятали от глаз под толстым слоем цветной штукатурки. Создавалось впечатление, что люди стараются пестротой красок отвлечь внимание от ветхости, нищеты и скудости.

«Сердце Ассантуа» расправил малые паруса, неспешно пересек лагуну и причалил к свободному пирсу. Толстые канаты сменили деревянные шесты. Они, как змеи в броске, прочертили в воздухе свои траектории, и портовые рабочие быстро затянули узлы на крепких сваях. Перед стоянкой судно свернуло паруса. Так павлин скрывает пышные перья.

Большую часть утра заняла волокита с регистрацией пассажиров. Прибывшим в сарамирскую колонию надлежало пройти самую строгую проверку. Служащие в форменной одежде детально описали груз, проверили пассажиров по списку, переписали всех погибших и без вести пропавших во время путешествия. Прибывших расспросили обо всем: кто они, откуда родом, с какой целью прибыли в Кайсант, где намерены остановиться или куда направляются дальше...

И как бы ни были рутинны и скучны вопросы, писцы проявляли величайшее рвение, вероятно чувствуя себя стражами порядка в этом диком краю. За пределами Кайсанта, конечно, царило беззаконие и звериная жестокость, но здесь, в городе, было кому позаботиться о благе государства.

Чиновники учли все и после этого вернулись к начальнику пристани, который проверил список и передал его ткачу. В конце недели

ткач свяжется с коллегой в Сарамире, в мгновение ока перебросив мысленный мостик через разделяющее континенты пространство, а тот сообщит начальнику местного порта о том, что подведомственное судно благополучно прибыло в пункт назначения. Система сообщения была тщательно отлажена и работала отменно.

Однако двух пассажиров судна это совсем не занимало. Они путешествовали под вымышленными именами, и, к счастью, их фальшивые документы не вызвали никаких подозрений во время бесконечных проверок.

Кайку ту Макаима и Мисани ту Колай протискивались сквозь толпу недавних спутников. Слова прощания и пустые обещания не теряя связь сыпались со всех сторон, пока девушки не добрались до конца пирса. Они углубились в деревянную сетку улиц. Месяц, проведенный на борту корабля, давал о себе знать: ноги, казалось, забыли, как ступать по твердой земле. Но возвращение на сушу воодушевило путешественниц и наполнило сердца новыми надеждами. Во время путешествия из Джинки, порта на северо-западе Сарамира, мир замкнулся на «Сердце Ассантуа». Матросы не обращали на пассажиров особого внимания, занять себя было нечем, а потому разговоры велись бесконечно.

Купцы, эмигранты, изгнанники, дипломаты — все они оказались на несколько недель втиснуты в один маленький мирок. Этим хрупким единством тогда дорожил каждый, но как только мир расширился до своих обычных пределов, оно рухнуло. Люди вспомнили, для чего им пришлось пересечь океан, у каждого нашлись дела, очень важные дела, которые стоили месячного путешествия, и тут выяснилась истинная цена скороспелой дружбы и необдуманно данных обещаний.

— Кайку, ты чересчур сентиментальна, — заметила Мисани. Девушки оставили пристань уже далеко за спиной.

Кайку рассмеялась.

— А знаешь, я ведь ничего другого от тебя и не ждала. Тебе-то, наверное, не жаль смотреть, как они уходят *навсегда*?

Мисани посмотрела на Кайку снизу вверх — ее спутница была на несколько дюймов выше.

— Мы лгали им целый месяц, — сухо заметила Мисани. — Лгали о детстве, занятиях, обо всем, чем мы живем. И после этого ты искренне надеешься снова с ними встретиться?

Кайку передернула плечами. Жест получился мальчишеский, странный для красивой гибкой девушки двадцати пяти лет отроду.

— А кроме того, — продолжала Мисани, — если все пойдет хорошо, через неделю мы будем уже далеко отсюда.

— Через неделю... — Кайку вздохнула. Ее вовсе не радовала перспектива провести еще недельку-другую-третью в море. — Надеюсь, твой шпион действительно того стоит.

— Я тоже надеюсь, — с нехарактерной для нее многозначительностью сказала Мисани.

Пока девушки поднимались по лестницам и шагали по мостовым, рискуя заблудиться в лабиринте извилистых улиц, Кайку, как зачарованная, жадно впитывала звуки и картины города. Первые шаги по чужой земле, первые впечатления от незнакомого континента... Все вокруг поражало необычностью. Ветер здесь был свежее, и дышалось легче, чем дома. Насекомые издавали другие звуки, печальнее и слабее оглушительного треска, что с детства слышали девушки. Небо глубокого синего цвета казалось влажным.

Кайсант разительно отличался от всех городов, что Кайку видела прежде. Он напоминал сарамирский — и в то же время ни в коем случае сарамирским быть не мог. Горячие улицы трещали и скрипели, потому что солнце нагревало доски под ногами. Настил уберегал их даже тогда, когда дожди превращали побережье в вязкую, непроходимую топь. Пахло солью, влагой, краской и растрескавшейся от жары землей. В воздухе витали ароматы незнакомых специй. Девушки остановились у лотка и купили у старушки с мудрыми глазами *пантф* — популярное блюдо из очищенных моллюсков, сладкого риса и овощей, завернутых в съедобный лист. Чуть дальше, следуя примеру аборигенов, путницы уселись прямо на широкие ступеньки, чтобы попробовать местный деликатес. Ели руками. Все было ново: воздух, странный городской пейзаж, вкус еды... Кайку и Мисани чувствовали себя, как дети на празднике.

Они казались необычной парой. Кайку — живая, подвижная, Мисани — всегда спокойная, с застывшим лицом, отражавшим эмоции лишь тогда, когда ему это дозволялось. Кайку — от природы привлекательная, с аккуратным носиком и озорными кари-ми глазами. Золотистые волосы пострижены по последней моде, челка кокетливо прикрывает один глаз. Мисани — маленького роста, тонкая и бледная, незаметная. Длинные, до щиколоток, черные волосы тщательно уложены в сложнейшую прическу: толстые косы и переплетения, перевязанные полосками темно-красной кожи. Страшно неудобно, но смотрится очень благородно. Одежда Кайку — проста и неженственна, Мисани, наоборот, одета дорого и элегантно.

Подкрепившись, девушки двинулись дальше. Они без труда нашли постоялый двор и отправили носильщиков за вещами на корабль. Вместе им оставалось быть недолго. Утром Кайку направится в пустыню, а Мисани останется в Кайсанте, чтобы подготовить все к возвращению в Сарамир. Кайку наняла провожатого и собралась в дорогу.

Закончив с делами, они легли спать.

Восемь недель назад в Провал доставили секретное послание высочайшей важности. Ни Кайку, ни Мисани даже не подозревали о его существовании, пока их не вызвал к себе Заэлис ту Унтерлин, глава Либера Драмах.

Заэлис принимал девушек вместе с наставницей Кайку — Кайлин ту Моритат, сестрой Красного ордена. Наряд ордена, черный, расшитый по плечам перьями ворона, плотно обтягивал фигуру этой высокой холодной женщины. Принадлежность ордену выражала и раскраска на ее лице: на губах лежала мозаика из красно-белых треугольников, два алых полумесяца шли от лба по векам и по щекам. Черные волосы, связанные в два толстых хвоста, спадали на спину. Кайлин носила серебряную диадему, на свету отливавшую голубым.

Они рассказали Кайку и Мисани о послании. Зашифрованный набор указаний прошел через десятки рук, с северо-западных

окраин Охамбы он попал в Сарамир через океан, а уже потом — в Ксаранский Разлом и Провал.

— Эти сведения — от одного из наших лучших шпионов, — сказала Кайлин. Ее голос напоминал клинок, обернутый бархатом. — Ему нужна наша помощь.

— И что мы можем сделать? — спросила Мисани.

— Мы должны вытащить его из дебрей Охамбы.

На лице Кайку отразилось недоумение:

— А почему они сами не могут оттуда выбраться?

— Император своими налогами просто задушил торговлю и сообщение между Сарамиром и Охамбой, — пояснила Мисани. — После поднятия налогов на экспорт Колониальная торговая компания ввела запрет на все товары, предназначенные для Сарамира.

Кайку промычала что-то неопределенное. Ее мало занимала политика, и то, что она услышала, стало для нее новостью.

— И поэтому наш шпион не может приплыть в Сарамир, — подытожила Кайлин. — Мелкая торговля между Сарамиром и Охамбой еще существует. Но... Из-за нехватки сарамирских товаров сильно подскочили цены. Отсюда туда кое-что еще поступает, но оттуда в Сарамир корабли практически не ходят. Купцы переориентировались на Кураал и Иттрикс. Дабы не терять прибыль, они готовы идти на дополнительный риск.

Дальше за нее продолжила Мисани:

— Вы перебросили его в Охамбу, но теперь не можете доставить обратно из-за отсутствия сообщения. И поэтому вам понадобилась я.

— Совершенно верно, — ответила Кайлин. Она пристально посмотрела в лицо Мисани, но никакой реакции на свои слова, разумеется, не обнаружила.

Кайку перевела взгляд с подруги на наставницу и повернулась к Заэлису, который теребил пальцами белую бороду.

— Хотите сказать, что ей придется отправиться на побережье? Показать в порту? — обеспокоено спросила Кайку.

— Если бы все было так просто, — ответила Мисани, слабо улыбнувшись. — Отсюда организовать дело невозможно. Я должна плыть в Охамбу.

— Нет! — не задумываясь, отрезала Кайку, сверкнув глазами в сторону Кайлин. — О боги! Она же чуть ли не из самой известной на сарамирском побережье семьи! Пошлите кого-нибудь другого...

— Ты сама назвала причину, по которой должна ехать именно она, — ответила Кайлин. — Имя Колай имеет большой вес среди купцов. И у нее осталось много связей.

— Вот потому-то она и не должна ехать, — возразила Кайку. — Ее же узнают! Какие-то новости о твоём отце, Мисани?

— Никаких. Пять лет мне удавалось прятаться от него, — ответила Мисани. — И я сделаю все, что в моих силах, — обратилась она к Кайлин и Заэлису.

— Я не могу объяснить, как много значит для нас этот человек, — спокойно сказал Заэлис. — И не могу сказать, какими сведениями он обладает. Достаточно того, что он попросил нас о помощи. Значит, у него не осталось выбора.

— Не осталось выбора?! — воскликнула Кайку. — Да если он так хорош, как вы говорите, почему сам не в состоянии добраться до Сарамира? Должны же быть какие-то корабли! В конце концов, мог бы плыть через Кураал. Да, путешествие растянется на несколько месяцев, но...

— Мы ничего не знаем, — перебил ее Заэлис, подняв руку. — Все, что у нас есть — послание. Наш агент нуждается в помощи.

Мисани положила руку на плечо Кайку.

— И я — единственная, кто может помочь, — спокойно сказала она.

Кайку тряхнула волосами, свирепо взглянула на Кайлин.

— Тогда я поеду с ней.

Тень улыбки скользнула по лицу сестры Красного ордена.

— Другого я и не ожидала.

Глава 3

Предрассветный полумрак над Охамбой был напоен безмятежностью. Ночные твари разбежались и расползлись, пытаясь спрятаться от неотвратимо близкого дня. В джунглях наступило затишье. Воздух, теплый, как кровь, неподвижно висел над землей. Туман скрадывал расстояние, клубясь между кривыми стволами деревьев. Лунные цветы, всю ночь жадно ловившие свет яркой Иридимы, теперь закрылись, спасая нежные лепестки от слепящего ока Нуки. Оглушительный гул ночи стих, и тишина казалась даже болезненной. В этот час мир будто замер, затаил дыхание в напряженном ожидании нового дня.

Кайку и ее проводник покинули Кайсант именно в этот час безмолвия. Невероятных размеров стена окружала порт, и только одни ворота пропускали путников в город или из него. За стеной лежало довольно большое расчищенное от леса пространство — для лучшего обзора. Грязная дорога ползла вдоль побережья на север, еще одна, поуже, — на северо-запад. Края каждой казались зазубренными от наступающего подлеска.

Посреди рощисты стояли Священные ворота Зании, сарамирской богини путешественников и нищих. Они представляли собой два резных столба без поперечной перекладины. Резьба изображала многочисленные деяния Зании в Золотом Царстве и в Сарамире. Кайку узнала большинство из них с первого взгляда: вот добрый человек отдает нищенке последнюю корку хлеба и узнает, что это переодетая богиня, готовая щедро его вознаградить. Вот Зания, карающая жестокосердных купцов, которые выпороли бродяг, пришедших на рынок. Корабли Праотцев покидают Кураал, и Зания освещает им путь... Время изрядно потрудились над воротами, и разглядеть детали стало уже невозможно, но эту иконографию Кайку знала хорошо.

Кайку машинально приняла женскую позу для молитвы — голова наклонена, руки сомкнуты перед грудью, левая ладонь над правой, правая будто держит невидимый шар. Провожатая, пожилая женщина ткиурати, стояла рядом, не проявляя никакого ин-

тереса. Закончив, Кайку прошла через ворота и направилась в джунгли.

Путь до места встречи занимал всего-навсего день. Кайку догадалась, что выбрана точка на равном расстоянии между трех городов: Кайсантом и еще двумя, из которых по реке можно быстро добраться до другого порта. Агент указал именно это место, чтобы было абсолютно неясно, откуда он придет. Мудрая предосторожность на случай, если бы кому-то удалось перехватить и расшифровать хотя бы часть послания, отправленного в Провал.

Кайку очень интересовало, что же за человека она встретит. Она не знала его имени, возраста, племени, не знала даже, мужчина это или женщина. А когда попыталась намекнуть Заэлису и Кайлин, что, мол, нельзя держать человека в полном неведении, ей ответили только, что есть «причины», и сменили тему. Это все лишь подстегнуло ее любопытство.

Едва выйдя за пределы обжитой территории, Кайку и ее провожатая оказались в другом мире, совершенно не тронутом цивилизацией. Дороги, ведущие к другим поселениям и к горным плантациям, шли совсем не в том направлении, какого нужно было держаться Кайку, так что пришлось идти пешком, продираясь сквозь плотные заросли. Путь давался нелегко. Почва под ногами — нетвердая, раскисшая от недавних дождей. Винтовка постоянно цеплялась за лианы и ветви, и Кайку стала уже жалеть, что вообще взяла оружие.

Женщинам приходилось карабкаться по грязным, скользким откосам, взбираться по скалистым склонам, с которых сочилась вода, прорубать путь через заросли спутанных веток и лиан. Незаменимой стала *кнага*, серповидный нож, который использовали в Охамбе для путешествий по джунглям. Но, несмотря на все неудобства, у Кайку дух захватывало от тихой красоты джунглей в предрассветный час. Шагая и прорубаясь сквозь заросли, она чувствовала себя незванным гостем в этом невероятном, таинственном мире перепутанных ветвей.

Воздух становился теплее, и все громче звучали звериные крики и уханье — в основном почему-то сверху, где кроны деревьев об-

разовывали плотную сеть. В невидимых укрытиях запели птицы, некоторые — красиво, некоторые — смешно и безобразно. Лягушки квакали, шуршал и шелестел подлесок, кто-то очень быстрый носился между ветвей, иногда кидаясь чуть ли не под ноги идущим. Кайку поймала себя на том, что старается впитать все впечатления, все ощущения от окружающего мира. Она готова была предаваться этому созерцанию долго, но провожатая прошипела что-то резкое на охамбском, и девушка прибавила ходу.

Вначале Кайку затаила кое-какие сомнения насчет проводника, но женщина оказалась гораздо сильнее, чем можно было подумать. У Кайку уже давно болели мышцы от карабканья по бесчисленным уступам и борьбы с вездесущими лианами, болтавшимся между деревьями, а ткиурати неуклонно шла впереди. Она была очень крепкой, хотя Кайку и догадывалась, что провожатой уже минуло пятьдесят. Охамбцы не считают лет, и время почти не оставляет на них следов.

Общение сводилось к мычанию и жестам. Провожатая плохо говорила по-сарамирски, и ее словарного запаса едва хватило на то, чтобы понять, куда хочет попасть Кайку. А сама Кайку почти не знала охамбского, выучив только несколько слов и выражений во время морского путешествия. В противоположность невероятно сложному сарамирскому, охамбский был возмутительно прост. Местные жители обходились одним фонетическим алфавитом и одним вариантом произношения, без всяких грамматических тонкостей и даже временных форм. Эта простота и подвела Кайку. Одно-единственное слово могло иметь шесть-семь значений в зависимости от контекста. Не существовало и специальных форм типа *я, мне, ты, тебе*, что крайне затрудняло процесс общения для человека, с детства говорившего на безукоризненно точном языке. В охамбской традиции отсутствовало понятие собственности. Индивидуальность у них всегда стояла на втором месте, тогда как первое место в сознании занимал *паш*, что можно приблизительно перевести как «группа», но значение слова «паш» вмещало в себя очень многое. *Паш* — это и народ, и семья, и друзья, и все присутствующие, и те, о ком идет речь, близкие, знакомые... И далее в том же духе.

Жара становилась невыносимой. Появились мошкара и жалящие насекомые. Свободная одежда Кайку из плотной ткани — мешковатые штаны бежевого цвета и рубашка в тон — пропиталась потом и потяжелела, невыносимо зудела кожа. Женщины остановились передохнуть. Провожатая велела Кайку выпить воды. Она достала сверток из листьев, в котором нашлись холодное крабовое мясо и стебли какого-то пряного растения. Нисколько не интересуясь мнением попутчицы, женщина разделила пищу на двоих. Девушка вынула из сумки свои запасы и поделилась с ткиурати. Ели руками.

Кайку украдкой поглядывала на свою спутницу, дивясь узору бледно-зеленой татуировки, расплывшейся по щекам, и стараясь угадать, что за мысли бродят в голове ткиурати. Она не захотела никакого вознаграждения за свои услуги, более того, предложив деньги, Кайку обидела ее. Мисани объяснила это тем, что поскольку провожатая живет в Кайсанте, в некотором смысле это и есть ее паш, и она охотно помогла бы кому угодно в городе, рассчитывая на ответную услугу. Кайку предупредили о том, что нужно быть очень осторожной в просьбах, обращенных к ткиурати, потому что они непременно их выполнят. Однако злоупотребив их традициями, охамбцев можно жестоко оскорбить. Они просят о чем-то исключительно в том случае, если не могут сделать этого сами. Кайку не до конца понимала такое мышление, но стиль жизни аборигенов показался ей хотя и странным, но очень цивилизованным и даже альтруистичным. Неожиданно для народа, который в Сарамире считался примитивным.

Когда путники добрались до Айт Птаката, ночь едва успела опуститься на землю. Они поднимались вдоль узкого ручья, пока деревья внезапно не расступились, открыв невысокий холм, спрятавшийся в джунглях. На голом холме стояли изваяния, оставшиеся от древней Охамбы. Их воздвигло погибшее племя в те времена, когда вести летопись истории человечества было еще некому.

Кайку задохнулась от восторга. Ария и Иридима третью ночь подряд делили небосвод, заливая пейзаж прозрачным белым светом. Ария, бледная, с темными пятнами, разрасталась на севере.

Иридима, меньше и ярче, с ликом, испещренным голубоватыми трещинами, висела на западе, над идолами.

Всего их было шесть. Огромные тени на фоне неба с грубыми чертами, подсвеченными лунным сиянием. Самый большой идол возвышался на тридцать футов, самый маленький едва достигал пятнадцати. Изваяния, высеченные из черного блестящего камня, напоминающего обсидиан, стояли лицом к джунглям вокруг верушки холма, как звенья рассыпавшейся цепи. Самый массивный идол сидел в центре, глядя поверх головы Кайку на восток.

Вожатая знаками и мычанием велела Кайку идти за ней, поэтому девушка вышла из тени деревьев и шагнула к ближайшему идолу. Буйные звуки джунглей не стихали ни на минуту, но Кайку внезапно ощутила, что она здесь одна, совсем одна перед лицом преданной старины. Давно исчезнувшие люди поклонялись этим идолам тогда, когда не существовало еще ничего из известного Кайку... Ближе всего к ней оказалась сидящая на корточках фигура с лежащими на коленях руками. Черты лица этого идола — выступающий рот и огромные глаза под полуопущенными веками — казались гротескными. Течение времени не пощадило его, смягчило и стерло линии, а одна рука, отломанная, валялась у ног, и все равно истукан сохранился великолепно, и его взгляд, леденящий кровь, не потерял своей власти. Кайку почувствовала себя песчинкой перед лицом этого забытого бога.

Другие казались не менее устрашающими. С огромными животами и странными лицами, они стояли или сидели на корточках. Некоторые походили на животных, которых Кайку никогда прежде не видела, другие напоминали чудовищные карикатуры на людей. Идолы сторожили холм, недобро вглядываясь в джунгли, будто затаив какое-то зло.

После недолгих колебаний Кайку положила руку на колено одного из идолов. Прохладный камень рождал тягостное чувство. Сила, которой некогда обладало это место, не рассеялась полностью. Оно сохранило еще, как эхо далекой памяти, веяние священного воздуха. На древнее капище не посягнуло ни одно дерево, ни одна птица не свила гнезда на статуях. Кайку не знала, есть ли здесь духи. В Сара-

мире они живут в лесных дебрях и затерянных уголках... Ткиурати не производили впечатления набожного народа, это Кайку выяснила еще на «Сердце Ассангуа», но Айт Птакат был свидетельством сильного культа, когда-то существовавшего на этой земле.

Тяжесть веков опустилась, как саван.

Провожатая подошла к ней, и Кайку убрала руку с идола. Она почти забыла, зачем пришла сюда. Оглядевшись, девушка поняла, что агента еще нет. Время оставалось — встреча назначена на полночь. Хорошо еще, что уложились в срок, несмотря на задержки из-за приливов и ошибки штурмана, неверно рассчитавшего ход лун. И все же она здесь.

— Может, нам стоит посмотреть на другой стороне холма? — Кайку обращалась больше к самой себе, чем к провожатой, которая не поняла бы ее. Она сделала соответствующее движение рукой, и ткиурати запрокинула голову в охамбском «кивке».

И в этот момент толстая стрела вонзилась в незащищенное горло ткиурати. Кровь взметнулась из раны, как гейзер. Женщина рухнула на землю.

Кайку окаменела на несколько долгих, как жизнь, секунд, не понимая до конца, что же произошло. Капли крови подрагивали на ее щеке и плече.

Из оцепенения вывела вторая стрела. Девушка почувствовала ее приближение. Смерть неслась по воздуху, выпущенная справа, из-за деревьев, и нацеленная прямо в грудь.

Внутри нее полыхнула кана. Мир превратился в переплетение золотых нитей, каждая лиана, каждый листок стали частью ослепительной вышивки.

Пульсирующие клубки идиолов Айт Птаката наблюдали за ней — темные, бессильные, всеведущие и — в мире Узора — живые.

Кайку взмахнула рукой. Воздух перед ней сгустился и завязался узлом. Стрела разлетелась вдребезги в двух футах от ее сердца.

Чутье разбудило рассудок. Дыхание сбилось. Адреналин растекался в крови. Кайку едва успела обуздать кану, прежде чем

та захлестнула ее полностью. А если бы не стрела, а выстрел винтовки? Если бы первой мишенью стала не ткиурати, а она сама? Сумела бы она *тогда* отразить атаку?

Кайку побежала. Еще одна стрела вылетела из-за деревьев, но прицел сбился — Кайку почувствовала это. Она поскользнулась на влажной земле. Жидкая грязь размазалась по штанине. Чертыхаясь, Кайку вскочила на ноги, мысленно следя за траекторией стрелы. Радужки ее глаз из карих стали грязно-красными. Кайку всматривалась в Узор, возвращаясь по следу из разорванных золотых волосков и маленьких вихрей, рожденных летящей стрелой. Поняв приблизительно, где находится нападающий, Кайку снова побежала, ища надежного укрытия. Она бросилась за одного из идолов как раз в тот момент, когда третья стрела почти настигла ее. Стрела отскочила от обсидиановой кожи древнего бога. Волна немого возмущения поднялась от оскверненной святыни.

«Найди. Найди их», — твердила себе Кайку. Ей хотелось съежиться под тяжестью злобного взгляда древнего идола. Теперь, когда она дотронулась до Узора, истукан наконец заинтересовался ею. Кайку с трудом заставила себя не обращать на него внимания. Идолы стоят тут очень давно и, конечно, злы, потому что почитатели оставили их, позабыли, низвели до роли простых наблюдателей, чьи цели и намерения уже не понять. Но они не способны причинить ей вреда.

Кайку исследовала завитки Узора, простирала свою силу между деревьями, чтобы выследить врага. Напряженный взгляд — взрыв вдоха. Глухой удар сердца.

Враг кружил вокруг нее. Она чувствовала движение воздуха, рождаемое им.

Там! Но нет, не там. Она нашла место, с которого стреляли, но его отпечаток в Узоре был слабым и ничего не значащим, пятчок искривленных волосков. Если бы она сумела найти точку опоры, то могла бы атаковать. Но Кайку не удавалось пробиться сквозь неведомую защиту. С таким она еще не сталкивалась. Паника захлестнула девушку. Она не воин. Ее *кана* вышла из равно-

весия... Любой, кто умеет стрелять из лука, теперь без труда справится с ней.

Кайку стянула винтовку с плеча, торопливо зарядила ее, попыталась прицелиться в прячущегося противника. Вместе с тем она старалась проследить за тем, не пробирается ли кто сквозь подлесок.

«Уходи! Уходи за деревья!» — приказала себе Кайку.

Но не осмелилась. Единственное, что спасало ее от внезапной атаки, — это полоса пустого пространства вокруг. А в тесноте джунглей уже не удастся бежать, маневрируя и одновременно выслеживая врага.

Кто же там?

Девушка вскинула винтовку и из-за локтя идола прицелилась туда, где предположительно находился враг. Винтовка бахнула, выстрел ударил в деревья, откалывая щепки от ветвей и срезая листья.

Еще одна стрела вылетела из темноты. Враг прицелился уже из другой позиции. Девушка инстинктивно отскочила как раз в тот момент, когда наконечник щелкнул о камень — еще секунду назад в этом месте было ее лицо. Кайку успела заметить следующую стрелу, приближающуюся с невероятной скоростью, готовую пронзить ей ребра.

От удара круги пошли перед глазами, и Кайку почти потеряла сознание. Она утратила контроль над каной, и та вскипела внутри. Все уроки Кайлин вылетели из головы, потому что осталось только одно — страх смерти. Кана хлынула наружу, прямо из живота, из утробы, и понеслась потоком к невидимому убийце, разрывая нити Узора. Защита, которая лежала на нем, не позволила Кайку точно прицелиться, но точность сейчас и не была нужна. Она нанесла ответный удар, дикий и отчаянный. Кайку выбрала направление, и мощь, заключенная в ней, ответила этому повелению.

Взрыв потряс джунгли. Стволы разлетелись в щепки. В ночи вспыхнул огонь. С неба, как метеориты, падали дымящиеся комья земли. Деревья пылали, пылали листья, кора, лианы. Плавился камень. Кипела вода.

Через мгновение все кончилось. *Кана* иссякла. Джунгли стояли и трещали. Над новообразовавшейся пустошью с рваными краями висела завеса из дыма и опилок. В воздухе ощущался тошнотворный запах обугленной плоти — каким-то птицам и зверушкам не повезло сегодня. Лес вокруг замер, оглушенный. На Кайку навалилась неизмеримая тяжесть — ненависть окружавших ее идолов.

Она попыталась ощупать бок, но не устояла на ногах, упала на одно колено прямо в грязь. Винтовка безвольно болталась в другой руке. Радужки ее глаз пылали демоническим алым огнем — побочный эффект от использования *каны*. Когда Кайку открыла в себе источник невероятной мощи, она оказалась совершенно неспособна управлять ею. Каждое прикосновение к *кане* делало ее беспомощной, как младенец, неспособной даже ходить. Кайлин научила ее справляться с *каной*, перекрывать поток раньше, чем он высохнет ее до такого состояния. Так было раньше. Теперь должно пройти какое-то время, прежде чем *кана* восстановится и Кайку вновь сможет обратиться к Узору. Она уже много лет не давала воли этой силе так безрассудно, но и судьба давненько не подвергала ее такой опасности.

Стоя на коленях, Кайку дрожала. Она осматривала местность в поисках малейшего движения. Ничего, только медленно оседает пыль. Кто бы ни стрелял в нее, он оказался в очаге взрыва. Кайку готова была держать пари, что от него осталось не так-то много.

И вдруг — движение, ниже, у подножия холма, где еще растут деревья... Кайку вскочила на ноги, вскинула винтовку и прицелилась. Две фигуры выскочили на поляну с юга. Кайку выстрелила.

— Нет! — закричал один, бросаясь в сторону.

Кажется, не попала. Не обращая внимания на боль и разрастающееся на боку мокрое пятно, Кайку перезарядила винтовку.

— Нет! Либеры Драмах! Не стреляй!

Кайку замерла, не сводя прицела с незнакомца.

— Жди спящего! — снова закричали снизу. Это был пароль.

— Кто спит? — ответила Кайку.

— Бывшая наследница Люция ту Эринима. Та, кого ты спасла из императорской башни, Кайку.

Кайку помедлила несколько мгновений, прежде чем опустить винтовку. Больше всего поразило, что ее узнали. Двое поднимались навстречу ей.

— Откуда вы знаете, кто я? — Голос прозвучал на удивление слабо. Кайку почувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Перед глазами расплывались круги.

— Я был бы плохим шпионом, если бы этого не знал. — Один из мужчин уже спешил к ней. Другой шел позади, оглядываясь на деревья. Ткиурати. Кожу его украшали такие же татуировки, что и у проводницы.

— Ты ранена, — бесстрастно констатировал шпион.

— Кто вы? — спросила Кайку.

— Саран Иктис Марул. А это Тсата. — Он скользнул взглядом по деревьям, прежде чем вновь обратиться к Кайку. — Твое показательное выступление привлекло всех, кто мог бы на нас охотиться, в радиусе двадцати миль. Нужно убираться отсюда. Ты идти сможешь?

— Смогу, — заявила Кайку, не вполне уверенная в правомерности такого утверждения. Стрела разорвала рубашку, рана кровоточила, однако наконечник не застрял в теле. Кайку все еще могла дышать, значит, легкие не задеты. Но на ткани под рукой все расплзлось мокрое пятно, и Кайку, напуганная этим, хотела сразу сделать перевязку. Однако некая сила, прозвучавшая в голосе Сарана, заставила ее подчиниться и идти. Трое устремились в лес. Тени поглотили их. Позади остались мрачные стражи Айт Птаката, тело провожатой и догорающие деревья.

— Что это было? Там, за деревьями? — Вопрос не давал Кайку покоя.

— Не шевелись. — Саран засучил рукав рубашки, открыв рану. Ниже полоски белья, потемневшего от пота, ребра превратились в красно-черное месиво. Девушка неосознанно натянула половину рубашки на грудь. Нагота вряд ли могла смутить сара-

мирца, но было в этом человеке что-то такое, перед чем Кайку чувствовала себя беззащитной.

Он промыл ей рану лоскутом ткани и горячей водой. Кайку шипела и дергалась.

— Не шевелись! — повторил Саран не без раздражения в голосе.

Пришлось стиснуть зубы и вытерпеть все до конца.

— Что, совсем плохо? — через силу спросила Кайку.

Молчание.

Ужас захлестнул девушку.

— Нет, — ответил наконец шпион. Кайку прерывисто выдохнула. — Рана глубокая, но не смертельная. Прошло по боку. Выглядит хуже, чем есть на самом деле.

В узкой пещере голоса рождали мягкое эхо. Тсаты нигде не было видно — ушел по каким-то своим делам. Ткиурати нашел это укрытие, туннель, выгоченный когда-то древним водотоком в основании скалы. С одной стороны его завалило камнями, и образовалась пещера. Снаружи деревья прикрывали вход, а сама пещера оказалась достаточно изогнутой, так что можно было разводить костер и не бояться, что снаружи заметят. Сырой камень — не самое удобное ложе, но он обещал отдых и безопасность, по крайней мере, на какое-то время.

Саран сидел неподалеку от Кайку и готовил припарку из растертых листьев, сложенной полосы ткани и воды, кипящей в чугунке. Кайку завернулась в остатки рубашки и безмолвно за ним наблюдала. Взгляд ее скользил по чертам его лица. Он перехватил его, и она отвернулась, взглянула на огонь.

— Это был магкриин, — произнес Саран. Голос у него был низкий и твердый. — То, что пытались тебя убить. Оно добралось сюда раньше нас. Повезло, что выжила.

— Магкриин? — Кайку неуверенно повторила незнакомое слово.

— Ваятели плоти создали его в темном сердце Охамбы. Ты не можешь себе представить, что это за мир, Кайку. Там солнце никогда не светит. Ни сарамирцы, ни кураалыцы ни за что не отважатся

отправиться туда. Прошла уже тысяча лет с тех пор, как сюда прибыли первые поселенцы, а все наши опорные пункты — на побережье, в не таких диких местах. А до того, как пришли мы, здесь жили они. Племена столь древние, что они могли бы помнить рождение Кураала. В непроходимых дебрях центральной Охамбы — тысячи тысяч квадратных миль территории настолько враждебной, что ни одно цивилизованное общество просто не может там существовать.

— Это оттуда вы пришли? — спросила Кайку. Его сарамирский был великолепен для человека, не рожденного в Сарамире. Акцент проскальзывал только в окончаниях — они получались по-кураальски рубленными.

Саран загадочно улыбнулся в неверном свете костра, продолжая растирать листья в кашу.

— Да. Хотя пришлось нелегко. Нас было двенадцать. Возвращаемся только мы вдвоем. И в безопасности я себя почувствую только тогда, когда покину этот материк. — Он посмотрел ей в глаза. — Все готово?

— Посмотрим, — ответила Кайку без всякого выражения. — Моя подруга сейчас в Кайсанте. Она должна была обеспечить отплытие в Сарамир к моменту нашего возвращения.

— Хорошо, — пробормотал Саран. — Нам нельзя задерживаться в городах. Нас там найдут.

— Магкриины? — уточнила Кайку.

— Да. Или те, кто их послал. Поэтому нужен был человек, который гарантировал бы быстрое отплытие из Охамбы. То, что мне удалось раздобыть, увезти так просто не позволят.

«И что же такое у тебя есть?» — Этот вопрос Кайку оставила при себе.

Саран добавил в кашу из листьев немного воды, повернулся к раненой опять и осторожно развел полы промокшей рубашки.

— Будет больно, — предупредил он. — Этот рецепт я узнал от Тсаты. А в Охамбе очень немногие лекарства можно назвать щадящими.

Шпион прижал пропитанную лекарственной смесью ткань к ране.

— Подержи это.

Она подчинилась. Почти сразу стало нестерпимо жечь и зудеть. Ужас этот с каждой секундой только усиливался и распространялся по ребрам. Кайку стиснула зубы. Через какое-то время боль начала стихать, но все равно осталась едва выносимой.

— Действует быстро. Подержи на ране около часа. Когда снимешь, боль отступит.

Кайку кивнула. Терпеть получалось с трудом, и по щекам поползли невольные слезы.

— Расскажи про ваятелей плоти. Мне нужно отвлечься, — попросила Кайку.

Саран обернулся. Темные глаза пристально изучали Кайку. Она вспомнила, что ее радужка все еще красная. В Сарамире любой опознал бы в ней порченную, и это вызвало бы ненависть и отвращение. Но, похоже, ни Сарана, ни Тсату не беспокоила ее природа. Возможно, им уже было известно, кто такая Кайку. Саран узнал ее. Но тот факт, что Кайку — искаженная, так порченные называли самих себя, и проходит обучение в Красном ордене, не предавался огласке. Даже в Провале, где к таким относились благосклонно, некоторые вещи следовало держать при себе.

— Я не знаю, что скрывается в темных дебрях Охамбы. Есть люди, мужчины и женщины, владеющие навыками и искусствами, абсолютно чуждыми нам. У наших народов, Кайку, твоего и моего, очень разные пути развития, но это совсем другое. Ваятели плоти могут вылепить из ребенка все, что угодно, пока тот еще находится в утробе матери. Они берут в плен беременных женщин из враждебных племен и превращают нерожденных детей в монстров, которых используют в своих жутких целях.

— Как порченных... — прошептала Кайку. — Как ткачи.

Ее голос был исполнен яда.

— Нет, — возразил Саран. В его голосе звучала удивительная убежденность. — Не так.

Кайку помрачнела:

— Ты защищаешь ткачей!

— Нет, — повторил шпион. — То, что творят ваятели плоти, отвратительно, но по сути своей это естественные вещи. Зелья, заклинания, вызывание душ умерших... Это не идет вразлад с природой. Они не разрушают мир, как ткущие.

— Магкриин... Я не смогла... найти его, — проговорила Кайку после долгой паузы. Ей понадобилось время, чтобы переварить услышанное. — Моя кана будто отскакивала от него.

Она внимательно смотрела на Сарана. Годами ей приходилось скрывать свои способности и обсуждать их с посторонним было нелегко, но Кайку очень хотелось проверить реакцию Сарана.

— У них есть талисманы, сигилы. Темную силу они заключают в предметы. Не смею предположить, что за штуки они используют. Я не знаю всего, на что способны ваятели плоти. Но мне известно, что на своих воинов они накладывают защиту. И, очевидно, эта защита срабатывает даже против вас.

Он откинул со лба прядь грязных черных волос и устремил взгляд в огонь. Кайку смотрела на него и не могла оторваться.

— Ты устала? — спросил он, не поднимая глаз, но Кайку не сомневалась — шпион знает, что она его разглядывает. Девушка покраснела и усилием воли заставила себя отвернуться. Через мгновение взгляд снова вернулся к Сарану.

— Немного, — солгала Кайку. Она была измотана.

— Нужно идти.

— Идти? Сейчас??

— А ты уверена, что убила его? Нападавшего? — Саран резко выпрямился.

— Конечно...

— А напрасно. Ты еще не знаешь, с чем столкнулась. К тому же врагов могло быть несколько. Если пойдем быстро, будем в Кайсанте около полудня. Если останемся, они нас настигнут.

Кайку опустила голову.

— У тебя хватит сил? — спросил Саран.

— Хватит. — Кайку поднялась. — Веди.

Глава 4

— Госпожа Мисани ту Колай, — поприветствовал ее купец. Мисани поняла — что-то не так.

И дело вовсе не в его тоне, хотя и этого было бы достаточно. Купца выдавало мгновенное замешательство, проскользнувшее на его лице до того, как оно сложилось в дружелюбную маску. Мисани оставалась внешне бесстрастной, но подозрение уже зародилось. И все же ей ничего не оставалось, как довериться ему — другого выбора не было.

Слуга-сарамирец исчез из комнаты, закрыв раздвижные двери. Мисани терпеливо ждала.

Купец, казалось, озадаченный ее появлением и ушедший на несколько мгновений в какие-то свои мысли, быстро оправился.

— Мои извинения, — проговорил он. — Я не представился. Чиен ос Мумака. Прошу вас, сюда.

Кабинет переходил в широкий балкон, с которого открывался вид на лагуну. Мисани проследовала туда следом за хозяином. Пол устилали экзотические циновки, сплетенные из мягкого толстого волокна, которое производили в Охамбе. Стоял столик с вином и фруктами. Мисани села. Торговец устроился напротив нее.

Крепкий деревянный дом стоял на дубовых сваях на склоне горы. От открывающегося вида захватывало дух. Слева высились черные скалы прибрежной стены, справа лежал Кайсант — полуокруг у лазурной воды. Корабли медленно скользили от пристаней к узкой щели в скале, выпускающей их в открытое море, между ними сновали лодки и каноэ. Перспективу смазывал ослепительный солнечный свет, заливавший лагуну, от чего она казалась сверкающе-белой.

Долго обменивались этикетными банальностями и вопросами о здоровье друг друга — необходимая прелюдия к сути разговора. Мисани оценивала собеседника: невысокий человек с бритой головой, топорными чертами лица и таким же топорным телосложением. Он носил явно дорогую, но не вычурную одежду. Только тонкая

расшитая мантия могла считаться уступкой роскоши. Эта вещь, явно кураальская, возможно, призвана была продемонстрировать широту взглядов владельца.

Но внешность ничего не значила. Мисани знала его репутацию. Чиен ос Мумака. Частица ос, стоящая перед его фамилией, означала, что его усыновили. Это клеймо получают два поколения его потомков. Только третье поколение сможет вернуть себе обычную частицу *ту*. Ос буквально означает «воспитанный» и, в отличие от *ту*, не обозначает принадлежности к роду.

Это, однако, не помешало Чиену ос Мумака сыграть роль в невероятном взлете своей семьи в торговле. Еще десять лет назад род Мумака владел небольшой судоходной компанией. Теперь же он стал одним из двух лидеров торговли между Охамбой и Сарамиром. И во многом это было заслугой Чиена, плодами его смелости. Он много рисковал, и риск чаще всего себя оправдывал.

Этот необразованный, плохо воспитанный человек слыл умелым купцом, ловким и решительным предпринимателем.

— Мне выпала честь принимать в своем доме дочь такого выдающегося семейства. — Речь выдавала в нем уроженца Южных Префектур. Наверняка его никогда не обучали риторике — в отличие от детей из большинства богатых семей. Возможно, потому, что он был усыновленным ребенком. Возможно, во времена его детства семья переживала не лучшие времена.

— Мой отец шлет вам привет, — солгала Мисани. Чиен казался польщенным.

— Передайте ему привет от меня, пожалуйста. Мы должны за многое благодарить вашу семью, госпожа Мисани. Знаете ли вы, что моя мать работала рыбачкой на одном из кораблей вашего отца в Матаксе?

— Неужели? — вежливо ответила Мисани. На самом деле она знала, что это так. Девушка искренне удивилась, что Чиен упомянул сей факт. — Я думала, это только слухи.

— Чистая правда. Однажды молодой сын рода Мумака приехал с визитом к вашему отцу в Матаксу. И там, по воле Шинту

или Риеки, столкнулся лицом к лицу с девушкой-рыбачкой. Он полюбил ее с первого взгляда. Похоже на сказку, не правда ли?

— Да, очень красиво, — ответила Мисани. В глубине души она верила в обратное. — Как в какой-нибудь поэме. Трудно представить, что такое случается в жизни.

Последующая женитьба сына на простолюдинке и отказ семьи изгнать опозорившего род отпрыска сильно повредили Мумака в политическом плане. Годы ушли на то, чтобы вернуть себе былой авторитет. Во многом этому способствовал успех в заморской торговле. То, что Чиен заговорил о своем происхождении, было бестактностью. Род Колай освободил мать Чиена от данной клятвы верности и отдал ее безумно влюбленному молодому человеку в обмен на политические обязательства, действовавшие и поныне. Отец Чиена заключил безрассудный брак, от которого родился сын, принесший семье Мумака огромную выгоду. В этом смысле то был прозорливый шаг. Сейчас они главенствовали в своей области торговли, а данные ранее обещания крепко связывали их с родом Колай. И Колай получили через них большую прибыль. Если бы Мумака не уступали во многих вопросах семье Колай по заключенной ранее договоренности, то уже давно подмяли бы под себя всю торговлю между Сарамиром и Охамбой. Мисани могла только предполагать, насколько это раздражает Чиена.

— Вы любите поэзию? — Чиен воспользовался абстрактным комментарием Мисани, чтобы направить разговор в другое русло.

— Да, особенно Ксалия.

— О! Удивительно, как такая жестокая проза могла понравиться столь утонченной девушке. — Это была лесть, причем очень незамысловатая.

— Двор Аксеками не менее жесток, чем те сцены битв, которые описывал Ксалий. Только раны наносят там более изящно, и они дольше гноятся.

Чиен криво усмехнулся и взял со стола кусочек какого-то фрукта. Мисани воспользовалась паузой, чтобы перехватить инициативу:

— Я знаю, что вы, занимая такое положение, могли бы оказать мне услугу.

Чиен медленно прожевал. Проглотил. Мисани ждала. Теплый бриз шевелил складки ее платья.

— Продолжайте.

— Мне нужно вернуться в Сарамир.

— Когда?

— Чем скорее, тем лучше.

— Госпожа Мисани, вы ведь только что приплыли в Кайсант. Вам здесь не понравилось?

Мисани не удивилась. Чиен, конечно, просматривал регистрационные журналы в порту, что несложно для человека с такими связями. Она только надеялась, что за океаном у него таких тесных связей нет.

— Кайсант — замечательное место, — ответила девушка, уходя от сути заданного вопроса. — Очень живописное и бойкое.

Торговец задержал на ней внимательный, изучающий взгляд. Давить, требуя объяснения, было бы грубостью. Лицо гостыи оставалось бесстрастным. Пауза затянулась. Чиен оценивал ее, и Мисани это знала. Но догадывался ли он об истинном положении дел?

Отношения Мисани с родом Колай можно было в лучшем случае назвать натянутыми. Официально она все еще являлась членом семьи, однако Колай стыдились своей своенравной дочери, и она могла повредить их экономическим интересам. Ее предательство тщательно скрывали. Сплетни неизбежно расползались, однако только немногие знали правду о случившемся.

Официальная версия гласила, что Мисани отправилась на восток и там, по ту сторону гор, укрепляет интересы дома Колай. На самом же деле с того момента, как она покинула семью, отец объявил на нее безжалостную охоту. В том, какая судьба ждет ее в случае возвращения домой, сомневаться не приходилось. Мисани станет узницей в своем собственном поместье и будет обязана внешне поддерживать дом Колай, а главное — подтверждать ту ложь, которую распространили родители после того, как дочь навлекла на них позор. Потом, скорее всего, ее тихо убьют.

Сейчас она блефовала, выдавая себя за послушную дочь, представлявшую в далекой Охамбе интересы своей семьи. И подозревала, что Чиен это знает. Оставалась надежда, что он ничего не знал наверняка и не имел доступа к источникам, которые могли бы разоблачить ее. Однако в его поведении было что-то странное, и Мисани не верила ему ни на йоту. Ее могущественный отец останется в большом долгу перед человеком, который вернет домой мятежную дочь.

— Как скоро вы намерены отплыть? — в конце концов спросил Чиен.

— Завтра, — ответила Мисани. В действительности она не представляла, насколько срочным будет отъезд, но когда заключаешь сделку, всегда лучше демонстрировать определенность.

— Завтра? — переспросил Чиен.

— Это можно устроить?

— Возможно. — Чиен старался выиграть время на размышление. Он взглянул на лагуну. На солнце его грубые черты казались особенно резкими. Оценивает последствия. — Это будет дорого мне стоить. Неиспользованное место под груз... Нет, три дня — лучшее, что я могу вам предложить.

— Меня устроит. Я возмещу ваши расходы. И буду вам чрезвычайно признательна. — Очень удобная фраза. В подтексте — благодарность одного из самых влиятельных на море семейств. На деле же — всего лишь обещание расплатиться. У Мисани были деньги: Либеры Драмах не скупилась на то, чтобы вернуть своего агента. Однако она могла дать только то, что имела сама, а для человека вроде Чиена это было пустяком. Мисани обманывала его, и ложь давалась ей тяжело.

— У меня есть другое предложение. Вы очень добры, предлагая возместить убытки, но на родине у нас столько дел... Речь не о деньгах. Я бы не хотел, чтобы столь влиятельная семья, как ваша, была у меня в долгу. Вместо этого я решусь попросить вас кое о чем.

Мисани ждала, с тяжелым сердцем понимая, что не может отказать и что Чиен без зазрения совести пользуется ее положением.

А потом пошел дождь.

Влажность росла и росла, облака заволокли небо, и после полудня небо как будто прорвало. Толстые листья дрожали, когда крупные капли барабанили по ним. Грязь ручьями текла между корней деревьев. Дождевые струи скатывались с крон и образовывали маленькие водопадики, от которых во все стороны летели брызги. Громкий шум ливня заглушал даже крики животных.

Саран, Тсата и Кайку тащились сквозь подлесок. Они вымокли до нитки и шли, согнувшись под *гваттами*, зелеными накидками с капюшонами, сотканными из природного волокна. Накидки могли бы защитить их от слабого дождика, но под натиском ливня доказали свою непрактичность. Провожатая дала Кайку *гватту* перед выходом. Девушка несла ее свернутой и притороченной к сумке. У мужчин были свои. Идти в джунгли без *гватты* было бы глупостью.

Из-за дождя двигались еще медленнее. Кайку все время спотыкалась. Ей едва хватало сил, чтобы передвигать ноги. Спать не ложились, привал не устраивали, шли всю ночь. В обычных условиях это показалось бы Кайку невозможным. Месяц бездействия на «Сердце Ассантуа», рана в боку, слабость после выброса *каны* — все это сказалось на ее выносливости не лучшим образом. Но об отдыхе не могло быть и речи, а гордость не позволяла жаловаться. Остальные замедлили шаг, но не сильно. Кайку с трудом держалась на ногах. Она предоставила Сарану и Тсате заботиться о преследователе. Без сна *кана* не смогла восстановиться. Чувства притупились. Девушка утешала себя тем, что ее спутники могут посмотреть по сторонам за троих.

Кайку переживала за судьбу проводимой. Ее печалило то, что ткиурати не назвала своего имени. Сарамирский ритуал предписывал называть мертвых по именам перед Нокту, женой Омехи, чтобы она смогла вписать их в свою книгу и рассказать мужу об их великих делах — или отсутствии таковых, — когда они предстанут перед ним в надежде войти в Золотое Царство. Хотя проводимая, похоже, ни во что не верила, Кайку беспокоилась за нее.

Саран и Тсата тихо перекидывались фразами и обследовали джунгли, держа винтовки наготове. Оружие завернули в плотную ткань и полоски кожи, чтобы сохранить порох в пороховницах сухим. Ливень смывал следы и должен был сильно помешать следователю, однако Саран и Тсата не ослабляли бдительности. Несмотря на предостережения Сарана, Кайку твердо верила, что испеклила убийцу в Айт Птакате. Шпион же полагал, что магкриин все еще охотится за ними, и его способности следопыта сверхъестественны.

Кайку мучило любопытство: почему так важен этот человек, что он знает, ради чего она рисковала жизнью? Ее раздражало, что до сих пор никто так и не удосужился дать ей ответы на эти вопросы. Разумеется, Саран шпион, и Кайку не ожидала, что он вот так запросто откроет все свои тайны. Но ее возмущало то, что она оказалась втянутой в подобную историю, историю очень опасную, не зная ничего.

Все утро Кайку пыталась разговорить Сарана, но он думал о чем-то своем, и ее старания не увенчались успехом. Полностью поглощенный обследованием местности на предмет присутствия врага или зверей, которые представляли собой серьезную опасность даже здесь, вблизи побережья и цивилизации, кураалец почти не слушал Кайку, и это задевало ее.

Остановились. К этому моменту изможденная и промокшая Кайку прониклась фатализмом. Если магкриину суждено прийти, пусть приходит. От них все равно ничего не зависит.

Остановились, как вскоре выяснилось, вовсе не для отдыха, на что надеялась Кайку.

Слева от них, вверх по склону бежала тропинка. Первым нечто заметил Тсата и бросился назад, указывая куда-то за деревья. Кайку прищурилась, но ничего не заметила, кроме серых теней среди косых струй дождя.

— Кто это? — спросил у Кайку Тсата. Саран в мгновение ока оказался рядом с ними.

— Не вижу, — ответила девушка. Откуда ей знать? Она старалась уловить движение, но ничего не было.

Саран и Тсата переглянулись.

— Оставайся здесь, — велел ей Саран.

— Куда ты?

— Просто стой на месте, — повторил он и растворился в подлеске. Раздался всплеск жидкой грязи. Саран мелькнул пару раз за деревьями. Он поднимался по склону туда, куда указал Тсата. Потом исчез.

Кайку отбросила назад слипшуюся челку и сняла мешавший капюшон. Теплый дождь мгновенно промочил волосы насквозь. Когда Кайку обернулась, Тсата уже испарился.

Ощущение опасности вывело ее из оцепенения. От недавнего фатализма не осталось и следа. Она уже набрала в легкие воздух, чтобы позвать своих спутников, но осеклась. Кричать сейчас глупо.

Кайку поспешно сдернула с плеча винтовку. Плохая видимость пугала. Не будет времени, чтобы отразить атаку. Она едва выжила, окруженная полосой открытого пространства в Айт Птакате. А сейчас она не могла полагаться и на *кану* — все силы ушли на то, чтобы открыть Узор.

Проливной дождь и постоянный шум бегущей или капающей воды скрывал все звуки, кроме самых громких. Кайку часто моргала и терла глаза, испуганно оглядываясь.

Они вернутся. В любой момент они могут вернуться обратно, и Кайку отругает их за то, что бросили ее одну без предупреждения. Позади упала ветка. Кайку подскочила и завертелась, едва не потеряв винтовку, запутавшуюся в лианах. Напряженно глядя в пелену дождя, она ждала малейших признаков постоянного присутствия.

Меч оказался бы куда полезнее — в ближнем бою от винтовки толку мало, — но Кайку никогда не считалась хорошей фехтовальщицей. Она никогда не проходила боевой подготовки, а все свои умения приобрела в детстве, постоянно соперничая со старшим братом. В лесу Юна они из кожи вон лезли, чтобы превзойти друг друга в скачках, стрельбе, борьбе. Кайку росла сорванцом. Но ни она, ни брат никогда не любили мечи, тем более что фехтование — занятие слишком опасное.

Винтовка непрактична здесь, зато привычна. Кайку перехватила оружие поудобнее и еще раз прошлась взглядом по джунглям.

Минуты тянулись за минутами. Мужчины не возвращались. Холодный ужас расплзался по костям. Ее бросили на произвол судьбы. Ждать становилось невыносимо. Нужно выяснить, что происходит.

Взгляд снова упал на серую тень, на которую указал Тсата. Она до сих пор не двигалась. Ткиурати спросил, кто это. Что он имел в виду?

Надо действовать, сделать хоть что-нибудь. Это лучше, чем трястись под дождем. Даже если пройти совсем немного, уже можно будет рассмотреть это странное серое пятно. Оглядевшись в последний раз, Кайку стала осторожно взбираться по склону. Башмаки тонули в грязи. Следы тут же наполнялись водой.

Кожа, которой была обернута пороховница винтовки, снаружи вымокла, но Кайку искренне надеялась, что влага не попала внутрь, на порох, потому что иначе оружие превратилось бы в дорожную дубину. Девушка откинула волосы назад и вполголоса выругалась, когда они снова упали на глаза. Сердце в груди колотилось так сильно, что, казалось, грудина вздрагивает от каждого толчка.

Внезапный порыв ветра разорвал пелену дождя. Так в театре раскрывается занавес. И все стало ясно. Завеса приоткрыла серое пятно только на мгновение, но этого оказалось достаточно. Образ впечатался в сознание Кайку, как клеймо. Теперь она поняла...

...кто это.

Это была провожатая ткиурати, оплетенная лианами, будто паутиной. Ее подвесили на крепких нижних ветвях огромной чапапы. Голова клонилась вперед. Глаза бессмысленно смотрели вниз. В горле до сих пор торчала стрела. Руки и ноги крепко связаны вместе. Под ударами дождя тело слабо покачивалось.

Кайку почувствовала, как паника сжимает когти у нее на горле. Магкринн оставил свое послание... Он в точности предсказал, каким маршрутом пойдет группа, и опередил ее.

Кайку оступилась, проскользив несколько дюймов по грязи. Интуиция кричала что-то, но она не могла разобрать...

Магкринн здесь. Сейчас.

Движение слева. Кайку повернула голову. Мгновения чудовищу хватило, чтобы покрыть расстояние между ними. Все вокруг

как будто замедлило ход. Неторопливо летели с неба капли дождя. В груди бухало — глухие взрывы сердцебиения. Кайку вскидывала винтовку, уже зная, что не успеет прицелиться, не успеет выстрелить. Она разглядела что-то красно-черное, наверное, кожу, один слепой глаз и спутанные плети волос. А потом — крючковатое лезвие, выброшенное вперед, чтобы распороть ее глотку. И в этот момент она ничего, совсем ничего не могла сделать...

Кровь бросилась в лицо. Кайку ощутила невероятной силы удар. Чудовище врезалось в нее и накрыло своей тушей, придавив к земле. Вспышка боли ослепила ее. Не вздохнуть...

...как тогда, в канализации, когда гниющая рука демона тянула ее вниз...

...потому что воздух не попадал в легкие, и рот наполнился кровью, и перед глазами была кровь, и горло...

...о духи, она не может дышать, потому что горло вспорото, как рыбе брюхо, горло...

А потом весь мир снова пришел в движение. Саран и Тсата стаскивают с нее безвольную, обмякшую тушу. Кайку жадно хватает воздух ртом, и он, такой сладкий, восхитительный, с шумом наполняет грудь. Рука метнулась к горлу. Оно скользкое от крови, но целое. Ее грубо ставят на ноги. Дождь смывает кровь с кожи. Одежда, наоборот, темнеет от разбавленной красноты.

— Ты ранена?! — крикнул Саран. — Ты ранена?!

Кайку подняла руку, пытаясь показать, что вот сейчас придет в себя и ответит. Ей никак не удавалось отдышаться. Взгляд остановился на чудовище, лежавшем мордой вниз в грязи.

— Посмотри на меня! — Саран схватил ее за подбородок и развернул лицом к себе. — Ты ранена?

Кайку оттолкнула его руку, внезапно рассвирепев. Мужчина не смеет так с ней обращаться! Воздуха в легких по-прежнему не хватало, чтобы оформить слова. Прижав руку к груди, она наклонилась и глубоко вдохнула.

— Она не ранена, — сказал Тстата, но было ли это обвинением, поддержкой или констатацией факта осталось неясным: тки-урати не очень хорошо владел тонкостями языка.

— Я не... ранена, — с трудом выдохнула Кайку, глядя Сарану в лицо. После мгновенного замешательства шпион отошел от нее и, кажется, занялся собой.

Тсата перевернул магкриина на спину. Этот больше походил на человека, чем предыдущий. Одежда на нем почти сгорела. Гибкое тело с рельефными мышцами покрывала грубая красная кожа. Только лицо твари сохранило по-настоящему зверское выражение, по крайней мере, то, что от лица уцелело. С одной стороны оно покрылось волдырями от ожога, с другой винтовочный выстрел разможил его в кровавое месиво. Виднелись только желтые изогнутые зубы и плоский нос. Вместо волос с головы монстра свисали тонкие щупальца.

Кайку оглянулась.

— Ты его подпалила. Не удивительно, что он двигался медленно, — сказал Тсата.

— Ты застрелил его? — безжизненно спросила Кайку, пытаясь понять, что произошло. Он сказал, что магкриин двигался медленно? Проливной дождь уже смыл кровь с ее кожи, однако с волос все еще сбежали розовые струйки, а спина и ноги были перепачканы в грязи. Кайку этого не замечала.

Тсата вздернул подбородок вверх. Кайку не сразу вспомнила, что это кивок.

— Вы бросили меня, — вдруг выпалила она, переводя взгляд с одного на другого. — Вы оба бросили меня, зная, что эта тварь здесь!

— Я оставил тебя с Тсатой, — возразил Саран и посмотрел на ткиурати. Под бледно-зелеными татуировками лицо последнего оставалось совершенно спокойным.

— Так было нужно. Магкриин напал бы на тебя, Саран, если бы ты ушел один. Но если бы мы все разбрелись поодиночке, первой жертвой стал бы самый опасный или самый беззащитный. Это в любом случае была бы она.

— Ты использовал меня как наживку?! — закричала Кайку.

— Я спрятался неподалеку от тебя и следил. Магкриин не ожидал, что мы сознательно подвергнем опасности одного из наших.

— Ты мог промахнуться! Он меня чуть не убил!

— Но не убил же. — Тсата явно не понимал, почему девушка пришла в ярость.

Кайку перевела взгляд с Тсаты на Сарана. Тот поднял руки, показывая свою полную непричастность.

— Это что, какая-то особая охамбская логика?! — Лицо пылало. Она все еще не верила, что кто-то мог вот так в легкую разыграть ее жизнь. — Что-то типа вашего треклятого *паши*? Пожертвовать одним на благо группы?

Тсата, кажется, удивился:

— Именно. Ты быстро изучила наши обычаи.

— Да будьте вы прокляты со своими обычаями! — бросила Кайку и решительно натянула капюшон. — До Кайсанта уже не далеко. Пошли.

Остаток пути провели в молчании. Саран и Тсата шли все так же настороженно, но для Кайку опасность миновала. Ярость выжигала ее изнутри. Путники вышли из джунглей прямо перед Воротами Зани. Увидев их, Кайку почувствовала облегчение и невероятную усталость. Она медленно приблизилась к Священным воротам и поблагодарила богиню за благополучное возвращение, как того требовал ритуал. Закончив, Кайку заметила, что Саран делает то же самое.

— Я думала, что в Кураале не верят в наших языческих богов...

— Сейчас нам нужна помощь от любых богов, — мрачно ответил Саран. Кайку не поняла, шутит он или говорит серьезно. Она прошла через Ворота и направилась к крепостной стене Кайсанта. Саран следовал за ней.

Глава 5

Аксеками, сердце империи, нежился в лучах позднего летнего солнца.

Город стоял в месте слияния двух рек. Через этот водный узел проходила вся торговля северо-западного Сарамира. Джабаза и Керрин текли в Аксеками с севера, где раскинулись обширные желто-зеленые равнины, и с востока. Реки четко разделяли столицу на районы. В центре Аксеками два потока соединялись, и здесь рожда-

лась новая река. Посреди бурливого водоворота высилась шестигранная каменная платформа, соединенная с берегами тремя одинаковыми горбатыми мостами, причудливо украшенными. На каменной площадке стояла статуя Изисии, Царицы богов, богини мира, красоты и мудрости. Сарамирская традиция предписывала не изображать богов напрямую, чаще о них напоминали священные строения или животные аллегории. Сарамирцы считали, что для человека слишком самонадеянно пытаться постичь форму божества. Но в данном случае обычай нарушили. Статуя представляла собой фигуру женщины, высеченную из темно-синего камня. Она была облачена в пышные одежды, голову богини украшала искусная прическа из перевитых прядей. Широкие рукава скрывали сомкнутые руки. Изисия устремила взор на северо-восток, к императорской крепости. Лицо ее выражало спокойствие. У ее ног Джабаза и Керрин соединяли свои воды, и новая река, Зан, широкой сверкающей лентой убегала из города на юго-восток.

Будучи центром экономической и политической жизни Сарамира, Аксеками напоминал никогда не смолкающий улей. Вдоль береговой линии шли пристани, доки, склады. Там толпились приезжие, торговцы матросы и рабочие. Южный берег Керрин выглядел ярким и хаотичным. Толпы разряженных гуляк и бездельников текли мимо трактиров, баров, лавочек, магазинов покрупнее. Речной район жил своей жизнью. На севере поднимался холм, в центре которого стояла императорская крепость. У подножия его вычурные здания храмов соперничали со спокойными библиотечными павильонами. На площадях ораторы и демагоги распинаясь перед прохожими, сияясь передать им свои убеждения, по широким улицам лошади тянули за собой скрипучие телеги и загроможденные чем-то *манкствы*. Рыночный квартал. На лотках под цветастыми навесами возможно было найти товары со всего Ближнего Света. Путники торопились смыть с себя пот и дорожную пыль в роскошных общественных банях и отдохнуть в открытых парках. В садах стояли скульптуры, некоторые из которых относились к эпохе Торуса ту Винаксия, второго императора Сарамира.

К северу от Рыночного квартала раскинулся Императорский. Он лежал у подножия утеса, короной венчавшего северный холм. На самом утесе стояла императорская крепость. Императорский квартал походил на маленький город в себе. Там жили благородные семейства, богачи и меценаты, которые могли позволить себе избежать столичной суеты и тесноты. Экзотические деревья обрамляли безукоризненно чистые широкие улицы. За высокими стенами скрывались тенистые сады, дворы, выложенные искусной мозаикой, и просторные дома с ажурными галереями. В укромных водяных садах и заросших беседках так удобно плести интриги...

А над всем этим возвышалась крепость. Позолоченная и бронзовая отделка отражала солнечные лучи, и они косыми струями накрывали город. Крепость в форме усеченной пирамиды заканчивалась плоской площадкой, на которой стоял храм бога Оха. Ни один человек, даже сам император, не мог стоять выше богов. От взгляда на наклонные стены крепости рябило в глазах: их украшал сложнейший узор из арочных окон, балконов и статуй. Нигде в Аксеками не нашлось бы равного шедевра архитектуры и скульптуры. Духи и демоны обступали колонны, участвовали в масштабных сценах, где главными действующими лицами становились божества сарамирского пантеона. По углам крепости возвышались узкие башни. Массивная стена, окружавшая всё здание, не уступала ему в красоте и величии, только повсюду виднелись укрепления. В ней имелись единственные ворота. Древние благословения и молитвы испещрили золотую арку над ними.

Император Мос ту Бэтик рассматривал свое отражение в огромном зеркале полированного серебра: коренастый мужчина, чуть ниже ростом, чем можно ожидать от человека его веса. Выглядел он очень внушительно. Жесткая борода, в которой кое-где пробивалась седина, скрывала половину лица. Грубыми, злыми движениями он поправлял свой церемониальный наряд, затягивал манжеты и пояс. Послеполуденное солнце проникало в комнату сквозь два арочных окна. В четко очерченных лучах света плясали пылинки. Обычно императору это нравилось, но сегодня из-за такого контраста большая часть комнаты казалась мрачной, заполненной горячими тенями.

— Тебе нужно успокоиться, — проскрипел голос из дальнего угла комнаты. — Твое беспокойство очевидно.

— О, духи! Какр, как же мне не волноваться? — огрызнулся император. Он поймал в зеркале отражение сгорбленной фигуры, которая медленно вышла из тени в углу комнаты на свет. На вошедшем колыхалось странное одеяние, сшитое из лоскутков кожи и еще чего-то, что невозможно было распознать. Никому бы не удалось усмотреть какую-то логику в подборе цветов или рисунок на этом рубище. Из-под потертого капюшона виднелась только сухая челюсть, которая не двигалась, когда человек говорил. Когда говорил личный ткач императора, главный ткач.

— Если ты при сложившихся обстоятельствах не встретишься с братом своей жены, то оскорбишь его, — продолжил Какр.

Мос коротко хохотнул:

— С Рекаем? Да мне плевать, что думает этот щенок, этот маленький книжный червь! — Он оторвался от зеркала и посмотрел на главного ткача. — Полагаю, ты знаешь о донесениях, которые я получил?

Какр поднял голову, и око Нуки осветило лицо под капюшоном. Главный ткач выглядел омерзительно и напоминал мумию с приоткрытым ртом и провалившимися щеками. Его черты обтягивала сухая, мертвенно-бледная кожа. Мос не мог смотреть на него без дрожи отвращения.

— Мне известно о донесениях, — проскрежетал Какр.

— Ну да, я так и думал, — ядовито ответил Мос. — Мало что происходит в этой крепости без твоего ведома. Даже если это не твое дело.

— Все — мое дело...

— Неужели? Тогда почему же ты не заботишься, например, о том, что урожай в империи хуже год от года? Почему не остановишь ползущую по моей земле заразу, от которой дети рождаются порченными? Эта дрянь скручивает деревья, гноит все на корню... Мои люди боятся приближаться к горам, потому что никому не известно, что за чудовища прячутся там! — Мос прошел к столу, на котором стоял графин с вином, и налил себе бокал. — На носу

Эстивальная неделя, Неделя урожая. Но если богиня Эню собственной персоной не снизойдет на землю и не подаст нам руку помощи, нынешний год станет хуже предыдущего. Нам грозит голод, Какр! Крестьяне в отдаленных провинциях давно не ели досьта! Мне очень, очень нужен был этот урожай, Какр, чтобы не поддаться нажиму этой проклятой торговой компании!

— Мос, твои люди голодают из-за тебя! — Голос Какра сочился ядом. — Не стоит перекладывать на ткачей ответственность за свои ошибки. Это ты начал торговую войну, когда поднял налоги на экспорт.

— А чего ты хотел? — вскричал император. — Чтобы я позволил нашей экономике рухнуть?

— Меня не волнуют твои оправдания. Факт остается фактом. Это твоя вина.

Император осушил стакан и зло уставился на главного ткача.

— Мы захватили этот трон *вместе*, — прорычал Мос. — Это стоило мне единственного сына. Свою часть договора я выполнил. Я сделал вас частью империи. Я дал вам землю. Я дал вам *права*. Я это обещал — и сделал. А что вы?

Голос Какра чуть не сорвался от гнева:

— А мы сохранили тебе трон, император. Если бы не мы, все давно уже поняли бы, что ты не способен управлять страной и не *должен* стоять во главе ее! Тебя бы свергли... Помнишь, о скольких заговорах я тебя предупредил? Сколько попыток убийства предотвратил? Сколько восстаний помог подавить? Уже пять лет урожай падают, рынок рушится, в политике царит смута. Благородные семейства вряд ли это переживут. — Последние слова Какр почти прошептал: — Они хотят, чтобы мы ушли. Ты и я.

— Всё началось из-за неурожая! — задохнулся император. — И зараза, будь она проклята! Где источник? В чем причина?! *Почему ты не знаешь?*

— Ткачи не всемогущи, мой император, — прохрипел Какр, разворачиваясь, чтобы уйти. — Если бы мы были настолько сильны, мы бы в тебе не нуждались.

* * *

— А вот и он! — хихикнула императрица Ларания. Она сбегала от своих суетливых горничных и уже спешила навстречу Мосу, который только что вошел в уютные палаты. Ларания бросилась в объятия мужа и игриво чмокнула его. Потом отстранилась и погладила по волосам. Перехватила взгляд.

— Ты выглядишь рассерженным. Что-то не так? Я смогу это уладить? — улыбнулась императрица.

Мосу казалось, что рядом с его возлюбленной все тучи рассеиваются. Он нагнулся, чтобы поцеловать ее, на этот раз чувственно.

— Своей улыбкой ты можешь уладить все, что угодно.

— Лстец! — Ларания кокетливо выскользнула из объятий мужа. — Ты пришел слишком поздно. И неуклюжими лапами смял мне платье. Горничным снова придется над ним трудиться. Все же должно быть в порядке, когда мы будем принимать моего брата.

— Мои извинения, императрица. — Мос шуточно поклонился. — Я и не подозревал, что сегодня для вас настолько важный день.

— Мужчины такие невнимательные, — выдохнула Ларания с притворным удивлением.

— Получив такое оскорбление, я могу только удалиться в свои покои и убраться с вашего пути, — поддразнил Ларанию Мос.

— Ну уж нет! Ты останешься здесь и закончишь приготовления вместе со мной. Если тебе завтра все еще нужна императрица...

Мос грациозно поклонился и занял место подле жены. Служанки засуетились вокруг него. Императора опрыскали ароматическими маслами и добавили атрибуты, необходимые по ритуалу. На сердце полегчало, хотя хлопоты не доставляли ему никакого удовольствия.

Помпезные церемонии, обязательные для императора, были испытанием для него даже в лучшие времена. Мос считал себя человеком резким, не созданным для утонченных игр. Он жалел времени на ритуалы и стародавние традиции. Церемония приветствия важного гостя, прибывшего с длительным визитом, походила по сложной структуре формальностей на слоеный пирог —

гордость королевского кондитера. Все зависело от статуса гостя и тех отношений, в которых он находился с императорской семьей. Недостаточно приготовлений — и приглашенное лицо обидится, чрезмерный размах — смутится... Мос мудро предоставил своим советникам, а после жене разбираться с этими вопросами.

В палате толпились придворные, облаченные в свои лучшие одежды, императорская стража красовалась в бело-голубых доспехах. Слуги держали знамена. Музыканты настраивали инструменты. Горничные носились туда-сюда. Церемониймейстер раздавал пажам поручения, завершая последние приготовления. Зал во дворце должен произвести только первое впечатление на гостей. Позже их ожидали театральные представления, декламация, музыка — и тысячи других развлечений, которые будут тянуться бесконечной чередой для Моса. Очень утомительно. Его интересовал только пир, потому что пир — это окончание всей церемонии. Однако, несмотря на все неудобства, с которыми был связан для Моса этот визит, приезжал не кто-нибудь, а любимый брат Ларании. А то, что радовало ее, радовало и Моса. По крайней мере должно было радовать. Он взял себя в руки.

Когда камеристки добавили последние штрихи к его облику, Мос взглянул на Ларанию. Украдкой. Она притворилась, что не заметила. Воистину, неисповедимы пути богов, если небеса послали императору столь прекрасное создание тогда, когда ему минуло пятьдесят пять. А ведь Ларания на двадцать лет моложе! Должно быть, это благословение высших сил осенило его восшествие на престол. Возможно, Ларанию он получил взамен потерянного сына, Дуруна... Лицо императора ненадолго омрачилось.

А все началось как политическая мера. Погиб единственный сын Моса, и империя нуждалась в новом наследнике. Его первая жена уже вышла из детородного возраста, поэтому Мос расторг брак с ней. Страсть давно угасла. Остался только взаимовыгодный брак, как в большинстве благородных семейств Сарамира. Потому развод прошел безболезненно для обеих сторон. Бывшая императрица осталась в родовом имении Моса на севере, а Мос отправился в столицу, чтобы найти себе подходящую юную партию.

И он ее нашел. Это была Ларания ту Танатсуа, дочь Бэрака Горена из Йоспы, города в пустыне Чом Рин. Здравый смысл диктовал необходимость укреплять связи с восточным Сарамиром, особенно когда горы, разделившие империю на две части, стали почти непроходимыми. Сообщение между Западом и Востоком осуществлялось, главным образом, через ткачей.

Ларания как нельзя лучше подходила на роль императрицы. Темноволосая и смуглая, она обладала удивительной знойной красотой, грацией и темпераментом. Она понравилась Мосу сразу же и гораздо больше, чем те худосочные, притворно-застенчивые и слабые женщины, которых ему представляли прежде. Самонадеянная Ларания заставила Моса лично приехать к ней, чтобы убедиться в том, что она подходит на роль новой императрицы. И Мос, заинтригованный такой смелостью, проделал путь от Аксеками до самой Йоспы. Но даже тогда Ларания вела себя так, будто это она выбирала себе мужа. Ее отца очень огорчило поведение дочери.

Возможно, именно тогда Ларания похитила сердце императора. Она полностью завладела его вниманием. Мос взял невесту с собой в Аксеками, где и состоялась церемония бракосочетания, и прошли пышные празднования. Минуло три года. И в какой-то момент произошла довольно странная, но не неслыханная вещь: император и императрица влюбились друг в друга. Ларания была на двадцать лет моложе своего мужа, но это не помешало. Два упрямых, своевольных и страстных человека составили идеальную пару. Хотя о жестоких спорах царственной четы ходили легенды среди слуг, Мос и Ларания безмерно друг друга любили, и все об этом знали. Каждый шаг императору давался очень нелегко, но он считал себя счастливым, потому что боги послали ему такую жену.

И только одно омрачало их брак в течение этих трех лет. Несмотря на страстность супругов и их частые любовные баталии, Ларания никак не могла зачать ребенка. А она так мечтала родить мужу сына! Сожаление и недовольство время от времени проскальзывали в их речах. Сын императора Дурун прошел через то же испытание со своей женой, убитой императрицей Анаис ту Эринима. Но Мос-то знал, что он не бесплоден! А еще он знал, что

стране необходим наследник. И что Ларания не уйдет так же легко, как первая жена, чтобы позволить ему жениться в третий раз. Если он захочет.

Но чудо случилось! Две недели назад Ларания сказала Мосу, что беременна. И он уже замечал это в ее изменившейся манере поведения. В том румянце, что вспыхивал на ее щеках, в тихой улыбке, которую императрица прятала в уголках губ. Мир Ларании заключался теперь внутри нее, в ее лоне. Это завораживало и восхищало Моса. Даже сейчас, хотя Ларания еще держала в секрете свое положение, она неосознанно прижимала руку к животу. И взгляд ее устремлялся куда-то вдаль.

Болтливые горничные суеились вокруг императрицы. Некая мысль повергла Моса в волнение.

За стенами крепости раздался звук горна. Император выпрямился. Горничные испарились. Император и императрица остались одни на невысокой платформе, к которой вели три ступени. Перед ними, перешептываясь, занимали свои места безукоризненно одетые придворные и стражи. Над отделанной золотом дверью легко колыхались от горячего ветерка серебряные с алым штандарты дома Бэтик. Рекай прибыл.

Ларания на мгновение сжала руку мужа, улыбнулась и быстро отпустила его ладонь, торопясь принять подобающую позу. Сердце императора растаяло. Он подумал сначала о противном дне, что предстоял ему, а потом — о жизни, которая зарождалась в лоне жены.

Снова стать отцом...

Двери распахнулись. Сияющий свет затопил приемный зал. В проеме возник силуэт брата Ларании. Многочисленная свита следовала за ним.

«...ради этого можно пережить что угодно».

Угли тлели в очаге, окрашивая комнату в цвет артериальной крови. Здесь снимали и выделявали кожу. Повсюду лежали глубокие, коварные тени, порождаемые ровным свечением. Некогда главный ткач настоял, чтобы стены очистили до голого камня и

убрали с пола черный, полуглянцевый *лаш*. Теперь там лежали грубые, тяжелые кирпичи. Шестиугольная комната заканчивалась высоко вверх решеткой из бревен, почти терявшейся в темноте. Сверху свисали цепи и крючья. Они спускались почти до самого пола и, колеблемые потоком поднимающегося теплого воздуха, тихо позвякивали.

Между балками покачивались, медленно и беззвучно поворачиваясь, странные предметы. Некоторые висели достаточно близко к огню, чтобы можно было разглядеть кое-какие детали, подсвеченные красным. Пластины человеческой и звериной кожи, натянутые на ужасные в своей изощренности каркасы... Другие, по счастью, оставались неузнаваемыми: простые геометрические фигуры, обтянутые кожей неизвестного происхождения. Третьи — более гротескные и искусно выделанные. Под потолком висела птица, выполненная из кожи женщины. На украшенной клювом голове проступали искаженные, невнятные, но все еще узнаваемые черты: пустые груди, беспомощно растянутые между распростертыми крыльями, свисающие длинные черные волосы. Тот, кто некогда был мужчиной, замер в позе хищника, раскинув крылья, как у летучей мыши, тоже из человеческой кожи. Две сшитых вместе полосы змеиной шкурки заменили ему лицо. Сложная конструкция из мелких животных вращалась рядом. С левой стороны с каждого зверька сняли шкуру, и там поблескивали волокна мышц, а с правой до сих пор пушился мех...

На стенах, как трофеи, Какр развесил незаконченные работы или те фрагменты, которые особенно нравились ему. Черные провалы на черепах — когда-то глазницы — слепо пялились в полусумрак покоя. Не важно, как изменилась форма существа, невозможно забыть, у кого украли то, что теперь — только высушенное, растянутое полотно. Память усиливает чувство ужаса. Чутунная стойка возле очага, дьявольское в своей изощренности сооружение, способное служить растяжкой для кожи существа любого вида и размера. Камни под ней окрасились в темный, ржавый цвет.

Похожий на кучу тряпья с мертвым лицом, Какр сидел, скрестив ноги, у очага и плел Узор.

Он — скат, плоское крылатое существо, пылинка в этом мире черных волн. Он висит в темноте, чуть-чуть вибрируя, не двигаясь, пока не найдет нужный ему путь. Вокруг него со всех сторон — завитки и воронки, маленькие вихри, потоки и каналы, волны, которые он только ощущает, но не видит. Это жестокое, смертельное движение в любой момент может захватить его и разорвать на тысячи частиц. Чудовища, живущие в Узоре, его не задевают, но где-то в отдалении он чувствует и их тоже...

Какр слеп здесь, в этой беспросветности. Но вода течет вокруг него и сквозь него, скользит по холодной коже и просачивается в рот, через жабры проходит в живот, смешивается с кровью. Перед мысленным взором ткача потоки сворачивались, завивались и образовывали воронки так, как не может этого делать ни вода, ни ветер. Они пересекались друг с другом, и в хаотической пустоте появлялись узелки.

Одно мгновение потребовалось, чтобы проложить путь поразительной математической сложности: трехмерный тоннель из струящихся по его воле потоков, чтобы в кратчайшее время и с наименьшими усилиями доставить Какра в пункт назначения. Физическое расстояние не имеет значения в мире Узора, но человеку свойственно устанавливать порядок в хаосе. Какр именно таким образом понимал непостижимый и необъяснимый процесс.

Человеческий рассудок не способен вынести соприкосновение с неискаженной материей Узора, притягательной и всепоглощающей. Новички из ткущих Узор, столкнувшись с чистой и ошеломляющей красотой Творения, ярчайшим его веществом, могли навсегда раствориться в этом ужасающем экстазе. В материальном мире нет снадобья, способного подарить такое же счастье. Во время первых попыток только самые сильные удерживались в сознании и сопротивлялись притяжению Узора. Других постигала печальная участь. Они становились безумными, но счастливыми пленниками узорчатой вселенной, фантомами в мире сплетающихся потоков, в то время как их тела жили, подобно растениям. С самого начала ткущих учили представлять себе такой Узор, с которым они справились бы. Кому-то виделась бесконечная паутина, кому-

то — разветвленные бронхиолы, кому-то — здание невероятных размеров с перепутанной сетью измерений, где любая дверь могла вести в любое помещение. Кто-то видел в Узоре сон, который нужно посмотреть до конца, чтобы достичь цели.

Какр выбрал свой способ. Жидкая, вечно движущаяся среда никогда не даст забыть, насколько опасен Узор. Даже после стольких лет он прокручивал где-то на краю сознания гипнотические мантры, которые не позволили бы ощущению благоговения перед чудом, происходящим вокруг, увлечь его. Ведь эти коварные чувства легко ослабили бы самоконтроль и увели туда, откуда нет возврата.

Теперь Какр четко представлял себе карту маршрута. Взмах крыльев бросил его вниз, прямо в поток. Течение подхватило его. Оно неслось быстрее мысли, мудрее инстинкта. Какр нырнул в пересекающийся поток и вынырнул на еще большей скорости. Здесь потоки пересекались часто-часто, десятки их сменялись так быстро, что казались единым целым. Он мчался, как импульс, сквозь синапсы человеческого мозга, мог разглядеть каждый завиток, каждый поворот течения, с потрясающей грацией лавировал в этом переплетении, все быстрее и быстрее, и...

...мир расцвел, зрение вернулось к Какру, грубые человеческие чувства сменили более тонкие, которые помогали ориентироваться в Узоре. Комната. Неровные стены, словно какой-то кретин дрожащей рукой вымерял расстояния. Насмешка над симметрией. Вырезанные из камня иглы, как сталагмиты, торчали из пола — лес странных обелисков, поэма на бессмысленном языке.

В нишах покоились старые угасшие светильники, новые разливали печальный свет. Темнота и тени здесь словно пропитались древним знанием, которое сочилось со стен. Далеко внизу, в рудниках, ворочались отвратительные твари — Какр почувствовал это. Чувствовал он и бред других ткачей. Здесь, в горном монастыре Аддерах, цитадели ткущих, ощущалось единение всех носителей масок Истины во имя общей Цели. Ощущалось сильнее, чем когда-либо прежде.

Какр в этой комнате был призраком, висящим в воздухе расплывчатым пятном. Только его маска проявилась четко. Капю-

шон и лохмотья виделись рассеянно: мешало расстояние. Еще трое ткущих стояли перед ним. Случайно выбранное трио. Он не встречал прежде ни одного из них. Все трое носили такие же балахоны из хаотически сшитых лоскутков, каждый наряд в своей бессмысленности отличался от другого. Эти трое ответили призывам главного ткача и явились сюда. Они выслушают его и выскажут свои мнения. А потом разнесут дальше по сети то, что передаст им Какр.

Настало время привести мир в движение.

— Главный ткач, — начал первый из ткущих, носивший маску из кожи и кости, — нам необходимо знать, что предпринимает сейчас император.

— Я многое могу рассказать вам, — прохрипел Какр.

— Опять неурожай, — произнес второй, с маской скалящегося демона, выкованной из железа. — Грядет голод. Что нам делать?

— Император Мос теряет терпение, — ответил Какр. — Он сердится из-за того, что мы ничего не предпринимаем, чтобы остановить болезнь растений. Он все еще не подозревает, что это мы распространяем заразу. Я надеялся, что запасов хватит еще на какое-то время... Но земля изменяется даже быстрее, чем мы предполагали.

— Положение серьезное, — сказал первый ткущий.

— Нам не удастся это скрыть. Об ущербе твердят на всех углах. Он очевиден. Кое-кто уже добрался до источника заразы. Мы не сможем заставить замолчать всех. Люди задают вопросы, и многие из них — те, до кого мы не дотянемся... — Какр мерцал в воздухе, то появляясь, то исчезая.

— Если бы узнали, что голод — наших рук дело, то весь Самир только бы и ждал возможности нас уничтожить, — заметил обладатель железной маски.

— А они могут? Могут нас уничтожить? — спросил первый.

— Вряд ли, — прокаркал Какр. — Если пять лет назад это было еще возможно...

— Ты слишком самоуверен, главный ткач, — прошептал третий, носивший деревянную маску с изображением нечеловеческой скорби. — Что известно о наследной императрице? Что с той женщиной, которая, как предупреждал нас Виррч, способна играть с Узором? Пять лет твоих поисков ничего не дали...

— Нет доказательств, что наследная императрица вообще жива, — медленно проговорил Какр. Его слова проходили сквозь Узор и звучали громким эхом. — Остается возможность, что она погибла в императорской крепости и сгорела. Может быть, умерла уже после побега. Я не питаю иллюзий и сознаю, что она опасна, но гораздо менее опасна, чем ее мать, от которой мы избавились. И ей не удастся наследовать трон.

— Она остается камнем преткновения, — возразил первый ткач. Его голос звучал громче других. — И народ скорее предпочтет видеть на троне порченую, чем Моса, когда начнется голод.

— Мы этого не допустим, — спокойно ответил Какр. — Наследная императрица и женщина, поразившая Виррча, опасны, но мы не можем сейчас ничего с ними сделать, даже оценить их силы. Как мы ни старались их разыскать, они все равно скрылись. Но это в данный момент не так важно. Нужно решить, что делать сейчас.

— Что же ты предлагаешь? — пробормотал третий ткущий. Образ Какра обратился к говорившему.

— Мы не можем больше ждать. Мы должны сесть на корабли согласно нашему плану. Политика Моса приведет к развязыванию гражданской войны, и мы не сумеем остаться с ним, не раскрыв наших дел. Этого мы делать не будем. Мос выполнил свою роль, и теперь он для нас абсолютно бесполезен.

Шепот одобрения пробежал между тремя ткущими.

— Время императора Моса подходит к концу. Род Керестин восстанавливает свои силы и заключает тайные союзы с другими могущественными семействами. Народ недоволен, люди ропщут. Кое-кто верит, что нельзя было допускать к власти ткачей, что боги прокляли землю из-за них. Это движение набирает силу в деревнях. — Какр обвел собравшихся взглядом. — Мы должны думать о том, как выжить.

— А у нас есть план?

— Ну, разумеется, — ответил Какр.

Глава 6

Вопль.

Лан не верил, что человеческая глотка способна произвести настолько страшный звук, что разумное существо может издать подобный крик животного ужаса. Он никогда не подумал бы, что такой вопль услышит от своей матери.

День выдался прелестный. При других обстоятельствах можно было бы любоваться крошечными пушистыми облаками, бегущими по чистому голубому небу, у наливавшегося влагой горизонта. «Пеласка» держалась середины Керрина. Течение само несло баржу на запад от Чамильских гор, по направлению к Аксеками. Огромные гребные колеса отдыхали. Судно опережало график. До развилки, где от реки отделится южный рукав, оставалось около половины дня пути. Казалось, что все идет как по маслу.

Рейс выдался нервный. Лан умолял отца не брать ткача и его груз, но только зря сотрясал воздух. Выбора не было.

А теперь мать кричала...

Они взяли груз в маленьком городке Джайли, у подножья гор, загрузили на борт металл и руду, и что еще можно увезти из копей в Аксеками. И им страшно не повезло, что «Пеласка» оказалась единственным судном, способным вместить груз ткача.

Ткущие Узор имели свой баржевый флот на реках западнее Аксеками. Всем это не нравилось. Баржами теми управляли молчаливые и странные люди с холодными глазами. Ходили слухи, что эти проклятые заключили сделку с ткачами в обмен на могущество и богатства. Откуда именно текли богатства, оставалось неясным: баржи едва покрывали торговлей расходы на свое содержание. В остальное время они тихо проплывали мимо портов и редко становились в доки. На них решались какие-то другие дела.

Тот ткач реквизирует судно вместе с командой и потребовал совершить рейс, заявив, что он должен что-то срочно куда-то доставить и в округе нет ни одной баржи, принадлежащей братству.

Отец Лана, Пори, стоически вынес приговор судьбы. Хозяин будет в ярости, что реквизировали одну из его барж... Но перечить никто не осмелился — лучше выдержать гнев хозяина, чем перейти дорогу ткущему.

Лан боялся нового пассажира. Как и многие сарамирцы, в детстве он бегал с другими ребятами смотреть на ткачей, время от времени проповедовавших в городке. Его всегда тянуло туда. Эти странные, страшные, загадочные люди, скрывшие лица под невероятно красивыми масками и завернутые в одежды из лоскутков и меха, были диковинкой. Они рассказывали о порченных: злых, уродливых чудовищах, которые жаждали гибели Сарамира. Порченные являлись в разных обличьях. Некоторые выглядели омерзительно: хромые или лишенные конечностей, перекрученные или согбенные. Другие же подверглись порче изнутри, а потому и представляли гораздо большую опасность: внешне они выглядели, как обычные люди, но обладали странной и пугающей силой. Ткущие учили, как распознавать порченных и что делать, узрев скверну. Казнь считалась самой мягкой мерой из всех.

Порченные — вот корень зла, утверждали ткущие Узор. Да не остановит вас ничто. Порченные — гниль на человечестве. Это внушалось из поколения в поколение. Сия истина, как добродетель, как традиция, укоренилась в сознании, стала одной из тех истин, что не подвергаются сомнению. Лан единственный из всей толпы мог легко покинуть эту проповедь. О ткущих ходили сотни жутких слухов, но никто не знал, где правда, а где — досужие домыслы. Их просто боялись.

А теперь им предстояло прожить бок о бок с ткачом неделю или даже больше, потому что никто не знал, куда направляется пассажир, а он не давал указаний. Им предстояло провести целую неделю в страхе, под угрозой какой-нибудь безумной прихоти, избегая пустого взгляда прикрытых глаз маски из котикового меха с зашитым ртом. Баржа превратилась в ловушку.

А даже если ткач и не такое чудовище, то оставался вопрос о грузе, который он поднимет на борт. Погрузку в Джайли отменили. Вместо этого ткущий сообщил, что по пути они будут делать

остановки. Пори спросил, где именно, и за эту дерзость получил пощечину.

Пришлось отчалить немедленно. К счастью, большую часть своих собственных товаров уже погрузили. В основном груз состоял из бочонков с подрывным порошком, который не понадобился в шахтах. В городах, где неспокойно, поднялся спрос на огнестрельное оружие и подрывной порошок, так что, возможно, рейс и не пройдет впустую. Если позволит ткущий, в Аксеками они остановятся, выгрузят товар и выполнят контракт. Но никто не знал, сколько места потребуется для груза ткущего и не придется ли выбрасывать свои товары, чтобы разместить чужие.

Ткач занял каюту Пори и его жены Фьюры. Этого следовало ожидать: они спали в лучшей каюте. Пори командовал на «Пеласке». Они безропотно перешли в каюту к остальным членам экипажа, где спал и Лан. Лан мог десять раз быть сыном капитана, но на реке он оставался юнгой и драил палубу вместе с остальными.

В первую же ночь ткач потребовал причалить к левому берегу реки. Вокруг стояли леса Юна. Создавалось ощущение, что если бы Керрин не пробила себе здесь дорогу, то зеленая стена стояла бы до конца веков. Ночь выдалась темная, в небе светила лишь одна луна, а течение в этих местах вело себя коварно. В бледно-зеленом свете Нерин барже удалось встать возле берега, но потребовались все якоря и веревки. Спустили трап. Когда швартовка закончилась, люди переглянулись, не понимая, чего ждать впереди.

А ждать долго не пришлось. Ткач согнал всех в каюту команды и запер их там.

Лан слушал ворчание матросов. Его родители тихо сидели рядом с ним на койке. Их проклятия и гнев звучали, как богохульства. Лану не верилось, что кто-то высказывает недовольство делами ткущего, даже если тот не слышит. А они всё мерили шагами тесную каюту и сыпали проклятиями... Как звери, которых посадили в клетку. Закон, долг мог обязать всех выполнять волю ткача, но он не мог принудить их делать это с удовольствием. Лан сжался в комок, ожидая, что вот-вот их постигнет какое-то возмездие. Но ничего не произошло, только отец наклонился к нему

и прошептал тихо: «Запомни этот день, Лан. Пять лет назад люди не отважились бы произносить такие вещи. Смотри, как гнев заставляет угнетенных расправлять плечи».

Лан не понял. Все, что занимало его до начала опасного рейса, — это приближение Эстивальной недели, которая ознаменует его четырнадцатилетие. Мальчик чувствовал, будто отец делится с ним какой-то сокровенной мудростью, инстинкт подсказал ему, что фраза отца значит гораздо больше, чем могло показаться на первый взгляд. Но что мог понимать баржевый юнга четырнадцати лет от роду в таких серьезных вещах?

Ткач освободил их только на рассвете. Большинство к тому времени уже спали. Те, кто все еще бодрствовал, слышали странные крики зверей в лесу и торопливо бормотали молитвы и чертили в воздухе охранительные знаки. Палуба не пропускала звуки из трюма, где размещали груз, но что бы там ни грузили на борт, было ясно: ткач работает не один. Тем не менее, когда щелкнул замок и люди смогли выйти на палубу, он стоял один. Лучи восходящего солнца золотили бесстрастную серую маску. И, несмотря на высказанное возмущение, под холодным взглядом злобешего пассажира работяги вели себя отнюдь не воинственно. Никто не осмелился спросить, что происходило прошлой ночью. Никого будто бы и не интересовало, что сегодня запихнули в темное брюхо баржи.

Ткач отозвал Пори и что-то ему сказал. После этого капитан сообщил команде то, что все и ожидали услышать: никто не должен спускаться в трюм. Он будет закрыт, а ключ заберет себе ткач. Любой, кто осмелится преступить запрет, умрет.

Ткач удалился в свою каюту.

Несколько дней прошли спокойно. Пассажир не выходил на палубу, его видели только тогда, когда приносили еду или выносили ночной горшок. Матросы слышали через дверь, ведущую в трюм, как там кто-то шевелится и скребется, хрюкает, ворчит. Никто, однако, не пытался пробраться внутрь и взглянуть, что происходит. Они открыто выражали недовольство, бросали подозрительные и исполненные страха взгляды на дверь каюты, в которой обосновался ткач. Пори ругался и заставлял работать.

Лана это радовало. Драя палубу, легче не думать о жутком существе, спящем в постели родителей, и о таинственном грузе. Лан притворялся, что их просто нет. Получалось.

Око Нуки благосклонно согревало окрестности Керрин. Позднее лето — это приятно. Воздух казался живым от мошкары. Пори обходил баржу, чтобы удостовериться, что каждый делает свою работу. Фьюра стряпала на камбузе, только изредка перебрасываясь парой слов с мужем или смущенно чмокая сына в щеку. Чайки кружили над рекой, рассекая небо своими изогнутыми крыльями. Они высматривали, не блеснет ли рыбий бок где-нибудь в воде. Время текло медленно, еще немного — и можно будет поверить, что это абсолютно нормальный рейс.

Не удалось.

Когда Фьюра принесла ткачу обед, он сцапал ее. Пори с самого начала не нравилось, что жена общается с пассажиром, но она успокаивала его. Она кормила всех на барже, и ее долгом было приносить обед незваному гостю. Может, он только что закончил ткать, рассылать свои секретные сообщения, делать что-то еще, не менее непонятное. Лан слышал, что некоторые ткачи становились очень странными и жестокими после того, как употребляли свою силу. Женщина позвонила в медный колокольчик, прося разрешения войти... Появилось это злобное, пышущее гневом чудовище и уволокло ее в каюту. Фьюра не осмелилась бороться с тщедушным и сгорбленным, как большинство его собратьев, ткачом. А еще они могли заставить людей делать то, что им нужно.

И крики.

Дверь каюты — захлопнута. Матросы собрались вокруг, боятся, задыхаются от бессильного бешенства. И Лан стоит с ними, дрожит. Его взгляд прикован к упавшему на палубу подносу. Он хотел бы сбежать, нырнуть в Керрин с борта баржи, заглушить вопли матери — под водой в ушах шумит. Он хотел бы ворваться в каюту и спасти ее. Но Лана парализовало. Никто не вмешается. Это стоит жизни.

— Не-ет! — раздался откуда-то сзади голос отца. Матросы бросились, перехватили его. — Фьюра!

Лан обернулся. Четверо мужчин вырывали винтовку из его рук. Он отбивался с силой одержимого. Лицо Пори исказилось от ярости. Винтовка, выбитая из рук, отлетела в сторону. Скрежет стали. Матросы отпрянули от капитана. Один из них чертыхался. На его предплечье кровоточил порез.

— Это моя жена! — вопил Пори. Брызги слюны слетали с губ. В руке — короткое, изогнутое лезвие. Он обвел людей взглядом. Его лицо налилось кровью. Пори бросился сквозь толпу и пинком выбил дверь каюты.

Дверь за ним захлопнулась. То ли он дернул ее рукой, то ли какая-то неведомая сила сделала это за него — Лан не знал. Он услышал яростный крик отца. В следующее мгновение что-то тяжелое со всей силы врезалось в дверь изнутри. Полетели щепки. Все замерли. И снова — вопль матери, долгий, дикий. Сквозь щели в двери стала просачиваться кровь.

Лан стоял неподвижно, а ткач продолжил работать над его матерью. Мальчик смотрел, как медленно, струйками сбегает кровь. Он не верил. Он почти ничего не соображал. В какой-то момент Лан развернулся и пошел прочь. Никто этого не заметил, не заметили и того, как он поднял отцовскую винтовку. Лан не понимал, куда идет, его толкала какая-то непреодолимая и неясная сила. Мысль отказывалась принимать понятную форму. Мальчик вообще осознал, что идет куда-то только тогда, когда оказался перед дверью в грузовой отсек. За его спиной — деревянная лестница. Дальше хода нет.

Лан поднял винтовку и выстрелил. Замок разлетелся на куски.

Здесь есть то, что ему нужно, но как Лан ни старался понять, что это, перед глазами вставало только лицо его матери и кровавое пятно.

Отец убит. Мать насилюют.

Он пришел сюда зачем-то, но зачем? Думать об этом — слишком ужасно, и Лан не думал.

В просторном грузовом отсеке висела темная духота. Лан помнил размеры отсека: на какой высоте находится ребристый деревянный потолок, как далеко до округлых стен. Рядом — мрачные тени: это бочонки и ящики, связанные вместе. С потолка, оттуда, где на палубе стерлась смола, просачивались тонкие струйки све-

та, но его не хватало. Лан подождал, пока глаза привыкнут к полумраку. Он рассеянно передернул затвор отцовской винтовки и вошел в грузовой отсек. Над головой раздался топот бегущих ног.

Что-то зашевелилось.

Глаза Лана искали источник движения. Он, щурясь, вглядывался в полутьму. И нечто снова зашевелилось. Лан смог разглядеть его очертания. Кровь отхлынула от лица мальчика.

Он отшатнулся, прижимая винтовку к груди. Здесь были существа. Он смотрел, и все больше и больше тварей выползали из теней. Они издавали мягкий вибрирующий звук, подобно стае голубей, но... Твари вовсе не выглядели мирными. Они приближались хищными скачками.

Сверху донеслись крики. Привлеченные выстрелами матросы бежали по ступенькам в трюм.

Где-то далеко выла от страха и отчаяния Фьюра, очевидно, уже в агонии. Лан внезапно вспомнил, зачем он здесь.

Подрывной порошок!

У кормовой стены стояли аккуратные ряды бочонков. Другие матросы ворвались в трюм как раз с той стороны. Они сгрудись в нерешительности, то ли помня приказ ткача, то ли думая, что Лан целится в них. В темноте трудно разглядеть. А он целился в бочонки. Взрывного порошка хватало, чтобы разнести «Пеласку» в щепки.

Единственный способ прекратить страдания матери. Единственный!

Перед ним десятки тварей сорвались с места. Их звуки в его ушах превратились в визг.

Лан прошептал короткую молитву Омехе и спустил курок. Мир взорвался пламенем.

Глава 7

К югу от сарамирской столицы Аксеками через широкие равнины и невысокие холмы пролегал Ксаранский Разлом. Хаотическое смешение долин, плато, каньонов, скалистых гряд, похожих на маленькие горы, — вот что такое Разлом. Отвесные стены жи-

мали узкие речки в тиски, за острыми камнями прятались входы в пещеры и небольшие площадки. Земля здесь разламывалась и крошилась вопреки всем известным законам геологии. Разлом напоминал гигантский шрам на теле земли. Он простирался с запада на восток, чуть отклоняясь к югу, на двести пятьдесят миль в длину и достигал сорока миль в ширину.

Легенда гласила, что место это проклято, и основания для такого мнения имелись вполне достаточные. Здесь некогда стоял первый город Сарамира — Гобинда. Но величайшее бедствие постигло его и стерло с лица земли. Говорят, это Оха покарал за гордыню третьего императора крови Бизака ту Чо. Духи, не знающие покоя с тех времен, все еще бродили по Разлому и охотились на неосторожных путников. Доступ в эти места перекрыли: Ксаранский Разлом сразу же стал символом бесчестия Сарамира, а потом — местностью, где закон не имел власти, куда отправлялись только бандиты и смельчаки, которым была нипочем окутывающая Разлом атмосфера ужаса.

Но для кого-то Ксаранский Разлом стал убежищем. Находились те, кто, несмотря на все опасности, желал пройти тайными тропами Разлома и обрести в нем свой дом. Сначала здесь обосновались разбойники, которые промышляли на Великом Пряном пути, а потом сюда стали приходить бегущие от внешнего мира: приговоренные к смерти; изгои, неспособные сосуществовать с нормальными людьми; готовые на любой риск искатели богатств, сокрытых на дне Разлома. И появлялись поселения; сначала небольшие, потом разросшиеся — по мере того как они сливались или покоряли другие. Сюда же потянулись порченные. Они искали убежища от ткачей, которые охотились за ними: в любом законопослушном городе их, едва узнав, казнили бы.

И здесь же свила гнездо Либеры Драмах. Жители называли это поселение Пролом. Поселок построили в месте, где края многочисленных плато словно заходили друг на друга и обрывались вниз. Их соединяли высеченные в камне лестницы, деревянные мосты и подъемники. Провал представлял собой нагромождение домов и вместе с тем смешение архитектурных стилей со всего Сарамира. Кроме того, не все руки, возводившие эти дома, были оди-

наково умелые. Уже двадцать пять лет сюда приходили люди и строили себе жилища — где придется и как придется. Градостроительные нужды и стилевое единство никого не волновали.

Грязные дороги хаотически рассекали неровную местность, и вдоль них теснились лавочки со скудным товаром, который купцам удавалось-таки доставить в такую даль. Трактиры торговали выпивкой из собственных винокурен, а тот, у кого водились денежки, мог позволить себе покурить корень амаксы и попробовать иные зелья в местных притонах. Угрюмые дети Чом Рин в традиционном облачении пустынных соседей соседствовали с выходцами из Новой Земли с далекого северо-востока. Искраженный юноша с пятнистой кожей и желтыми, как у ястреба, глазами пылко целовался с красивой девушкой из богатых Южных Префектур. Жрец Омехи преклонил колени в маленькой укромной молельне, чтобы обратиться с молитвой к своему божеству. Воин неторопливо пересекал улицу, и меч торчал из его ножен — солдат готов был в любую минуту отразить неведомую опасность.

Посреди всей этой архитектурной неразберихи высились укрепления, сторожевые башни. Возведенные прежде стены стесняли разрастающийся городок, и их сменяли новые. Пушки смотрели на восток. Скалистый край обрыва ограждал Провал от любопытных глаз. Между впадинами и выступами скрывались фортификации. В Ксаранском Разломе опасность всегда чувствовалась где-то близко, и люди из Провала научились защищать себя.

В одной из самых высоких точек города, на балконе в доме своего хранителя стояла Люция ту Эринима. Она кормила с руки маленьких певчих птичек. Пара воронов устроилась на водосточном желобе здания напротив и внимательно наблюдала за ней. В доме Заэлис и Кайлин пили горячий горький чай и тоже смотрели на Люцию.

— О боги, она так повзрослела, — вздохнул Заэлис, поворачиваясь к Кайлин.

Кайлин слабо улыбнулась. Узор из красно-черных треугольников на ее губах придал ей сходство с ухмыляющимся хищником.

— Если бы я была циником, я бы решила, что ты устроил всю эту историю с похищением, чтобы только удочерить ее.

— Ха! — закашлялся Заэлис. — А ты думаешь, что я не прокручивал эту идею в мозгу бессчетное число раз?

— И что же решил?

— Что с тех пор, как я стал ее приемным отцом, у меня появилось гораздо больше забот, чем за все годы, что я возглавляю Либера Драмах.

— Ты замечательно заботишься об обоих. — Кайлин отпила из небольшой зеленой чашки, которую держала в руках.

Заэлис удивленно на нее взглянул.

— Не ожидал от тебя такой любезности, Кайлин.

— Ну, иногда я бываю любезна.

Заэлис вновь посмотрел на балкон, где стояла Люция, некогда наследница сарамирского престола, а теперь просто девочка, которой скоро исполнится четырнадцать, девочка, стоящая на солнце в простом белом платье и кормящая птиц. Ее светлые, коротко подстриженные волосы открывали шею. Оттуда по всей спине расползались страшные шрамы от ожогов. Заэлис хотел, чтобы она снова отрастила волосы, это позволило бы легко скрыть шрамы, но когда он попросил ее об этом, то в ответ получил только рассеянный, мечтательный взгляд. Люция была красивым ребенком, а сейчас, когда кости ее лица и тела начали удлиняться, стало ясно, что и как женщина она будет прекрасна. От матери Люция унаследовала утонченные и обманчиво наивные черты, но в ее светло-голубых глазах таилось нечто такое, что делало ее непостижимой для него, да и для кого угодно. Заэлис знал ее дольше, чем кто-либо из ныне живущих, но он все еще ее не знал.

— Я тоже волнуюсь, — сказала вдруг Кайлин.

— О Люции?

— И о других вещах.

— Ты имеешь в виду... ее преследователей? — предположил Заэлис. По лицу его скользнула тень отвращения.

Кайлин мотнула головой, отчего ее черные хвосты мягко качнулись.

— Я знаю, что это наша проблема. Трудно сохранить ее в тайне от тех, кто жаждет причинить ей зло, когда те, кто защища-

ет ее, порождают слухи. Но не только это меня беспокоит. Даже они могут послужить для определенной цели.

Заэлис задумчиво сделал глоток чая и взглянул на Люсию. Несколько птичек уселись на балконные перила и смотрели на нее, как дети, слушающие наставления учителя.

— Так что же тогда тебя беспокоит?

Кайлин не усидела на месте, встала. Она была высокой для женщины и выглядела несколько устрашающе. Заэлис сидел на циновке у низкого столика и следил за ее движениями. Кайлин сделала несколько шагов по комнате и остановилась, не глядя на него.

— У нас мало времени, — сказала она.

— Ты что-то знаешь?

Кайлин поколебалась, потом покачала головой.

— Чувствую.

Заэлис нахмурился. Кайлин не имела привычки выражаться неопределенно. Эта была практичная женщина, не склонная к полетам фантазии. Заэлис ждал, что еще она скажет.

— Знаю, как это звучит, Заэлис, — отрезала она, будто бы он ее в чем-то обвинил. — Я бы и сама хотела каких-то доказательств.

Он поднялся и встал рядом с ней, опираясь на одну ногу. Другую Заэлис сломал много лет назад, и она осталась слабой — вылечить ее не смогли.

— Скажи, в таком случае, что ты чувствуешь.

— Все к чему-то идет. — Кайлин потребовалась короткая пауза, чтобы привести мысли в порядок. — Ткачи в последние годы ведут себя очень тихо. Что они получили от союза с Мосом? Подумай, Заэлис. Все, что нужно, они могли сделать сразу после вступления Моса на трон. Тогда им никто не противостоял. А что вместо этого?

— Они купали землю и речные судоходные компании.

— Законное предпринимательство, — сказала Кайлин и жестом будто бы отбросила эти слова. — Только ничто из того, во что они вкладывали деньги, не принесло прибыли. — В голосе ее звучала растерянность.

Либер Драмах так и не удалось добыть достоверные сведения о загадочных покупках ткающих. Через их защиту не могли пройти обычные шпионы, а привлекать членов Красного ордена Кайлин не осмеливалась: вдруг разоблачат? Стоит поймать только одну сестру — и вся сеть рухнет.

— Кайлин, это не новости. Почему же сейчас ты разволновалась?

— Не знаю. Возможно, потому что я не понимаю их плана. Слишком много вопросов, на которые нет ответа.

— В последние годы ты громче всех твердила о том, что надо соблюдать секретность. Мы согласились укреплять наши силы и скрываться, пока Люция подрастает. Может, мы слишком осторожничали? Может, стоило мешать им на каждом шагу...

— Думаю, ты нас переоцениваешь. Раскрыть свои карты прежде времени равносильно самоубийству. — Она задумалась, потом продолжила: — Ткачи тоже вроде бы укрепляют свои позиции, но посмотри глубже. С самого начала они знали, что их время у власти не безгранично. Они знали, что та же самая чума, которую распространяют их колдовские камни, отравит землю, и должны были догадываться, что в этом обвинят Моса. Мос их лидер. Без него их не просто лишат власти, но еще и покарают за попытку ее захватить. Знать объединяется, чтобы свергнуть их.

— Но у кого хватит сил на это? Единственные, кто может вступить в борьбу, — это род Керестин и род Колай. Они способны собрать армию, которая сможет соперничать с войском императора. Но даже они не смогут нанести ему поражение в Аксеками, где за императором стоят ткачи. Может, через несколько лет, но не сейчас. Не важно, какие глупости совершает сейчас Мос, они в любом случае не посмеют атаковать. И каков шанс на успех у наемного убийцы, когда жизнь императора охраняет Какр?

— Но народ на грани голода, а урожай ожидается скудный. Люди сами рано или поздно поднимутся против Моса! — Кайлин повернулась к Заэлису, и взгляд ее был холоден. — Разве ты не видишь, Заэлис? Это вызванная ими зараза подрывает позиции их благодетеля. Они и не думали водворить Моса на трон навсегда. Они выигрывали время.

— Ты подозреваешь, что они задумали что-то, а между тем у них на это были сотни лет, — возразил Заэлис бесстрастно, но убедительно и авторитетно, как всегда.

— Но только в последние пять лет ткачи получили достаточную свободу. Благополучие империи их не интересует, и они позволяют ей скользить к краю пропасти. Заэлис, они что-то готовят. И если сейчас ткачи не раскроют карты, может быть, уже слишком поздно.

Заэлис посмотрел на собеседницу. Ее смятение тревожило его. Обычно Кайлин являла собой воплощение холодной красоты и рассудительности.

— Возможно, наш шпион из Охамбы прольет свет на эту ситуацию, — успокаивающе сказал он.

— Возможно, — неуверенно повторила Кайлин и взглянула на Люцию, которая стояла, не шелохнувшись. — Но духи Разлома становятся все более агрессивными. Они чувствуют изменения земли и злятся. Из-за них мы теряем больше людей, чем можем себе сейчас позволить. Мы в ловушке, Заэлис. Скоро враги окружают нас, а мы не сможем ни жить в Разломе, ни покинуть его.

Эти слова причинили Заэлису боль. Двое лучших его людей, разведывая обстановку на западе Разлома, исчезли на прошлой неделе. Он задавал себе вопрос: а не станут ли в скором времени эти места слишком опасными, чтобы селиться в них, и что тогда делать?

— Она может нам помочь. — Заэлис проследил за взглядом Кайлин. — Она может успокоить духов.

— Неужели? — мрачно поинтересовалась Кайлин.

Для Люции мир был полон голосов.

Таким она помнила его всегда. Ветер шептал что-то на тайном языке, и обрывки значений в этом шелесте привлекали ее внимание, как если бы она слышала свое имя в чьем-то разговоре. Дождь бормотал какую-то бессмыслицу и дразнил ее неуловимыми формами, которые всегда размывались прежде, чем она успевала их улавливать. Камни думали каменные думы, даже медленнее, чем разветвленные размышления деревьев, которые не заканчи-

вались порой годами. Между ними носились быстрые, как маленькие молнии, мысли мелких зверушек, которые сбрасывали вечное напряжение только в своих норах и гнездах.

Она — порченная. Искажённая. Ошибка природы. И все же Люция стояла ближе к природе, чем кто-либо из живущих, потому что могла разбирать сотни ее языков.

Она шла по протоптанной тропе, огибавшей нависающий справа утес. А слева падал обрыв, и Люция видела огромный каньон шириной в полмили или больше. На другой его стороне возвышались каменные шипы-колонны, которые в лучах заходящего солнца отбрасывали тени, похожие на вытянутые пальцы. Сухой и горячий воздух пах растрескавшейся от жары землей.

Впереди Люции шагали Джугай и еще один страж Либеры Драмах, позади — Кайлин, Заэлис и еще двое вооруженных мужчин. Выбираться из долины, где лежал Провал, стало теперь очень небезопасно.

Процессия следовала по тропе, отходящей от края пропасти в длинную расселину. По дну ее стелилась узкая лента ручейка. Над головой сплетались деревья. В теплой тени жужжали пчелы, собиравшие нектар с редких цветов, которые здесь пышно росли. Люция прислушивалась к их тихой, уютной деятельности и завидовала единству их целей и безоговорочной верности улью, простому удовольствию от служения матке.

Довольно скоро они подошли к прогалине, где расселина врезалась в крошащуюся каменную стену. Деревья не росли на каменистой почве, и на камнях лежали отблески глаза Нуки. Вода просачивалась через узкую трещину в оранжевом камне, собираясь в озерцо, из которого вытекал грязный ручей.

— Ты, — Джугай указал на своего товарища, — останешься здесь со мной. Вы двое станете ниже по течению ручья. Позовете, если заметите кого-то крупнее кошки.

Мужчины промывчали что-то и подчинились. Послышались их удаляющиеся шаги. Джугай почесал лоб под пропитанной потом повязкой, которую носил, чтобы светло-русые волосы не падали на глаза. Улыбнулся озорно.

— А вот и мы.

Люция улыбнулась. Джугай ей нравился. Либер Драмах накладывала на него обязательства, которые не позволяли Люции видеть его так же часто, как Мисани или Кайку, но он всегда являлся в образе веселого плутишки. Люция догадывалась, что он на самом деле не был настолько счастлив, как показывал. Она знала, что ее любопытство только досадит ему. Раньше она обязательно спросила бы его о причине беспокойства — теперь промолчала. С тех пор, как они впервые повстречались, Люция стала гораздо мудрее.

Заэлис опустил перед ней на колени и крепко сжал ее руки морщинистыми ладонями.

— Ты готова?

Люция посмотрела ему в глаза, а потом перевела взгляд на озеро. Она аккуратно отвела его пальцы в сторону и подошла к воде. Склонившись у края маленького бассейна, девочка всмотрелась в воду. Глубина здесь едва достигала нескольких дюймов, и вода была достаточно чистой, чтобы видеть растрескавшееся дно водоема. В это время крохотная рыбецка выскользнула из щели в скале и плюхнулась в бассейн. Не успела рыбка сориентироваться, как ее уже смыло за край, и она оказалась в ручье. Вряд ли она сознавала, что ее путь закончится прыжком в пропасть через несколько кратких минут.

Люция проследила за мелюзгой. Она бы не предупредила ее, даже если бы могла что-то сказать и если бы рыбецка могла ее услышать. Путь ее предопределен. Как и судьба Люции.

Когда-то она жила в императорской крепости — пленницей в золоченой клетке. Пять лет назад ее освободили из заключения и привезли в Провал. В другую тюрьму, по-своему тоже стеснявшую ее свободу. Теперь вместо каменных стен на нее давили чужие ожидания.

Одиннадцать лет назад Либер Драмах превратила это поселение в укрепленный город. Среди неуклонно растущего населения организация набирала людей для тайных поручений. Операция готовилась долго и тщательно.

— Я знал, что ждет нас в будущем, — однажды сказал ей Заэлис. — Я приехал, чтобы стать твоим наставником, когда ты была еще младенцем. Уже тогда мы знали о твоих особенностях. Твоя мать надеялась, что сможет тебя прятать, но я понимал, что это невозможно. Что было делать? Я вращался в кругах ученых и выискивал тех, кто сочувствует искаженным. Надежным рассказывал правду. И они, познакомившись с тобой, понимали, чем ты являешься для империи. Если бы ты взошла на трон, если бы искаженная встала во главе империи, это подорвало бы все устои, поддерживаемые ткачами. Как бы они согласились служить такой императрице? Но все благородные семейства предложили бы тебе свою верность, и отказаться от нашего плана значило пойти против них.

И теперь она в Провале. Хотя ей позволялось гулять и играть в долине, за ней всегда кто-то присматривал. Все свои надежды, все свои честолюбивые планы эти люди возложили на нее. Без нее они превратились бы в ведущую подрывную деятельность группу мятежников. Она оправдывала их существование. Они защищали ее, прятали ее, ревниво оберегали свою наследную императрицу от всего на свете — до тех пор, пока она не обретет достаточно влияния и силы, чтобы вернуться и потребовать себе трон.

И никто не поинтересовался, *хочет ли она* получить трон. Ни разу за прошедшие годы.

— Люция, все в порядке? — спросила Кайлин. Люция скользнула по ней взглядом и вернулась к созерцанию воды.

— Может, ей хотелось бы, чтобы мы построили Провал у реки, с которой она могла бы разговаривать. Сам слышал: ручьи в нашей долине сквернословят, как солдаты, — встрял Джугай.

Люция слабо улыбнулась и подарила ему благодарный взгляд. Он ошибся только наполовину. Вне долины их подстерегала куча опасностей, но поблизости не было воды, текущей прямо из Рана. Ее язык почти не засоряли древние слова подземных пещер и доисторических скал. Люция сложила ладони лодочкой и зачерпнула воды. Стараясь не пролить ни капли, она поднесла ее к лицу.

Слушай.

Она склонилась над пригоршней воды с закрытыми глазами, и материальный мир накрыла тишина. Шелест листьев на

слабом ветру, птичий гомон превратились для нее в отдаленный, едва слышный гул. Сердце билось медленнее, тело расслабилось. Каждый вдох погружал ее глубже и глубже в нереальность. Она сосредоточилась на ощущении воды в ладони: на том, как дрожит жидкость от мельчайших движений рук, как заполняет все бороздки на ее коже, ласкает завитки на кончиках пальцев. Она позволяла воде тоже почувствовать себя, тепло своего тела и биение сердца.

Все в природе имеет свою душу: реки, деревья, холмы, долины, море и каждый из четырех ветров. Большинство этих духов примитивные, простые формы жизни. Они, как эмбрионы, неспособны к пониманию чего-то — и столь же драгоценны. Но некоторые живут очень-очень давно, и они обладают знанием. Однако мысли их тяжеловесны и неразборчивы. Эта вода вышла из чрева Чамильских гор, долго-долго бежала с другими водами Керрина, пока она не разделилась на два рукава, и Ран не направился к Разлому. То, что знали крупные древние реки, непостижимо для человеческого разума, но в них обитало множество мелких и простых духов. Люция пока не осмелилась бы разговаривать с Раном, для нее это оставалось за гранью возможного. Но здесь она могла уловить в шепоте ручья нечто понятное. И подобные упражнения давали ей возможность развивать в себе такие силы, которые однажды помогут прикоснуться к истинному духу реки.

Люция позволила воде просочиться сквозь пальцы, унося ощущение ее тепла в бассейн. Опустила ладони на поверхность, и от этого прикосновения дрожь прошла по воде.

Что-то приближается...

Что-то...

Вопль заполнил сознание Люции, черная волна ужаса прошла по горлу, прямо в легкие, перекрывая дыхание. Смерть, боль и зверства принесла с собой вода. Нечто холодное и *неправильное*, преступление против природы, жуткая когтистая тварь... Река в ужасе, река *в ужасе!* Духи кричали страшно.

Разум Люции помутился, и она, не издав ни звука, упала на камни.

Глава 8

«Служитель моря» скользил в бескрайней темноте; фонари на планшире и мачте казались одинокими сгустками света в черной пропасти. В небесах на страже стояла единственная пузатая луна. Голубые пятна, испещрившие ярко-белую поверхность Иридимы, придавали ей сходство с крошащимся мрамором. Плотные облака бежали по небу стаями, время от времени скрывая лик луны и звезды.

Дул слишком холодный для этого времени года ветер. Качались фонари. Кайку плотнее запахла полы куртки. Она стояла на передней палубе и смотрела на звездное небо. Клык низко висел на востоке — верный знак, что осень уже близка. Прямо над ней виднелся Косарь — другое знамение приближающейся осени. Его очертания казались размытыми в дымке лунного света. А с севера смотрели на мир две красные точки — пара голодных глаз Того-Кто-Ждет.

Было уже поздно, и пассажиры спали. Присутствие моряков, веющих судно сквозь ночь, едва ощущалось. В отдалении Кайку слышала их приглушенные, низкие голоса. Ей не спалось сегодня — мешало волнение. Завтра они прибывают в Ханзин. Снова ступить на сарамирскую землю...

Кайку чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. О боги, она никогда не думала, что будет так сильно скучать по родине. Сарамир так страшно предал ее. Ее семью убили, сама Кайку стала изгоем из-за своей порченной крови. Но она любила совершенную красоту холмов и равнин, лесов, рек, гор. Мысль о возвращении домой после двухмесячного отсутствия наполняла сердце неожиданной радостью.

Кайку неотрывно смотрела на Иридиму, красивейшую и ярчайшую из лунных сестер. Ее знобило — одновременно от страха и благоговения. Она произнесла тихую молитву богине, как делала всегда в подобные моменты. Кайку вспомнила день, когда столкнулась с Детями Лун.

— Я так и думал, что это ты. — Голос раздался рядом с ней, и Кайку почувствовала, как озноб сменяется совсем другим ощу-

щением — приятного, растекающегося по телу тепла. Слегка повернув голову, она одарила своего недавнего знакомого оценивающим взглядом.

— Неужели? — бросила Кайку с нарочитой небрежностью.

— Больше никто не бродит по палубе ночами, разве что моряки, но их шаги гораздо тяжелее твоих.

Он стоял близко, возможно, ближе, чем того требовали приличия, но она не отстранилась. Спустя месяц, проведенный рядом, Кайку прекратила сопротивляться очарованию Сарана. И, похоже, он сделал то же самое. Это превратилось в восхитительную игру: оба знали о чувствах друг друга, но никто не спешил сдаваться и делать первый шаг. Каждый ждал этого от другого. Кайку подозревала, что некоторую роль сыграло знание, которое нес Саран. Именно оно окутывало его ореолом тайны. Кайку измучилась от любопытства, но он уклонялся от вопросов, и это разочарование только подстегивало ее мысли о нем.

— Думаешь о доме? — предположил Саран.

— Ага.

— Что он для тебя?

— Просто дом. Этого сейчас достаточно.

Он помолчал. Кайку вдруг поняла, что сказала резкость, и поспешила заполнить паузу. Она положила ладонь на его руку.

— Прости. Я забыла. Твоя речь безупречна, и иногда мне кажется, что ты сарамирец.

Саран обворожительно улыбнулся. Он, как обычно, был безукоризненно одет и причесан. За последние недели Кайку выяснила, что он крайне самолюбив, но этот недостаток она ему прощала.

— Не стоит извиняться. Кураал не мой дом. Больше не мой дом. Я давно покинул его и не жалею об этом. Мой народ боится оставлять родные берега, боится, что соприкосновение с другими культурами оскорбит наших богов, что теократы обвинят их в ереси. Я не согласен с ними. Те мои соотечественники, что имеют дело с чужестранцами, предпочитают оставаться слепыми и глухими. Я нахожу красоту во всех людях. Некоторые — красивее, чем остальные...

Он не взглянул на нее и не сделал ударения на последней фразе, но на щеках Кайку вспыхнул румянец.

— И я когда-то думала так же, — тихо проговорила она. — Наверное, думаю и до сих пор, но теперь мне труднее. Мисани говорит, что нужно ожесточить сердце, и она права. Тот, кто слишком много думает о другом, становится уязвимым. Рано или поздно все друг друга предают и друг в друге разочаровываются.

— Это мысли Мисани, а не твои. И как насчет самой Мисани? Вы двое, похоже, близки, как сестры.

— Но даже она когда-то причинила мне боль, и эта рана оказалась глубже, чем все прежние, — пробормотала Кайку.

Саран ничего не сказал. Они стояли рядом, прислушиваясь к мерному дыханию моря и вглядываясь в темноту. Кайку хотела бы сказать кое-что еще, но чувствовала, что и без того сказала слишком много. Она тщательно оберегала свой внутренний мир, и опыт подсказывал, что не стоило менять эту тактику. Почему-то когда она ослабляла эту защиту, то выбирала для откровенности неподходящего человека, а когда пыталась придерживаться осторожной тактики, отталкивала людей.

С тех пор, как Кайку поселилась в Провале, у нее было два романа, которым она отдалась целиком и полностью, но из которых так и не вышло ничего путного. Три года она была с одним человеком, пока не поняла, что остается с ним, только чтобы заглушить чувство вины перед Тэйном, который последовал за ней в Императорскую крепость во имя любви и там погиб. Другая связь выдержала полгода. Ее любовник, как выяснилось, обладал ужасным характером, и ситуация для него осложнялась тем, что Кайку, ученица Красного ордена, превосходила его в силе. Она не понимала, что происходит, пока однажды его гнев не выплеснулся наружу. Он ударил ее. Кайку в ответ раздробила ему кости пальцев. К сожалению, при всех своих недостатках, парень был талантливым минером и многое значил для Либеры Драмах. Из-за ее несдержанности он стал ни на что не годен. Она больше сожалела о том, что доставила неприятности Заэлису, чем о том, что покалечила бывшего любовника.

Но был еще кое-кто, кому давно удалось занять место в ее сердце и кто отказывался оттуда уходить. С тем же постоянством Кайку будили по ночам и искушали шепчущие голоса из маски ее отца.

— Я скучаю по Азаре, — рассеянно сказала Кайку.

— Ты имеешь в виду Азару ту Амарекку?

Кайку резко обернулась к Сарану.

— Ты ее знаешь?

— Я встречал ее. Она тогда носила другое имя, но имен у нее, похоже, было немало...

— Где? Где ты видел ее?

Саран поднял красивую, будто вылепленную талантливым скульптором бровь: крайняя взволнованность в голосе Кайку удивила его.

— Да в том самом порту, куда мы прибываем завтра. Прошло уже несколько лет. Она не знала меня, но я ее знал. Она была в другом обличье, но до меня дошли слухи, что ждать следует именно ее. — Он улыбнулся сам себе, польщенный тем вниманием, с которым его слушала Кайку. — Я связался с ней. В любом случае мы оба на одной стороне.

— Азара ни на какой стороне.

— Она выбирает, кому служить, исходя из соображений удобства. — Саран подставил лицо ветру, и тот отбросил его волосы с лица. — Но ты должна бы знать, что она помогает Красному ордену и Либеру Драмах.

— Помогала. Я не виделась с ней с тех пор, как Люции исполнилось... — Кайку осеклась, потом вспомнила, что Саран в курсе. Она откинула челку со лба, бессознательно подражая Сарану. — С тех пор, как Люцию привезли в Провал.

— Она хорошо о тебе отзывалась. — Саран медленно прошелся по палубе. Порой его сдержанность казалась ей театральной, и тогда он ее раздражал. Вот как сейчас: прекрасно же знает, что ей нужно, но держится так, словно ничего не замечает. Демонстрирует свое превосходство. Ей следовало бы обыграть его и ответить тем же, но подходящий момент уже упущен. О высокомерии куралльцев ходили легенды. Саран недалеко ушел от остальных. Как и

многие от природы красивые люди, он не заботился о развитии лучших своих черт, уверенный, что женщины в любом случае будут падать к его ногам. И больше всего Кайку взбесило то, что она все это *знала* — и все же постоянно к нему тянулась.

Саран ждал, что она спросит о том, что говорила о ней Азара, но на этот раз она ему не поддастся. Он облокотился о планшир. Пристально посмотрел на Кайку.

— А кем вы были друг для друга?

Было бы лучше ничего ему не говорить, но сегодня ее тянуло на откровенность.

— Не знаю. Я так и не поняла, кто она и что она. Догадывалась, что она каким-то образом может менять облик. Азара долго наблюдала за мной, ждала, когда проявится моя *кана*. Бывала то доброй, то жестокой. Думаю, она из самых одиноких людей, которых я когда-либо встречала, но настолько одержима своей не-зависимостью, что никогда в этом себе не признается.

— Вы были друзьями?

Кайку нахмурилась.

— Больше, чем друзьями, и меньше, чем друзьями. Не знаю, что она говорила тебе про меня, но во мне до сих пор осталась частица ее. Здесь, — она указала на грудь. — Она забрала чужое дыхание, чтобы отдать его мне, и ее собственное тоже вошло в меня. А мое — в нее. — Заметив, что он не проявляет большого интереса, она фыркнула: — Я и не надеялась, что ты поймешь.

— Думаю, я понял достаточно, — ответил Саран.

— Правда? Что-то я сомневаюсь.

— Ты ее любила?

Кайку вспыхнула от возмущения:

— Да как у тебя хватает дерзости задавать такие вопросы!

Саран пожал плечами.

— Я просто спросил. Ты так о ней говорила, будто...

— Она многому меня научила, — перебила Кайку. — Помогла мне принять себя такой, какая я есть. Я — порченная. Она научила меня не стыдиться себя. Но я не могла ее любить — коварную, бессердечную эгоистку... — Кайку поймала себя на том,

что повысила голос, и покраснела от гнева. — Я ответила на твой вопрос?

— Вполне. — Саран оставался невозмутимым.

Кайку гордо прошла к противоположной стороне палубы и остановилась, скрестив руки на груди и глядя на посеребренные луной волны. Она злилась на себя. На сердце до сих пор не затянулась рана по имени Азара. Она не намеревалась рассказывать Сарану так много. Было бы лучше сейчас развернуться и уйти... Но Кайку не двигалась с места.

Он подошел к ней через несколько мгновений. Положил руки ей на плечи, и Кайку повернулась, не меняя позы. Он снова стоял очень-очень близко, и его тяжелый взгляд буравил ее. Она чувствовала, как колотится сердце, ощущала соленый ветер между ними. Саран наклонился, чтобы поцеловать ее.

Кайку убрала губы, не позволив ему это сделать. Он отстранился, уязвленный. Она выскользнула из его объятий и отвернулась, чувствуя его растерянность и смущение. Вся ее поза, скрещенные на груди руки, напряженные плечи, говорила о неприступности и решительности. Саран постоял еще немного и ушел.

Кайку снова стояла одна и глядела на звезды. Она только что добавила еще один кирпичик в стену, возведенную вокруг сердца.

В Ханзин прибыли ранним утром. Портовый город купался в розовом свечении. Далеко на востоке дул Суранани, и огромные смерчи поднимали в воздух красную пыль пустыни Чом Рин, которая и добавляла свой оттенок к солнечному свету.

Моряки, по обычаю, совершили маленькую церемонию вокруг крохотной святыни, которую вынесли из трюма. Они воскурили фимиама для богини неба и моря Ассантуа в благодарность за благополучное возвращение. Все сарамирцы присутствовали, но Саран и Тсата так и не показались.

Ханзин был не таким оживленным, как Джинка, лежащая к северу. Именно в Джинку приходили суда из Охамбы, но корабли рода Мумака базировались здесь, несмотря на то что тем самым удлиняли себе путь.

Именно в этом, самом живописном на всем западном побережье месте появилось первое сарамирское поселение, из которого впоследствии вырос большой город. В девяноста милях к юго-востоку стоял гигантский обелиск Палексай, отмечавший место первой высадки сарамирцев на этом континенте. И хотя Ханзин так и не превратился в столицу — этот титул достался проклятому городу Гобинде, — он занимал особое положение в истории страны.

Мисани бывала здесь еще в те времена, когда жила со своей семьей. Ей нравились тихие узкие улочки и древние площади, напоминавшие императорский квартал в Аксеками. Но здесь немного меньше заботились о благоустройстве, дома строили немного грубее, и от этого создавалось впечатление чего-то более реального, подлинного. Вот и сейчас вид гладких каменных башен и красного декоративного желоба, кантом проходящего вокруг рыночной площади, рождал в душе Мисани странную смесь облегчения и волнения. Она купила для них это путешествие, но не могла пока никому назвать цену. Деньги не интересовали Чиена. Вместо этого он взял с нее обещание, отказать в котором она в сложившейся ситуации не могла. И не только в уплату долга перед любезным купцом.

— Вы должны побывать в моем доме в Ханзине, — сказал он.

Внешне невинное предложение, как маска, скрывало под собой какую-то правду. И хотя время не уточнили, этикет требовал, чтобы Мисани задержалась по меньшей мере на пять дней. А за пять дней что угодно может случиться... Она не чувствовала себя в безопасности в такой близости от имения Колай в Матаксе.

Мисани взвесила все, в каждой мелочи стараясь разглядеть скрытый смысл. Она привыкла всегда поступать именно так — у нее был к этому особый талант.

Чиен не казался идиотом и мог извлечь из их договоренности огромную выгоду. Мисани знала, что бы она сделала на его месте. Если он и вправду слышал о разладе в ее семье, то знал, что ей нечего ему предложить. И, возможно, знал также, что Бэрak Аван тайне разыскивает дочь. Чиен просто продал бы Мисани ее врагу.

— Так почему же я согласилась? — спрашивала она сама себя, повторяя слова молитвы Ассантуи и лишь отчасти следя за ходом обряда.

Потому что дала обещание. Она отказывалась идти на сделку с совестью и честью, и именно это в первую очередь превратило ее в изгоя. Она не отступит и сейчас. Чиен знал, что она не сможет отказаться от его предложения, не нанеся ему оскорбления. Она показала бы, что подозревает его. Вероятно, ее мотивы были так же непонятны ему, как и его — ей. Что она делала в Охамбе? Почему так рисковала собой?

Хотя они часто беседовали во время путешествия, Мисани ничего не сказала Чиену. Ее преимущество — в его неуверенности, и это нужно сохранить. А вот когда они доберутся до загородного дома, тогда она и посмотрит, что можно предпринять.

Она не делилась своими страхами с подругой. Сначала и Кайку одолевали те же сомнения, что и Мисани. Пришлось успокаивать заверением, что на Чиена можно положиться. Конечно, ложь, но Кайку ничем не могла помочь. Ей нужно доставить Сарана и его спутника в Провал. А ее импульсивные выходки легко сорвали бы все интриги Мисани.

В конце концов Кайку согласилась, чтобы подруга действовала по своему плану. Мисани и раньше намеревалась направиться на юг, когда они вернутся из Охамбы. Кайку знала об этом. В Провале от Мисани почти не было пользы, разве что когда Заэлис или Кайлин нуждались в совете или Люция искала дружеской поддержки. Нет, она займется другими делами. Если, конечно, будет в состоянии после прощания с Чиеном. Мисани планировала посетить Лалиару, чтобы встретиться с Бэраком Заном. Настоящим отцом Люции.

Путешественники высадились на частной пристани Чиена, который настоял, чтобы они перед отъездом отобедали в его загородном доме. Наметанный глаз Мисани без труда определил, что Саран недоволен такой перспективой. Но вслух кураалец ничего не сказал. Кайку с радостью приняла предложение, потому что ей хотелось чуть подольше побыть с подругой. Тсата и Саран перекинулись

парой слов на охамбском — торговец, несомненно, тоже владел им в совершенстве — и Тсата согласился. Кайку боялась, что чужеземец, не обремененный сарамирским воспитанием, скажет какую-нибудь грубость, но Чиен знал, как вести дела с ткиурати.

На пристани их встретили и в карете повезли по тихим улицам Ханзина. С крыш на них смотрели худые кошки. Загорелые женщины отходили в сторону перед проезжающей каретой, а потом вновь принимались мести камышовыми метлами крылечки своих домов. Старики сидели перед открытыми трактирами с кубками вина и кусочками экзотического сыра. Вспугнутые каретой птицы, купающиеся в старых фонтанах, поднимались в воздух. Кайку пребывала в восторге. Она наслаждалась тем, что они снова в Сарамире, что закончилось утомительное путешествие по морю. Мисани ей завидовала. От ее глаз не укрылось, что карета едет по очень странному маршруту, спускается по извилистым улицам и кружит по кварталам. Другие не заметили этого или притворились, что не заметили. Для человека, знавшего Ханзин, все было очевидно.

Дом Чиена не поразил воображение гостей. Он представлял собой приземистое и широкое трехэтажное строение, похожее на пагоду, с изразцовой отделкой по периметру и лепными изображениями духов по углам. Его окружал небольшой сад с живописными тропинками и зарослями, в расположении которых угадывался определенный замысел. На лужайках между ухоженными клумбами и деревьями стояли каменные скамьи и бежал узенький ручей. Дом стоял в богатом районе и почти ничем не отличался от соседских владений.

Внутри — то же самое. Хотя богатство Чиена оставалось вне всякого сомнения, он предпочитал роскоши комфорт и простоту. О его торговых успехах говорили только редчайшие каменные изваяния из Охамбы, покоившиеся на пьедесталах в некоторых комнатах. Кайку вздрогнула, вспомнив ужасающих идолов Айт Птаката.

После консервов, которыми питались на корабле, обед показался в несколько раз вкуснее и изысканнее. Подавали рыбу, приготовленную в горшочке, пряный рис, завернутый в полосы морской капусты,

рагу из тушеных овощей с жареными банати и деликатес — только что поспевшие ягоды юкара, выращивать которые было невероятно трудно. Все ели, разговаривали, вспоминали путешествие и смеялись, опьяненные радостью пребывания на суше. Ели с помощью специальных серебряных вилок, которые надевали на указательный и средний пальцы левой руки, и таких же ножей на правой. Время от времени пользовались крохотными ложечками — их держали большим и указательным пальцами. Саран и Тсата ни разу не нарушили этикета и без проблем справлялись с приборами. Мисани поняла, что молчаливый ткиурати совсем не дикарь, как ей думалось раньше.

После обеда, как и ожидалось, Чиен попросил друзей Мисани остаться. Они отреагировали не менее предсказуемо: с сожалением отказались. Чиен не настаивал, но предложил к их услугам экипаж, чтобы они смогли выбраться из города.

Все вышли на небольшую лужайку. Идти по послепоуденной жаре не хотелось, брели медленно и неохотно. Прохладный предосенний ветер, казалось, не долетал сюда, и недвижный воздух дышал влагой. Мисани, невозмутимая, как всегда, и Кайку, такая же легкомысленная, шагали вперед.

— Я буду по тебе скучать, — сказала Кайку. — Путь в Южные Префектуры долог.

— Но я уезжаю не навсегда. Месяц, два, если все сложится удачно. — Она улыбнулась уголками губ. — Я-то думала, что за время морского путешествия мы намозолили друг дружке глаза.

Кайку вернула ей улыбку.

— Конечно же нет! Кто еще сможет так же выручать меня из всех переделок?

— Кайлин была бы рада, да ты не даешь.

— Кайлин была бы рада, если бы я стала ее домашним любимцем, — саркастически заметила Кайку. — Будь ее воля, я бы каждый день твердила уроки и, пожалуй, сейчас уже щеголяла бы в черном платье и с неповторимым макняжем сестры Красного ордена.

— Она очень в тебя верит. Большинство учителей давно махнули бы рукой на такую беспутную ученицу, как ты.

— Кайлин заботится о своих интересах. — Кайку прикрыла глаза ладонью и, прищурясь, посмотрела на солнце. — Она научила меня обращаться с оружием, которое заключено во мне, и за это я навсегда останусь ей благодарна. Но я ни за что не соглашусь провести остаток жизни одной из ее сестер. Она этого не понимает, наверное. — Кайку опустила глаза. — К тому же я связана обещанием более могущественной силе, чем она.

Мисани положила руку на локоть подруги.

— Кайку, ты много сделала в последние годы для Либеры Драмах. Ты сыграла важную роль в серьезных операциях. Все, что ты для них делаешь, так или иначе ослабляет ткачей. Помни об этом.

— Этого мало. Моя семья до сих пор не отмщена. Я еще не выполнила своего обета Охе. Я все ждала и ждала, но моему терпению приходит конец.

— Ты не можешь победить ткачей в одиночку. И не надейся перечеркнуть два с половиной века за пять лет.

— Знаю, но...

Они попрощались. Саран, Тсата и Кайку сели в экипаж и уехали. Мисани осталась с Чиеном.

— Не пойти ли нам в дом? — предложил Чиен. Мисани вежливо согласилась и проследовала за ним. Она острее, чем когда-либо, ощутила свое одиночество. Похоже, ловушка захлопнулась...

Глава 9

Мос сидел в Покое Слез и слушал дождь.

В этой комнате он никогда прежде не бывал. И неудивительно — почти все верхние этажи Императорской крепости пустовали. Ее построил четвертый император Сарамира Хьюта ту Лилира, желая загладить перед Охой вину за предшественника. Сама императорская семья не нуждалась в доме таких размеров и архитектуры, как крепость. Даже если бы Мос собрал всю свою родню и поселил ее в крепости — а это было бы невозможно, потому что носителей императорской крови должно расселять по Сарамиру, дабы они следили за событиями в стране, — так вот, даже тогда

они не заняли бы всех комнат. Когда пять лет назад пожар уничтожил большую часть обстановки, люди просто переехали в новые помещения, где и по сей день жили в полном комфорте.

На верхний этаж, где Мос нашел покой Слез, никто не поднимался, и отделанные *лашем* коридоры полнились только глухим эхом. Ларания как-то сказала, что наверху могли бы жить люди, целая община бродяг, которые скрывались бы там веками. Мос тогда посмеялся и назвал ее фантазеркой. Хотя помещения стояли пустыми, они не казались заброшенными — ни единой пылинки. Мос догадывался, что в обязанности одного из советников входит следить за тем, чтобы ни одна часть крепости не превратилась в развалины.

Моса привлёк звук льющейся воды. Император бродил по замку с третьей бутылкой вина в поисках уединения. И пришел сюда.

Покой Слез представлял собой просторное круглое помещение со сводчатым потолком. В центре его зияло отверстие, сквозь которое дождь падал на плиточный пол и просачивался через маленькие зарешеченные отверстия. Пол в комнате слегка углублялся к центру, так что можно было сидеть рядом с завесой дождя и оставаться сухим. Замысловатая система водостоков проводила воду по скрытым желобкам в статуи, стоявшие в альковах. Слезы катились из каменных глаз и собирались в небольшие каменные бассейны у подножия скульптур.

Закат. Светильники еще не зажигали. В душной после жаркого дня комнате царил полумрак. В это время года дожди шли редко, но сегодня погода полностью соответствовала настроению Моса. Он сидел на одном из стульев, образывавших круг по периметру комнаты, и созерцал колонну из дождя. Ему нравилось, как с крохотным взрывом падают в мелкий бассейн капли. Сквозь отверстие в куполе проникал скудный, затухающий свет ока Нуки. Луч очерчивал бровь Моса, его бороду и край бутылки, которую император держал в руках. Он снова к ней приложился — без удовольствия. Во рту оставался горький привкус. Мос злился.

— Тебе не следует сидеть здесь в одиночестве, — прокашлял Какр из дверного проема.

Мос громко выругался.

— Боги, да ты последний человек, которого я хочу сейчас видеть. Убирайся.

— Надо поговорить, — возразил главный ткач.

Мос зло уставился на него.

— Тогда иди сюда. Я не собираюсь с тобой разговаривать, пока ты там прячешься.

Какр прошаркал на свет. Мос не взглянул на него. Он смотрел на дождь. Даже сквозь винный дурман проникал запах разложения и звериной шерсти. Так пахнет от больной собаки.

— И о чем же ты хотел поговорить? — оскалился Мос.

— Ты пьян.

— Я никогда не бываю пьян! Это все, что ты желал мне сообщить? Так на это у меня есть жена! Мне не нужны твои отповеди.

Какр остановился. От него повеяло такой злобой, что у Моса волосы зашевелились на затылке.

— Ты иногда ведешь себя слишком надменно, мой император, — усмехнулся ткач. — Я не твой паж, чтобы ты мог выгонять меня или насмехаться надо мной, когда тебе вздумается.

— Это верно, — согласился Мос и сделал еще глоток. — Мои слуги верны мне, и они делают то, чего я от них жду. А ты нет. Потому-то я и удивляюсь, что до сих пор не изгнал тебя.

Какр не ответил. Повисла напряженная тишина.

— Так что ты хотел мне сказать? — не выдержал Мос, бросив на ткача раздраженный взгляд.

— Есть новости с юга. В Зиле бунт.

Мос ничего не ответил, но нахмурился еще больше.

— Бунт, — медленно повторил он.

— Наместника убили. Толпа разбушевалась, в основном — крестьяне и городской люд. Атаковали дворец правления. Один из ткущих отправил мне послание, прежде чем его тоже убили.

— Они убили ткача?! — воскликнул Мос в искреннем изумлении.

Какр молчал. Шум дождя заполнил паузу в разговоре.

— Кто зачинщик? — спросил император.

— Слишком рано об этом говорить, — проскрипел главный ткач. — Но мятежниками кто-то руководил. А мои агенты сообщали, что в Зиле распространился этот проклятый культ, который отнял столько наших сил в последние годы.

— Айс Маракса? Так это они? — Мос внезапно пришел в ярость и отшвырнул от себя бутылку. Она пролетела через зал и разбилась об одну из плачущих статуй. Красное вино смешалось с дождевой водой, которая собиралась в бассейне у ее ног.

— Возможно. Я предупреждал, что они могут в любой момент выкинуть что-нибудь подобное.

— Ты должен был исключить такой вариант развития событий! — Император вскочил, со стуком опрокинув стул.

— Они знают, что урожая не будет. — Какр не выглядел испуганным, хотя перед лицом императора казался жалким карликом. — Здесь, на северо-западе, мы можем скрыть размеры ущерба, но Зила стоит на границе Южных Префектур. А там люди видят, как странная болезнь уничтожает урожай у них под носом. Ткущие Узор могущественны, мой император, и нам доступны многие обходные пути, но мы не в состоянии знать обо всех планах, по крайней мере, не тогда, когда вся страна ополчилась на нас. Зря ты не позволил мне раздавить Айс Маракса, как только они появились.

— Не отрицай свою ошибку! — взвился Мос. — Во всем виноваты вы! Вы! — Он грубо схватил Какра за плечо.

— *Не трогай меня!* — прошипел ткач, и Мос ощутил, что неведомая сила сжала его, стиснула грудь железной рукой. Силы покинули его. Сердце наполнил панический страх. Пальцы разжались. Мос отступил. Он задыхался, в горле клокотала мокрота. Какр будто бы разросся, представ в сознании императора огромным и ужасным. Гигантская сторбленная фигура с бледными когтистыми пальцами и мертвенно-бледной маской нависла над Мосом, как кукловод над марионеткой. Он попятился, отступился и упал в дождевой столп, плюхнулся прямо в мелкий бассейн. Император сжался в комок и всхлипнул. Какр заполнил собой всю комнату. Самый воздух будто бы придавливал Моса к полу.

— Ты преступаешь границы... — Голос главного ткача был темен и холоден, как могила. — Я покажу тебе твое место!

Мос закричал от страха, раздавленный мощью Какра. От его мужества ничего не осталось после того, что случилось с его телом и разумом. Дождь шел. Император вымок до нитки. Струйки воды стекали с волос и бороды.

— Я нужен тебе, Мос. А ты, к несчастью, нужен мне. Но помни, что я могу с тобой сделать. Твоя жизнь и смерть — в моих руках. Я могу одной лишь мыслью остановить твое сердце. Могу взорвать его в твоей груди. Я могу открыть в тебе внутреннее кровотечение, и ни один, даже самый лучший врач не скажет, что смерть не была естественной. Чтобы свести тебя с ума, мне нужно не больше времени, чем тебе — чтобы вытащить меч из ножен. Никогда больше не прикасайся ко мне. Или мне придется наказать тебя сильнее.

Какр медленно принял свои нормальные размеры, и напряжение в воздухе ослабло. Мос задышался. Палата снова стала такой, как прежде: просторной, мрачноватой, наполненной отраженными звуками. Мос увидел ткача — тщедушное тело, согбенная спина, плохо сшитые лохмотья.

— Ты займешься восстанием в Зиле. А я — его причинами, — проскрежетал главный ткач и ушел. Мос, злой, напуганный, поверженный, остался лежать на боку под проливным дождем.

Вымокшие до нитки и задыхающиеся от смеха императрица Ларания и ее младший брат Рекай ввалились в раскрытую овальную дверь. Эзель театрально выгнул бровь, когда они ворвались в павильон, и искоса взглянул на Рекай.

— Все подумают, что ты никогда не видел дождя.

Рекай снова счастливо засмеялся. Эзель почти не ошибся.

Павильон стоял на крыше Императорской крепости посреди искусственного озера. С садом его соединял узкий мост. Искусная резьба украшала стены. Через узор из листьев и пиктограмм сидящие внутри могли смотреть на воду. С крыши свисали корзины с цветами, а по углам стояли приземистые каменные колонны, выкрашенные в ко-

раллово-красный цвет. Ночь совсем недавно опустилась на землю, и Эзель сам зажег светильники на колоннах. В помещении могли бы с удобством разместиться восемь человек. А сейчас их всего трое...

Рекай шлепнулся на скамью и посмотрел сквозь резьбу на дождь. Ларания снисходительно чмокнула его в щеку и уселась рядом.

— Дождь в наших краях — большая редкость, — пояснила она Эзелю.

— Да я уже понял, — усмехнулся тот.

— О духи! — воскликнул Рекай. Его взгляд все скользил по поверхности воды. Дождь хлестал по ней с немыслимой силой. — Теперь я понимаю, что испытывал Зиазтан Ри, когда писал «Жемчужину бога вод».

В глазах Эзеля вспыхнул интерес.

— Ты читал ее?

Рекай мгновенно смутился: ему не хотелось хвастаться. Древняя поэма Зиазтана Ри, шедевр натуралистического стиля империи, была невероятно редкой и ценной.

— Ну... я... — промямлил он.

— Ты чудо! Непременно расскажи мне об этом! — Эзель пришел в такой восторг, что Рекай почувствовал облегчение. — Мне попадались копии отдельных фрагментов, но поэму целиком я не никогда читал!

— Я учил ее наизусть, — скромно пояснил Рекай. — Одна из моих любимых вещей...

— Учил *наизусть*? — завопил Эзель. — Да я готов умереть, лишь бы услышать ее от начала до конца!

Улыбка осветила худое лицо Рекай.

— Сочту за честь. Никогда не встречал человека, который хотя бы слышал о Зиазтане Ри.

— Ну, тебе попадались не те люди. — Эзель подмигнул ему. — Я представляю тебя, кому надо.

— Жди здесь. — Ларания вскочила и пересела к Эзелю. — Эзель мой! Не позволю тебе забрать его, чтобы болтать о книгах и давно умерших стариках! — Она схватила Эзеля за руку с видом собственности. Вода капала с ее одежды на его.

— Императрица ревнует, — поддразнил ее смеющийся Эзель.

Ларания перевела взгляд с брата на Эзеля и обратно. Они оба ей безумно нравились. Эти двое были совсем разными, и даже Ларания не надеялась, что они так замечательно поладят. Тонкую красоту сероглазого Рекай портил глубокий шрам, идущий от левого глаза к скуле. Он носил иссиня-черные волосы длиной до подбородка, с левой стороны в них прятались белые прядки — последствия того же падения, что в детстве изуродовало его лицо. Тихий, умный, но неуклюжий юноша, казалось, никогда не чувствовал себя комфортно не то что в своей одежде, а в своем теле.

Эзель, напротив, был энергичным и лощеным, очень красивым, но чересчур жеманным. По внешнему виду он напоминал скорее выходца из Речного Края. Эзель ярко подводил глаза и красил волосы в фиолетовый, красный и зеленый цвет, вплетая в них украшения и бусины.

— Может, немного и ревную, — зло ответила императрица. — Хочу, чтобы вы оба принадлежали мне!

— Титул многое позволяет. — Эзель встал и изобразил преувеличенно низкий поклон. — Повелевайте, императрица!

— Приказываю тебе прочесть нам стихотворение о дожде!

Глаза поэта загорелись.

— О, к счастью, у меня есть одно, где дождь в некотором смысле играет ключевую роль. Желаете услышать его?

— Ах да! — не выдержал Рекай. Он немного робел перед Эзелем. Ларания представила его как блестящего стихотворца. Он состоял при дворе в должности советника по культуре. Мос полагал, что Эзель будет писать достаточно хорошие поэмы. И если его имя будут упоминать вместе с именем императора, это обоим пойдет на пользу.

Эзель встал в середине павильона и прочистил горло. Он самозабвенно красовался перед публикой, нежась в лучах ее восторженного внимания. Слышался шелестящий звук падающих капель. А потом Эзель заговорил, и слова лились с его языка, как жидкое серебро. Высокий сарамирский, невероятно сложный язык, как нельзя лучше подходил для поэтических опусов. Он мог звучать

мягко и округло или резко и надрывно. Поэт, способный играть со значениями слов, заставляя их мерцать и переливаться, мог порадовать слушателей хитрой головоломкой смыслов, которую так сладостно разгадывать. А Эзель обладал потрясающим талантом, и сам об этом знал. Чистая красота его речи завораживала.

Стихотворение только косвенно касалось дождя: основную часть произведения занимала история о человеке, жену которого похитил ачикита, демон, который завладел ее телом, пока она спала. Несчастный муж едва не лишился рассудка. В бреду он увидел Шинту, хитроумного бога удачи. Шинту пообещал, что исцелит жену бедняги, если тот на три дня положит ее на дорогу. Чтобы проверить крепость веры человека, Шинту попросил своего двоюродного брата Паназу ниспослать трехдневный дождь. Ведь больная женщина едва ли выжила бы, пролежав так долго под дождем... Но уже через день соседи, решив, что несчастный сошел с ума, заперли его под замок, а больную внесли в дом.

Шинту, сыграв такую шутку, решил, что дело сделано, и забыл о нем, занявшись чем-то другим. Но об этом узнала Нариса, богиня забытых вещей, и подумала, что несправедливо посылать подобное несчастье этим людям. Она обратилась к Паназу, чтобы он восстановил справедливость. Паназу любил Нарису. Когда впоследствии об этом прознал Шинту, то поучаствовал в рождении незаконного ребенка у Аспинис, родной сестры Паназу. Но пока что Паназу не смог отказать Нарисе. Он исцелил женщину, исторг из ее тела ачикиту и метнул молнию, чтобы уничтожить тюремную камеру и освободить мужа. Воссоединившаяся семья стала жить счастливо.

Эзель, польщенный слезами, блестящими в глазах Рекая, как раз собирался заканчивать, когда, глухо топая ногами, из-за дождя появился Мос. Эзель запнулся. Лицом император походил на грозовую тучу. Он остановился у входа в павильон, обозревая открывшуюся картину. Эзель умолк.

— Вы тут, кажется, развлекаетесь, — проговорил Мос. Все, включая Эзеля, поняли, что император готов кого-нибудь избить, а потому благоразумно промолчали. Мос недолюбливал Эзеля и не

скрывал этого. Простоватого императора бесили женоподобная внешность поэта и соответствующие повадки. А кроме того, дружба Ларании с советником по культуре изрядно досаждала ему: ведь именно общества Эзеля искала Ларания, когда Мос был занят.

— Присоединишься к нам? — Ларания встала и протянула к Мосу руки. — Похоже, тебе тоже не помешает развеяться.

Он не обратил внимание на примирительный жест жены и зло уставился на нее.

— А я искал тебя, Ларания. Думал, что хотя бы у супруги найду утешение после тяжелого испытания, выпавшего на мою долю. А вместо этого ты здесь... мокрая насквозь... дурачишься под дождем?!

— Какое испытание? О чем ты? — В обеспокоенном голосе императрицы проскочила искорка гнева, зажженная тоном мужа. Эзель сел вопиюще близко к Рекаю.

— Не бери в голову, — огрызнулся император. — Меня больше заботит, почему я должен гоняться за тобой, а тем более — видеть тебя с этим павлином? — Мос махнул рукой в сторону поэта. Эзель безропотно снес оскорбление. Собственно говоря, ничего другого ему не оставалось. Рекай в ужасе переводил взгляд с Ларании на Моса.

— Нечего срываться на безответных подчиненных! — закричала императрица. Щеки ее вспыхнули. — Если сердишься на меня, так и скажи! А я, между прочим, не девочка на побегушках, чтобы сидеть в твоей спальне и ждать, пока тебе понадобится *утешение*! — Она ввернула это слово, чтобы досадить Мосу, выставить его зависимым и нелепым.

— О боги! — зарычал Мос. — Да неужели со всех сторон меня окружают враги? Кто мне скажет хоть одно доброе слово?

— Ах ты, бедненький! — саркастически ответила Ларания. — Это за добрым словом ты ввалился сюда, как банати? Его ты ждал, оскорбляя моего друга и унижая меня в глазах родного брата?

— Ну, тогда пошли со мной! — Мос схватил ее за запястье. — Поговорим с глазу на глаз!

Ларания отдернула руку.

— Эзель читал стихотворение. — Голос императрицы дрожал от напряжения. — И я его дослушаю.

Мос, трясущийся от гнева, воззрился на злополучного поэта. Рекай почти услышал, как сердце Эзеля провалилось в пятки. Благие намерения его сестры дали прямо противоположный результат. Ларания отказала Мосу, а повинен в этом оказался ее беззащитный друг. Весь гнев императора обратился на него.

— А что ты скажешь, если твой драгоценный поэт внезапно лишится покровителя?

— В таком случае ты внезапно лишишься жены! — выпалила Ларания.

— Ах, он столько для тебя значит? Этот недоделок?!

— Этот недоделок — гораздо больше мужчина, чем ты! Он, в отличие от тебя, умеет держать себя в руках! Императору это тоже не помешало бы!

Это было уже слишком. Мос замахнулся, чтобы ударить Ларанию.

Гнев женщины внезапно обратился ледяным спокойствием.

— Осмелишься? — Голос ее напомнил царапанье ногтей по ржавому металлу.

Перемена, произошедшая в жене, остановила Моса. Он никогда прежде не поднимал на нее руку, никогда настолько не выходил из себя. Трясаясь от ярости, он заглянул ей в глаза и вдруг подумал, какой невозможно красивой она становится в пылу ссоры и как он ее любит и ненавидит одновременно. Император бросил последний злобный взгляд на Эзеля и ринулся вон из павильона.

Рекай выдохнул. Он и не заметил, что перестал дышать от волнения. Эзель выглядел ужасно. Ларания стояла с гордо поднятой головой, грудь ее вздымалась. Она одержала победу над мужем и была этим довольна.

Настроение, однако, уже не позволяло продолжить веселье. По негласному соглашению, все трое разбрелись по палатам. Позже Ларания столкнется с Мосом, они помирятся и пылко предадутся страсти, еще немного горячась от пережитой ссоры. Они не будут знать, равно как и сейчас не знают, что Какр наблюдает за ними через Узор.

Глава 10

Кайку, Саран и Тсата прибыли в Провал ранним утром. Путь из Ханзина дался нелегко. Тайными тропами, под покровом ночи они пробрались в Ксаранский Разлом. Им удалось проскользнуть в самое сердце земной трещины, не встретившись с враждебными духами, обитавшими там. Те, кто знал о миссии Кайку и догадывался, кто приехал вместе с ней, восприняли их возвращение с большим оживлением. К полудню представители высших эшелонов Красного ордена и Либера Драмах собрались, чтобы выслушать то, что скажет им шпион. Кайку тоже пригласили — по настоянию Сарана и Кайлин. Она испытала облегчение: было бы неоправданной жестокостью не пригласить того, кто пожертвовал на операцию два месяца жизни и едва не расстался при этом с той самой жизнью!

Собрание проходило на верхнем этаже полукруглого здания, негласного центра Либера Драмах. Дом стоял на одном из верхних ярусов Провала, его выгнутый фасад смотрел на город и долину внизу. На открытом верхнем этаже, между колоннами, поддерживающими плоскую крышу, тянулось кованое ограждение высотой по грудь. Весь этаж представлял собой одну комнату. Именно здесь проходили все собрания и редкие театральные представления и декламации. Те, кто строил это здание, больше заботились о его функциональности, чем о красоте. На бежевых стенах висели дешевые гобелены, на полу лежали циновки из ивовых прутьев. В одном из углов стояло священное колесо, а кое-где тоненько позванивали музыкальные подвески, призванные отгонять злых духов. Этот предрассудок мог показаться нелепым где угодно, только не в Ксаранском Разломе.

Встреча проходила в неформальной обстановке, но даже элементарные правила вежливости требовали, чтобы подали закуски. На традиционных низких столах стояли маленькие тарелки и металлические чаши с вином и горячими напитками. Кайку сидела рядом с Кайлин и двумя другими сестрами Красного ордена, которых никогда прежде не встречала: состав его постоянно менялся, за исключением Кайлин. У нее была параноя на тему того,

чтобы точное число членов ордена не знал никто и что нужно рас-сеять сестер, дабы одна-единственная катастрофа не повлекла за собой гибель всех. Неподалеку сидели Заэлис и Джугай, его правая рука. Джугай перехватил взгляд Кайку и подбодрил ее улыбкой. Она вздрогнула, но улыбнулась в ответ. Тсата сидел отдельно, не за столом, а в дальнем углу комнаты.

Кайку задержала на нем взгляд. Она не понимала, что вообще здесь делает ткиурати. Почему сопровождает Сарана в такую даль? И что за отношения их связывают? Кайку уже почти перестала сердиться из-за того, что еще месяц назад Тсата бесцеремонно рисковал ее жизнью, используя в качестве приманки, но ей так и не удалось ничего узнать о нем. Саран тоже отказывался о нем говорить, оправдываясь тем, что, если бы ткиурати хотел что-то рассказать ей о себе, он бы непременно это сделал. Кайку не понимала, на самом ли деле Саран уважает мнение и странные обычаи своего друга или же просто хочет ей досадить.

Кайку подумала о Люции. Ей хотелось бы навестить бывшую наследную императрицу перед собранием, но она предположила, что и после него у нее будет время. И все-таки что-то не давало покоя, в душе появилось слабенькое сосущее беспокойство. Когда Кайку осведомилась о здоровье Люции у Заэлиса, тот живо ответил, а потом быстренько сменил тему. Раньше он никогда подобным образом не реагировал. Мисани на ее месте заподозрила бы, что здесь что-то не так. Но на месте Кайку была Кайку, а потому она предположила, что виновата сама и зря не надавила на Заэлиса.

Воцарилось молчание. Саран встал спиной к ограждению. Солнце освещало контур его фигуры. Пришло время узнать, ради чего она рисковала жизнью, и решить, стоило ли оно того.

— Очень немногие из вас знают меня, — начал Саран. Из его четкой речи теперь почти исчезли кураальские окончания. В узком строгом одеянии он походил на генерала, обратившегося к своим войскам. И голос его имел ту же власть. — И потому для начала я представляюсь. Мое имя Саран Иктис Марул. Уже несколько лет я являюсь шпионом Либеры Драмах. И я объехал государства Ближнего Света: Сарамир, Охамбу, Кураал и отдаленный Итттрикс с

одной лишь целью — узнать все возможное о ткущих Узор. И сейчас, с вашего позволения, я расскажу вам о том, что выяснил.

Саран выдержал театральную паузу и обвел взглядом собравшихся. Кайку внутренне дернулась: она вдруг поняла, что, делая заявление перед таким количеством людей, Саран подвергает себя большому риску в будущем. Ведь чем больше человек знает о том, что он шпион, тем больше шансов, что его разоблачат. Кайку еще не догадывалась, с чем связана такая беспечность. Но уж явно Саран не тщеславен настолько, чтобы пойти на огромный риск ради одного мгновения славы!

— Сарамир забыл свою историю. Вы так гордились тем, что заселили этот гигантский континент, что не задумались о том, от чего отказываетесь. Уничтожив угатов, аборигенов, вы очистили доску истории и предали забвению тысячелетнюю память этой земли. Но другие континенты все еще помнят. Племена Охамбы веками жили изолированно, недоступные для цивилизации других народов. В Кураале шло насаждение доктрины, теократы переписывали историю, но недостаточно тщательно, и тот, кто знает, где искать, всегда может раскопать крупницы истины. Внутренние войны разрывали Иттрикс, власть переходила из одних рук в другие, и документы оказались утеряны. Их почти невозможно отыскать, но и уничтожить тоже невозможно. История остается. Даже здесь. И мне кажется, не стоит забывать ее, потому что никому не известно, как события прошлого могут повлиять на наше настоящее.

Кое-кто из собравшихся недовольно заворочался: подумать только, этот кураальский выскочка отчитывает их за их прошлое, между тем как именно кураальцы выгнали их с родного континента! Но на раскрашенных губах Кайлин Кайку заметила легкую улыбку.

— Я буду краток и начну с хороших новостей. — Саран отбросил волосы с лица и свысока посмотрел на Заэлиса. — Позже я смогу представить подробный отчет тем, кто захочет его услышать. — Он широким жестом обвел аудиторию. — Путешествуя по всему Ближнему Света, я искал три вещи: во-первых, следы того разрушения, которому подвергается наша земля и которое мы считаем побочным эффектом колдовских камней ткущих; во-вто-

рых, ткачей или тех, кто походит на них, а в-третьих — сами колдовские камни, которые, как известно, являются источником могущества ткущих.

Саран не стоял на месте, а прохаживался по комнате, и солнечные лучи очерчивали его красивый профиль.

— Рад сообщить, что по двум пунктам мои поиски не дали результата. Нигде я не нашел каких-либо следов заразы, пожирающей наш урожай, которую нельзя списать на насекомых-вредителей или другое природное явление. И нигде я не встретил ни одного ткача, кроме тех, что проживают в отдаленных колониях на других континентах. Разумеется, везде есть люди с необычными способностями. Даже наши жрецы умеют каким-то образом общаться с духами природы. Достопочтенная Кайку ту Макаима, присутствующая здесь, стала свидетельницей могущества охамбских ваятелей плоти, а в глубинах джунглей есть вещи и пострашнее. В Кураале действуют Приносящие Жертвы, в Иттриксе — Муд-Тааль. Но все их способности имеют естественную природу или есть результат духовных практик. Даже искаженные, которых породила зараза ткачей, не распространяют ее. — Саран сделал паузу, провел пальцем по скуле. — Искаженных я нашел только в Сарамире. В других землях живут хромые, убогие, калекки — но там нет искаженных. А здесь людей и искаженных уже едва можно различить, и вы, сидящие в этом зале, скорее исключение из правила. За это я могу вам поаплодировать.

Кайку смотрела на него, и под строгой черной кураальской одеждой ей виделось стройное тело. Почему она отказала ему? Ведь если бы отдалась, ничего бы не изменилось. Не доверяя своим собственным чувствам, можно запретить себе любую радость...

Грезы ее оборвались, и Кайку вновь сосредоточилась на происходящем.

— Из этого мы можем заключить, что искажение — или порча — есть следствие заразы. Мы уже предполагали это, но теперь я получил неоспоримые доказательства. За пределами Сарамира растения не болеют, и поэтому там нет искаженных. Но колдовские камни там есть.

Люди замерли. Кайку молча ела пряный рис.

— Он хорошо играет свою роль, — прошептала Кайлин, наклонившись к Кайку.

— По-моему, истосковался по вниманию аудитории, — пробормотала Кайку. — И оно льстит его самолюбию.

Кайлин удивленно хихикнула и одарила свою ученицу многозначительным взглядом. Кайку не обратила на нее внимания.

— Но если колдовские камни порождают заразу, то как же может быть, что в других землях они есть, а болезни нет? — выкрикнул кто-то.

Саран поднял вверх указательный палец.

— Потому что их еще не нашли.

Аудитория ахнула.

— Они лежат глубоко под землей. Дремят. Ждут. Ждут, пока их разбудят.

— А что же их разбудит? — спросил все тот же голос.

— Кровь, — проговорила Кайку. Она сказала это себе, но вышло громче, чем хотелось, и все услышали.

— Действительно, кровь. — Саран обезоруживающе улыбнулся ей. — Из всех нас только Кайку видела колдовской камень. Видела человеческое жертвоприношение, которое питает его. Видела сердце.

Кайку смутилась. В Либера Драмах скептически относились к истории с ее проникновением в монастырь ткущих Узор в Лакмарских горах на Фо. Многие уверяли, что в зале, где хранился колдовской камень, ее посетили галлюцинации. Она ослабела от голода, а кроме того, в течение нескольких дней носила маску ткущего. Это вообще опасно для рассудка. Но несмотря ни на что, Кайку верила в то, что видела. А видела она ветви, растущие из колдовского камня и упирающиеся в стены пещеры. Она заглянула в камень, когда его кормили. Яркие сосуды пронизывали каменную массу, а в центре билось сердце. Что бы ни представляли собой колдовские камни, они не были кусками мертвого минерала. Они жили, как живут деревья. Они росли.

— Да откуда же ты знаешь, что колдовские камни есть, если их еще не нашли? — спросил Джугай.

— По крайней мере, один точно нашли — в Кураале, около пяти веков назад. Об этом упоминается в свитках, которые я похитил из библиотеки Аквирры и принес сюда с величайшим риском для собственной жизни. Эти свитки рассказывают о случае в глухой горняцкой деревушке. Местные жители внезапно стали вести себя абсолютно неестественно и очень жестоко. Когда правитель послал солдат для их усмирения, их постигла та же самая участь. Выжившие говорили о странных припадках безумия и о том, что жители деревни получили дьявольскую силу: передвигали предметы, не прикасаясь к ним, и убивали людей на расстоянии без всякого оружия. Теократы послали многочисленные отряды, чтобы покарать еретиков, и одержали победу, но понесли огромные потери. В шахте под поселком нашли алтарь, на котором совершали кровавые жертвоприношения. Позднее воины рассказывали, что камень искушал их и давал нечестивые обещания, но, твердые в своей вере, они взорвали алтарь и закрыли шахту. — Саран резко тряхнул головой, отбрасывая назад черные волосы. — Я уверен, что они нашли колдовской камень.

— Так, значит, их можно разрушить? — спросил Заэлис.

— Если верить тому, что здесь написано, — да.

— Вы сказали, что, по крайней мере, один нашли. Полагаете, есть и другие? — поинтересовался кто-то из присутствующих.

— Наверняка, — ответил Саран. — Мы знаем о четырех камнях в Сарамире. Ткачи выстроили свои монастыри вокруг них: два — в Чамильских горах, один под Аддерахом и один под Игараком на границе с пустыней Чом Рин. Еще один — в Лакмарских горах на острове Фо. Последний — в горах рядом с озером Ксемит. Благодаря стараниям Кайку и ее отца Руито, мы знаем о них, потому что оттуда исходит болезнь растений. Четыре — в одном только Сарамире. Неужели наш материк особенный?

— А почему бы и нет? — спросил Джугай. — Мы же не знаем, что они такое и как туда попали. Кто может сказать, есть ли они в других местах?

— Я могу. — Саран подошел к парапету, окинул взглядом крыши Провала, узкие улочки, по которым бегали дети, мосты,

подъемники и ступеньки. — Вам, может быть, тяжело будет это услышать.

Саран обернулся к аудитории, облокотившись на парапет.

— Я нашел свидетельства об огне, падающем с небес, — начал он, и на красивое лицо его легла тень. — Это произошло в Кураале несколько тысяч лет назад, когда наш язык был еще молод. Катастрофа. Огромные камни взрывали целые города, вода в озерах кипела, земля стонала, раздавленная. Мы верим, что это боги наказали нас. — Саран слегка откинул голову, и солнечные лучи по-новому обрисовали его скулы. — Следы той же истории я нашел в Охамбе, где нет летописных сводов, только легенды. Рассказы о разрушениях и взрывах. То же — в Иттриксе, более вразумительные документы, написанные их первым алфавитом. Поговаривают даже о том, что угаты сделали свои «записи» о случившемся где-то в сарамирских Новых землях — примитивные наскальные рисунки. В любой древней культуре Ближнего Света есть свидетельства об этой катастрофе, свои версии, но все они перекликаются. — Глаза Сарана потемнели. — Потом, по совету одного знакомого, я вернулся в Охамбу, забрался в самое ее сердце и там нашел это.

Он стремительно прошел к столу и взял нечто, напоминающее пергамент. Потом опустился на колени посреди комнаты и бережно развернул свиток. Все собравшиеся вытянули шеи, чтобы рассмотреть таинственный предмет.

— Осторожнее. Ему больше двух тысяч лет. И это копия еще более древнего документа.

Вздых изумления пробежал по залу. То, что сначала показалось пергаментом, оказалось странным образом выделанной кожей неизвестного животного. Свиток сохранился на удивление хорошо, если учесть его непостижимый возраст.

— Безусловно, я передам эту вещь нашим соратникам из Красного ордена, чтобы они проверили подлинность документа, — продолжил Саран. — Но сам я в ней уверен. И ваятели плоти того племени, откуда я украл его, тоже наверняка в эту подлинность верили. Десять человек отдали свою жизнь, чтобы свиток попал

сюда. — Саран обменялся взглядами с Тсатой, который смотрел на него без всякого выражения совершенно пустыми зелеными глазами.

Кайку обошла стол вокруг, чтобы лучше видеть. Рисунок сам по себе смутил ее. Опознать персонажей не представлялось возможным: эти стилизованные изогнутые фигурки могли принадлежать как танцующим людям, так и бегущим животным. Посередине горел костер, время не пощадило языки нарисованного пламени, но они оставались вполне узнаваемыми. Кайку удивилась — как же сумели сохранить такую древность, пронести ее сквозь века? Она бы засомневалась, но Саран пообещал отдать рисунок на экспертизу в Красный орден, где могли не только подтвердить его подлинность, но и назвать возраст...

Девушка осмотрела границы рисунка в поисках разгадки, которую предложил им Саран. Странные руны окаймляли изображение. Сверху, по центру, изображалась нижняя часть солнечного диска, и ниже — ущербные луны.

Луны!

— Да ведь тут четыре луны, — проговорил Джугай прежде, чем кто-то смог вымолвить хоть слово.

Внутри Кайку что-то нехорошо шевельнулось, тошнота подступила к горлу. Он прав. Древний художник изобразил Арию, самую большую из небесных сестер, Иридиму — с ее выщербленным ликом, Нерин, зеленоватую малышку... и еще одну, черную и блестящую, с темно-красными отметинами. По спине Кайку побежали мурашки. Она задрожала и сама не поняла своей реакции. Кайлин посмотрела на нее вопросительно.

Саран сомкнул руки и кивнул.

— Это и есть ответ. Я нашел в Иттриксе несколько ссылок на некую сущность, именуемую Арикарат или Арикураа — в Кураале. Я предположил, что это вариации одного и того же слова, но не догадывался, что оно обозначает. Я не понимал этого, хотя оно всегда упоминается в связи с другими сестрами-лунами. Я знал только, что Арикарат или Арикураа — это существо мужского пола. А потом нашел древний иттриксианский миф о сотворении

мира, где говорилось, что Арикарат создан из той же материи, что и другие луны. И все стало ясно. — Саран опустил голову. — Арикарат — это четвертая луна. Тысячи лет назад он перестал существовать. Похоже, у лунных сестер был брат...

Саран, возможно, и ожидал волны возмущения и отрицания, но ошибся. В сарамирском пантеоне всегда существовало только три луны, и с раннего возраста детям вдалбливали генеалогию богов. Принять сказанное им значило отказаться от более чем тысячелетних верований. Но собравшиеся не выказывали особого изумления. Послышалось только несколько воинственных реплик: мол, все это чушь, но, не найдя поддержки, оппозиция успокоилась. Кайку села на свое место. От внезапно накатившего ужаса, расплзавшегося по всему телу, закружилась голова, и краска отлила от лица.

— Тебе нехорошо? — спросила Кайлин.

— Не знаю... Что-то... Что-то из сказанного Сараном задело меня.

— Думаешь, он ошибается?

— Нет, думаю, он прав. Я в этом уверена. Но не знаю, откуда эта уверенность.

Поднялся Заэлис.

— Думаю, я понял тебя. — Его голос тут же приковал всеобщее внимание. — Ты полагаешь, что четвертая луна — это Арикарат?

Саран кивнул.

— И ты полагаешь также, что Арикарат погиб еще на заре мира, а осколки его упали на землю, и это — колдовские камни?

— Именно.

— Это безумная теория, Саран.

— У меня есть доказательства, — веско сказал кураалец. — Но потребуется много времени и сил, чтобы разгадать их. Я привез свитки и фолианты, которые нужно перевести с мертвых языков.

— Позволишь взглянуть?

— Разумеется. Я убежден в их подлинности. Все желающие смогут ознакомиться с ними.

Хмурый Заэлис, сложив руки за спиной, прихрамывая, медленно обошел Сарана. В тишине мягко звенела музыкальная подвеска.

— В таком случае свое суждение я вынесу позже. И всех присутствующих прошу сделать то же самое. — Заэлис остановился и пригладил согнутым пальцем белую бороду. — Меня все-таки беспокоит одна вещь, — проговорил он.

— Да? — ободрил его Саран.

— Если осколки луны тысячелетия назад падали на землю, то почему их находят только в горах? Почему не в пустынях, не на равнинах?

Саран улыбнулся — он предвидел этот вопрос.

— Они есть и в пустынях, и на равнинах. Измените угол зрения. Вопрос нужно ставить по-другому: откуда мы знаем, где находятся колдовские камни. А знаем мы это от ткающих. А как ткающие отыскивают их? Этого я не знаю. Но прошло всего пять лет с тех пор, как ткающие получили право владеть землями в Сарамире. А до того они могли селиться только в горах, где не работают земельные законы, потому что там нельзя собрать урожай. Им нелегко выкапывать что-то из глубин и сохранять это в тайне, но в горах для этого есть все возможности. Через их защиты не могут проникнуть даже лучшие наши шпионы. И мы знаем о колдовских камнях в горах только потому, что это единственные камни, которые ткачам удалось получить.

— И только, — закончил за него Заэлис.

— Да, — подтвердил Саран. — Но теперь ткачи скупают земли, на которых воздвигают странные постройки, и самые могущественные люди не знают, чем они там занимаются. А я догадываюсь. Они роют шахты в поисках колдовских камней.

На Сарана смотрели сурово и внимательно. Его догадка была не нова для них, но в свете того, что Саран выяснил о происхождении колдовских камней, она очень сильно походила на правду.

— Но зачем им искать новые камни? По-моему, тех, что есть, вполне достаточно для создания масок...

— Не буду утверждать, я знаю. Но я убежден, что они их ищут. И это не самое худшее. — Саран мелодраматично вернулся от Заэлиса и обратился к аудитории: — Посмотрим дальше. Ткачи растворились в обществе, едва появившись, и стали для нас незаменимыми. Вы платите невероятную цену — но не можете избавиться от них. Сейчас они уже — часть самой империи, и их сложнее убрать, чем когда-либо. Каждый знает, что ткущих нужно уничтожить, каждый знает, что они хотят узурпировать власть. А что, если единственная цель их — найти новые камни, спрашиваю я? Что, если они подчинят себе весь Сарамир? Они не остановятся, даже если уничтожат целый континент. Никакая другая страна добровольно не впустит ткущих. Им не доверяют — вполне обоснованно. И что тогда?

— Они начнут захватывать земли, — поднялась Кайлин. Все взгляды устремились на нее. Она прошла на середину зала и стала подле Заэлиса — темные колонны против полуденного солнца. — Возможно, ты заглядываешь слишком далеко, Саран Иктис Марул.

— Возможно, — согласился Саран. — А возможно, и нет. Мы ничего не знаем о ткущих, об их мотивах — только то, чему научила нас история. А история говорит, что они всегда вели себя настолько агрессивно, насколько позволяли им благородные дома. Но что-то подсказывает мне, что скоро это ткущие будут позволять что-то благородным домам, и тогда не останется силы, способной их остановить. И никто не сможет остановить созданную ткачами захватническую армию. Нет страны, которая окажет им сопротивление. — Саран снова взглянул на Тсату. — Это угрожает не только Сарамиру. Тень нависла над всем Ближним Светом. И об этом я хотел вас предупредить.

Закончив, Саран прошел туда, где сидел его татуированный друг, и занял место рядом с ним. Людям многое нужно было переварить. Кое-кто уже обесценивал находки, называл их глупой спекуляцией: как мог этот заносчивый человек приписать такое

ткущим, если о ткущих знали так мало? Эти голоса, если бы они звучали в большинстве, привели бы Либера Драмах к краху. Ткачам нельзя доверять ни на йоту, иначе они извлекут и из этого невероятную пользу. Саран знал это наверняка.

— Сказанное Сараном представляет в новом свете новости, которые я получил утром, — проговорил Заэлис. — Номору, пожалуйста, встань.

На его просьбу откликнулась молодая, лет двадцати, женщина, жилистая, не особенно красивая, с угрюмым выражением на лице. Коротко подстриженные, светло-русые волосы торчали во все стороны неопрятными прядями. Она носила простую крестьянскую одежду. Татуировки испещряли ее руки — на манер бродяг и нищих.

— Номору — одна из лучших наших разведчиков, — пояснил Заэлис. — Она только что вернулась из западной части Разлома, оттуда, где протекает Зан. Расскажи, что ты видела.

— Я этого не видела. — Номору говорила, проглатывая окончания, грубые гласные низкого сарамирского проскакивали в ее речи. Все в зале тут же поняли, что она родом из бедного квартала Аксеками. — Те места я знаю. Хорошо знаю. По Разлому трудно передвигаться, все эти штуки... Там я давно не была. Несколько лет. Слишком сложно добираться.

Она явно чувствовала себя неловко перед таким скоплением людей. Номору не смутилась, вместо этого она злилась, но не могла ни на кого выплеснуть раздражение.

— Там хорошее течение. Я переплывала Зан в том месте. Но на этот раз... На этот раз я его не нашла. — Номору оглянулась на Заэлиса. И он жестом велел ей продолжать. — Знала я, что оно там, но добраться не смогла. Все кружила на одном месте.

И Кайку вдруг все поняла. Сердце ее упало.

— А потом вспомнила. Мне про такое говорили. Место есть, а не попасть туда. Как с ней. — Номору ткнула в Кайку пальцем. — Путают. Путают пространство в тех местах, которые охраняют. — Женщина зло посмотрела на собравшихся. — Ткачи в Разломе.

Глава 11

Бэрак Гриджай ту Керестин и Бэрак Аван ту Колай шли рядом по грязной тропе в высоких зарослях тростника камако. Сверху на них дружелюбно смотрел глаз Нуки, вокруг порхали крохотные остроносые птички-камышовки, озабоченные поиском пищи. Ясный, сухой, не слишком жаркий день. Но в голове Гриджая вертелись самые мрачные мысли.

Он наклонился и сломал тростниковый стебель легким движением огромной руки. В месте излома поднялось облачко пыли.

— Смотри, — сказал он и протянул растение Авану. Тот взял тростник и повертел перед глазами. Черные полосы испещряли стебель. Но Аван и без того знал, что растение поражено болезнью. Хороший камако отличался такой прочностью, что из него можно строить жилища. Этот же, хрупкий, ни на что не годился.

— Весь урожай? — уточнил Аван.

— Кое-что еще можно спасти, — задумчиво протянул Гриджай. Он не без труда наклонился и сломал еще один стебель — с другой стороны от тропинки. — Этот еще ничего, прочный, но если хоть кто-то узнает, что остальной урожай погублен... Думаю продать его через посредника, но, наверное, за полцены. Проклятая зараза...

— Не говори, что ты рассчитывал на что-то еще, — миролюбиво заметил Аван.

— Да. Но все же в глубине души надеялся на другое. Если и в этом году нас постигнет неурожай, то кое-кто из наших союзников призадумается: а на той ли они стороне? Политические соглашения, вызванные отчаянием, очень слабы, и их легко нарушают, когда ситуация меняется. — Гриджай с отвращением отбросил тростниковый стебель. — Мне жалко смотреть, как пропадают тысячи ширетов, не важно, из-за чего! Особенно — если это мои деньги!

— Но мы можем и укрепить свои позиции. Мы к этому готовились. Другим повезло меньше. И скоро все увидят, что есть толь-

ко два пути: либо голодать, либо свергнуть Моса и возвести на трон того, кто сможет лучше управлять империей.

Гриджай обменялся с ним понимающим взглядом. Было еще кое-что, о чем они не говорили, о чем вообще не заговаривали без крайней необходимости. Посадить Гриджая на трон — это лишь одна часть плана, вторая — избавиться от ткущих. Ни одному из них ткачи не сделали ничего плохого, и ни Гриджай, ни Аван не испытывали к ним особой неприязни — во всяком случае, не больше, чем другие. Но они чувствовали общее настроение и знали, чего хочет простой народ. Крестьяне считали, что именно ткущие Узор ответственны за все бедствия, свалившиеся на империю, потому что их приближение к могущественным семействам оскорбило богов и традиции. Аван не знал, так это или нет, но это его не особенно волновало. Когда Гриджай станет императором, им придется низвергнуть ткачей — иначе их постигнет та же участь, что и Моса.

Они играли в опасную игру. Заговор против ткущих прямо у тех под носом... Ведь в домах у Авана и Гриджай, как и у других благородных семейств, жили свои ткущие, и кто знает, что в действительности им известно?

Они прошли еще немного, пока тропинка не вывела их из зарослей камако и не повернула влево вокруг невысокого холма. Перед ними расстилались плантации тростника, похожие на лоскутное одеяло из светло-коричневых и зеленых квадратов, где камако еще не срезали. Между полями стояли приземистые амбары. Люди в широкополых шляпах из лозы, которые защищали их от солнца и не позволяли отсюда различать мужчин и женщин, медленно двигались между рядами тростника. Они срезали стебли, обдирали листья или ставили сети для защиты от назойливых камышовок. Все выглядело, как обычно, и даже несколько отдавало идиллией. Тот, кто не знал, что земля отравлена, ни за что бы не заподозрил неладное.

Гриджай печально вздохнул. Он философски относился к своим убыткам, но это вовсе не значило, что сие обстоятельство составляло вельможу равнодушным. Он не одобрял транжирства, о

чем явно свидетельствовала его рыхлая комплекция. В состоятельных семьях Сарамира обычно готовили гораздо больше еды, чем требовалось, чтобы каждый мог выбирать по вкусу. Люди ели столько, сколько хотели. Гриджай же любил поесть и никогда не оставлял ничего на столе. Тучный, неуклюжий, он носил просторную, почти безразмерную одежду и пурпурный берет, из-под которого торчала черная коса. Жидкая бородка обрамляла мясистое лицо.

Взглянув на него, никто никогда бы не догадался, что это тот самый грозный Бэрак, ставший единственным претендентом на престол после разгрома главных сил дома Амаха. Он казался обычным изнеженным аристократом, привычным к роскоши, а по-девичьи высокий голос и любовь к поэзии только поддерживали эту иллюзию. Однако чревоугодие осталось его единственным пороком, он не увлекался зельями, не просаживал деньги в азартных играх и у куртизанок, чего как раз можно было бы ожидать от человека столь высокого положения. Его рост достигал шести футов, а на широком костяке под слоем жира играли крепкие мускулы — не зря Гриджай много времени уделял борьбе и поднятию тяжестей. За апатичной, ленивой внешностью и манерами Авана скрывался ум холодный и безжалостный, как клинок. Так же и Гриджая соперники часто недооценивали, полагая, что обжорство — показатель слабости характера и ума.

Бэрак вместе со всей своей семьей разделял лишь одну вину: более десяти лет назад судьба повернулась так, что его отец остался без трона, и дом Эринима захватил престол. Если бы не это, род Керестин до сих пор бы стоял во главе империи. Именно эта боль заставила Бэрака совершить во время последнего государственного переворота неблагоразумный поход на Аксеками. Неблагоразумным он оказался потому, что, сокрушив силы Амаха, Гриджай не принял во внимание, что горожане могут встать на защиту города от армии захватчиков. Они удерживали оборону достаточно долго, и за это время войско соперника вошло в город через восточные ворота, и Мос занял трон.

Гриджая часто посещала мрачная мысль: вот теперь-то жители Аксеками пожалеют о том, что сделали.

Судьба сбросила Керестин с сарамирского престола, но теперь она же должна снова возвести их на трон. Отец уже в могиле, там же — и его братья, которых скосила воронья оспа. Ее называли так, потому что никто из заболевших не выживал, и вороны собирались к мертвым телам на пир. Титул перешел к Гриджая, и все складывалось как нельзя лучше. Знать со своими армиями стягивалась под его знамена, образуя единственный достойный противовес силам императора Моса. И Гриджай верил, что на этот раз он одержит победу.

Они обошли холм, и тропинка вновь свернула в заросли камако, на этот раз ведя их к одному из родовых поместий Керестин. В этом доме Гриджай и Аван принимали приезжавших с дипломатическими визитами гостей из Южных Префектур. Ткачи объявили, что империя не нуждается в префектах: действительно, зачем назначать независимых властителей в отдаленные земли, если каждый их шаг все равно будет просматриваться из столиц, и вся власть останется в руках императора. Но у префектов остались богатые наследники, и они страшно страдали, глядя, как их обожаемая земля превращается в бесплодную пустыню, пораженная неизвестной заразой. Они соглашались приносить Гриджая любые клятвы, лишь бы он остановил гибель плодородных земель. Разумеется, он не имел ни малейшего представления, как это можно сделать, но к тому времени, как это станет известно, будет слишком поздно.

— А какие новости о твоей дочери, Аван? — неожиданно задал вопрос Бэрак. Он знал, что, если не заговорит первым, до самого дома им придется идти в полном молчании.

— Ее корабль должен был пристать к берегу несколько дней назад, — небрежно бросил Аван. — Жду скорых вестей о ее поимке.

— Думаю, это принесет тебе облегчение, — сказал Гриджай. Он знал всю правду о событиях в семье Колай и участвовал в

распространении слухов об их мнимом благополучии. — Я имею в виду ее *возвращение*.

Аван скривил губы.

— Я хочу удостовериться в том, что она больше не опозорит свою семью. Займись ею, когда вернусь в Матаксу.

— Так ты уверен, что она уже у тебя в руках?

— Мне известен каждый ее шаг с тех пор, как она приплыла в Охамбу. И у меня верный информатор. Не думаю, что возникнут какие-то проблемы. Она в надежных руках.

Придя к Заэлису, Кайку обнаружила, что Кайлин уже там. От остального дома маленькую комнату отделяли толстые деревянные стены. У стены возвышались стеллажи, забитые книгами, на столе в беспорядке валялись какие-то вещи, среди них — недописанное письмо. В открытые окна бил яркий дневной свет, и от этого неподвижный воздух стал жарким. Кайлин и Заэлис стояли у окна, и силуэты их казались темными. Внизу, на фронтонах домов и на крышах чирикали птицы.

— И как я догадалась, кто первый предложит нам свои услуги? — усмехнулась Кайлин.

Кайку не обратила внимания на насмешливый комментарий.

— Заэлис, — начала она, но он оборвал ее, подняв морщинистую ладонь.

— Знаю. Да, тебе можно, — ответил он.

Его реплика сбила Кайку с толку.

— Кажется, в последнее время я стала очень предсказуема?

Заэлис неожиданно рассмеялся.

— Прошу прощения, Кайку. Поверь, я благодарен тебе за все то, что ты для нас сделала в последние годы. Рад, что сохранила энтузиазм.

— А мне бы хотелось, чтобы и к своему обучению она относилась с таким же рвением. — Кайлин выгнула бровь.

— Но это важнее! Я должна идти. Это по силам только мне. Я одна здесь могу носить маску.

Кайлин утвердительно склонила голову.

— Ну, с этим я не спору.

Такого Кайку не ожидала и уже заранее приготовилась к спору. По правде говоря, какая-то часть ее хотела, чтобы они запретили ей ехать. О боги, да одна мысль о предстоящем пути наполняла сердце ужасом! Разлом таит много опасностей: злые духи, жестокие племена, острые скалы и глубокие ущелья. А в конце пути ждут ее самые страшные враги — ткущие Узор. Но перед лицом Охи, которому Кайку поклялась, что отомстит за родных, ей не оставалось другого выбора. Она не хотела подвергать себя такой опасности. Она просто должна была это сделать.

Заэлис отошел от окна.

— Кайку, это может быть важнее, чем ты думаешь, — тихо проговорил он глубоким басом.

Кайку догадалась, что пришла к концу серьезного разговора, но не представляла, что именно пропустила.

— Ксаранский Разлом долго служил нам убежищем. Он защищал нас, здесь много лет мы прятались от ткачей, — продолжал Заэлис. Взгляд его из-под белых бровей потемнел. — Если мы потеряем Провал, все пропало. Нам необходимо знать, что они замышляют, и знать прямо сейчас. Отправляйся с Джугаем и Номору. Вы должны выяснить, что прячут ткачи на другом конце Разлома.

Кайку кивнула и взглянула на Кайлин.

— Я не буду пытаться отговорить тебя, — сказала сестра Красного ордена. — Ты слишком упряма. Однажды ты поймешь, какие силы в тебе сокрыты и как бездумно ты тратишь их. И тогда ты придешь ко мне, и я научу тебя, как обуздать то, что в тебе есть. Но до тех пор, Кайку, ты пойдешь своим путем.

Кайку нахмурилась. Такая скорая капитуляция показалась ей подозрительной. Но она не успела ничего сказать, потому что снова заговорил Заэлис:

— Все это как-то взаимосвязано, Кайку. То, что ткачи добрались до Разлома, их загадочные постройки по всему Сарамиру, новости, которые принес Саран, то, что случилось с Люцией... Нужно действовать, но я не знаю, куда наносить удар. — Он

посмотрел на Кайлин. — Иногда мне кажется, что мы слишком долго прятались, в то время как наши враги наращивали силу.

От слов Заэлиса по коже Кайку пробежал холодок. Что-то напугало ее...

— А что... случилось с Люцией?

— Ах... Я думаю, тебе лучше сесть, — ответил Заэлис.

В доме Чиена ос Мумака, в комнате для гостей, Мисани лежала без сна и вслушивалась в ночь.

Мисани нравилась непритязательная и просторная спальня. На высоких узких столах стояли горшки с маленькими деревьями и цветами. С потолка свисали четки, которые от движения теплого воздуха покачивались и тихонько побрякивали. Мисани пренебрегла видом примыкавшего к дому сада и раздвинула бумажные ширмы на окнах. Не звуки ночного Ханзина беспокоили ее, не далекое уханье совы, не треск чиккики, не взрывы хохота и не скрип повозок. Она прислушивалась к тому, что происходило в доме: не раздадутся ли шаги. Шелест отдернутой занавеси. Скрежет вынимаемого из ножен кинжала.

Это последняя ночь, которую она проведет у Чиена. Последняя дань его гостеприимству. Так или иначе.

За последние четыре дня Мисани очень мало спала. Когда око Нуки стояло высоко, ей почти удавалось забыть о нависшей опасности, и вопреки всему, ей даже стало нравиться общество Чиена. Они вместе обедали, слушали музыкантов, бродили по дорожкам или сидели в саду и разговаривали. Но когда солнце садилось и Мисани оставалась одна, липкий страх подкрадывался к ней. Возвращалось ощущение угрозы, и самый воздух наполнялся сомнениями... Слишком многое не сходится. Откуда эта щедрость, позволившая им приплыть в Сарамир из Охамбы? Зачем таким странным путем везла их сюда из порта карета? И почему ни разу за пять дней Чиен не предложил прогуляться по городу, не вывел ее за стены дома? Ханзинский театр давал удивительные представления, и любой хозяин показал бы их своему гостю! Чиен ни разу не заговорил об этом. С одной стороны, Мисани

радовало, что не нужно дефилировать по городу, поскольку любое появление на публике чревато опасностью. Плохо только, если Чиен об этом догадывался.

Если Чиен разыграет свои карты, то сегодня. Вечером она официально сообщила ему, что собирается покинуть этот дом на следующее утро. Такая поспешность — уезжать, пробыв ровно столько времени, сколько требовали приличия, — выглядела не очень достойно, но нервы уже не выдерживали. Если удастся выбраться из западни, она, скорее всего, больше не встретится с Чиеном. Он ведет слишком много дел на море, нельзя рисковать... Кажется, гостеприимного хозяина ее сообщение не обидело. Как же сложно его понять!

Мисани решила совсем не спать этой ночью. Одну из горничных она попросила приготовить чашку ксатамичи, обезболивающего с сильным тонизирующим эффектом, его обычно пили утром, чтобы облегчить менструальные боли. Горничная предупредила, что если госпожа выпьет отвар после полудня, то всю ночь не сомкнет глаз. Мисани заверила ее, что готова рискнуть, потому что только ксатамичи облегчит ее страдания.

Служанка выполнила просьбу. Мисани никогда прежде не пила ксатамичи или чего-то в этом роде: циклы ее всегда, к счастью, проходили удивительно безболезненно. А теперь она поняла, почему горничная ее отговаривала: спать вообще не хотелось, и сознание, несмотря на поздний час, оставалось абсолютно ясным. Бездействие раздражало неимоверно, и она решила выйти в ночной сад, чтобы прогуляться.

Мисани как раз намеревалась воплотить свой план в жизнь, когда сквозь бумажные ширмы услышала глухой стук, как от удара. В саду есть кто-то еще. Мисани вздрогнула от ужаса, внезапно осознав, что враги наконец настигли ее.

Она вся обратилась в слух, ожидая другого звука. Сердце гулко бухало в ушах, пожалуй, слишком громко. Сдавило виски. Шепот — какой-то короткий приказ, слов не разобрать. Последние сомнения рассеялись. Оставалось ждать, когда зашуршат отодвигаемые ширмы, и молиться всем богам, чтобы

эти люди как-нибудь прошли мимо, передумали, просто оставили ее в покое.

Мисани прикрыла глаза, притворяясь спящей. И это произошло. Дерево тихо прошуршало о дерево — медленно и тихо, чтобы не потревожить ее сон. Легкий ветерок снаружи принес здоровый, свежий запах садовых деревьев, но к нему примешивались металлические нотки мужского пота. А потом отвратительно запахло маслом матчоула. Человек, вдохнувший его, мгновенно лишается сознания.

Скрипнула кожа — кто-то опустился на колени рядом с ложем Мисани.

Она завопила так громко, как только могла. Одним движением откинула одеяло и швырнула в лицо злоумышленнику пригоршню красного порошка. Мисани удалось пронести в комнату шипучую соль для ванн. Ошеломленный незнакомец отшатнулся, но порошок попал на лицо. Острые кристаллы мгновенно стали разъедать глаза, зашипели на губах и языке, смешиваясь со слюной. Еще одна тень метнулась к ней, но Мисани откатилась с подстилки и вскочила на ноги. Вместо ночной сорочки на ней была обычная одежда, и изогнутый кинжал блестел в бледном лунном свете.

— Передайте своему хозяину Чиену, что меня просто так не взять! — прошипела Мисани и сама подивилась тому, насколько твердо звучит ее голос. И изо всех сил заверещала: «Караул! Убивают!» Одним лишь богам ведомо, чего она хотела добиться и какой помощи ждала, ведь сам хозяин дома послал этих людей. Но она твердо решила, что, если ее и похитят среди ночи, об этом узнают все в округе.

Второй убийца бросился к ней. В руке он сжимал тряпку, от которой разило маслом матчоула. Значит, она нужна им живой. А это уже преимущество.

Мисани отпрыгнула от него, и ее кинжал просвистел в воздухе. Она не умела сражаться. Единственное насилие, которое ей угрожало, — это пощечина от отца; она не знала, как защищаться в драке. Злоумышленник выругался, когда лезвие клинка расколо

ему предплечье. Невероятной силы удар вышиб кинжал из ее руки. Любой мужчина все равно больше и сильнее Мисани, и она не может рассчитывать, что превзойдет его в схватке. Мисани бросилась бежать, но он схватил ее за запястье. Она вывернулась, но споткнулась. Метнулась в окно, прямо сквозь бумажные ширмы... Волосы и одеяния взметнулись на ветру. Мисани упала на деревянное крыльцо, ведущее в центральный сад. Прокатилась по дорожке, огибающей внутренний угол дома. От боли на глазах навернулись слезы. Длинные волосы зацепились за легкие деревянные рамки, Мисани лихорадочно пыталась выпутаться, преодолевая боль и наступая на собственные волосы.

А потом с нее сорвали остатки ширм. Она смогла различить нападавшего: его заливал лунный свет. Он был одет в разбойничью одежду, спутанные волосы неряшливо падали на лицо, а на смуглом лице застыло злобное выражение. Она выскользнула из его рук, и новый крик прорезал тишину теплой ночи. Ей удалось сделать несколько шагов, но враг догнал и сделал подсечку. Мисани снова споткнулась, упала, прокатилась по клумбе, расшибла о камень запястье. Он запрыгнул на нее и локтем прижал руки сопротивляющейся жертвы к земле. Мисани вырывалась и пиналась, но тщетно.

— Слезь с меня, тварь! — орала она сквозь стиснутые зубы. Один удар ногой достиг цели, противник глухо застонал. На мгновение ей показалось, что он ослабит хватку, но не тут-то было. Нападавший придавил коленом живот, почти не давая дышать, а другой прижал к ее лицу тряпку с поганим маслом. Мисани задыхалась. Как она ни изворачивалась, безжалостная рука разбойника не отпускала. Вонючая жидкость пачкала губы, затекала в ноздри. Легкие горели. Паника захлестнула Мисани с новой силой. Она сопротивлялась, как могла, но хрупкой и тонкой девушке не доставало сил, чтобы сбросить с себя врага.

Где-то в доме раздался пронзительный вопль, и по земле застучали десятки ног. Тряпку отдернули, исчезло колено, прижимавшее живот, и девушка стала хватать ртом воздух, как безумная. Но злоумышленник отбросил тряпку только для того,

чтобы вытащить нож. Удар шел ей в горло. Что-то более глубокое и быстрое, чем мысль, заставило Мисани поднять плечи и оттолкнуть его коленями, благо, теперь она имела возможность это сделать. Она отпихнула разбойника достаточно сильно, чтобы он вскинул руки, удерживая равновесие, и это затормозило удар. Еще мгновение — и в глаз ему вонзилась стрела. Он отлетел и рухнул прямо в неглубокий бассейн в саду камней.

Мисани вскочила на ноги еще до того, как человек, пытавшийся ее убить, сделал последний вдох. Она схватила оброненный противником кинжал и выставила руку с клинком перед теми, кто бежал к ней. Растрепанная, со спутанными и грязными волосами, Мисани, задыхаясь, смотрела на стремительно приближающиеся тени и держала нож наготове.

— Госпожа Мисани! — позвал Чиен. Позади него она увидела троих стражей. Один из них нес лук. Услышав свое имя, она подняла лезвие повыше, чтобы удобнее было достать до горла. Он заколебался, поднял руки. — Госпожа Мисани, это я, Чиен.

— Я знаю, кто вы. — Голос ее непозволительно дрожал: слишком сильный шок она пережила. — Назад!

Чиен, кажется, замер в замешательстве.

— Это я, — беспомощно повторил он.

— Вашим людям не повезло, Чиен. Если хотите меня убить, придется сделать это своими руками.

— Убить вас? Я... — Чиену не хватило слов. Позади Мисани что-то выкрикнул стражник. Чиен заглянул через ее плечо. — Там кто-то еще?

— А скольких вы наняли?

Второго нападавшего вытащили в сад. Он не дышал. Яд, догадалась Мисани. Свидетелей убрали.

— Госпожа Мисани. — Чиен говорил так, будто она больно ранила его своими словами. — Как вы могли такое обо мне подумать?

— Да бросьте, Чиен! Вы были бы не вы, если бы не обдумали все ходы и выходы. Как и я.

— Тогда, наверное, вы обдумали какие-то не те ходы. — В его голосе слышалось отчаяние: ему не удавалось убедить ее. Но он старался говорить мягко, почти заискивающе. — Я не имею к этому никакого отношения!

Мисани огляделась. Некуда бежать, стража повсюду. Ей отсюда не выбраться. Но если бы она была нужна им мертвой, они бы ее застрелили.

— И почему я должна вам верить, Чиен?

— Опустите нож — и я вам объясню. Но не здесь. Наши дела должны остаться между нами.

Внезапно Мисани ощутила сильнейшую усталость. Она небрежно отбросила кинжал и почти равнодушно посмотрела на торговца.

— Ну, пошли.

— Может, пришло время сбросить маски? — спросила Мисани, когда они остались одни.

Они стояли в кабинете Чиена, мрачной комнате, заставленной массивной мебелью темного дерева. Свитки загромождали шкафы, полки, кучами валялись на рабочем столе вместе со стопками книг в кожаных переплетах. На стене висел герб рода Му-мака, запутанная золотая пиктограмма на сером фоне. Чиен зажег светильники, и комната ожила, залитая мягким теплым светом.

— Нет никаких масок, госпожа Мисани, — сказал Чиен и убрал тонкую свечу. Он обернулся к ней, и в его голосе слышалась какая-то неведомая ей до сих пор сила. — Если бы я хотел вас убить, то мог бы сделать это уже не раз и гораздо более аккуратно. Равно как если бы хотел сдать вас вашему отцу...

— Почему вы до сих пор разыгрываете этот спектакль? — тихо спросила Мисани. Она стояла растрепанная, вся в грязи, но достоинство и серьезность остались при ней. — Вы сами себя выдали. Вы знаете, как обстоят мои дела с отцом. И наверняка знали с самого начала. Если вы не желали мне зла, то зачем настояли, чтобы я приехала сюда? Вы же знаете, как неудобно я себя чувствовала все эти дни, какие сомнения мучили меня. Вы забавля-

лись? Такое бессердечие не делает вам чести. Поступайте со мной, как знаете, у вас на руках все карты. Но хватит притворяться, Чиен, это уже становится скучно...

— Вы забываете, кто я, и забываете, кто вы сама, если позволяете себе так легко бросаться оскорблениями! — взорвался Чиен. — Прежде чем составите себе труд еще раз назвать меня бесчестным, послушайте, что я вам скажу. Я знал, что вы сбежали от отца и что он хочет вернуть вас обратно. А еще я знал, что ваше прибытие в Охамбу не укрылось от торговцев, которым платит Бэрak Аван. Вам удалось отплыть из Сарамира незамеченной, и благодарите богов за такую удачу. Но в Кайсанте вас заметили сразу же. Они ждали вашего возвращения в Сарамир, знали, на каком корабле вы приплывете, и наняли кое-кого, чтобы встретить вас в порту. Это были люди вашего отца. Я не из их числа. В действительности я сильно рисковал ради вас, и теперь он считает меня одним из главных врагов!

— Продолжайте. — Становилось неожиданно интересно.

Чиен глубоко вздохнул и отошел на другой конец комнаты.

— Я постарался, чтобы мой экипаж привез вас и ваших друзей сюда прежде, чем вас сцапают люди вашего отца. Мы петляли по Ханзину на случай, если бы нас преследовали. Полагаю, вы это заметили. Не всем известно, где стоит мой дом. Я проводил ваших друзей, чтобы они были вне опасности, но не мог обеспечить вам того же. Вы сказали, что направляетесь на юг. Я не мог вам этого позволить. По крайней мере, до тех пор, пока не выяснил, кого нанял ваш отец и что им известно. Вы бы не проехали и десяти миль по Великому Пряному пути, как они настигли бы вас. — Чиен посмотрел на нее искренне. — Потому я и привез вас сюда, под свою защиту, пока мои люди выясняли, насколько серьезно положение.

— Так это вы меня защищали? — промурлыкала Мисани. — Меня почти убили, Чиен. Думаю, вы простите, что это несколько поколебало веру в вас.

Чиен выглядел уязвленным.

— Я стыжусь этого. Не того, о чем вы подумали, госпожа Мисани. Я не издевался над вами и не предавал вас. Я старался защитить вас, но мне не удалось.

Мисани смерила купца холодным взглядом. Его объяснение казалось ей неправдоподобным. Но она не могла понять, почему он не расправился с ней до сих пор, если собирался, а если нет, то зачем приложил столько усилий, чтобы выручить ее. Убил ли он своих людей? Это, конечно, мог быть обманный ход, чтобы завоевать ее доверие. Будучи при дворе, Мисани видела интриги похитрее. Но что ему давал такой поворот дел? Она решила прямо спросить, почему он ее оберегал. Скорее всего, Чиен солжет, но нужно время, чтобы понять, чем она может быть ему полезна. Во всяком случае, в политике она сейчас бессильна...

— Я не говорил вам раньше, потому что вы бы от меня сбежали и попали бы в лапы ваших врагов.

Мисани уже догадалась об этом. Еще она поняла, почему злоумышленники сначала старались выкрасть ее, а потом убить. Приказ им отдали простой: если возможно — живую, если нужно — мертвую. Безжалостность отца не очень ее удивила.

Чиен пристально смотрел на нее. Его резкие черты в неярком свете казались еще резче. Половина бритой головы оставалась в тени.

— Госпожа Мисани, можете мне верить, можете не верить, но я собирался рассказать вам все утром, чтобы отговорить от отъезда. Я, кажется, опоздал. Люди вашего отца нашли вас и едва не лишили жизни. — Он приблизился к ней. — Но если есть что-то, что я могу сделать во искупление своей вины, только скажите.

Мисани посмотрела на него долгим взглядом. Она ему поведала, но это не значило, что она ему доверяла. Заключил он сделку с ее отцом или нет, было что-то, что она могла ему дать, но сама об этом не знала. Объяснения Чиена ничего для нее не прояснили. Что это такое, изощренная ловушка или нечто совсем неожиданное? Правду ли говорил он о людях ее отца?

Не важно. Она у него в руках. Но он ей нужен.

— Отвезите меня на юг, — проговорила Мисани.

Глава 12

Провал оживился в предвкушении праздника. После полудня нагретые солнцем улочки заполнили гуляки. Утренние ритуалы выполнены, кушанья для дневной трапезы приготовлены и съедены. Сытые, веселые и уже захмелевшие люди высыпали на улицы. В крупных городах ночью будут запускать фейерверки, но здесь, в Провале, слишком опасно выдавать свое присутствие такими развлечениями. И все равно зажгутся костры, люди соберутся на вечерний, всеобщий пир, и веселье продолжится до утра.

Эстивальная неделя началась.

В сарамирском календаре она представляла собой крупнейшее событие: прощание с летом, праздник урожая. Возраст в Сарамире считали по урожаям, а не по датам рождения, а потому сегодня все стали на год старше. В последний день Эстивальной недели все ритуально попрощаются с летом, и на рассвете следующего дня начнется осень.

Три жреца разных культов утром совершили большой обряд в долине. Вероисповедание не имело никакого значения сегодня, потому что во время Эстивальной недели благодарили всех богов и духов — за простые радости и красоту природы. Люди Сарамира чувствовали особую связь с природой, всегда ощущали величие континента, ставшего их домом. Сарамирцы выбирали себе конфессию по вкусу, ходили в храмы и молились так часто, как им диктовала совесть, но даже самые нерелигиозные люди не рискнули бы пропустить обязательные праздники вроде Эстивальной недели. В этом году празднование сбора урожая не обошлось без горькой иронии, но все печали мира не могли омрачить радостного возбуждения от начала гуляний.

Как и утренний обряд, дневной пир был традиционным, однако набор блюд варьировался от края к краю. Поставщики Провала сбились с ног, выполняя в этом месяце самые разные заказы. Они привозили газелевых ящериц из пустыни Чом Рин, лапинт из Новых земель, рыбу-змею из озера Ксемит, тенеягоды, кокомак, солнечный корень, вина, водку и экзотические напитки. Один

раз в году каждый имел право есть именно то, что любит больше всего. Многие обедали с семьями, кто-то — с друзьями, и честь приготовления праздничных блюд выпадала лучшему кулинару. В этот день дарили маленькие подарки, клятвы верности между парами обретали новую силу, иногда семьи давали друг другу обещания.

На дне долины шли бурные приготовления: ставили столы, шатры, укладывали циновки для грандиозного ночного пира, сооружали костры, развешивали знамена и возводили сцену. Но по краю долины удвоили караулы, и стражники бдительно наблюдали за Разломом. Ни один из них сегодня не рискнет улизнуть с поста.

Кайку и Люция шли по улочкам, покрытым коркой засохшей грязи. Они направлялись на один из верхних уровней города — тут люди толпились не так плотно. Несколько лоточников торговали ленточками, значками, серпантином, калеными орехами, и к ним время от времени подходили распевające песни горожане. Большинство же людей либо пробиралось вниз, туда, где гуляла основная масса народу, либо шло оттуда. Парочка брела медленно. Заэлис продемонстрировал чудеса кулинарного искусства, и в животе до сих пор ощущалась приятная сытость. Они праздновали вместе с Джугаем и другими товарищами. Кайлин нигде не нашли, Сарана и Тсату вообще не видели со дня их приезда. Никто особенно не беспокоился их судьбой, хотя Кайку и ловила себя на том, что то и дело смотрит на дверь, ожидая, что через нее вот-вот войдет высокий, подтянутый кураалец. Но она подозревала, что Эстивальная неделя — не праздник для него и ткиурати.

День выдался теплым. Все беды и несчастья потонули в атмосфере простой человеческой радости. Кайку постаралась сохранить это ощущение, и поэтому поспешила покинуть общество прежде, чем разговор зашел о серьезных вещах. Люцию она позвала с собой. Позже, вне всякого сомнения, Люция присоединится к своим ровесникам. Несмотря на спокойный и несколько даже замкнутый характер, она притягивала к себе людей и пользовалась большой популярностью среди девушек своего возраста.

Но сейчас она составила Кайку отличную компанию. Чудесный ребенок. Кайку не могла представить, что бы она делала, если бы... если...

Люция перехватила полный обожания взгляд Кайку и улыбнулась.

— Не нужно волноваться. Я просто упала в обморок.

— Ты упала в обморок на два дня! — ответила Кайку. О боги, на два дня! Когда Кайку узнала о странном разговоре Люции с речными духами, то чуть с ума не сошла от беспокойства. Сейчас она успокоилась только потому, что Люция полностью оправилась и чувствовала себя хорошо. Кайку отказывалась думать, какими ужасными последствиями грозит проникновение в непознанное. Слава богам, с ней, кажется, уже все хорошо.

— Что-то ужасное... — Люция не сказала ничего, что пролило бы свет на причины ее обморока. — Что-то ужасное произошло на реке. И духам это не понравилось. Поэтому мне стало плохо.

— Пожалуйста, побереги себя, — попросила Кайку. — Ты еще маленькая. У тебя впереди куча времени, чтобы выяснить, что тебе по силам, а что нет.

— Мне сегодня четырнадцать! — наигранно запротестовала Люция. — Не такая уж я и маленькая...

Они подошли к мосту, который соединял два уровня, красиво изгибаясь над крышами нижнего плато. Кайку и Люция остановились, опершись на парапет и глядя на долину, что раскинулась внизу. Вся пестрота Провала открывалась их глазам. Ветер доносил снизу громкие крики гуляющих. Несколько человек, расположившихся на крышах, помахали им руками. Солнце светило на безоблачном небе — ни намека на то, что лето кончается.

— Ты все еще волнуешься, — заметила Люция, искоса глядя на подругу. От этой поразительно пронизательной малышки никакую правду не скроешь.

— Меня беспокоит то, что сказал Заэлис, — объяснила Кайку.

Люция немного погрустнела. Она поняла, что имела в виду Кайку. Заэлис сегодня поднял тост за выздоровление Люции

и спросил, когда она готова продолжить разговор с духами. Кайку вспыхнула и отрезала, что Люция не инструмент, который можно оттачивать до тех пор, пока она не будет достаточно полезна для борьбы с врагом. Девочка уже перенесла травму, природу которой никто не понял. И пусть Заэлис даже не думает о том, чтобы подтолкнуть Люцию к следующему шагу. Над столом повисла напряженная тишина. Джугай удачно пошутил и разрядил обстановку, и больше Кайку и Заэлис не возвращались к этому разговору. Кайку понимала, что повела себя как перестраховщица, но она до сих пор знала, что о внезапной болезни Люции ей сообщили только после собрания. И она все еще волновалась за нее.

— Не слушай его, — сказала Кайку. — Я знаю, он тебе как отец, но только тебе известны границы твоих возможностей. И стоит ли рисковать...

Бледно-голубые глаза Люции смотрели куда-то вдаль. Она уже почти нагнала Кайку в росте. Кайку скользнула взглядом по ожогам на шее, и ее снова сдавило знакомое уже чувство вины. Эти ожоги оставила девочке она сама. Лучше бы Люция прикрывала их...

— Нам нужно выяснить, что произошло на реке, — тихо проговорила Люция.

— Ты не права! — резко ответила Кайку. — Люция, ты же лучше всех знаешь, что с духами не стоит шутки шутить. Ты слишком рискуешь собой. Если хочешь, начни с малого. Подбирайся к этому потихоньку... — Кайку замолчала на мгновение. — Заэлис посылает туда шпионов. Пусть они делают свою работу.

— У нас, может быть, нет на это времени, — просто сказала Люция.

— Это твои слова или слова Заэлиса?

Люция не ответила. Настроение стремительно портилось, но проблему нужно было решать.

— Люция, я знаю, какую ты несешь ответственность. — Кайку постаралась, чтобы голос ее звучал помягче. — Но даже самые

сильные спины гнутся под грузом ожиданий. Не позволяй никому управлять тобой. Даже Заэлису.

Когда Люция повернулась к Кайку, на лице ее лежало обычное отсутствующее выражение. Она слушала, даже если казалась невнимательной. Но часть ее прислушивалась к шепоту ветра и к говору воронов, следящих за их движениями с крыши соседнего дома.

— Помнишь, как в саду на крыше Императорской крепости к тебе пришла Мисани и принесла ночную рубашку? — спросила Кайку.

Люция кивнула.

— О чем ты подумала, когда она предложила ее тебе?

— Что она меня убьет, — просто ответила Люция.

— Ты бы взяла ее? Надела бы ее, даже зная это?

Люция медленно отвернулась, оглянулась на город. За их спинами по мосту нетвердой походкой прошла, горланя непристойные песенки, ватага пьяных юнцов. Кайку передернуло. Они помолчали.

— Люция, ты — не чья-то жертва, — ласково продолжила Кайку. — Ты совсем не думаешь о себе, ты слишком покорна. Разве ты не понимаешь, что не пленница здесь? Если не поймешь этого сейчас, то что будешь делать через несколько лет, когда люди станут смотреть на тебя с еще большей надеждой? — Она вздохнула и дружески обняла Люцию за худенькие плечи. — Я считаю тебя своей сестрой. И мой долг — заботиться о тебе и переживать за тебя.

Лукавая улыбка тронула уголки губ Люции, и она обхватила подругу двумя руками.

— Я попробую, — сказала она, — быть похожей на тебя. — Она улыбнулась во весь рот. — Такой же упрямой и крикливой дылдай!

Кайку притворно ахнула и вывернулась из объятий.

— Чудовище! — завопила она и погналась за хохочущей Люцией по мосту и вверх по улице.

На Ксаранский Разлом опустилась ночь. Зажглись огни, и бумажные фонарики превратились в теплые созвездия. Душная, жаркая темнота лежала вокруг, но в кругу света полным ходом шло веселье всеобщего праздника. Кое-кто уже освободил за столом место для других, люди пошли посмотреть представление на сцене или потанцевать под музыку импровизированного оркестра из шести музыкантов, которые играли что-то на мотив старых народных песен. В нестройное звучание, обусловленное отчасти неумением музыкантов, вплетались низкое пение трехструнной мирики, звонкие переливы тростниковой арфы и гул двух рожков. Ритм задавал смуглый мужчина с кожаным барабаном. Лучше всех в «оркестре» играла бывшая императорская куртизанка, покинувшая двор пять лет назад. Она играла на ирине, семиструнном инструменте из дерева, кости и кожи, звучавшем печально и нежно. Когда она мягко перебирала струны, самый воздух словно мерцал.

Раскрасневшаяся от вина, смеха и жары Кайку танцевала крестьянский танец вместе с молодежью Провала. Может, не так красиво, как танцы во дворце, но зато гораздо веселее и энергичнее. Кайку кружилась то с одним кавалером, то с другим, потом оказалась в объятиях порченого юноши со скользкой, как у дохлой рыбы, кожей и такими же выпученными и невидящими глазами. Растерявшись только на мгновение, она позволила ему увлечь себя в дикий хоровод, пока кто-то еще не схватил его за руки и не разлучил их. Возбужденная и хмельная, Кайку отдалась музыке, и все горести и заботы канули в небытие, вытесненные танцем.

Песня оборвалась внезапно, и перед Кайку вынырнул из дышащей от пляски толпы Джугай.

— Мне, как всегда, повезло, — сказал он. Его глаза ярко блестели, а зрачки сильно расширились. — Позвольте? — Он протянул руку, приглашая Кайку на следующий танец.

Но она уже разглядела человека, стоящего на грани света от костров, облокотившись на один из шестов.

— Прости, Джугай, но мне нужно кое с кем поговорить. — Она чмокнула его в колючую щеку.

За спиной грянула музыка, и милая девчушка из Новых земель утащила друга в самое сердце танцующей толпы. Кайку вступила в тишину и прохладу, ничуть не жалея о тепле и гаме. Ее ждал Саран.

— Ты танцуешь? — кокетливо спросила она.

— К сожалению, нет. По-моему, у нас, кураальцев, не такие подвижные суставы, как у вас.

Кайку не сразу поняла, что Саран шутит. Он говорил тоном суше дорожной пыли.

— Где ты был? — Ее немного качало, но румянец на щеках и чуть развязная манера, кажется, только добавляли ей привлекательности в его глазах.

— Это не мой праздник. — Его черты темнели под безлунным небом.

— Я имею в виду, куда ты исчез? Уже несколько дней прошло после собрания. Ты так скоро забыл обо мне? Не захотел даже попрощаться? О боги, послезавтра я отправляюсь в путь через Разлом!

— Знаю, — ответил Саран. — Тсата пойдет с тобой.

— Правда? — удивилась Кайку. — А ты?

— А я еще не решил. — Он замолчал надолго. — Я подумал, что это будет неудобно. И решил остаться.

Кайку посмотрела на него и протянула ему руку.

— Погуляем?

Поколебавшись и одарив ее пристальным взглядом, он взял ее ладонь в свою. Кайку мягко оттащила его от шеста со знаменем, к которому он прислонился. Они пошли мимо пирующих назад к городу. Слева чернела долина, ее границы угадывались только по светлому краешку неба. Справа трещали костры, звенела музыка и смеялись люди. Кайку и Саран ступали по линии, где словно граничили два мира, и ни один из них не мог взять верх.

— Я и сама не знаю... — начала Кайку, запнулась, потом начала снова. — С одной стороны, рада, что иду. Наверное, слиш-

ком долго сидела без дела. Занималась кое-какими мелочами для Либеры Драмах, но этого мало. — Кайку посмотрела на Сарана.

— Боги терпеливы. Не стоит недооценивать ткущих. Однажды тебе повезло. Многие вообще не получают второго шанса.

— Что я слышу? Неужели тебя беспокоит моя судьба? — поддразнила его Кайку.

Он выпустил ее руку и пожал плечами.

— А что тебе до моего беспокойства?

— Извини. Я не собиралась над тобой подшучивать. — Кайку почти забыла, насколько он впечатлителен. Они прошли еще немного.

— Я боюсь надевать маску. — Ей хотелось снова зажечь искру, проскочившую между ними. — Прошло пять лет с тех пор, как я прикасалась к ней в последний раз, но она до сих пор зовет меня. — Внезапная дрожь пробежала по ее телу. — А теперь мне снова придется ее надеть, если мы собираемся пересечь «запутанное» ткачами пространство.

— Ты замерзла, — заметил Саран и, расстегнув плащ, набросил его спутнице на плечи. На самом деле она не чувствовала холода, но не стала возражать. Когда Саран застегивал замок на ее горле, она накрыла руками его руки. Он помедлил, наслаждаясь прикосновением, а потом убрал ладони.

— Почему пересекать эту границу отправляешься ты, а не сестра?

— Кайлин не станет рисковать одной из полноправных сестер Красного ордена. И небезопасно давать кому-то другому маску. Ткачи еще ничего не знают о Красном ордене, и Кайлин хочет, чтобы все так и осталось. Маска — это инструмент ткущих Узор, и если я с ее помощью пройду через барьер, никто ничего не заметит.

— Но ты даже не знаешь, сработает ли маска на этот раз, — возразил Саран. — Возможно, ее создали только для монастыря на Фо.

Кайку согласно кивнула.

— Но нужно попытаться, — ответила она.

Саран заложил за ухо прядь гладких черных волос. Кайку искося посматривала на него, изучала линии затянутого в тесную одежду тела. Голос здравого смысла попытался изречь какую-то банальную истину, но она не стала его слушать. От выпитого вина разум ее существовал «здесь и сейчас». А о последствиях думать не хотелось.

Саран перехватил ее взгляд, и она поспешно отвернулась.

— А почему Тсата отправляется с нами? — спросила она, просто так, чтобы заполнить паузу. А потом поняла, какой вопрос ее заботит больше: — И кто он тебе?

Саран задумался. Кайку никогда не знала, взвешивает ли он слова или же красуется и драматизирует. С Сараном было порой чертовски сложно общаться: его тянуло на театральные эффекты.

— Он мне никто, — проговорил в конце концов Саран. — Спутник, не более того. Я повстречал его в Охамбе, и он пошел вместе со мной в самые дебри — по каким-то своим причинам. По тем же причинам, наверное, последовал за мной в Сарамир. Не знаю, почему он изъявил желание отправиться в путь по Разлому, но за его надежность я ручаюсь. Из всех, кто вместе со мной путешествовал по Ближнему Свету, это единственный человек, которому я бы доверил свою жизнь.

Они уже дошли до окраины города. Нижние ярусы образовывали естественную баррикаду. Чтобы попасть в город, нужно было подняться по лестнице или на подъемнике и пройти в ворота. В беспокойные времена ворота закрывали, а подъемники укрепляли наверху, чтобы враги не могли проникнуть в Провал.

Кайку и Саран брели по пустынным переулкам. Фонари казались яркими островками света во тьме. Парочки целовались, кто-то пел, где-то разворачивалась уличная драка. Кайку и Сарана подхватила процессия, двигавшаяся по извилистому пути в неизвестном направлении — подхватила, а потом отпустила. В какой-то момент Кайку снова взяла Сарана за руку. Ей хотелось почувствовать его легкую дрожь, и она втайне себе улыбалась.

— Ты не сомневаешься? В том, что обнаружил?

— Ты о четвертой Луне? Нет. Заэлис тоже уверен, я представил ему все доказательства. Сестры подтвердили подлинность документов. Я думал, что моя идея покажется вам слишком странной. Во всяком случае, во всем Ближнем Свете только вы до сих пор поклоняетесь светилам. — Саран удивительно по-женски убрал прядь волос со лба. — Однако я, кажется, ошибся. За последнюю тысячу лет люди забывали и других богов. Ничего странного в том, что вы забыли о боге, который погиб еще до того, как родилась ваша цивилизация.

— А может, и не погиб, — пробормотала Кайку. — И в этом вся проблема.

Сарана удивили ее слова.

— Ерунда, — отмахнулась Кайку. — Просто... У меня плохие предчувствия. Я сталкивалась с Детьми Лун. Ты знаешь об этом? Во всяком случае, косвенно. Они помогали Люции.

— Знаю.

— И вся эта история с Арикаратом... сильно меня беспокоит. — Она не могла объяснить, но, думая об Арикарате, чувствовала какую-то слабую тошноту, как при морской болезни, дрожь, которая прокатывается по земле перед землетрясением. Реагировала бы она так же, если бы ничего не знала о тех непостижимых и величественных духах? На этот вопрос не было ответа. — И более того. Мой друг Тэйн погиб, следуя, как он считал, воле своей богини Энью. Меня едва не постигла та же участь — во имя Охи. И ради него же я рискну снова. Дети Лун вмешались в судьбу Люции. А теперь ты говоришь мне, что источник силы ткущих Узор, причина страданий и болезни моей земли — это осколки другой, забытой луны? — Прежде чем продолжить, Кайку почти неосознанно осенила себя охранительным знаком. — Я начинаю верить, что оказалась втянутой в какую-то игру богов, и моя собственная воля уже ничего не значит, что мы участвуем в некоем действе, смысл которого не в силах понять. А еще — что мы пешки для Золотого Царства.

Саран задумался.

— Мне кажется, ты слишком сильно веришь в богов, Кайку. Некоторые люди видят в своих деяниях только божественное провидение, а другие стараются своей верой оправдать зло, которое творят. Будь осторожна. Иначе однажды твои боги велют тебе сделать то, чему воспротивится сердце.

Кайку до глубины души удивилась, услышав такие слова от кураальца: в теократическом государстве их воспитывали не-сгибаемыми в своей вере. Она хотела что-то ответить, но в этот момент они подошли к двери их с Мисани дома. Маленький и непритязательный, он стоял на одном из средних уровней Провала. Вьюнки и цветы в горшочках искусно скрывали недостатки «архитектуры». В окружающем хаосе им не удалось воссоздать изящество и минимализм привычной с детства обстановки, но они постарались украсить свое жилище, как могли. Точнее, Мисани постаралась: и внутри, и снаружи. Декораторские способности Кайку оставляли желать много лучшего: этому учили женщин, а Кайку всегда думала только о том, как бы не отстать от старшего брата.

На мгновение их взгляды встретились. Никто не хотел прощаться, и оба это знали, но боялись, что следующий шаг будет отвергнут другим. А потом Кайку открыла дверь, и они вошли.

Кайку и Саран не просто переступили через порог, они пересекли еще какую-то грань. Кайку едва успела закрыть дверь, как Саран набросился на нее с поцелуями, и она отвечала ему с не меньшей страстью. Ее руки скользили по его щекам, зарывались в волосы. Их языки соприкасались, и от этого сладкие волны поднимались по телу Кайку. Он прижал ее к стене. Они целовались и целовались, и только жаркое дыхание нарушало тишину. Кайку прижалась к нему бедрами и застонала, почувствовав всю силу его желания. Голос здравого смысла уже затихал где-то на краю ее сознания. Что началось, того уже не остановить.

Руки скользили по его узкой рубашке, не справляясь с незнакомыми кураальскими застежками. Она рассмеялась своей неуклюжести. Саран пришел ей на помощь и помог снять рубашку, обнажив мускулистый, стройный торс. Она слегка оттолкнула его,

чтобы рассмотреть получше. Ни грамма жира на красивом теле атлета. Кайку погладила рельефный мужской живот, и Саран задрожал от наслаждения. Она улыбнулась и прижалась к нему снова, покрывая медленными поцелуями его шею и ключицы. Он ласкал губами мочку ее уха.

Кайку опустила на длинный диван и потянула его за собой. Сквозь закрытые ставни в темную комнату почти не проникал шум народного гулянья. Они снова целовались. Саран прижал ее всем телом к софе, и руки Кайку скользили вдоль его позвоночника.

Он плавным движением стащил с нее блузу и отбросил ее в сторону, и тут же потянулся, чтобы снять нижнее белье. Кайку ощутила укол разочарования: одержимый вожделем, Саран слишком спешил, а ей нравилось заниматься любовью долго и медленно. Желая прервать движение его рук, которые уже гладили ее талию, Кайку мягко перекатилась на пол и оказалась сверху.

Обхватив бедра мужчины ногами, она целовала его лоб и щеки. Саран сжал ладонями ее груди и потянулся губами к соску. Влажные, жаркие прикосновения языка заставляли ее вздрагивать от восторга. Сквозь ткань брюк она ласкала ладонью его напряженную плоть. Саран распалялся все больше и больше... Кайку льстило, что всегда такой спокойный и сдержанный, он настолько ярко реагирует на нее, но в то же время его чрезмерное нетерпение не слишком ей нравилось. Он сильно сжал сосок, и от боли она втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

Саран легко перевернул ее и снова придавил собой. Она увидела, каким уродливым стало его покрасневшее и напряженное лицо. Пыл мгновенно остыл: в его глазах ей увиделось что-то неприятное... выходящее за рамки совокупления мужчины и женщины...

— Саран... — начала она, еще не зная, что скажет дальше, продолжит ли эту опасную игру или отважится ее прекратить. Она боялась его реакции и не хотела обижать, но если придется...

Он закрыл ей рот крепким, диким, яростным поцелуем, грозившим оставить синяки на губах. И вдруг...

Вдруг что-то изменилось в природе этого поцелуя. Страсть исчезла, уступив место...

Голоду.

Кана взвилась внутри, как клубок змей. Она поднималась из утробы, рвалась наружу, хотя Кайку еще не понимала, в чем дело. Вдруг она ощутила, как что-то рвется изнутри нее, словно ее внутренности засасывает в рот Сарану. Белая вспышка. Его отбросило на другой конец комнаты, ударило о стену, и он беспомощно сполз на пол.

Как в прошлый раз. Этот голод... Он был ей знаком.

— Нет, — прошептала Кайку. В глазах ее стояли слезы. Она поднялась, схватила блузку и прижала к груди, закрываясь от чего-то. Челка упала на лицо. — Нет, нет, нет, — твердила она, словно молитву, чувствуя, что ее предали, и пытаюсь спрятаться от кошмара за коротким словом «нет».

Саран поднялся, и на лице его застыла маска страдания.

— Кайку... — начал он.

— Нет, нет, НЕ-ЕТ! — закричала она. Слезы покатались по ее щекам. Губы дрожали. — Это ты? Это — ты?

Саран не ответил, только покачал головой — не отрицательно, он умолял ее не спрашивать.

— Азара? — прошептала Кайку.

Он скривился, как от боли, и другого ответа ей не требовалось. Она упала на колени и заплакала.

— Как ты могла? — Кайку рыдала. Откуда-то изнутри поднялась волна гнева. — *Как ты могла?* — завопила она.

Он смотрел печально. Глаза Азары... Открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашел слов. Потом поднял рубашку и вышел за дверь, в теплую ночь, а Кайку осталась рыдать на полу.

Глава 13

Над Ксаранским Разломом разгорался рассвет. Тусклый, какой-то плоский свет с трудом пробивался на востоке сквозь плотное не по сезону одеяло облаков, закрывшее небо. Над Провалом навис утренний туман, клочки его медленно двигались над изгибами и впадинами в долине. На город опустилась необычайная ти-

шина. На узких и кривых улочках не было ни души, кроме стражников. Скрип кожаных доспехов следовал за ними по пустым переулкам и грязным тропам. Эстивальная неделя началась два дня назад. В первую ночь гуляли до утра. Прошлой ночью праздника приутихли: люди спали и отдыхали. Наверное, они долго еще не поднимутся с постелей.

Но некоторые дела не в силах отменить даже Эстивальная неделя.

Собрались на верхнем ярусе города, где с запада над долиной поднималась отвесная скалистая стена. Ее испещряли пещеры — их промыли те же потоки, что подточили нижние плато и уступы. Над входами в пещеры люди вырезали изображения и благословения. Прямо в скале высекали маленькие молельни. До сих пор в воздухе висел слабый мускусный запах жареных орехов кама и ладана, которые накануне подносили богам и духам. Тихонько позвякивали маленькие подвесные амулеты.

Кайку сидела на траве. От бессонных ночей она побледнела и осунулась, глаза казались еще темнее. Она с горечью смотрела на долину, раскинувшуюся внизу, и дальше, на восток. Она не думала о тех троих, что возились за ее спиной: затягивали ремни на своей клади, проверяли заряды и чистили винтовки. Переговаривались почти шепотом, словно боясь нарушить безмолвие рассвета. Тсата, Джугай и Номору, угрюмая разведчица, тоже отправлялись сегодня в путь, чтобы пересечь Разлом, пройти по нему туда, где недалеко от западного окончания его пересекает Зан, и там исследовать обнаруженную Номору аномалию. И разыскать ткачей.

Кайку должна была бы что-то чувствовать, но... Ей предстоит встретиться с ткачами, которые убили ее семью и которым она перед богами поклялась отомстить, но эта перспектива ничем не отдавалась в сердце. Хоть бы дрожь волнения или страх... Сердце в груди молчало, как мертвое, как комок прогоревшего пепла.

Как она не догадалась про Сарана? Как не поняла, чем он так привлекателен? О боги, она стояла на палубе корабля и говорила с ним об Азаре, как та спасла ее от неминуемой смерти и как они

теперь с ней связаны... А ведь эта самая связь тянула ее к Сарану! И все это время Кайку изливала душу перед Азарой.

Кайку ненавидела ее. Ненавидела за ложь, коварство, невыносимое себялюбие! Ненавидела за то, что Азара убедила ее в реальности Сарана, подтолкнула к разговору о себе и смотрела из глубины темных кураальских глаз! Но хуже всего того, что Кайку позволила Азаре себя соблазнить... занялась с ней любовью, думая, что Саран настоящий, не подозревая, что это дешевая подделка! И не важно, что они не дошли до конца. Предательство оставалось предательством.

Кайку знала, что решила переспать с Сараном, ведомая не только примитивной похотью и желанием принадлежать, в этом она сама себя обманула. Она открылась ему, она думала, что между ними зародилось какое-то чувство, и это подтвердится в постели. Тогда она себе не признавалась... Она вообще плохо разбиралась в своих чувствах. Сейчас только глубокая боль заставила все осознать, но... слишком поздно.

Очередной шаг навстречу, очередное предательство — и теперь ее сердце разбито вдребезги. Снова.

Она уставилась невидящим взором куда-то вдаль. Такое больше не повторится. Никогда.

— Кайку, пора. — Джугай положил руку ей на плечо.

Она медленно перевела на него взгляд, и он не стал бы ругаться, что она его видела в этот момент. Устало поднялась на ноги, мешок и винтовку закинула на плечи.

— Я готова.

Они пересекли линию укреплений на границе Провала и направились на запад. Над низкими облаками поднималось око Нукай, согревало каньоны и долины Ксаранского Разлома. Молчали долго. Номору вела их узкими расселинами, сползающими вглубь Разлома. Так они могли пройти незамеченными через дикие земли. Линия горизонта казалась рваной и зазубренной: сзади, спереди, с боков их обступали каменистые пыльные гряды. Один из уступов скрыл от них солнце. Путники вступили в прохладную тень.

С запада на страже Провала стоял так называемый Узел — прихотливый лабиринт из расселин и тоннелей. Много веков назад с края долины текли на восток и на запад многочисленные протоки. Восточная ветвь источила землю, на которой потом возник Провал. Но и здесь, на западе, ручьи и речки изгрызли древний камень. Вода долго подтачивала породу, по Разлому прокатывались землетрясения, тоннели обрушивались, появлялись новые. Теперь вода ушла, но пути, которыми она текла, остались — путаница идущих вниз ветвистых тупиков.

Гораздо быстрее было бы пройти по верху Узла, гладкому каменному участку шириной в милю, подковой окружавшему западные окраины Провала. Но укрыться там невозможно, и каждый путник будет замечен на несколько миль вокруг. А в Разломе самое важное — уметь прятаться.

Когда они выбрались из Узла, рассвет сменился ярким утром. Путешественники вскарабкались по узкой щели, и перед ними открылась лощина. Она шла под небольшим уклоном вверх. У Кайку захватило дух, когда она увидела ее. Несмотря на давивший груз разочарования, душа как будто задохнулась от восторга.

Отвесные стены поднимались над их головами почти на сотню футов. Уступы чередовались с глубокими трещинами. То там, то здесь упрямо цеплялись за камень чахлые кустарники. Дно лощины покрывало пестрое смешение деревьев и цветов, где между зелеными листьями мелькали красные и фиолетовые. Ручей питал маленькие озерца. Солнечные лучи косо падали из-за края лощины, освещая дальнюю ее часть, в то время как ближайшая оставалась в тени. Яркие птицы вили гнезда на деревьях и прямо на скалах. Они то и дело рассекали небо в погоне за мошками и звонко щебетали. В недвижимом воздухе висела легкая дымка. Все предметы словно окружило сияние. Путники вступили в сокрытый рай.

— Здесь кончается наша территория, — сказала Номору. Она первой заговорила с начала пути. Кайку резанули грубые и уродливые гласные ее говора. — Дальше небезопасно.

В Ксаранском Разломе от века перемешались никем не подтвержденные границы, нейтральные земли и спорные территории.

Политическая география здесь отличалась той же нестабильностью, что и физическая. Каждая фракция, каждая банда ревниво стерегла свою территорию, но каждый месяц какие-то сообщества исчезали, побежденные, какие-то подчинялись новому властителю, другие стремились объединиться в более крупные. За сообщение с внешним миром Провал вел постоянную борьбу: разбойники охотились за грузами, которые контрабандой ввозили сюда для Либеры Драмах. У других были свои цели: кто-то неустанно расширял влияние, преследуя утопическую идею покорить или объединить под своей властью Разлом, кто-то хотел лишь покоя и все усилия направлял на оборону. Иные просто прятались. Часть сил Заэлиса и Либеры Драмах все время уходила на выведывание планов соседей, но к тому вынуждал сам жестокий мир, в котором они поселились.

Дальше шли, соблюдая еще большую осторожность. Путь давался нелегко. Номору чаще выбирала самые труднопроходимые тропы: они не так опасны. Через несколько часов Кайку совсем потеряла чувство направления. Она сердито поглядывала на жилистую женщину, идущую впереди, и кляла ее за все трудности. Отследив такие мысли, Кайку осознала, насколько это нечестно. Если бы не Азара, она бы радовалась этой экспедиции. Если бы не Азара...

В молчании очень легко впасть в уныние. Джугай, против обыкновения, казался подавленным. А Тсата вообще редко говорил без необходимости, больше прислушивался и смотрел по сторонам. А он знал? Знал, что Саран — не тот, кем представлялся? А Заэлис и Кайлин, они-то знали? Кайлин уж точно обо всем догадалась: она могла узнать искаженного с одного взгляда. Как и все сестры Красного ордена.

После ужасного открытия, после гнева, сменившего горе, Кайку очень хотелось посмотреть в глаза Кайлин и Заэлису и потребовать от них правды. Почему они ей не сказали? Бесполезно, конечно, и все их аргументы известны. Азара шпионка, и не им ее разоблачать. Кайку почти ни с кем, кроме Мисани, не разговаривала об Азаре. И совсем никому не сказала, что ей нравится Са-

ран. С чего бы им вмешиваться? Кроме того, она только даст Кайлин лишний повод напомнить о занятиях в Красном ордене. Если бы Кайку посещала их вместо того, чтобы без усталости прочесывать окрестности и более отдаленные земли, она бы и сама легко почувствовала сущность Азары в Саране...

А она не догадывалась, ни о чем не подозревала. Да и как бы это у нее получилось? Она не имела ни малейшего представления, как далеко простираются способности Азары. Она видела, как та немного меняла черты лица, цвет волос, как исчезла на ее руке татуировка. Азаре даже удалось стереть с лица следы страшных ожогов. Но чтобы менять не просто внешность, а еще и пол... Для Кайку это оставалось за гранью понимания. Что за существо на это способно?

«А что за существо может так перевить нити реальности, чтобы разжечь огонь или свести людей с ума? — спрашивала себя Кайку не без горечи. — Она не более невозможна, чем ты. Мир меняется быстрее, чем ты можешь себе представить. Колдовские камни искажают Сарамир, и все теперь зыбко».

— А ты что-то не в духе, Кайку, — проговорил сзади Джугай. — Чувствую даже отсюда.

Она послала ему извиняющуюся улыбку. На сердце чуть-чуть полегчало.

— Поговори со мной, Джугай. Путешествие будет долгим, но, если никто не поднимет мне настроение, я боюсь не дожить до следующего дня.

— Прости. Я сегодня не самый лучший шутник, — усмехнулся Джугай. — С прошлой ночи мне что-то нехорошо, но от ходьбы немного легчает...

— Что, перебрал? — поддела его Кайку.

— Нет. Ни капли спиртного не брал в рот. Хм... Неудивительно, что теперь так плохо.

Она тихонько рассмеялась. Номору раздраженно оглянулась.

— Тебя что-то беспокоит. — Джугай заговорил серьезнее. — Маска?

— Нет, не маска. — Она и вправду совсем о ней забыла, думала только о нанесенной Азарой ране. А маска лежала в ее

сумке, та самая маска, которую украл и из-за которой погиб ее отец. Кайку внезапно ощутила, как она жадно пялится ей в спину. Пять лет эту вещь скрывал сундук в доме, она ни разу больше ее не надела, потому что хорошо знала, как работают маски Истины и как трудно от них избавиться. Надевающий маску впадает в зависимость от эйфории, которую дарит Узор. Она дает величайшую мощь, но крадет разум. А сейчас Кайку вновь почувствовала коварную тягу, страстное желание нового прикосновения, как всегда, когда думала о маске.

Маска звала ее.

После полудня сделали привал на травянистом склоне под каменным навесом. Они уже выбрались из лощины и обходили по краю осевшую россыпь расколотых камней. Со всех сторон ее обрамляли высокие утесы. Кое-где камни вырастали прямо из-под земли, как страшные цветы с лепестками из кварца, известняка и малахита. Другие упали с высоких утесов, которые грубо врезались в небо. Путники уже больше часа метались от укрытия к укрытию. Идти получалось быстрее, чем через лощины, но нервы едва выдерживали. На открытом месте почти невозможно чувствовать себя в безопасности.

— И зачем мы пошли этим путем? Мы же не настолько торопимся! — Джугай деловито жевал холодную дичь.

Тонкое лицо Номору напряглось — обиделась.

— Я проводник, — отрезала она. — Я знаю эти места.

Джугай остался невозмутим.

— Тогда, пожалуйста, просвети меня. Я их тоже знаю, хотя, наверное, не так хорошо, как ты. К югу есть переход, где...

— Там идти нельзя, — жестко ответила Номору.

— А почему? — спросил Тсата. Кайку посмотрела на него удивленно. Он заговорил в первый раз за день.

— Не важно. — Лицо Номору стало еще угрюмее. Грубость ее манер покорила Кайку.

Тсата задержал на ней взгляд. Он сидел на корточках в тени большого камня. Бледно-зеленые татуировки на лице и на руках...

Странно, но здесь, в Разломе, он смотрелся очень органично. На рассвете, в бледном свете начинающегося дня кожа его казалась болезненно-желтоватой, а теперь — золотистой, и он выглядел гораздо более здоровым.

— Ты знаешь эти земли и должна поделиться этим знанием. Скрывая что-то, ты вредишь *пашу*, — проговорил он.

— *Пашу?* — Номору непонимающе фыркнула.

— Группе, — пояснила Кайку. — Мы путешествуем вместе, поэтому мы — *паш*. Так? — уточнила она у Тсаты.

— Один из видов. Есть и другие *паш*и. Но я имел в виду именно это.

Номору раздраженно вздернула руки. Когда упали рукава, Кайку заметила татуировки: замысловатые фигуры и спирали. Они переплетались с эмблемами и пиктограммами, обозначающими заслуги владелицы, кому она хранила верность и какие на ней лежали обязательства. Нищие, воры и другие жители Квартала Бедняков в Аксеками традиционно запечатлевали на коже историю своей жизни. Так они не могли нарушить данные обещания. Повинуясь необходимости, бедняки всячески поддерживали друг друга. Чаще всего полагались на слово, но в исключительных случаях требовалось нечто большее. И материальным подкреплением соглашения становилась татуировка. Обычно сначала делали половину ее, а заканчивали потом, когда задача была выполнена. Татуировщики Квартала Бедняков знают всех в лицо, знают все долги. Клятвопреступника очень скоро раскрывают, и долго ему не прожить, потому никто не согласится оказать ему помощь.

Странно, думала Кайку, что чем меньше денег и собственности, тем честнее человек. Любопытно, нарушила ли Номору какую-то клятву... Кайку не понимала ни значения символов, ни вытатуированных слов на арго низкого сарамирского.

— Земли одних сменяют земли других, — уступила Номору. Естественно, ей не удалось сделать это изящно. — А границы не определены. Непонятно, где заканчивается одно владение и начинается другое. Ходят разведчики и воины, но нет регулярной стражи, нет укреплений. Я вас между владениями веду. Тут плохо с

охраной. Легче проскользнуть. — Она кивнула в направлении усыпанной камнями равнины. — Здесь поле боя. Посмотрите на землю. Никто ей не владеет. Духов слишком много.

— Духов? — переспросила Кайку.

— Они приходят ночью. Тут многих убили. Места помнят. Поэтому мы идем днем. Пока смотрим под ноги, мы в безопасности. — Номору почесала коленку через штаны и посмотрела на Джугая. — Проход по верху захватили месяц назад. Дрались, кто-то победил, кто-то проиграл. — Она пожала плечами. — Сунетесь туда хоть на шаг — вас убьют. — Подняла насмешливые глаза на Тсату. — Убедила?

Он вздернул подбородок. Номору нахмурилась: она не знала, что это охамбский кивок. Кайку промолчала. Она уже решила, что растрепанная разведчица ей не нравится.

Поздно вечером удача оставила их.

Мрачное небо с перистыми полупрозрачными облаками слабо светилось фиолетово-алым, кое-где сгустились синие тени. Ночь эту делили между собой Ария и Нерин, они уже встали на западе, но висели пока низко. Тонкий зеленоватый месяц едва выглядывал из-за широкого лица сестры. Номору вела их по высокому гребню, который поднимался над равниной, засыпанной камнями и изрезанной ущельями. Заросшие травой уступы вздымались, как зубья пилы. Путникам постоянно приходилось огибать темные провалы или карабкаться по головокружительно высоким склонам. Неимоверно сложно, но преимущество того стоило: в складках породы легко скрыться, и никто их не заметит, если только не врежется на бегу.

Они уже почти дошли до конца хребта, где можно было снова ступить на ровную почву. Номору подняла руку со сложенными пальцами — этот жест в Сарамире обозначает «тихо». Все знали его с детства — родители успокаивали им своих чад. Тсата, может быть, догадался о его значении, во всяком случае, двигался он совсем бесшумно.

Кайку попыталась услышать нечто необычное, но улавливала только отдаленные звериные крики и набирающий силу хор ночных насекомых. Следов человеческого присутствия не видели уже давно, то ли случайно, то ли благодаря Номору. Они уже было расслабились, да разглядели вдалеке крупного хищника. Нервы Кайку напряглись в предчувствии опасности, адреналин вызвал дрожь и отгнал все мрачные мысли в сторону.

Номору обернулась, взглядом велела всем оставаться на месте, мгновенно перемахнула через каменную стену и скрылась.

Джугай подкрался к Кайку, пригнувшись к земле. В руках он сжимал заряженную винтовку.

— Чувствуешь что-нибудь? — прошептал он.

— Не пробовала. Опасаюсь. Если это ткач, он может меня заметить. — Кайку ни слова не сказала о том, чего боится больше всего: она никогда прежде не сражалась с ткачом в Узоре, как и все другие сестры... кроме Кайлин. И очень боялась, что когда-нибудь этот момент наступит.

А потом Кайку заметила, что Тсата исчез.

Ткиурати пригнулся очень низко. Слева от него вздымались скалы. На уровне инстинкта, который не требует обдумывания, он чувствовал те места, из которых его видно, и те, где он скрыт ото всех. Справа его защищали колючие кустарники, он слышал бы приближение кого угодно с этой стороны. Но высоко вверх, на каменном пальце, чернели тени, где легко мог бы укрыться снайпер или лучник. Он обошел скалы справа, тогда как Номору двинулась влево. Ткиурати надеялся обойти гряду вокруг и встретиться с разведчицей. В крайнем случае можно перелезть через верхушку.

Логику этого простого расчета отточили тысячелетия жизни в джунглях. Единственного разведчика может укусить змея, он рискует угодить в ловушку, сломать ногу, попасться врагам — и окажется неспособен предупредить *паш*. А враги неминуемо выследят место, из которого он пришел, и нападут на остальных. Два разведчика, идущие разными маршрутами, но друг за другом наблю-

дающие, — мишень потруднее, их нелегко застать врасплох. Если же одного постигнет неудача, то второй спасет его или пойдет за подмогой. Так безопаснее для группы.

Загадочный способ мышления чужаков, кураальцев и сарамирцев, ставил Тсату в тупик. Их действия обескураживали его. В этом мире о многом не говорили, правду заменяли намеками, предположениями и подтекстами. Взять, к примеру, их любовь. Тсата видел, как Саран и Кайку играли в странную игру на корабле Чиена. Как же так: недопустимо произнести вслух то, что обоим известно, признать вспыхнувшую друг к другу страсть, но допустимо косвенными жестами, намеками и уловками демонстрировать это же?! Каждый замкнут только на себе, скрывается, не желает ничего разделить с другим. Они копят силу вместо того, чтобы применять ее. Словами и действиями стараются заполучить какое-то преимущество для себя, но не используют этого на благо *паша*. И вместо равенства и общности существуют в культуре неравенства, со множеством групп, где низкое положение есть результат рождения, отсутствия собственности или проступков отца. Все это казалось настолько глупо и запутанно, что Тсата не знал, с какой стороны подступиться.

Он чувствовал некоторое родство с Сараном. Саран готов был пожертвовать любым членом своей экспедиции, чтобы выбраться из охамбских джунглей живым. Это Тсата мог понять. Саран старался ради более крупного *паша* — Либера Драмах и сарамирского народа. Других интересовали только деньги или слава. Только Саран действовал неэгоистично. Но даже Саран, как и все остальные, скрывал свои намерения и указывал Тсате, что делать и куда идти. Он полагал себя «вожаком» группы, а между тем Тсата не взял платы и пошел с ним по доброй воле.

Нет, это уж слишком. Он выбросил подобные мысли из головы. Подивиться повадкам этих странных людей можно и позже.

Каменная стена слева и не думала закругляться, чтобы соединить тропы Тсаты и Номору. Ткиурати решил перебраться через нее. На несколько мгновений он останется без укрытия, и это опасно, но неизбежно. Плавным движением Тсата выпрыгнул вверх,

использовав силу толчка и крепость рук, чтобы подтянуться. Удачно нащупав ногой опору, он забрался наверх и распростерся на неровном камне. В родных джунглях желтушная кожа с зелеными татуировками сработала бы как естественный камуфляж, а теперь он чувствовал неудобство оттого, что его видно. Он мягко сполз по скале с другой стороны и укрылся за редкой растительностью. Прибывающие луны смотрели на него, с неба сочился их бледный свет с зеленоватым оттенком.

Тсата оказался на вершине длинного и узкого каменного гребня. Край — слева, чуть ниже, совсем близко. Гребень уходил вперед, а потом обрывался маленьким плоским пяточком. С трех его сторон земля обрывалась.

Он услышал их, почуял их запах еще до того, как увидел. Люди шли туда, где остались Кайку и Джугай. Двое, облаченные в странное смешение свободной черной одежды и доспехов из черной кожи. Напудренные лица казались неестественно белыми. Глаза обведены черно-синим. Их грязные одежду, волосы и кожу покрывала боевая темно-синяя раскраска. Двое выглядели неопрятно и омерзительно пахли ритаси. Тсата знал этот цветок с пятью лепестками — сарамирцы жгли его на похоронах. Они несли старые и ненадежные винтовки, тяжелое и перепачканное сажей оружие. За поясом у каждого торчал кривой меч.

Тсата закинул на плечо винтовку и вытащил из-за пояса *кнта*, охамбское оружие для боя в джунглях, где длинные мечи и винтовки неудобны и постоянно рискуют зацепиться за лианы или ветви деревьев. *Кнта* представляли собой обвязанную кожей рукоятку со стальным набалдашником и двумя кривыми лезвиями в фут длиной. Лезвия изгибались в противоположных направлениях и сужались к концу. *Кнта* использовались в парах, одна — чтобы защищаться, другая — чтобы нападать. Четыре смертоносных клинка служили безотказно. Они требовали совершенно особенных, звериных движений. Сарамирцы придумали им название, которое произнести легче, чем охамбское — крюки-потрошители.

Тсата спрыгнул с уступа, как кошка, и приземлился совершенно бесшумно. Ткиурати пренебрегали всеми видами украшений, которые могли звуком выдать его, ведь именно в беззвучности главное преимущество в джунглях. Двое неуклюжих мужчин не услышали, как Тсата подкрался к ним сзади. Легкая добыча.

Он застал их врасплох.

Ткиурати бросился с клинком на шею стоящему справа, вложив в удар достаточно силы, чтобы сразу обезглавить противника.левой рукой он ударил другого, который еще только разворачивался в его сторону. Удар пришелся прямо в шею, недостаточно сильный, чтобы сразу снять голову, но его хватило, чтобы разрубить мышцы. Клинок застрял в позвоночнике. Когда первый упал, Тсата уперся ногой в грудь второго и с помощью этого рычага вытащил крюк-потрошитель. На нем дымилась кровь. Из раны тоже полилась кровь, густо пачкая грудь жертвы. Тсата отступил. Человек рухнул на землю. Кажется, тело еще не понимало до конца, что он мертв, и сердце лихорадочно билось в груди.

Удовлетворенный тем, что большая часть *паша* теперь в безопасности, Тсата тут же подумал о Номору. Он тщательно стер кровь с лезвий и пеньковой безрукавки, чтобы враги не почуяли его запах. И направился вдоль обрыва туда, откуда пришли его жертвы.

Он увидел ее на низком пятачке земли в конце уступа. Она стояла спиной к скале, лицом к нему. С ней рядом еще двое. Один прижимал нож к ее горлу, другой с винтовкой осматривал окрестности. В свете догорающего дня Тсата был невидимкой. Сцену эту он наблюдал из тени горного хребта. Он быстро поискал следы еще чьего-то присутствия — ничего, ни часовых, ни лазутчиков. Не воины они, как бы ни хвастались.

Первой целью стал человек с ножом. Тсата мог бы попробовать сделать все в тишине, но риск слишком велик. Ткиурати подождал, пока никто не будет смотреть в его сторону, а потом прицелился из винтовки. Он как раз прикидывал, как бы так снять врага, чтобы тот случайно не поранил Номору, и

в этот момент разведчица посмотрела на него и подмигнула. Потом еще раз посмотрела, очень пристально. С какой-то целью. Заметив это, человек с ножом нахмурился. Она широко раскрытыми глазами смотрела на Тсату, будто побуждая его к чему-то.

Тсата успокоился. Умная. Старается отвлечь внимание врага.

— Хорош гримасничать, дура, — прошипел тот. — Я не идиот. Ты не заставишь меня отвернуться.

Он замахнулся. Но для этого ему пришлось убрать лезвие на несколько дюймов... В этот момент Тсата вышиб ему мозги.

Оставшийся с криком обернулся и начал поднимать винтовку. Тсата прыгнул на него сверху и ударил тяжелым концом ствола в челюсть. Винтовка оглушительно выстрелила, когда он падал. Тсата пробил ему череп.

Эхо от выстрелов разлеталось в сгущающейся ночи по Разлому.

Пауза. Номору и Тсата посмотрели друг на друга. Потом Номору отвернулась и подобрала винтовку и кинжал, которые у нее отобрали.

— Они вернутся, — сказала она, не глядя на Тсату. — Их много. Надо идти.

Глава 14

На них охотились. Звуки погони далеко разлетались над пиками скал.

Вернувшись, Номору изменила маршрут. Они оставили позади хребет, по которому шли прежде, и направились на северо-запад. Легче не стало — стало тяжелее. Все заработали себе кучу синяков и ссадин, пока спускались по крутым сланцевым склонам, и страшно устали. Номору гнала их больше часа без передышки. Она как будто злилась на кого-то — то ли на спутников, то ли на преследователей. Она вела их в глубины Разлома и заставляла своих выкладываться до предела. Темнота опустилась плотной пеленой.

В конце концов разведчица объявила привал на круглой, заросшей травой площадке, которой вроде бы вообще неоткуда было взяться посреди безжизненных скал. Несмотря на теплую ночь, над землей плыл влажный туман. В лучах ущербных лун он выглядел перламутрово-зеленым и навевал печаль. С западной стороны лежал узкий склон. Из-за границ площадки не было видно, что там находится.

Джугай и Кайку упали на траву. Тсата опустился на корточки неподалеку. Номору нервно ходила туда-сюда.

— Клянусь сердцем, я мог бы заснуть прямо здесь, — объявил Джугай.

— Нам нельзя здесь задерживаться. Только отдохнуть, — отрезала Номору. — Я не хотела идти этим путем.

— Мы идем дальше? — не поверив, переспросила Кайку. — Да мы же вышли на рассвете!

— Зачем так надрываться? Мы не торопимся, — снова напомнил Джугай.

— Нас преследуют, — сказал Тсата. Джугай и Кайку перевели взгляд на него. Он кивнул в ту сторону, откуда они только что пришли. — Они перекликаются. И подбираются все ближе.

Джугай почесал затылок.

— Упрямые. И это досадно. А кто они?

Номору скрестила руки на груди и прислонилась к скале.

— Не знаю, как их называют. Это культ Омехи. Не тот, что в городах. Они фанатики. По-ихнему, смерть — смысл жизни. — Она махнула рукой, будто отгоняя дурные мысли. — Кровавые жертвы, ритуальное расчленение, обеты самоубийства. Смерти они ждут с нетерпением.

— Ну в таком случае Тсата преподнес им приятный сюрприз, — усмехнулся Джугай и подмигнул ткиурати. Тсата засмеялся. Это поразило всех. Никто прежде не слышал его смеха, до сих пор вообще казалось, что чувство юмора у него начисто отсутствует. Они даже подозревали, что его выражение веселья не имеет никакого отношения к привычному для сарамирцев смеху.

Номору не оценила шутки. Она злилась — на себя, потому что ее поймали, и на Тсату, потому что он ее освободил.

— Я не думала, что они там, — грубо бросила она. — Неделю назад были другие. Мимо них можно было пройти. Они ни на что не обращали внимания.

— Может, поэтому их теперь там и нет? — предположил Джугай.

Номору бросила на него сердитый взгляд и повторила:

— Я этим путем идти не хотела.

Кайку, пытаясь подкрепить силы куском пряного хлеба, посмотрела на разведчицу снизу вверх.

— А почему? — поинтересовалась она с набитым ртом. — Что не так с этим путем?

Номору вроде собиралась что-то сказать, но прикусила язык. В ее глазах промелькнула тень испуга.

— Не знаю. Знаю только, что здесь ходить не стоит.

— Номору, если ты что-то слышала об этих местах, лучше расскажи нам! — Номору явно замалчивала что-то, и это упрямое молчание пугало Кайку больше, чем страшная история.

— Не знаю я! В Разломе полно легенд и баск. Я их и наслушалась. О том, куда мы идем, ходят плохие слухи.

— Что за слухи? — настаивала Кайку. Она откинула челку с лица и жестко посмотрела на Номору.

— Плохие слухи, — упрямо повторила проводница, ответив Кайку не менее дружелюбным взглядом.

— А наши преследователи пойдут туда за нами? — спросил Джугай, нащупывая другой путь.

— Нет. Если у них есть мозги. — Номору, видимо, надоели расспросы, и она велела всем подниматься. — Надо идти. Они догоняют нас.

Джугай взглянул на Тсату. Тот подтвердил слова провожающей угрюмым охамбским кивком. Он поднялся и предложил Кайку руку. Ноги болели, но завтра они будут болеть еще сильнее.

— Надо идти быстро! — нетерпеливо прошипела Номору и направилась по узкому травянистому склону вниз. Почва под но-

гами становилась болотистой — узкий проход с двух сторон зажимали стены черного гранита, с которых точилась вода тысяч родничков. Сырой, стылый воздух пробирал до костей. Спускаясь, путники чувствовали, как набрякает от влаги кожа. Из мрачного, зловещего тумана выступали пучки травы и клочковатой молодой поросли. Странные лишайники и папоротники — ленты темно-зеленого, фиолетового и красного — покрывали угрюмые каменные стены, попадались на кочках. Сверху лился безрадостный свет Ария и Нерин. Местность казалась хмурой и тихой. Тишину нарушали только редкое повизгивание и рычание невидимых существ.

Под ногами уже начало похлупывать. Следы моментально заполнялись водой. Когда тропа окончательно перешла в болото, Джугай выразил беспокойство — а пройдут ли они здесь вообще? Номору промолчала. Ответом послужили отголоски погони — преследователи перекликались на каком-то тайном, темном языке. Хотя воздух вокруг приглушал звуки и не пропускал эхо, было ясно, что они близко.

Они углублялись в топи. Потревоженный туман окутывал ноги и зловеще обвивался вокруг колен. Путники тащились гуськом. Грязь засасывала их, словно стараясь стянуть обувь. Тсата с винтовкой в руках шел последним и постоянно оглядывался, ожидая, что в любой момент там появится больше грязных фигур.

— Мы тут слишком открыты, — заметил он.

— Вот поэтому-то и спешим, — отозвалась Номору. Она споткнулась и выругалась. — Они нам ничего не сделают, если мы будем далеко впереди.

Преπειраться было уже поздно, поэтому и дальше пробирались через мрачное болото так быстро, как только могли — вслед за Номору. Она шагала противостоестественно уверенно. Если они хоть на шаг сходили с тропы, которую прокладывала она, то немедленно увязали в грязи. Но если ступали по ее следам, ноги не проваливались.

Вдруг Тсата прищелкнул языком. От этого на удивление громкого звука Кайку даже подпрыгнула.

— А вот и они, — сказал ткиурати.

Номору оглянулась. В самом верху склона показались четверо мужчин и одна женщина. Двое были с винтовками. Пока женщина подзывала других, стрелок прицелился и выстрелил. Сырой воздух поглотил резкий звук. Кайку и Джугай машинально пригнулись, но выстрел пришелся куда-то в сторону.

Номору отошла к Тсате и сняла с плеча винтовку. Кайку впервые заметила, как не соответствует это оружие образу Номору. Номору — неотесанная, неопрятная и жилистая, а ее винтовка — просто произведение искусства, по-настоящему красивая вещь, покрытая черным лаком, с выгравированными золотыми пиктограммами и серебряной инкрустацией на барабане.

— Спокойно, — сказала она Кайку и Джугаю, которые вздрогнули от очередного выстрела. — Они не попадут. Мы вне зоны досягаемости.

— А что тогда ты делаешь? — уточнил Джугай. Очень сложно стоять смирно на открытом месте, пока кто-то в тебя стреляет, и не важно, с какого расстояния. Но сдвинуться с места без Номору он не осмеливался, проникшись здоровым уважением к опасностям болот.

Номору прижала винтовку к плечу, прицелилась и спустила курок. Один из последователей древнего культа упал с простреленным лбом.

— Зато они в зоне моей досягаемости. — Номору передернула затвор, чтобы перезарядить винтовку, чуть-чуть повернула барабан влево и снова выстрелила. Рухнул второй.

— О боги... — пробормотал потрясенный Джугай.

Уцелевшие торопливо ретировались.

— Вот теперь им есть над чем подумать. — Номору вновь закинула винтовку на плечо. — Пошли.

Она заняла место во главе колонны и зашагала дальше. Остальные не без труда за ней поспевали.

А через какое-то время Кайку почувствовала перемену. Сначала нечеткое ощущение сложно было даже определить, оно скорее напоминало легкое неудобство. Постепенно оно нарастало, пока

не зашевелились волоски на руках. Кайку оглядела остальных, пытаясь определить, чувствуют они то же самое или нет. Никто не подавал виду. У нее возникло легкое ощущение нереальности, будто она отделена от группы, существует в другом мире. Как привидение, которое ее спутники не способны ни видеть, ни слышать, ни осязать. Кана шевельнулась внутри нее.

Ощущение исходило от болота, от самой земли, по которой они шли, и оно усиливалось — как если бы земля вокруг медленно пробуждалась. К осознанию этого пробуждения примешивалась злоба.

— Стойте, — сказала Кайку. Все замерли. Они добрались до середины болота, что никак не подпадало под определение «безопасное место». А ощущение нарастало. Воздух истекал злом, колоссальным, вопиющим злом, как кровью. — Ради всех богов, подождите. Топь... Тут что-то есть... — Голос звучал высоко и слабо, точно ее загипнотизировали. Рассеянный взгляд блуждал.

Своими словами Кайку будто бы подала кому-то знак. Внезапный порыв ветра принес с собой омерзительный запах гниения и так взметнул туман, клубившийся под ногами, что тот накрыл их с головой. Ветер быстро пронесся и затих, но туман и запах остались. Белая, почти непрозрачная пелена превратила мир в скопище серых теней. Раньше путники видели, где топь начинается и насколько тянется. Теперь видимость резко сократилась. От этого стало тревожно.

— Номору, что ты слышала об этих местах? — резко потребовал ответа Тсата.

— Это был единственный путь, которым мы могли пройти. — Она пыталась защищаться. — Просто слухи. Не знаю...

— Что ты слышала?!

Сдержанный ткиурати почти никогда не повышал голоса. Но то, что делает Номору — это уже слишком. Она одиночка, исчезает, когда захочет, никому ничего не говоря, утаивает крупницы знания, которыми обладает, вместо того, чтобы поделиться со всеми. Жонглирует словами и сведениями, только бы контролиро-

вать группу. Тсата не мог этого вынести. Ее уловки сейчас подвергают паш опасности. И если нужно, он ее запугает.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Две воли сражались между собой. В конце концов уступила Номору.

— Демоны. Руку-шан.

Отдаленный резкий звук пробился сквозь туман, будто стучали друг о друга две полые палки. Звук нарастал, достиг апогея а потом растворился в воздухе. Джугай выдохнул и грязно выругался.

— Нам больше было некуда идти, — повторила Номору, на этот раз мягче. — Я не верю слухам.

Джугай провел рукой по волосам, поправил повязку на лбу и неприязненно стрельнул в разведчицу глазами.

— Просто выведи нас отсюда.

— Я не знаю дороги отсюда! — закричала она, обведя рукой окруживший их мрак.

— Придется наугад! — заорал Джугай.

— Сюда, — спокойно проговорил Тсата. Он не шевельнулся с того момента, как внезапно поднялся туман.

— Они приближаются! — Кайку в панике оглядывалась. Радужки ее глаз из карих стали темно-красными.

Больше времени не теряли. Номору шла впереди в указанном Тсатой направлении, пробиралась через топь так быстро, как только могла. Туман позволял разглядеть ближайшие предметы, но в двадцати шагах темнели лишь расплывчатые пятна. Они с трудом шагали по грязи, напрягая зрение и слух. Стук исходил уже отовсюду, ритмичное щелканье колебалось от медленного и зловещного до быстрого и агрессивного. Туман не оставлял никакой надежды обнаружить его источник. Винтовки держали наготове, зная, что железо в пулях их единственное спасение от демонов, да и то они в лучшем случае их отпугнут.

— Кайку, — позвал ее сзади Джугай. Казалось, она его не слышала. — Кайку! — повторил он и положил руку ей на плечо. Она взглянула на него, как если бы только что очнулась от сна.

Девушка дрожала, и глаза у нее были дикие. Она вспоминала других демонов и тот ужас, который пережила при той встрече.

— Кайку, ты нам нужна. — Джугай неотрывно глядел на нее. По-видимому, она не понимала. Он вдруг улыбнулся, очень неожиданно, и отвел назад ее длинную челку, закрывавшую половину лица. — Нужно, чтобы ты нас защитила. Можешь?

Она задержала взгляд на его лице и торопливо кивнула. Он ободряюще улыбнулся и дружески похлопал ее по плечу.

— Хорошая девочка. — В любой другой ситуации это нежное обращение Кайку сочла бы оскорбительно-покровительственным, но сейчас оно показалось ей отличной поддержкой.

— Вперед! — рывкнула Номору, и они удвоили усилия, чтобы поспеть за ней.

Кайку жила сейчас в другом пространстве, не в том, где все остальные. Она вошла в Узор и балансировала между материальным миром и тканью неземного, простирающейся за пределами человеческого видения. Обостренное восприятие дало ей больше ощущений, чем простой страх остальным. Она слегка касалась чудовищного разума демонов, безмерности их мыслей. Это угрожало ее жизни. Она старалась защитить себя, не соскользнуть с лезвия ножа в зияющую пустоту, которая только ждала, когда же Кайку попытается понять ее... В тот раз, когда она заглянула в мир Детей Лун, было иначе. Тогда ее потрясла собственная незначительность перед лицом непостижимого знания. Руку-шаи не обладали могуществом тех ужасных духов, но они ненавидели, и перед силой этой ненависти Кайку дрожала от страха. А сейчас она притягивала их внимание.

Сарамирские легенды гласили, что демоны — это нечистые души, обреченные на существование в телесной форме за страшные оскорбления, нанесенные ими при жизни богам. Не живые и не мертвые, проклятые на муки лимба. Кайку знала, что это не так и что ее народ никогда не узнает, откуда приходят демоны. Они слишком другие, не такие, как люди, и невозможно поверить, что они когда-то ходили по земле, любили, теряли, улыбались и плакали — как она.

Кайку видела сквозь туман, сквозь медленно свивающиеся, сияющие золотом нити — видела демонов. Они выползали из болота. В чистоте Узора тела их казались спутанными черными клубками. Подробностей она не различала, но очертания представлялись явственно. Демоны походили на змей с хвостами-жилами. От брюха каждого расходились по шесть тонких ног с колючими сочленениями, отдаленно напоминающими паучьи конечности. Они ползли медленно, с преувеличенной осторожностью переставляя двупалые лапы. И все время раздавался тот перестук, от которого кровь стыла в жилах: они щелкали горловыми костями, общались на своем чудовищном языке.

— Их трое, — сказала Кайку и тут же споткнулась и выше колена угодила в лужу с тошнотворно пахнущей жижей. Тсата схватил ее под руку, прежде чем она не ушла еще глубже, и легко вытащил, как если бы она ничего не весила. — Трое, — повторила она, едва дыша.

— Где? — требовательно спросил Тсата, подталкивая ее вперед.

— Слева.

Джугай машинально оглянулся, но там висела только серая завеса тумана. Номору продвигалась вперед. Ее почти не было видно.

— Номору, подожди! — прокричал Джугай. Где-то впереди Номору взорвалась проклятиями. Сейчас стало очевидно, что злость — всего лишь прикрытие для первобытного ужаса, который кипел внутри и в любой момент мог выплеснуться наружу. Как только они приблизились, Номору снова пошла вперед и задала нещадную скорость.

— Далеко еще до края топи? — спросил Джугай у Кайку.

— Очень далеко, — ответила она.

Она чувствовала, что демоны преследуют их и ждут, когда они выдохнутся, как загоняющие антилопу собаки. Путники на ногах с самого рассвета, это несложно прочитать по их усталым и часто неверным шагам. Руку-шаям нужно только дожидаться подходящего момента.

Осознав это, Кайку остановилась. Она уже бежала от демонов, от безжалостных шин-шин. Дни и ночи она пряталась от порченных в Лакмарских горах на Фо, сворачиваясь калачиком или передвигаясь ползком. Она кралась по коридорам монастыря ткачей, боясь разоблачения. Бежать, ползти, шарахаться от тех, кто сильнее... Сколько можно?! Так было до того, как Кайлин научила ее использовать *кану*. Обучение превратило случайное, стихийное проявление в оружие, которое можно использовать. Она больше не беззащитна.

— Ну, что на этот раз? — закричала Номору.

Кайку не обратила на нее внимания и повернулась лицом к белесому туману, к демонам. Они настигали, медлительные и осторожные. Радужки ее стали кроваво-красными. Ветер развеивал волосы и одежду. Он мгновенно отбросил назад угрюмый туман.

— Я не побегу, — произнесла она с неожиданной решительностью. — Стойте.

Кана взорвалась внутри нее, миллионы волокнистых завитков устремились сквозь золотистую диораму Узора. Спутники Кайку, конечно, не смогли бы их увидеть. Шквал ударил в ближайшего демона. Мысль Кайку следовала за ним. Она словно погрузилась в холодную, зловонную жижу. На долю секунды — в мире Узора мгновение растянулось на несколько минут — она задохнулась. Ее чувства оказались запечатаны в омерзительном демоне, она забилась в панике от ощущения невероятной жестокости... Но инстинкты взяли верх, и Кайку совладала с собой. Демон оказался так же смятен, не готов к атаке, как и она сама. Она потеряла преимущество внезапности, и они сцепились на равных.

Никакой урок у сестер не подготовил бы ее к такому. В тренировочных боях не было ничего похожего на вот это ощущение от схватки с другим существом внутри Узора. Какая-то часть Кайку собиралась просто взорвать руку-шая, уничтожить его волокна всполохом пламени — именно это случилось с некоторыми несчастными, которые повстречались Кайку после пробуждения ее способностей. Но демонов и духов не так-то легко отправить на тот свет...

Они бились в сетях Узора, рвались прочь и не давали сбегать другому, как змеи, кусающие друг друга за хвост. Демон стремился проследить по нитям, где находится ее уязвимое тело, она из всех сил старалась предотвратить это и одновременно сделать то же самое. Она была повсюду, ее разум разделился, рассыпался на тысячи осколков, разбежался по сотням крохотных сплетений: здесь — завязать нить в узел, чтобы остановить надвигающуюся, скользящую вдоль нее черноту, там проскочить между волокнами, чтобы прощупать бреши в обороне демона. Кайку пользовалась перенятыми у Кайлин приемами. Удивительно, но она будто бы владела ими всю жизнь. Она рвала и путала нити, делала петли, и демон плутал и кружил на месте. Она рвала полотно, на котором они сражались, вынуждая врага обходить дыры, пока сама метала в него кану, чтобы ослабить защиту.

Она совершала обманные ходы и прощупывала оборону противника. Связать все нити в узел — расшвырять их и пустить демона по нескольким ложным следам. При каждом прикосновении Кайку ощущала горячее, темное зловоние врага и пугающую цельность его ненависти. Снова и снова она отступала, штопала проделанные демоном дыры, чтобы блокировать его движения, чтобы он не добрался до нее и не затопил страшной энергией... Она отворачивалась, огибала его, вела за собой, а потом сама отходила назад под его натиском. Маневры демона не походили ни на что из того, чему учили сестры. Наверное, особая демоническая логика, которую ей не постичь...

Силы их были равны. Чаша весов клонилась то в одну сторону, то в другую, но по существу ничего не менялось. И все же мало-помалу Кайку адаптировалась к схватке. Ее движения стали увереннее. Она уже не барахталась и увереннее контролировала себя. Если бы демон бросил все свои силы, чтобы подавить ее в начале, она, может быть, проиграла... Но она выучила его приемы, он часто повторял одно и то же. Кайку поняла, что у нее получается отслеживать и пресекать движения врага, и это наполнило ее бурным восторгом. Она оказалась быстрее и проворнее в

ткани Узора, чем ее противник. И только неопытность позволила существу так далеко отбросить ее назад.

И она поняла, что сможет победить.

Кайку собрала все нити, что могла удержать, в плотную ленту и спиралью взвилась в небо, увлекая врага за собой, как хвост кометы. Она молниеносно подняла его на головокружительную высоту, обхватив петлями и узлами. Эта странная атака оглушила демона. Он реагировал очень медленно. Кайку наносила быстрые удары один за другим и отвлекала противника от средоточия его разума. И вдруг ловко обогнула его, нырнула, перескакивая с одной нити на другую, и помчалась к телу демона. Поле сражения осталось далеко позади. Руку-шай понял, что пренебрег тем, что должен был прежде всего оберегать, и повернул назад так быстро, как только мог. Но Кайку неслась с предельной скоростью, и враг не успевал за ней. Она сконцентрировала всю мощь каны и, подобно приливной волне, прорвалась сквозь его защиту. Она металась внутри демона, сквозь волокна его физического тела, выжигая мускулы и вены, вытесняя собой его сознание.

Было уже не до эстетики. Кайку просто укоренилась внутри руку-шай, а потом разорвала черный узел его существа. Демон издал нечеловеческий горловой треск. Из глотки его пыхнуло пламя, брюхо и конечности раздулись, и он разлетелся ошметками плоти и кусками хрящей. Кайку подхватило потоком гнева и боли. Весь Узор содрогнулся. Кайку почувствовала эту отдачу через кану. Кана вернулась вглубь ее тела, и Кайку выбросило в реальность. Ее перевернуло от жуткой гибели руку-шай.

Она моргнула. Узор исчез, остался только серый туман. Ее спутники смотрели на внезапно вспыхнувшее с одной стороны свечение. Возможно, для них прошло не больше секунды. Кайку же чувствовала себя так, будто выиграла целую войну в одиночку.

Обуявший ее восторг по поводу победы в этой войне моментально испарился, потому что она услышала галоп приближающихся демонов. Убив одного, она разгневала оставшихся. Кажется, они больше не собирались ждать добычи. Щелканье стало жестче

и резало слух. Влажная завеса тумана сгустилась в две чудовищные тени. А у Кайку не осталось времени, чтобы собрать кану.

И руку-шаи до них добрались.

Они вырвались из зловещей дымки. Шесть пар ног подбрасывало каждого в жутком беге. Демоны достигали семи футов в высоту — от кончиков копыт до шишковатого гребня позвоночника — и двенадцати в длину. Серо-зеленая бледная кожа обтягивала тела. Угловатые туловища прикрывала костяная броня. Это сплетение заостренных наростов и шипов напоминало кольчугу из колючек, вымазанную вонючей грязью. На ней болтались остатки болотного хвоща. На плоских головах блестели глубоко посаженные желтые глаза. Когда руку-шаи открывали пасти, во рту у них натягивались кожистые перепонки трупного цвета.

Невероятная скорость помогла им застать группу врасплох. Кайку бросилась в сторону, когда один из демонов молнией пролетел мимо нее. Его хвост хлестнул настолько быстро, что в воздухе над головой Кайку только расплылось нечеткое пятно. Она неудачно упала, споткнувшись о пучок длинной травы, и расплталась в скользкой чавкающей грязи. Напавший на нее демон подался назад и сложил две передние ноги, как богомол. Он ударил бы ее смертоносно точно, но бахнула винтовка, и пуля чиркнула о броню на его щеке. Демон отступил. Кайку почувствовала руку Джугая, который рывком поставил ее на ноги.

Она удержала равновесие как раз вовремя: другой руку-шай возвышался над плечом Джугая. Он тоже стоял в позе насекомого-богомол. Кайку в ужасе заметила, как демон неуловимо быстро ударил копытом Тсату, и ткиурати в брызгах крови повалился на бугорок. Через мгновение демон вновь повернулся к ним.

— Джугай! Сзади! — завопила Кайку, но уже слишком поздно. В тот момент, когда Джугай обернулся, змеевидный хвост демона хлестнул его по ребрам. Он вздохнул и упал на Кайку; все его мышцы разом ослабли. Она машинально подхватила его. Потом выстрелила другая винтовка, и послышалось злое, рычащее щелканье руку-шай. Кайку отпустила Джугая. Она сразу поняла,

что ужаливший его демон бьется в агонии: выстрел Номору пробил броню на шее.

Но напавший первым руку-шай со сложенными передними ногами и открытым ртом навис над нею. С кривых и сломанных клыков свисали веревки желтой слюны. Из глотки его раздавалось угрожающее шелканье.

На действие у Кайку осталась одна секунда, но ее хватило. Отчаянным усилием воли она подняла из себя *кану* и, выбросив руку вперед, яростно атаковала. Узор проявился вокруг нее. Она собрала всю свою энергию в узкий-узкий поток и прошла защиту демона, как игла проходит сквозь ткань. У Кайку не осталось ничего, чем она сама могла бы защищаться. Руку-шаю не достало скорости, чтобы отразить удар. Демон растерялся перед ее самоубийственно-смелым маневром, и Кайку в мгновение ока пронзила сердце чудовища и разорвала его на куски.

Убивший демона взрыв опалил ее перепачканное лицо. Где-то сзади на чем свет стоит ругалась Номору, сыпала проклятиями на наречии трущоб. Она раз за разом палила в оставшегося демона и раз за разом передергивала затвор. Оставив Джугая и догорающие останки своей последней жертвы, Кайку поковыляла на помощь разведчице.

Номору стояла над лежащим ничком Тсатой и изо всех сил оборонялась от руку-шай. С каждым выстрелом существо корчилось от боли — железные пули жгли его плоть, — но не отступало. А пули кончались.

Кайку закричала, отвлекая руку-шай на себя. Она с трудом брела через топь. Радужки ее глаз светились красным. На лице застыла зверская маска. При ее приближении демона покинули остатки храбрости. Щелкнув в последний раз, он нырнул в туман.

Номору спустила курок для последнего выстрела. Ее винтовка бессмысленно сказала «пуфф». Номору израсходовала весь заряд пороха. Она взглянула на Кайку без всякого выражения, согнулась над Тсатой и перевернула его на спину.

— Тащи другого. — Номору не подняла на Кайку глаз.

Девушка подчинилась. Воздух становился менее гнетущим, зло уходило, как выдох. Туман вокруг них словно истончался. Кайку чувствовала себя обессиленной. Демоны убиты, последний ушел. Усталость придавила ее тяжким грузом. Адреналин больше не поступал в кровь. Она задрожала.

Джугай, раскинув руки, лежал на земле лицом вниз. Рубаха порвалась там, где его коснулся хвост руку-шая. Из раны текла кровь. Кайку опустилась подле него на колени, стянула мешок, перевернула на спину и потрясла за плечо. Никакой реакции. Она снова потрясла его. Голова моталась туда-сюда.

Удивление сменилось тревогой. Не настолько же тяжело он ранен. Что не так? Кайку не училась искусству травников и целителей, она не знала, что делать. Новая волна ужаса поднималась в ней, и измождение не могло ее подавить. Джугай — ее друг. Почему же он не приходит в себя?!

«Омеха, тихий жнец, неужели ты отнял у меня еще слишком мало? — горько взмолилась она. — Пусть он живет!»

— Яд, — сказали за ее плечом. Кайку обернулась. Рядом с ней склонился Тсата. На лице его кровоточила глубокая рана, правый глаз заплыл. Когда он говорил, то невольно причмокивал разбитыми губами.

— Яд? — переспросила Кайку.

— Яд демона, — уточнила Номору, не двинувшись с места. — У руку-шаев есть специальные шипы на хвосте.

Кайку неотрывно глядела на лицо лежащего человека. Постепенно оно становилось пунцовым.

— Можешь ему помочь? — Голос ее звучал слабо.

Тсата положил пальцы на горло, нащупывая пульс. Кайку не догадалась этого сделать. Подобным вещам благородных девиц не учат.

— Он умирает, — проговорил Тсата. — Слишком поздно высасывать яд.

Туман уже почти совсем ушел в землю. Какой-то частью рассудка Кайку поняла, что они на три четверти преодолели топь. Преследователи скрылись.

— Это сделаешь ты, — сказала Номору. Кайку потребовалось какое-то время, чтобы понять, к кому она обратилась.

— Я не знаю — как, — прошептала Кайку. Она не до конца доверяла заключенной в ней силе и вдруг страшно пожалела, что все эти годы отмахивалась от Кайлин, которая советовала ей учиться, чтобы стать госпожой своей каны. Использовать ее как оружие — одно дело, совсем другое — исцелять. Раньше она чуть не убила Азару, потом Люцию — и все потому, что недостаточно контролировала кану. Крови Джугая на ее руках не будет. Кайку не станет отвечать за его смерть.

— Ты ученица, — настаивала Номору. — Ученица Красного ордена.

— Я не знаю, как! — беспомощно повторила Кайку.

Тсата схватил ее за воротник и, притянув к себе, уставился на нее здоровым глазом.

— Попытайся!

И Кайку попыталась.

Прежде чем страх снова обуял ее, она положила руки на грудь Джугая и зажмурилась. А потом вошла в него. Испещренные прожилками веки не помеха для видения Узора. Мир вновь стал золотым. Кайку нырнула в нити его тела, сквозь волокна мускулов, устремилась в иссякающий поток, который поддерживал жизнь.

Она чувствовала яд, видела его, потому что он пачкал черным золотистые нити тела. Сердце его едва трепыхалось.

Кайку не имела представления, с чего начать, что вообще делать. Ее познания в биологии были скудны, в токсикологии и вовсе отсутствовали. Она не знала другой защиты от яда кроме как просто уничтожить его — и Джугая вместе с ним. Неуверенность парализовала Кайку. Ее сознание висело в диораме его тела.

«Следи за Узором. Подчиняйся ему».

На ум пришли слова Кайлин. Давний урок. Если ничего не удастся, расслабься и позволь течению Узора показать тебе, куда двигаться.

Тело Джугая — механизм, эффективно работающий уже больше тридцати лет. Оно знало, что делало. Нужно только к нему прислушаться.

Кайку начала повторять мантру для расслабления. Несмотря на все сложности, это помогло, и неподвижная, жесткая форма сознания стала рассеиваться, таять, как превращающийся в воду лед. *Кана* легко подчинилась команде, и Кайку это поразило. То, что несколько мгновений назад казалось невыполнимой задачей, стало простым. Кайку позволила себе раствориться в веществе тела друга и доверилась природе.

Кровь струилась по венам, в мозгу мерцали синапсы, по нервам пробегали мельчайшие импульсы — это было прекрасно и совершенно. Когда Кайку стала частью этого мира, он показался ей таким же знакомым, как собственное тело. И Кайку поняла: она знает, что делать, даже не на уровне разума, а на уровне подсознания. И позволила *кане* вести ее.

Яд распространялся, подобно раку. Самая малая его частичка тут же распускала порченные нити, если ее не отсечь. Кайку двигалась между нитями тела с осторожностью хирурга. Она искала темные кольца в сияющих каналах его вен и капилляров: защищала сердце от коварного движения захватчика. Одновременно приходилось очищать зараженную кровь, которую каждое новое, пусть и слабое, биение сердца посылало дальше по телу. Кайку прилагала огромные усилия воли, чтобы поддержать в *Джугае* жизнь и обезвредить яд, — по большей части из-за слабого представления о том, что делала. Но она побеждала. *Кана* действовала словно сама по себе.

Она отслеживала яд. Завязывала узлы и сворачивала петли, чтобы остановить его распространение. Вынимала пораженные нити и отпускала их вовне, не причиняя никому вреда. Возводила опухолевые барьеры и снимала их, как только миновала опасность. Дважды ей казалось, что она справилась. Но каждый раз крошечная капелька яда оставалась незамеченной и тут же стремилась расплзтись дальше. Истощение могло вот-вот подкосить ее, но воля была сильна. Она не позволит *Джугаю* умереть. Ни за что.

И вдруг все закончилось. Кайку открыла ярко-малиновые глаза. Она вновь очутилась в топях. Во взгляде *Тсаты* читалось бла-

гоговение, даже вздох Номору выдал сдерживаемое уважение. Джугай дышал нормально. Лицо обрело обычный цвет. Он глубоко спал. Полностью дезориентированной Кайку потребовалось несколько секунд, чтобы понять, где она и что произошло.

«О боги! Я же не знала, не догадывалась даже, что может сотворить моя сила... Почему я не позволила Кайлин меня научить?»

Ощущение эйфории, глубже и сильнее всего, что она когда-либо испытывала в жизни, затопило ее. Она спасла жизнь. Не защитила друга в битве, не предупредила об опасности — почти физически оттащила его от грани жизни и смерти. Она уже познала опасное опьянение Узором, но это был другой экстаз, более чистый, более настоящий. Она воспользовалась своей силой не для того, чтобы уничтожить, а чтобы исцелить. Более того, ее этому никто не учил. Улыбка осветила ее лицо. Кайку засмеялась от радости и облегчения. А потом поняла, что плачет.

Глава 15

Император Мос проснулся от собственного крика. Крепко вцепившись мясистыми руками в расшитые золотом простыни, он пробежал по спальне диким взглядом, а когда понял, что уже не спит, рассудок вернулся к нему. Но наваждение рассеялось не сразу. Унижение, горе, гнев...

Слишком жарко. Полдень давно миновал. Несмотря на открытые ставни, в императорской спальне висела духота. Комната была просторная, полы отделаны черным *лашем*, на балкон на северо-восточной стороне Императорской крепости вела арка. Овальные окна поменьше располагались по обе стороны от арки. Через них в комнату вливался чересчур яркий свет.

Кровать стояла в центре. Остальная мебель — туалетные столики, зеркала, изящный диванчик — в основном принадлежала Ларании. А кровать Мос получил в подарок от иттриксианского посла в самом начале своего правления. Столбиками ее служили рога какого-то огромного животного из Иттрикса, каждый — дли-

ной в шесть футов. Они симметрично изгибались наружу. Золотые обручи и драгоценные камни украшали их.

В воздухе кисло пахло перегаром. Мос ощущал во рту вкус старого вина. В глотке пересохло. Император лежал голым посреди сбитых простыней.

Его венценосной жены в постели не было. И запах ее духов тоже не чувствовался. Значит, она здесь не ночевала.

Воспоминания приходили медленно. Эстивальная неделя еще только началась. Мос помнил пир, музыкантов... и вино. Много вина. Расплывчатые лица и смех всплывали в его сознании. В голове пульсировала боль.

Ссора. Ну, разумеется, какой-то скандал. Они в последнее время повторялись все чаще и чаще. Когда сшибаются две головы, искры летят во все стороны. Но на этот раз император пребывал в мирном настроении. Он все еще чувствовал некоторую вину за ту сцену в павильоне, когда едва не ударил жену. Он подлизывался к ней, и праздновали они вместе. Чувствуя хрупкость перемирия, Мос сносил ужасную компанию, которая липла к Ларании. Ради этих отталкивающих расфуфыренных позеров пришлось даже оставить своих сдержанных и интересных собеседников.

И, конечно, не обошлось без Эзеля и ее брата Рекая. Книжный червяк нашел себе ровню в свите Ларании. Мос вспоминал, что плохо держался на ногах от выпитого вина и мало говорил, а они все время несли какую-то тарабарщину, болтали про ничего не значащие вещи... Будто нарочно пытались исключить его из разговора! Что он знал о древних философах? Какое ему дело до классической винаксианской скульптуры? Время от времени Ларания старалась вовлечь его в беседу. Так голодной собаке бросают объедки! Ему не о чем было с ними говорить!

Все кусочки головоломки складывались в единую картину. Моса трясло от возмущения: они не обращают на него, императора, внимания. Он чувствовал удовлетворение: Рекаю и Эзелю его присутствие явно не по вкусу. И вожделение... Очень сильное вожделение. Он помнил, как сильно хотел Ларанию, этот голод нужно было утолить. Но он не попросил жену лечь с ним в постель.

Не делать же этого перед павлинами, с которыми она общалась! Это оскорбило бы его мужскую гордость. Она должна идти с ним, когда он пожелает. Ему не пристало умолять. Боги, он же император! Но он боялся, что, если прикажет ей, она откажется. Слишком своевольная...

Он хотел уйти. И хотел, чтобы она пошла с ним. Он не хотел ее оставлять. Ночью, когда сознание прояснилось, он понял, что не хочет оставлять ее с Эзелем. Он им не доверял.

Последнее, что помнил Мос, это рассвет. Плотное, душное облако винных паров притупило чувства, он не мог сидеть дольше. Император громко и грубо объявил, что идет почивать, при этом он выразительно поглядел на Ларанию. Все павлины церемонно, как того требовал ритуал, пожелали ему доброй ночи. Ларания торопливо поцеловала мужа в губы и сказала, что скоро присоединится.

Но так и не пришла. И Мосу этой ночью снились необыкновенно яркие кошмары. Он помнил только один и не мог избавиться от вызванных им чувств. Ему снилось такое... Невидимый, он вошел в комнату, где его жена царапала ногтями спину какого-то мужчины, который бился между ее ног. Она вздыхала и стонала, как если бы была с Мосом... А он стоял бессильный, не имея возможности вмешаться или взглянуть в лицо человеку, с которым Ларания наставляла его рога. Слабый, жалкий. Когда Какр запугал его, словно ребенка, Мос чувствовал себя так же.

Он откинулся на постели и крепко стиснул зубы. Сначала главный ткач, теперь жена? Уж не сговорились ли, чтобы унижить его? Разум говорил: вероятно, Ларания все еще там, где он ее оставил, веселится, неутомимая в своей жажде жизни. За это он ее и любил. Но Мос никогда не узнает, что произошло в те часы после рассвета. Воспоминание о сне мучило его. Злой, он ждал возвращения жены.

Жители Ашики знали, что следует бояться наступления ночи.

Эстивальная неделя стала для них проклятием. Больше не праздновали. Это было крохотное, недавно появившееся в Раз-

ломе поселение, состоявшее в основном из ученых и их семей. Обычно их состояние позволяло нанимать в охрану солдат. В последние годы все больше и больше народу стекалось в Ксаранский Разлом, чтобы избежать гнетущей атмосферы и растущего напряжения в городах. Ткачи везде имели глаза и уши — но только не здесь. Основавшие Ашики ученые и мыслители больше боялись преследований за радикальные идеи, чем слухов о Разломе.

А слухи ходили всякие...

Удача осенила их прибытие в Разлом. Ведомые Занией, Шинту или обоими сразу, они нашли укромную долину на восточном берегу Рана. Сначала она показалась им дурным местом: полным-полно останков, как в склепе... Они испугались. Но прагматичные ученые не верили предрассудкам. Вскоре они догадались, что произошло и почему это место — идеальное для основания нового города. Здесь сошлись в бою две враждующие силы. Они боролись за территорию. И уничтожили друг друга. Выжившие рассеялись. На землю никто не претендовал, а потому ученые мужи заявили свои права на нее.

Удача благоволила им несказанно. Большинство новоприбывших в Разлом не выдерживали и недели, после чего какая-то коалиция, уже неплохо вооруженная и укрепившаяся, подчиняла их. Но великая битва опустошила землю на мили вокруг. И им удалось беспрепятственно и незаметно основать маленькое поселение. Ученые скрывались в своей живописной долине и возводили первые укрепления и дома.

И готовились отпраздновать первую Эстивальную неделю в Разломе. Они чувствовали себя первооткрывателями на новом рубеже и радовались, несмотря на все трудности.

На вторую ночь Эстивальной недели стали пропадать люди.

Веселье ослабило бдительность празднующих горожан. К утру недосчитались четверых. Сначала их отсутствие никого не обеспокоило. Решили, что они напились и завалились где-нибудь поспать. К вечеру родные и близкие заволновались, однако остальных исчезновение четырех человек не убедило прекратить пиршества.

По всей вероятности, они просто решили уединиться где-нибудь для любовных игр или отдохнуть от общества. Наверное.

Той ночью пропали шестеро. Кое-кто — прямо из своих постелей.

На этот раз городок заметил. Отправили поисковые группы прочесать окрестности. Двое из поисков не вернулись.

Теперь наступила четвертая ночь Эстивальной недели. Никто не спал. Крадущие людей тихие духи и демоны запугали их до смерти. Они заперлись в домах или спрятались группками за заборами, дрожа от страха перед тем, что принесет рассвет. Они еще не знали, что демон сделал свою работу и ушел. Он получил все необходимые жертвы.

Сущность, известная Кайку как Азара, затаилась в пещере. Она до сих пор пребывала в теле Сарана Иктиса Марула. Однако Кайку не узнала бы его. Он раздулся и потяжелел. Свисающую складками кожу покрывала сетка воспаленно-красных сосудов. Строгий кураальский костюм лежал поодаль, а рядом с ним — другая одежда, украденная для нового тела. Некогда мускулистое тело сейчас стало гротескно-уродливым, мышцы нависали над складчатыми коленями. Белая пелена заволокла глаза. Под ней свободно плавали фрагменты темной радужки. Части его тела сами по себе распадалась и перестраивались по новому, невероятно точному генетическому коду. Происходило чудо превращения. Саран изменял самое себя, перерождался внутри своей собственной кожи.

В сырой пещере царила крошечная тьма. В свете факела она предстала бы маленьким уютным гротом с мелким озерцом в центре и сталагмитами. На стенах мерцали бы прожилки зеленого и желтого камня. Но у него не было факела или костра: он не нуждался в тепле и свете. Эту пещеру Саран выбрал из-за ее неприсутности. Он убедился, что поблизости нет поселений. Удушливо пахло зверем. Обитателя Саран убил и выволок из пещеры несколько дней назад. Характерный запах отпугнет других животных. Для большей уверенности он завалил вход камнями.

Он был очень уязвим в дни метаморфозы. Мышцы ослабли и провисли до такой степени, что он едва мог пошевелиться. Саран почти оглох и ослеп. Большую часть трансформации он проведет в спячке, в темноте, один на один со своими мыслями, которые будут течь медленно-медленно...

Где-то на дне его сознания все еще кружился водоворот горьких размышлений.

Азара приняла форму Сарана Иктиса Марула с самыми благими намерениями. Этот облик сделал возможным выполнение миссии в Кураале. В стране суровой, патриархальной Теократии женщинам требуется специальное разрешение на путешествие из провинции в провинцию. А что касается чужестранок, то ни одна из них вообще не имеет права ступить на кураальскую землю. Провести расследование можно было лишь в облике мужчины-кураальца. Азаре не очень нравилась такая жизнь, хотя она и находила в этом кое-какие забавные стороны. Прежде, во время скитаний и мучительных поисков себя, понимания своей сути, она несколько лет провела в теле мужчины. Она приспособилась, хотя в своей шкуре ей нравилось больше. С Сараном оказалось еще проще. Однако иногда ей казалось, что, поступая, как подобает мужчине, а не так, как ей велит ее природа, она выглядит глупо и неестественно.

В облике Сарана Азара отправилась в Охамбу. Отчасти по привычке, а еще так легче набрать команду для полного опасностей путешествия: не будет стоять вопрос взаимоотношения полов ни во время подготовки, ни во время экспедиции. Мужчины либо неприязненно относятся к готовым на риск женщинам, потому что те якобы соперничают с ними, либо покровительствуют и оберегают, что еще хуже. Они предсказуемы, как смена дня и ночи.

Была и еще одна причина, более важная. Для физической трансформации требовалось насытиться, получить вдоволь чужого дыхания и душ. За метаморфозы отвечает орган между брюшной полостью и позвоночником. Он представлял его себе как завиток или кольцо, хотя в традиционной анатомии и сравнивать-то не с чем. Так вот, этому органу необходимо много топлива, чтобы провести процесс превращения. Много человеческих жизней.

Саран не чувствовал вины за то, что брал себе это необходимое. Убийства вызывали у него лишь мимолетное сожаление. Забивающий банати мясник тоже ведь не плачет над жертвами. Но восемьдесят шесть лет он прожил, соблюдая величайшую осторожность. Десяток смертей, идущих одна за другой, вызывают страх и подозрения среди уцелевших. Кого-то списывали на таинственную чуму, Спящую смерть, о которой когда-то слышали, потому что жертв находили без единой раны. Как если бы они просто перестали дышать. Но другие искали козла отпущения. И он понимал, что если его найдут в период трансформации, то просто разорвут на части.

Обычно он менял не все тело, а только то, что было крайне необходимо. Этот раз стал исключением.

Его охватило глубокое отвращение. Это обличье, эта кожа отныне испорчена. Он сбросит шкуру Сарана Иктиса Марула. Возможно, с ней уйдет и часть воспоминаний.

Откуда ему было знать, что они пошлют ему навстречу именно Кайку? Столько народу вокруг, а выбрали ее? Их разлука длилась пять лет, но проклятое влечение осталось, оно не зависело от формы, которую Саран принимал. Между мужчиной и женщиной оно еще сильнее... Он уже пожалел, что когда-то спас ей жизнь. Цена оказалась слишком высока для человека, который превыше всего ставит собственную независимость.

Поначалу казалось, что удача ему благоволит. Зачем ей рассказывать, думал он. Он ничего ей не должен. Его привилегия — менять облик, когда захочется, и врать о своем прошлом в таком случае не есть предательство. А потом Кайку рассказала ему про Азару. И он принял решение. Лучше начать все сначала. Кайку никогда не узнает.

А потом наступил момент слияния. И тело предало Сарана, как когда-то предало Азару. Желание обладать ею, быть внутри нее просто секс не удовлетворил бы. Он хотел ее поглотить. Вернуть потерянную часть себя и слиться с самой ее сутью. Он снова потерял контроль над собой.

И на этот раз разрушил все. Он слишком хорошо знал Кайку: она упрямая и этой обиды не простит. Его обман прежде казался

оправданным, но теперь, отраженный в глазах Кайку, выглядел чудовищно. Какой-то жалкий паразит, меняет форму, чтобы сбежать от самого себя, новой маской исправить старые ошибки... Существо без сердца, без души, пустое внутри, которое просто крадет чужие жизни.

Он пошел к Кайлин, и они обсудили новое задание. Сарану потребуется новая форма. И он был этому только рад.

Выносить себя прежнего стало невозможно — пришло время перемен.

Заэлис увидел Люцию, укрывшуюся вместе с ровесником под скалистым выступом. Стоял полдень, око Нуки жгло немилосердно, опалая мир ослепительно яркими лучами. Люция и мальчик лежали в тени скалы, он — на спине, она — на животе. Люция читала какую-то книгу и рассеянно болтала ногами. Неподалеку сустились поразительно беспечные мелкие зверушки. Пара белок рыскала в поисках орехов, они быстро скакали с места на место, но не отходили далеко. Ворон использовал уступ как наблюдательный пост. Взмолнованная черная лисичка сидела, обернув лапы пушистым хвостом, и время от времени поглядывала на расслабившихся под ее защитой подростков.

Заэлис остановился в нерешительности, глядя на ребят снизу вверх. Открывшаяся картина согрела сердце. Мгновения идилического детства. Он никогда не видел таких поз и жестов у Люции. Она повернулась к мальчику и что-то сказала по поводу своей книги, а он звонко расхохотался, спугнув белок. Она в ответ улыбнулась беззаботной, искренней улыбкой. Заэлис сначала порадовался, а потом опечалился. В жизни Люции нечасто бывают такие моменты, и вот он пришел, чтобы все разрушить. Он едва не повернул назад, решив поговорить с ней позже, но напомнил себе, что на карту поставлено больше, чем его или ее чувства, и похромал вверх по склону.

Заэлис подошел ближе и узнал паренька. Флен. Отец его, один из немногих в Провале профессиональных солдат, работал на Либера Драмах. Заэлис встречал его раз или два. Люция проводила

с ним больше времени, чем с другими знакомыми. Так говорили шпионы Заэлиса. Осторожность побудила его не спускать глаз с бывшей наследной императрицы.

Заэлису паренек уже не нравился. Он предупреждал Люцию, что нельзя афишировать свои способности, чтобы не обнаружить себя раньше времени. Никто не знал, что наследная императрица из рода Эринима жива. Никто не знал о ее странной близости к природе. Слишком велик риск. Но от Флена она своего дара не скрывала. Только от Флена. Что выделяло его среди ее друзей?

«Осторожно, Заэлис, — сказал он сам себе. — Ей уж четырнадцать. И она больше не маленькая девочка. Не имеет значения, как ты привык о ней думать».

Флен только сейчас заметил его. Животные — и, следовательно, Люция — сделали это гораздо раньше. Они не разбежались, как следовало бы ожидать, напротив, гордо охраняли свою территорию.

— Мастер Заэлис... — Мальчик встал и торопливо склонился в неуклюжем мужском поклоне — со сцепленными за спиной руками.

— Флен. — Заэлис легко кивнул. — Могу я поговорить с Люцией наедине?

Флен взглянул на Люцию, будто спрашивая ее согласия, и это почему-то раздосадовало Заэлиса. А она все еще читала книгу, будто бы ни одного из них тут и не было.

— Конечно, — ответил мальчик. Он вроде бы хотел попрощаться с Люцией, но потом передумал и неуверенно отошел, видимо, не решил до конца: остаться ему или уйти. Потом все-таки принял решение и помчался в город.

— Привет тебе, Заэлис, — сказала Люция, не отрываясь от книги. Они еще не виделись сегодня — она ушла, пока он еще спал. Потому приветствие оказалось уместным.

Он сел подле нее, вытянув вперед больную ногу. Заэлис мог в случае необходимости принимать и традиционную позу со скрещенными ногами, но от этого колено болело. Его взгляд скользнул по сморщенной, с ямочками, коже на шее у Люции: коротко

постриженные волосы открывали ужасные шрамы от ожогов. Она прищурилась от яркого солнца и взглянула на него через плечо. Ждала.

Заэлис вздохнул. Разговоры с ней давались ему нелегко. Она все держала в себе.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Нормально, — небрежно отозвалась девушка. — А ты?

— Люция, тебе и в самом деле пора использовать более официальный стиль общения. — Она говорила уже не как девочка, но еще не как женщина. Это обычно для подростков, которые стесняются говорить по-детски и начинают подражать взрослым. Наречие, на формирование которого повлияло огромное количество жителей Провала, не особенно подходило дочери императрицы.

— Я в состоянии излагать мысли более возвышенным способом, Заэлис, — сухо, тоном, напоминающим Кайлин, сказала Люция. — При необходимости, — закончила она в своей обычной манере.

Заэлис оставил эту тему. Не следовало вообще поднимать ее.

— Вижу, ты снова общаешься с дикими соседями по долине. — Он указал на черную лисицу. Лисица не сводила с него глаз.

— Они приходят ко мне в независимости от того, говорю я с ними или нет.

— Значит ли это, что ты полностью восстановилась после происшествия с речными духами? — Он рассеянно водил костяшками пальцев по короткой белой бороде.

— Я уже сказала тебе — да.

Заэлис смотрел на долину. Пока он формулировал следующую фразу, Люция опередила его:

— Хочешь, чтобы я попробовала снова, — безапелляционно сказала она.

Заэлис повернулся к ней. На лице — беспощадное утвердительное выражение. Это было неизбежно, она очень проницательна.

Люция поднялась, а потом села, скрестив ноги, и поправила платье на коленях. Заэлис подумал, какая же она высокая и строй-

ная. И где та малышка, которую он нянчил, где та девочка, для которой он создал тайную армию?

— Это не принесет пользы. Духи, с которыми я могу общаться, уже забыли случившееся на реке.

— Я знаю. — На самом деле, Заэлис не был уверен, пока этого не сказала Люция. — Но что-то все-таки случилось, Люция. После того, что произошло с тобой, я послал несколько шпионов для расследования. В городах по реке только и разговоров, что об этом.

Люция подарила ему потусторонний взгляд голубых глаз. Ее молчание побуждало его продолжать.

— На Керрин погибла баржа, которая везла взрывчатку и порох. — Он неловко подвинулся. — Но там были... — Заэлис колебался: рассказывать ей это или нет. — На берег вынесло фрагменты тел... Людей с баржи. И других существ. Баржа везла не людей.

Люция до сих пор не проронила ни слова. Она знала, что он еще только подходит к самому главному.

— Кайлин считает, что все подходит к концу. Неурожай, армии семейства Керестин, доклад Сарана, то, что ты почувствовала на реке, ткачи в Разломе... И я склонен ей верить. У нас мало времени.

Он намеренно не упомянул восстание в Зиле, хотя давно о нем знал. Он старался, чтобы ни один слух о делах Айс Маракса не достиг ушей Люции.

Заэлис положил руку на колено приемной дочери.

— Должен признать, что у нас нет четкого представления о том, с чем нам предстоит столкнуться. А бездействие нас убьет. Необходимо выяснить, что происходит. Выяснить, с чем мы имеем дело. Где корень всего.

Сердце Люции упало — она поняла, что будет дальше.

— Люция, необходимо, чтобы ты нам это рассказала. Чтобы ты отправилась в Альскаин Мар и поговорила с одним из великих духов. Нужно выяснить про колдовские камни. — Он выглядел так, будто терпел сильную боль. — Ты сделаешь это?

«Ты здесь не заложница». Сказанные в первый день Эстивальной недели слова Кайку всплыли в ее сознании. Но они казались пустыми и хрупкими под тяжестью необходимости. В глубине души Люция знала, что еще не способна соединиться с разумом такого духа, как обитатель Альскаин Мар, и попытка подвергнет ее смертельной опасности. Но как она могла отказать Заэлису, которому обязана жизнью? Да он и не попросил бы без крайней нужды.

— Сделаю, — ответила она. И день будто немного потемнел.

Глава 16

Миновала Эстивальная неделя, но у Мисани в этом году не было праздника. Уже семь дней она скакала через Сарамир — суровое испытание для того, кто не привык к долгим путешествиям в седле. Несмотря на ссадины от седла, жуткую усталость и постоянное волнение, она ни разу не пожаловалась, не позволила своим страданиям проступить сквозь привычную маску. Ее окружали люди, которым она не доверяла; она ехала на юг, соблюдая секретность и не зная, что ждет в конце; собственный отец хотел убить ее... Но она оставалась спокойной и рассудительной. Как всегда.

Они выехали из Ханзина вскоре после покушения на Мисани. Отъезд приурочили к осенним празднованиям, чтобы получить преимущество неожиданности и незамеченными ускользнуть от врагов. Чиен настоял на том, чтобы лично сопровождать ее и тем самым искупить вину за недосмотр, из-за которого наемным убийцам удалось подобраться к госте. Мисани другого и не ожидала. Какие бы планы относительно нее ни строил этот торговец, он наверняка желал лично проследить за тем, как они воплощаются.

В любом случае, путешествие можно было назвать безопасным только с большой натяжкой — несмотря на охрану из восьми воинов. Купец подвергал себя большой опасности, сопровождая опальную дочь одного из влиятельнейших людей империи. Вопрос о морском путешествии не рассматривался, так как люди Бэ-

рака Авана следили за всеми судами. Оставался путь по суше, предприятие рискованное, но позволяющее ускользнуть от наблюдения, поскольку никто не знал, в каком направлении отбыли Чиен и Мисани, а пункт назначения и вовсе был известен только ей.

Режим секретности рождал и некоторые неудобства. Мисани привыкла ездить в экипаже, но на этот раз им приходилось объезжать дороги стороной — значит, только верхом, никаких карет — и ночевать под открытым небом. Хотя Чиен и приложил все усилия, чтобы обеспечить Мисани комфорт, снабдил ее простынями и красивым шатром, который ворчащие стражники ставили каждый вечер, но разве этого достаточно для дочери Бэрака? Мисани любила роскошь и вовсе не разделяла готовности Кайку отказаться от нее. Она взяла с собой багаж, с которым ездила в Охамбу: много платьев, духов и развлечений.

Они выехали из Ханзина на юг, а через несколько дней повернули на юго-восток, чтобы выехать под Бараском на Великий Пряный путь, что протянулся от Аксеками до Суваны в Южных Префектурах почти на тысячу миль. Они не осмелились поехать Хан-Барасским трактом, одним из двух основных путей из Ханзина, и, даже достигнув Великого Пряного пути, держались в стороне, к западу от него, пока слева не появились северные оконечности леса Ксу. Тогда им пришлось присоединиться к другим торговым караванам на Пряном пути, чтобы пересечь Зан по мосту Пирика. Их предупредили о мятеже в Зиле и посоветовали повернуть назад и ехать другой дорогой, если, конечно, она есть.

Совет проигнорировали: другого пути для них не было. С востока наступал обширный и страшный лес, очень древний и населенный духами. На западе — побережье. Ближайший порт — Ханзин. А чтобы обогнуть лес, пришлось бы сделать крюк примерно в девятьсот миль — чистое безумие. Большинство путешественников съезжали с Пряного пути и, насколько позволяла отвага, приближаясь к лесу, пробирались к востоку от Зилы. Не имея другого выбора, Мисани и ее свита последовали этим же маршрутом.

Вечером седьмого дня путешествия они разбили лагерь в двадцати пяти милях к юго-востоку от мятежного города, возле расположенных полукругом плоских скал, которые выпирали из равнины. Стоял последний день лета, в Аксеками в эти минуты проходил заключительный ритуал Эстивальной недели. Люди приветствовали осень. Здесь не спрячешься, конечно, если не войти в маячащий всего в миле отсюда лес. Их лагерь ничем не выделялся среди множества других, разбросанных по равнине — этим же путем ехали на юг многие другие путешественники.

Мисани сидела спиной к скалам со скрещенными ногами на циновке возле огня и смотрела, как стражники ставят неподалеку шатер. Возле нее на земле лежала тоненькая книжечка. Одна из книг ее матери. Чиен подарил Мисани последний сборник Мураки ту Колай. Она писала рассказы о дерзком романтике Нида-джане и его приключениях при дворе. Творчество Мураки принесло ей определенную известность среди знати, а слуги и крестьяне передавали ее истории из уст в уста. Горничные умоляли своих господ почитать им рассказы о Нида-джане (их печатали на высоком сарамирском, которому учили высокородных детей, жрецов и ученых и которого не понимали низы). Они пересказывали их, приукрашивая, своим друзьям, те — своим друзьям...

Нида-джан обладал всеми качествами, которыми природа не наделила Мураки: отвагой, авантюризмом, сексуальной раскрепощенностью и самоуверенностью. Он легко находил выход из любой ситуации, виртуозно орудуя словом и мечом. Мать Мисани была тихой, застенчивой и очень умной, но закрепощенной жесткими моральными ограничениями. Она проживала свою жизнь в книгах, потому что там могла творить мир, какой захочет, а не приспособливаться к реальному, слишком жестокому для такой тонкой натуры.

Мисани унаследовала внешность матери и темперамент отца. Мураки страдала от одиночества. Погруженность в себя мешала ей общаться с людьми. О ее присутствии легко забывали, несмотря на то что с ней было легко и приятно. Когда Аван начал готовить Мисани к будущему придворной дамы, Мураки совсем сошла

со сцены. Мисани проводила все время в Аксеками с отцом, а Мураки оставалась в Матаксе и писала. Когда Мисани сбежала в Ксаранский Разлом, она совсем не думала о чувствах матери. Та настолько редко их проявляла, что Мисани просто не приходило в голову, что они есть.

А теперь Мисани дочитала книгу, и ее охватила глубокая тоска. Эти рассказы сильно отличались от обычных историй о Нида-джане. Меланхолические и трагичные, они совершенно не соответствовали образу неутомонного героя. Нида-джан узнал, что от одной из его интрижек при дворе родился сын, которого прятали от него. Мать мальчика призналась Нида-джану в этом, будучи на смертном одре. Ребенка отправили на восток, там он потерялся несколько месяцев назад. Любовь к незнакомому сыну терзала Нида-джана, и он отправился на поиски. Друзья говорили, что это безнадежное предприятие, но Нида-джан не слушал их. Путешествуя, он искал любые свидетельства о местонахождении сына и в конце концов столкнулся со стоглазым демоном и ослепил его с помощью зеркал, а потом убил. Но умирающий демон проклял его: скитаться по миру, не зная покоя, пока не найдет своего сына и пока сын не признает его своим отцом.

Так и закончилась книга. Нида-джану вынесен приговор. Его душа уже измучена, а поиски не завершены. Горечь потери читалась в каждой строчке. В каждой истории, прямо или косвенно, речь шла о тоске родителя по своему ребенку. Мать была, может быть, замкнутой, но вовсе не холодной. Мураки изливала свою боль на страницах книги, и Мисани с болью их читала. Она скучала по матери, и тоска ощущалась почти физической резью в животе. И по отцу она скучала — тому отцу, который еще не был ее врагом. Ей отчаянно захотелось отбросить годы, что разделили их, вернуть время, когда отец гордился дочерью, обнять мать и сказать: «Как жаль, что мы не были близки, что я не понимала твоих чувств...»

Все годы изгнания, страха быть узнанной, ужаса перед собственной семьей навалились на Мисани тяжким грузом. Будь она одна, она бы расплакалась.

Она смотрела в безлунное небо. Чиен сел рядом с ней. Теплый воздух казался неестественно чистым и хрупким, как стекло, а свет звезд — резким и ярким.

— Думаете о матери, да? — спросил Чиен после паузы.

Мисани решила, что он догадался по лежащей рядом книге. Она не хотела отвечать, поэтому сделала вид, что не услышала вопроса.

— Сегодня видна Серая Бабочка. — Девушка указала вверх. Чиен проследил взглядом за ее рукой.

— Не вижу.

— Она очень тусклая. В другие ночи ее вообще не видно.

— Я вижу только Ныряющую Птицу. — Купец пересчитал кряжистым пальцем девять звезд в созвездии.

Мисани опустила голову. Волосы упали на лицо.

— Но она там. От кого-то скрыта, кому-то видна. В этом ее загадка.

Чиен пытался разглядеть созвездие, чтобы понять Мисани.

— Вы думаете, это знак?

— Я не верю в предзнаменования. Просто это соответствует моему настроению.

— Как?

Мисани взглянула на него.

— Вы наверняка знаете. Помните, как боги сотворили наш мир?

Чиен побледнел.

— Госпожа Мисани, меня усыновили. Приемных детей не учат тонкостям богословия. Я веду семейные дела. Академического образования для этого не нужно. Я знаю все о гобеленах, но о бабочках — ничего.

Мисани изучала его лицо, подсвеченное с одной стороны отблесками костра. Кажется, честен. Но она подозревала, что он просто старается подтолкнуть ее к дальнейшему разговору. Иногда с ним трудно ладить. Многие люди могут просто сидеть рядом и молчать, чувствуя себя при этом вполне комфортно. Он — нет. Ему всегда нужно о чем-нибудь говорить. Если сказать нечего, он начинает ерзать и беспокоиться. Мисани уже давно заметила это.

— История такова: когда богам стало скучно, Йору предложил им для развлечения ткать ковер, — начала Мисани. — Это произошло еще до того, как Оха отослал его бдеть у Ворот Золотого Царства, узнав о любовной связи своей дочери и Йору.

— Эта часть мне знакома, — криво усмехнулся Чиен.

— Каждый бог должен был соткать свою часть, — продолжила Мисани. — Но у них не было пряжи. Отправилась Мисамша в свой сад и собрала гусениц. От ее прикосновения превратились они в шелкопрядов и дали ей шелковые нити. Она сделала из них клубки и отнесла богам. Боги ткали ковер. Когда же закончили они свою работу, то признали, что не видели ковра прекраснее, богаче и искуснее. Он полюбился им так сильно, что Оха решил оживить его, чтобы боги видели, как растет их ковер. Образы всех богов и богинь нашли в нем свое отражение. Некоторые воплотили себя в осязаемом плане: море, солнце, деревьях, огне и льде. Другие предпочли нематериальные явления: любовь, смерть, месть, благородство. Так боги сотворили мир.

— Вы рассказали о гусеницах, а не о бабочках.

Мисани взглянула на небо, туда, где висела Серая Бабочка. Семь бледных звезд окружали абсолютную пустоту.

— Боги желали, чтобы их ковер стал совершенным. Но после того, как они сотворили мир, гусеницы превратились в красивых пестрых бабочек. Все, кроме одной, серой и хилой. Потому что нет во вселенной совершенного. Даже богам не под силу создать его. И сами они несовершенны.

Мисани повернулась к костру. Пламя отражалось в ее зрачках.

— Серая Бабочка давала испорченный шелк. Но ее нить боги вплетали тоже, перевивали с другими. И все зло мира сосредоточено в этой нити: зависть и ненависть, порочность и горе, уныние, голод и боль. Увидев это, боги пришли в ужас, но было слишком поздно. После этого они стали любить мир немного меньше. — Она задумчиво помолчала. — Они называли испорченный шелк Нитью Зла. И поместили образ Серой Бабочки на небо, чтобы люди помнили.

— Помнили? О чем?

— О том, что всегда нужно быть осторожными. Что даже боги не беспорочны. А люди ошибаются гораздо чаще. Если мы станем беспечны, зло проникнет в нашу жизнь, подорвет все в нашем мире и уничтожит нас. — Она встретила с Чиеном взглядом и позволила глазам выдать свою усталость и печаль. — Думаю, в последнее время мы не очень осторожны.

Чиен смотрел на нее со странным выражением. В его некрасивых чертах отражалось непонимание. Мисани не намеревалась продолжать этот разговор. Чиен принялся теревить край своего плаща: верный знак, что ему неловко. Она не стала облегчать его страданий. Потом он заговорил:

— Мы миновали Зилу. Путь на юг снова расширяется. Может быть, уже пришло время сказать, куда вы направляетесь. Нам нужно решить, остановимся ли мы пополнить запасы и выбрать лучший маршрут.

Мисани выразила согласие кивком. Чиен уже ничего не сможет сделать. Даже если собирается ее предать.

— Я поеду в Лалиару. Там вы оставите меня, и я посчитаю, что вы с честью выполнили ваши обязательства.

— Нет. Не раньше, чем я в безопасности доставлю вас в пункт назначения, госпожа Мисани, — настаивал Чиен. — Где о вашем благополучии позаботится другой человек.

Мисани рассмеялась:

— Вы очень добры, Чиен ос Мумака, но в Лалиаре некому этим заняться. Мое дело останется только моим. И я связана обещаниями, которые не позволяют открыть вам свои секреты.

Чиен воспринял ее слова адекватно. Она ожидала, что он расстроится — время от времени он вел себя, как ребенок, — но он ответил ей понимающей улыбкой.

— В таком случае я буду очень ценить последние дни, что мы проведем вместе.

— И я тоже, — ответила Мисани, больше потому, что так полагалось. По правде говоря, несмотря на все подозрения, Чиен ей нравился. Мудрее было бы не испытывать теплых чувств к по-

тенциальному врагу. Но эта напряженность и стала интереснейшей стороной их взаимоотношений. И надо признать, Чиен вырос в ее глазах. Он обладал развитой интуицией и сметкой, и его успехи вызывали у Мисани уважение. Он вынес тяжесть клейма усыновленного опозоренной семьей ребенка и своими недюжинными способностями к торговле помог роду Мумака подняться до вершин могущества.

И все же Мисани ждала с нетерпением той минуты, когда избавится от него. В последнее время она пребывала в постоянном напряжении и устала от подозрений.

Но будет ли лучше в Лалиаре?

Чиен извинился и ушел переговорить со своими людьми. Мисани осталась наедине со своими мыслями. Они постоянно забежали вперед: а что делать, когда Чиен уедет?

Нужно встретиться с Бэраком Заном ту Икэти, настоящим отцом Люции. И, если все пойдет хорошо, рассказать ему, что его дочь жива. И ее местонахождение известно.

Все это нужно проделать очень деликатно, с привлечением всех дипломатических способностей. Это испытание сложнее всех, что выпадали на ее долю. Страшный риск. Ответственность огромна. Мисани не могла открыть Зану всю правду, пока не будет уверена, что он отреагирует, как нужно. Если она потерпит поражение, то, возможно, станет пленницей ткача. Ее посадят под замок и станут допрашивать. Зан может потребовать, чтобы ему вернули дочь. А может собрать свои войска и напасть на Провал. Это будет катастрофа.

Если верить слухам, в последние годы его психическое состояние становилось все более нестабильным и мрачным. Он пустил на самотек дела своей семьи и заперся в одном из поместий к северу от Лалиары. Говорили, что он оплакивает смерть своей подруги — и любовницы — бывшей императрицы Анаис ту Эринима. Удивительно правдивая сплетня. Мисани знала, что это чистая правда.

Заэлис стал свидетелем первой встречи Зана и Люции в верхних садах Императорской крепости. В тот момент и отец, и дочь поняли все то, что долгие годы держала в тайне Анаис.

Но если Зан и намеревался заявить права на дочь, то он уже упустил свой шанс. Императрицу убили. Маленькая наследница исчезла во время поднявшегося переполоха. Хотя тела ее так и не нашли, по официальной версии она погибла во время взрывов и последовавшего за ними пожара, которые потрясли крепость в тот день, а труп ее обуглился, и его не смогли опознать. На самом деле девочку похитила Либеря Драмах, но даже Зан об этом не знал.

Заэлис предоставил Мисани самой решать, рассказывать ему всю правду или нет. Тяжкое бремя. Но скрывать Люцию вечно не получится. А если Зан примет их сторону, то у них появится действительно могущественный союзник. Понадобится время, чтобы подготовить момент возвращения Люции на сцену, возможно, годы. И начало всему положит Мисани. После встречи с Заном она посетит семью Эринима. По закону, они тоже имеют право на Люцию, потому что она из их рода, а узы крови самые прочные.

Но сначала Бэрak Зан. В порядке очереди.

Какое-то движение в лагере вывело ее из задумчивости. Сидевшие у костра стражники вскочили и теперь напряженно всматривались в темноту над ее головой, за полукруглую черную гряду. Она ощутила дрожь земли. А через мгновение звук достиг ее ушей — тяжелый топот копыт.

И он быстро приближался.

Первый залп выстрелов скосил четверых из восьми, что Чиен взял для сопровождения. Свет от костра не позволял стражникам рассмотреть противника в темноте и в то же время делал их легкими мишенями на фоне пламени. Мисани заползла в щель между скалами — за мгновение до того, как появились шестеро всадников. Один из них промчался в нескольких дюймах от нее. Под копытами коня мелькнула циновка, на которой только что сидела Мисани. Нападающие въехали в лагерь с мечами наголо, зарубили еще одного стражника и усаkali во тьму, смяв попутно шатер Мисани.

— Тушите огонь! — заорал Чиен. Он разбрасывал ногами горящие головни и отчаянно топтал их. Один из стражников выплеснул на угли котелок с водой и вымочил хозяину ноги. Двое ос-

тенциальному врагу. Но эта напряженность и стала интереснейшей стороной их взаимоотношений. И надо признать, Чиен вырос в ее глазах. Он обладал развитой интуицией и сметкой, и его успехи вызывали у Мисани уважение. Он вынес тяжесть клейма усыновленного опозоренной семьей ребенка и своими недюжинными способностями к торговле помог роду Мумака подняться до вершин могущества.

И все же Мисани ждала с нетерпением той минуты, когда избавится от него. В последнее время она пребывала в постоянном напряжении и устала от подозрений.

Но будет ли лучше в Лалиаре?

Чиен извинился и ушел переговорить со своими людьми. Мисани осталась наедине со своими мыслями. Они постоянно забегали вперед: а что делать, когда Чиен уедет?

Нужно встретиться с Бэраком Заном ту Икэти, настоящим отцом Люции. И, если все пойдет хорошо, рассказать ему, что его дочь жива. И ее местонахождение известно.

Все это нужно проделать очень деликатно, с привлечением всех дипломатических способностей. Это испытание сложнее всех, что выпадали на ее долю. Страшный риск. Ответственность огромна. Мисани не могла открыть Зану всю правду, пока не будет уверена, что он отреагирует, как нужно. Если она потерпит поражение, то, возможно, станет пленницей ткача. Ее посадят под замок и станут допрашивать. Зан может потребовать, чтобы ему вернули дочь. А может собрать свои войска и напасть на Провал. Это будет катастрофа.

Если верить слухам, в последние годы его психическое состояние становилось все более нестабильным и мрачным. Он пустил на самотек дела своей семьи и заперся в одном из поместий к северу от Лалиары. Говорили, что он оплакивает смерть своей подруги — и любовницы — бывшей императрицы Анаис ту Эринима. Удивительно правдивая сплетня. Мисани знала, что это чистая правда.

Заэлис стал свидетелем первой встречи Зана и Люции в верхних садах Императорской крепости. В тот момент и отец, и дочь поняли все то, что долгие годы держала в тайне Анаис.

Но если Зан и намеревался заявить права на дочь, то он уже упустил свой шанс. Императрицу убили. Маленькая наследница исчезла во время поднявшегося переполоха. Хотя тела ее так и не нашли, по официальной версии она погибла во время взрывов и последовавшего за ними пожара, которые потрясли крепость в тот день, а труп ее обуглился, и его не смогли опознать. На самом деле девочку похитила Либеря Драмах, но даже Зан об этом не знал.

Заэлис предоставил Мисани самой решать, рассказывать ему всю правду или нет. Тяжкое бремя. Но скрывать Люцию вечно не получится. А если Зан примет их сторону, то у них появится действительно могущественный союзник. Понадобится время, чтобы подготовить момент возвращения Люции на сцену, возможно, годы. И начало всему положит Мисани. После встречи с Заном она посетит семью Эринима. По закону, они тоже имеют право на Люцию, потому что она из их рода, а узы крови самые прочные.

Но сначала Бэрак Зан. В порядке очереди.

Какое-то движение в лагере вывело ее из задумчивости. Сидевшие у костра стражники вскочили и теперь напряженно всматривались в темноту над ее головой, за полукруглую черную гряду. Она ощутила дрожь земли. А через мгновение звук достиг ее ушей — тяжелый топот копыт.

И он быстро приближался.

Первый залп выстрелов скосил четверых из восьми, что Чием взял для сопровождения. Свет от костра не позволял стражникам рассмотреть противника в темноте и в то же время делал их легкими мишенями на фоне пламени. Мисани заползла в щель между скалами — за мгновение до того, как появились шестеро всадников. Один из них промчался в нескольких дюймах от нее. Под копытами коня мелькнула циновка, на которой только что сидела Мисани. Нападающие въехали в лагерь с мечами наголо, зарубили еще одного стражника и усаkali во тьму, смяв попутно шатер Мисани.

— Тушите огонь! — заорал Чием. Он разбрасывал ногами горящие головни и отчаянно топтал их. Один из стражников выплеснул на угли котелок с водой и вымочил хозяину ноги. Двое ос-

тавшихся выхватили винтовки. Где-то за гранью видимости враги перезаряжали оружие и готовились стрелять снова. Огонь погас, и лагерь погрузился во тьму.

— Госпожа Мисани! Вы не ранены? — закричал Чиен. Мисани не ответила. Она уже перебралась по скалам на другую сторону. Теперь невысокая гряда из камня отделяла ее от нападавших и от лагеря. Сердце гулко билось в груди. Такой же страх овладел ею, когда наемные убийцы пришли за ней в дом Чиена. А сейчас — те же самые или другие? По ее ли душу? Наверное, да...

— Мисани! — снова позвал Чина, и в голосе его слышалось отчаяние. Но она не хотела, чтобы ее нашли. Пока нападавшие будут разбираться с Чиеном и остальными, у нее есть шанс...

Она услышала громкое фыркание. Лошади! Их привязали недалеко от лагеря. Если бы она прищурилась, то смогла бы различить их призрачные силуэты. Лошади нервничали. Слава Шинту, они еще не расседланы. Чиен велел своим людям каждый вечер первым делом ставить шатер для Мисани, а уж потом заниматься лошадьми. Возможно, ее любовь к комфорту на этот раз спасла ей жизнь!

— Мисани! — опять закричал Чиен. Это было ей на руку. Он привлекал к себе внимание. Сквозь щель между скалами она видела, что купец и его оставшиеся люди заняли позицию для обороны, сгребли к себе все, что смогли и ошметинились ружьями. Но всадники не спешили атаковать. Теперь, когда был огонь потушен, прицелиться стало сложнее. Мисани поблагодарила Лунных сестер за то, что они сегодня не взошли. И поползла к лошадям.

Двадцать футов показались ей целой милей. Мысль о том, что в любой момент она может ощутить удар пули, наполняла сердце ужасом. Ей даже не верилось, что этот миг не настал. Она отвязала от шеста поводья своей лошади и скользнула в седло так бесшумно, что сама удивилась.

И тут началась вторая атака.

Теперь заходили с трех сторон по двое. В каждой паре один держал меч, другой целился из винтовки. Они стреляли на скаку, и люди Чиена отстреливались в ответ. Стражникам то ли повезло

больше, то ли их совсем не было видно, но ни одного из них не ранило. А им удалось убить одну лошадь. Ей попали прямо между глаз. Она рухнула на землю и прокатилась по всаднику. Раздался душераздирающий хруст ломающихся костей.

А потом на стволы винтовок или наспех перехваченные мечи стражников обрушились удары вражеских мечей. Люди дрались отчаянно, яростно, с криками. С первых мгновений атаки Мисани оставалась неподвижной, прижав пятки к бокам животного: боялась привлечь к себе внимание. По ее сигналу конь сорвался с места. От скорости у нее перехватило дыхание. Ветер подхватил длинные волосы, и они развевались позади нее. Мисани скрылась в спасительной темноте.

Глаза никак не могли привыкнуть к ночи. Вдруг, будто ниоткуда, возникли рядом другие лошади и заперли ее в живом тупике. Чья-то рука перехватила поводья и осадил лошадь. Топот замедлился и прекратился. Все остановилось. В Мисани целились сразу из нескольких ружей. Другие поскакали к лагерю, где вели безнадежный бой Чиен и его люди.

Высокий, широкоплечий мужчина, остановивший лошадь Мисани, внимательно изучал ее. Она не видела его лица, но смотрела на него с вызовом.

— Госпожа Мисани ту Колай... — Голос выдавал уроженца Новых земель. Он расхохотался. — Так-так-так...

Глава 17

Мрачная и неприступная, Зила стоит на южном берегу реки Зан, которая берет свое начало за шестьсот миль отсюда в Чамильских горах. Место нельзя назвать живописным. Город строился как бастион в войне с народом угатов, который жил здесь до прихода сарамирцев. Крепость оберегала узкий проход между побережьем и лесом Ксу в те времена, когда ранние поселенцы возводили на севере Бараск. Зила простояла здесь больше тысячи лет, и хотя стены ее уже обрушились и были отстроены заново, хотя не сохранилось ни одного из первых зданий, ни одной из пер-

вых улиц, от нее веет все той же изначальной суровостью. Холодный, жестокий город-страж.

Зилу построили на крутом холме, занимавшем выгодное стратегическое положение. С юга холм отвесно обрывался в реку, с остальных сторон город окружала стена из черного камня. Она опускалась, поднималась и изгибалась, следуя рельефу местности. За стеной стояли дома с наклонными черепичными крышами. В центре возвышалась небольшая башня. По сути дела, вся Зила была спроектирована наподобие неправильного колеса: от центра разбегались по радиусам улицы-спицы, их пересекали другие, концентрические. Все строили из плотной темной породы местного происхождения, что шло вразрез с сарамирской традицией — там обычно предпочитали светлый камень или дерево. Двое ведущих в город ворот были закрыты. Несмотря на то что на окружающих Зилу холмах наблюдалось какое-то движение, очаги его, которые нетрудно пересчитать по пальцам, очень далеко отстояли друг от друга. Большинство людей укрылись за стенами города и готовились к приближению бури. Непокорная Зила застыла в ожидании.

Войска императора уже рядом.

Когда Мисани и захватившие ее в плен воины прибыли в город, стояло раннее утро. Шел теплый дождик. Они ехали вдоль берега реки к подножию холма между стенами Зилы и Заном. Крутые, зигзагообразные лестницы соединяли пристань с самим городом. Не было ни одного пришвартованного судна: все поднялись вверх по реке или же направились в море, чтобы не попасть в лапы к врагу.

Всадники спешили. От группы собравшихся неподалеку людей отделился один и двинулся им навстречу.

— Баккара! — воскликнул он и слегка кивнул, склонив при этом голову на бок — так обычно приветствуют равных себе по социальному положению. — А я все гадал — успеете ли вы. Последние ворота закрываются в полдень.

Тот, к кому он обращался — человек, перехвативший лошадь Мисани, глава отряда, — дружески похлопал его по плечу.

— А ты думал, что я останусь снаружи и пропущу все веселье? Кроме того, здесь, похоже, больше еды, чем во всем Сарамире, дружище. А это для солдата — первое дело.

— Да, где стол накрыт, там и ты, — осклабился его товарищ и, заметив Мисани, добавил: — Вижу, везешь не только провиант. — Он окинул взглядом окровавленного, едва держащегося в седле Чиена, которого жестоко избили. — А этот, наверное, видывал деньки получше.

— Если бы мы не подросли, ему бы вообще никаких не видеть. — Баккара оглянулся на купца. — Бандиты. Нам удалось спасти только этих двоих.

— Ну, надеюсь, что они выразят вам соответствующую благодарность. — Встречающий многозначительно посмотрел на Мисани и подмигнул Баккаре.

Мисани одарила его таким ледяным взглядом, что улыбка сама стерлась с лица. Баккара расхохотался.

— Правда, грозная? — прорычал он. — Не стоит над ней подтрунивать. Они благородной крови.

Незнакомец угрюмо взглянул на Мисани.

— Тогда входите, — обратился он ко всему отряду. — Я позабочусь о ваших лошадях.

Мисани и Чиену пришлось подниматься в город по каменным ступеням. Изувеченного купца щадили, а потому поднимались медленно.

Мисани осмотрела вздымающиеся перед ними стены. Их привезли в мятежный город, где им предстояло вместе с остальными пережить осаду, и девушка не знала, благодарить ли бога удачи или же проклинать его.

Несомненно, и в этот раз на них напали люди ее отца. Она не стала говорить об этом Баккаре. Ей не верилось, что прошлым вечером бандиты выбрали для нападения группу вооруженных людей, в то время как по равнине рассеялись десятки безоружных путешественников. Кроме того, эта немногочисленная группа действовала очень целенаправленно. Разбойники не напали бы на отряд, превосходящий их числом.

Она не представляла, как удалось им выследить Чиена и добраться до нее снова. И будь она в шатре, когда они проскакали по нему... Теперь абсолютно ясно, что отцу не важно, доставят ее к нему живой или мертвой. От этой мысли она ощутила острую боль, как если бы тонкое лезвие пронзило живот. Сознать такое ужасно.

Потом появились Баккара и его конный отряд. Возможно, если бы они не вмешались, ей удалось бы сбежать. Но это спорный вопрос. Люди Баккары отправили на тот свет убийцу Авана, потому что их было больше, и успели спасти Чиена, но все его стражники погибли. После этого, вместо того чтобы освободить спасенных, Баккара предложил Мисани и Чиену сопровождать их в Зилу. Его слова звучали как просьба, но не оставалось сомнений, что Мисани и торговец стали пленниками. Ко всему прочему, Чиен нуждался в помощи, а в Зиле были врачи. Мисани согласилась. В противном случае ее связали бы и поволокли силой. А так она хотя бы избавила себя от позора.

Какую бы цель ни преследовал Баккара, с ней обращались не так, как с пленницей. От достаточно разговорчивых всадников за время пути и короткого привала Мисани узнала многое. Большую часть отряда составляли жители Зилы, крестьяне и ремесленники. Их отправили за провизией. Они должны были грабить путешественников, чтобы пополнить городские запасы перед осадой, но ни в коем случае никого не ранить. Это особенно подчеркивалось. Разведчики доложили о приближении нескольких армий, которые должны были прибыть к Зиле следующим вечером, чтобы подавить восстание, и сердца мятежников то сжимались от страха перед неизбежным штурмом, то наполнялись гордостью — как-никак они участвовали в великом событии. Нечто заронило в их души веру в собственную правоту, только Мисани еще не понимала, что именно. Они не выглядели отчаявшимися, дерущимися только за право быть сытыми — скорее, людьми, поставившими определенную цель и идущими к ней.

Большую часть пути Мисани провела с Баккарой, решив, что незачем тратить время на рядовых бойцов, если можно за-

вязать отношения с их лидером. К счастью, он так же любил поговорить, как и его подчиненные. Этот большой смуглый человек с маленькими черными глазами, квадратной челюстью и плоским носом заплетал свои волосы в плети. Они открывали низкий лоб. Обладая чрезвычайно крепким, как у медведя, сложением, в свои пятьдесят он дал бы фору любому мужчине в два раза моложе себя. В его взгляде, в голосе ощущались власть и внутренняя сила солдата, много всего повидавшего на своем веку и смирившегося с тем, что еще только предстояло увидеть.

От Баккары Мисани услышала, как они узнали ее и почему его люди с таким оптимизмом готовятся встретить свою судьбу.

— У меня нет привычки спасать благородных дам. — Он грубовато усмехнулся в ответ на ее вопрос. Ночь еще недавно опустилась на землю, и атмосфера несла отпечаток нереальности и отчужденности, как будто их конный отряд остался один в целом мире.

— Тогда что же побудило вас отступить от правила и похитить меня?

— Не похитить, госпожа Мисани. — Он использовал уважительное обращение, но в его речи не было и тени подобострастия. — Вы же не хотите, чтобы ваш муж продолжил путь в таком состоянии?

Мисани запрокинула голову. Бледный свет звезд очертил ее острые, тонкие черты.

— Мы же оба знаем, что вы бы не позволили мне уехать. А что касается Чиена, то его судьба заботит меня мало. И уж конечно, он не мой муж.

Баккара хохотнул.

— Скажу вам правду. Будь на вашем месте кто-нибудь другой, мы бы отпустили его на все четыре стороны. Но не вас. Во-первых, Оха запрещает попустительствовать злу. И мне бы не хотелось, чтобы вы ехали на юг в одиночку. Плохие дела творятся там. — На его лице отразилось сожаление. — Во-вторых, вы слишком ценный человек, чтобы вас отпускать. Если бы я это сде-

лал, Кседжен бы меня убил. Вы можете понадобиться в Зиле. Поэтому мы и едем туда.

Мисани уже догадалась, что происходит, и имя Кседжена подтвердило ее догадку.

— Вы из Айс Маракса, — проговорила она.

Баккара утвердительно кивнул.

— Вот повезло, да? — саркастически усмехнулся он.

Мисани рассмеялась.

— Вы, госпожа, легенда в Айс Маракса. Думаю, вы и сами об этом знаете, — сухо вато продолжил он. — Вы одна из тех, кто спас нашу маленькую мессию из лап смерти.

— Простите, но вы не производите впечатления фанатика. Неожиданно для человека вашего положения.

Баккара развеселился.

— Погодите, вот встретитесь с Кседженом... Он гораздо лучше подходит на эту роль, чем я. — Смех затих, и он посмотрел на Мисани с непонятым выражением. — Я верю в Люцию, — вдруг сказал он. — Моя вера не слабеет оттого, что я не повторяю догмы.

— Мне сложно понять, какой именно точки зрения придерживается ваша организация, — пояснила Мисани. — Для вас она, возможно, представляет идеал, а боготворить лучше на расстоянии. Для меня же она как младшая сестра.

— «Боготворить» — это сильное слово. Но она не богиня.

— В этом я уверена, — ответила Мисани. Баккара был ей любопытен. Он наверняка не очень хорошо ладил с организацией, в которой состоял. И это удивляло ее.

— Но она нечто большее, чем просто человек, — продолжил Баккара. — В этом уверен я.

Мисани вернулась к действительности. Они брели вверх по лестнице, поддерживая раненого торговца, и мрачные стены Зилы поднимались перед ними. Она припоминала все, что знала об Айс Маракса, все давние разговоры с Заэлисом и Кайлин, искала в массе полезных и бесполезных сведений крупинцы знаний об этой организации. Так ищут алмазы в каменном угле.

Слишком долго она не следила за делами Айс Маракса, да, собственно, и никогда особенно не верила в их силы. А жаль. Два месяца без связи с Либеры Драмах. За это время Айс Маракса заявили о себе, похоже, на весь мир, чего от них почти никто не ожидал и чего боялись все близкие Люции.

Сначала это была особенно радикально настроенная и восторженная часть юной еще Либеры Драмах. Слухи о спасителе, который избавит землю от проклятой заразы, ходили среди крестьян задолго до того, как они услышали имя Люции ту Эринима. Естественная реакция на явление, для них непостижимое: странную болезнь растений, не похожую ни на какую другую. Либеры Драмах во главу угла ставила секретность, несмотря на это кое-кто продолжал болтать. Слухи распространялись. История об императрице-наследнице нашла подкрепление в неясном пророчестве, людских надеждах и слепой вере в божественную благодать. В сознании простого народа образ спрятанной маленькой императрицы напрямую связывался с расплзающейся заразой. Ясно, конечно, что боги ниспослали ее Сарамиру, чтобы она победила пожирающее землю зло. Иначе как бы богиня природы Энью допустила рождение в семье императора порченного ребенка? Как ни странно, крестьяне говорили не о божестве или герое, который спасет их, а о маленькой девочке.

Будущая Айс Маракса долгое время оставалась всего лишь группкой энтузиастов внутри Либеры Драмах. До того, как спасли наследную императрицу.

Последним толчком для них явилось прибытие Люции в Провал. Ее сверхъестественные способности и почти что чудесное спасение убедило их, что мессия, спасительница, о которой они мечтали, наконец-то здесь. Они стали тверже в своем инакомыслии, они спорили с Заэлисом, доказывая, что полная секретность — это не выход, что нужно разнести вести о Люции по всей стране, чтобы заручиться необходимой поддержкой. Многие крестьяне отчаялись, став свидетелями крушения Императорской крепости, а история спасенного ребенка возродит веру и удвоит их радость.

Заэлис категорически запретил распространение каких-либо сведений о наследнице, и, против всех ожиданий, восторженные поклонники Люции успокоились. А через несколько месяцев они без предупреждения покинули Провал. С ними отправились несколько выдающихся членов Либеры Драмах. Вскоре стали просачиваться слухи об организации, называющей себя Айс Маракса, буквально «последователи непорочного ребенка» на высоком сарамирском. Они стремились донести до Сарамира великую истину.

Заэлис ярился и сыпал проклятиями, Кайлин направила сестер, чтобы выяснить, насколько серьезную угрозу представляют собой Айс Маракса. Самые страшные ожидания не оправдались. Сбежавшие из Провала члены Айс Маракса сохранили в тайне местонахождение наследной императрицы. Остальные знали только, что она жива и где-то скрывается, и передавали именно эту информацию. Заэлис этим не успокоился. Он все равно считал их безответственными и неосторожными. Но прошли годы, Айс Маракса распространяли свое послание — и ничего больше, — и Мисани привыкла считать их неопасными.

А теперь она стояла перед воротами Зилы. Мисани вошла в готовящийся к осаде город вместе с Баккарой. Она пожалела, что так мало внимания уделяла фанатичным поклонникам Люции. Недосмотр мог дорого стоить.

На западном берегу залива Матакса раскинулись земли рода Колай. Дом стоит на утесе, который навис над широкой водной гладью. Далеко внизу лежат пляжи и бухточки между скалами, чистейшие полосы песка, такого белого, что от него резало глаза. У подножия утеса начинаются и продолжаются над бухтой маленькие деревушки: хижины, причалы и пешеходные мостки на сваях. Покачиваются на волнах пришвартованные лодки и джонки. В отдалении из моря выступает несколько массивных фигур: огромные, заросшие кустарником и мхом известняковые скалы. Вода подточила их основания, поэтому макушки оказались шире. Они похожи на перевернутые шишки. Вокруг них снуют рыбац-

кие лодки. Рыбаки пользуются длинными шестами вместо весел. Они ставят сети в тени этих скал.

Дом рода Колай возведен у самого края, в высочайшей точке утеса. Здание кораллового цвета выстроено вокруг центральной сферической секции. Над ним поднимается уплощенный ребристый купол. Единообразие архитектуры его на первом этаже с противоположной от бухты стороны нарушает кубической формы фойе, оно выдается вперед подобно притупленному носу корабля. Вдоль обрыва идут два узких крыла, они вмещают конюшни и помещения для прислуги. В самом утесе вырублены три яруса для сада. Нижний уровень представляет собой гигантский балкон, нависающий над пляжем. Здесь растут всевозможные деревья, кустарники и цветы. Изогнутые каменные колонны поставлены в самых важных местах для усиления эстетического эффекта от смешения зелени и камня. На верхнем уровне располагается небольшой зимний сад, ажурное переплетение высоких арок и кривых колонн — кабинет Мураки, матери Мисани.

Она и сейчас там, предположил Бэрак Аван. Разумеется, видеть ее он не мог, поскольку отдыхал на нижнем уровне с Бэраком Гриджамом ту Керестин. Вне всякого сомнения, сочиняет очередную историю, с отвращением подумал Аван. Делится бедами своей семьи со всей империей.

Она слушалась его во всем — кроме этого. Аван пришел в ярость, когда до него дошли новости о последней книге жены. У всех сплетниц в стране появился очередной повод почесать языками. И без Мураки достаточно было слухов о пропавшей дочери Колай. Но она написала то, что написала. Его попытки контролировать ее творчество ничего не дали.

И все же ущерб можно уменьшить. Если все пойдет хорошо, скоро дочурка вернется обратно. Так или иначе. И можно будет сочинить новую историю, которая поможет снять пятно бесчестия. Если все пойдет хорошо...

— Боги, а ведь все не так уж плохо, не правда ли? — Гриджай возлежал на низкой кушетке и смотрел с балкона на бухту. — Здесь можно забыть о всех бедах этого мира, забыть о болезнях

земли... Око Нуки светит нам, в море продолжают приливы и отливы... С этой высоты наши несчастья кажутся такими ма-аленькими...

Аван смерил его презрительным взглядом. Жирный Бэрак пьян. Между ними стоял стол, уставленный остатками трапезы, безжалостно поглощенной гостем, и пустые винные кувшины. Аван придерживался позиций аскета, но Гриджай не воздерживался от гастрономических удовольствий и весь день набивал брюхо.

— А мне нет, — холодно сказал Аван. — Приливы и отливы продолжают, но рыба в море болеет и портится, а за эту рыбу куплено то, что ты съел и выпил. Мои рыбаки начали оставлять для себя часть улова. Хотят уберечь свои семьи от голода. И крадут у меня. — Он посмотрел из-под полуопущенных век на отдаленные утесы в восточной части залива, на неширокую, зазубренную полосу темно-синего цвета. — Легко притворяться, что все в порядке. Но это идиотизм.

— Зачем такая суровость, Аван? — Гриджай немного расстроился, что его соратник не разделяет радужного мировидения. — О боги, ты отлично умеешь портить людям настроение.

— Не вижу, чему тут можно радоваться.

— В таком случае, ты не видишь, какие возможности дает нам этот голод. Нет воина сильнее, чем человек, сражающийся за свою жизнь и жизнь своих близких. Им всем нужен тот, который объединил бы их. И этот человек — я! — Он неловко поднял кубок и расплескал немного вина на балконные плиты.

— Вон Бэракесса. — Аван лениво указал на яркую точку, которая выходила из бухты и лавировала между рыбацкими суденышками.

Гриджай прикрыл глаза ладонью, чтобы солнце не било в глаза, и посмотрел вниз.

— Ты ей доверяешь? — спросил он.

Аван медленно кивнул.

— Она будет с нами, когда придет время.

Послеобеденная встреча прошла хорошо. Эмира, юная Бэракесса из рода Зирис, посетила их по собственной инициативе. Они

говорили о разных вещах: об угрозе голода, об императоре, о бедственном положении ее собственных людей. А еще она мягко заинтересовалась, не намерен ли род Керестин претендовать на престол. И не понадобится ли помощь рода Зирис, если так случится...

В империи всегда играли в такие игры. Семьи поддерживали друг друга в надежде, что тот, на чьей стороне они выступают, получит власть и, в свою очередь, возвысит союзников. Когда несостоятельность Моса стала очевидной, а единственной альтернативой ему оказался Керестин, благородные семейства начали стягиваться под знамя Гриджая. Ему даже не нужно было их призывать. Его правая рука — Колай, и он — сильный лидер. Мощь всей империи сама стекалась к нему.

Но оставалась проблема численного превосходства армии императора. На его стороне ткачи, под его командованием — императорские войска. С такой армией он почти непобедим.

Силы Керестин подорвала предыдущая компания, а Бэтик вошел в Аксеками, не встретив никакого сопротивления, и могущество его только выросло с тех пор. Даже при поддержке большинства благородных семей Гриджай готовился к опасному мероприятию. Однажды он уже потерпел поражение у стен Аксеками и сейчас должен быть абсолютно уверен в своих силах, прежде чем предпримет новый поход.

Аван сегодня помог ему решить проблему.

— У меня новый друг, — бросил он утром, когда они прогуливались по родовому поместью. — Из приближенных к императору. Я связывался с ним не так давно.

— Новый друг? — Гриджай удивленно поднял бровь.

— Этот человек говорит, что очень скоро что-то произойдет.

И мы должны быть готовы.

— Готовы?

— Нужно собрать наших союзников, чтобы войти в Аксеками в течение дня.

— День? Невозможно! Нам необходимо всех оповестить заранее и собрать их здесь.

— В таком случае стоит этим заняться. Нам дадут знак. По этому сигналу мы должны действовать быстро и к тому же подготовить наших союзников.

Гриджай сдвинул пурпурный шлем на макушку.

— Эта идея не вызывает у меня особого доверия, Аван. Скажи хотя бы, кто твой друг.

— Какр. Личный ткач императора.

Глава 18

— Кайку, пора, — сказал Джугай.

Тьма сгущалась. Приближающаяся ночь выкрасила край неба лиловым. Закат уже догорел. Тусклые, призрачные звезды усеяли плотное, как одеяло, небо, и между ними сиял половинчатый лик Иридимы. Обычный для ранней осени жаркий день сменился теплой ночью. Легкий ветерок развеял духоту вечера.

Они наконец-то нашли барьер ткачей, подобравшись вплотную к тайне, ради открытия которой пересекли Разлом.

Номору заявила, что они приближаются к месту, где она в прошлый раз сбилась с пути. Через час они вернулись в ту же точку, хотя непрерывно двигались на запад. Кроме того, чувства Кайку обострились. Она знала наверняка, где пролегает барьер, и где их развернуло назад. Ей приходилось прикладывать массу усилий, чтобы сдерживать кану в этих местах. Она не собиралась пересекать границу без помощи отцовской маски.

На несколько часов четверо путников укрылись в лошине, чтобы дожидаться наступления ночи. Кайку провела все это время, сидя под деревом с маской в руках. Хитрое красно-черное лицо с вожделением смотрело на нее пустыми глазницами. Когда Джугай заговорил с ней, она не сразу услышала. Ему пришлось потрясти ее за руку. Кайку резанула раздраженным взглядом, потом смягчилась и благодарно улыбнулась. На лице Джугая отразилось мгновенное колебание, а потом он ушел.

Для Кайку время словно повернуло вспять. Мысли ее обратились к моменту, когда умирающий Джугай лежал посреди утрудо-

мого болота, а она сражалась с попавшим в его кровь ядом демона. Короткая схватка запечатлелась в памяти навсегда и во всех деталях, и сейчас она поймала себя на том, что торжествующая улыбка растягивает ее губы. Настроение улучшилось, но тут взгляд ее упал на Джугая, и улыбка поблекла.

С момента пробуждения он казался немного другим. Будучи внутри него, Кайку почувствовала что-то. Легкий намек на нечто темное и невероятно уродливое в нем. Это нечто было сокрыто очень глубоко и проступило только тогда, когда вырвалось из-под оков сознания. Кайку смотрела на друга и не до конца его понимала.

А Джугай старался не замечать устремленного ему в спину взгляда. Столкновение с демонами сильно повлияло на него, это точно. Близость смерти напомнила ему о прошлой жизни — до Либера Драмах. О днях крови, кривых клинков и драк. Он терпел грязную повязку на лбу, талисман из тех времен, которые отчаянно пытался забыть — и не мог.

Джугай отвлекся от своих мыслей, когда его спутники поднялись и стали готовиться к пересечению барьера. Переход через Разлом никому не показался легким, но каждый знал — дальше будет только хуже.

— А это работает? — с сомнением поинтересовалась Номору, глядя на маску в руках Кайку.

— Скоро узнаем, — ответила Кайку и надела ее.

И как будто вернулась домой после долгого отсутствия — страшновато. Маска согревалась от тепла ее кожи и словно подстраивалась под почти незаметные изменения, произошедшие с ее лицом с момента последнего контакта. Ей стало покойно и уютно, как бывало в детстве, когда она, будучи совсем малюткой, дремала на коленях отца. Она слышала успокаивающий шепот Руинто. Фантом его памяти коснулся ее, и слезы навернулись на глаза.

Она смахнула их. Маска напоминала ее отца, потому что похитила у него какие-то мысли и часть личности за то время, пока он носил ее. Его убили из-за этого куска дерева. Маски очень жестоки, они вытягивают жизнь в обмен на силу, которую дают.

Носящий становится зависимым от нее и уже не может жить без маски. А потом превращается в ткущего. Нельзя забывать об этом.

«О духи, а что случится, если сестра Красного ордена станет ткущей?»

— У тебя дурацкий вид, — абсолютно серьезно сказала Номору. — Для чего она?

Кайку одарила ее презрительным взглядом. Странно, но она не чувствовала себя нелепо — скорее, наоборот, маска добавляла ей внушительности, значимости. Они идеально подходили друг другу.

— Она для того, чтобы провести нас через барьер, где тебе это будет не под силу, — бросила Кайку. — Пошли быстрее. Не хочу носить эту штуку ни секундой дольше, чем надо.

Когда они продолжили путь, Кайку подумала, что эти слова невероятно фальшивы. Она произнесла их потому, что так полагалось, а не потому, что она действительно так думала.

Они подошли к барьеру, когда последний свет погас на небе. Медленно пробираясь поверху между двумя каменными гребнями, Кайку почувствовала, что маска на ее лице нагревается.

— Здесь. Привяжитесь ко мне, — велела она.

Тсата достал веревку, и все обвязались ей. Сложно сказать, насколько ткиурати верил в необходимость их мероприятия, но он безропотно соглашался с мнением группы.

Кайку двинулась вперед с величайшей осторожностью, выставив руку вперед. Маска все раскалялась, Кайку уже начала бояться, что ее обожжет, но потом пальцы коснулись барьера, и он стал видимым для нее.

Она не могла вздохнуть. Вокруг нее сияло Узорное плетение. Оно растянулось на шесть метров в высоту и шесть в глубину, вписываясь в очертания рельефа. Тысячи золотых спиралей и завитков. Они медленно кружились и переплетались друг с другом, принимали новую форму, растягивались и изгибались. Невозможный танец хаоса. Он походил на водоворот реальности. Восприятие и ориентация в этом месте полностью разрушались. Кайку снова подивилась невероятно сложному творению ткущих.

— Что там такое? Барьер? — спросил Джугай.

По тону Кайку поняла — его интересует, почему она остановилась, а не природа предмета возникшего перед ними. Для всех, кроме нее, барьер оставался невидимым. На долю секунды Кайку ощутила злорадное самодовольство: она одна посвящена в это чудо, потом, смущенная, отбросила эти мысли.

— Возьмитесь за руки, — сказала она и подала руку Джугаю. Остальные сделали то же самое.

Она вступила в барьер, и Узор поглотил ее.

Впервые такое случилось на Фо. Тогда она едва не поддавалась искушению и не растворилась в неопишуемой красоте золотого мира, что окружал ее. На этот раз она подготовилась противостоять чарам Узора. Несколько широких шагов — и она на другой стороне. Кайку потащила Джугая за собой, испытав жестокое разочарование. Реальность по сравнению с Узором показалась серой и безжизненной.

Джугай споткнулся и упал; его развернуло, и он потерял направление. Следом за ним шла Номору, ее повело в другую сторону. Когда Джугай упал, веревка у него на поясе натянулась. Кайку видела всех. Когда она преодолела барьер, он поблек для нее. Номору угодила в ловушку невидимого пятна дезориентации. Разведчица побледнела — она изо всех сил старалась найти нужное направление, ей это не удавалось, и она не могла понять почему. Тсата пребывал в том же состоянии в паре шагов от нее. На лице его отразилось детское недоумение.

— Вытаскивай их, — велела Кайку Джугаю. Все еще ошалевший от произошедшего, он подчинился. Вдвоем они протаскивали своих товарищей через барьер на другую сторону.

Минут десять им потребовалось на то, чтобы собраться с мыслями. Кайку сняла маску и спрятала ее в мешок, снисходительно наблюдая за спутниками, которые, словно младенцы, тараторили друг на друга и оглядывались по сторонам, совершенно не понимая, как они здесь оказались. Не удивительно, что преодолеть барьер без маски еще никому не удавалось. Настоящий шедевр ткающих.

Потерявшая чувство направления Номору, даже придя в себя, не смогла вспомнить, где они находятся, поэтому Кайку возглавила группу.

— Нужно уходить отсюда. Я не уверена, что даже с маской можно незамеченными пересечь барьер. Не исключено, что мы потревожили тех, кто установил его здесь.

Они углубились в скалы справа, следуя вдоль внутренней стороны барьера. Кайку положила на свои ощущения, чтобы не подойти к невидимой преграде слишком близко, и вскоре они затерялись в темных провалах Ксаранского Разлома. Половинчатый лик Иридимы смотрел на них с высоты.

Они уже достаточно далеко прошли по вотчине ткачей, когда Номору объявила привал.

— Безнадежно, — сказала она. — Мы никуда не дойдем в темноте.

Остальные вяло согласились. На какое-то время показалось, что они успешно продвигаются вперед. Но потом небо заволокло тучами, звезды и единственная луна скрылись из виду. Не видно было ни зги. Путники продолжали пробираться по каменистым рвам, раздирали кожу о колючий кустарник и, вероятнее всего, шли кругами. Они не знали, что именно ищут, и от этого становилось только тягостнее. Поиск следов ткущих — весьма широкая и неконкретная цель, если не знаешь возможностей врага и того, как именно могут выглядеть эти следы. Теперь шли по длинной вымоине, заполненной запекшейся грязью. Отвесные стены поднимались над головой. Вода пересохла здесь уже давно, зато буйно разрослись сорняки.

— Надо отдохнуть, — заметил Джугай. — Продолжим путь, когда небо очистится или наступит рассвет.

— Я совсем не устала. Посторожу. — Кайку и в самом деле ощущала необыкновенный приток сил.

— Я с тобой, — неожиданно предложил Тсата.

Они сбросили сумки и обосновались у начала оврага. Номору и Джугай расстелили циновки и уже через несколько минут крепко спали.

Кайку сидела, прислонившись спиной к глинистой стене и обхватив колени руками. Тсата расположился напротив и молчал. Тишина стояла необыкновенная, даже вездесущие ночные насекомые не трещали. В отдалении резко и неприятно закричала птица, названия которой Кайку не знала.

— Может, одному пойти наверх, посмотреть... — Она не договорила.

— Нет, — возразил ткиурати. — Мы видим очень плохо, но там могут оказаться существа, которые отлично ориентируются в темноте. Лучше спрятаться.

Кайку кивнула. Ей в любом случае не хотелось наверх. Это укромное место ее вполне устраивало.

— Я хочу поговорить, — неожиданно сказал Тсата. — О ткачах.

Кайку откинула челку с лица и заправила ее за ухо.

— Хорошо.

— Кое-что я слышал от Сарана. Но до сих пор не понимаю, как вы к ним относитесь.

Кайку прищурилась — ткиурати вспомнил Сарана, а она совсем забыла кое о чем из-за последних событий почитателей Оме-хи и руку-шаев.

— Не уверена, что поняла твой вопрос.

— Позволь мне рассказать, как я это вижу, а ты меня поправишь, если я ошибаюсь. Договорились?

Кайку вздернула подбородок и только потом поймала себя на том, что выразила согласие охамбским, а не сарамирским жестом, и немного смутилась.

— Некогда ваша цивилизация заботилась прежде всего о развитии искусств и передаче знаний. Я знаком с вашей историей и, хотя не разделяю вашей любви к каменным городам или стремления собираться большими группами, где *паш* теряет всякий смысл, понимаю, что путь моего народа — не единственный. Я принимаю это. Я даже могу принять страшное разделение на классы благородных и крестьян и то, что знание узурпируется одними, тогда как на долю других оставляют лишь тяжелый бессмыслен-

ный труд. Я считаю это злом, потому что это претит природе моего народа. Но я увлекся. Если мы продолжим этот разговор, он займет много времени. А я хотел бы прежде всего поговорить о ткущих.

Кайку поразили его граничащая с грубостью прямота и внешне обнаружившееся красноречие. Она редко слышала от Тсаты больше пары предложений зараз. Но очевидный интерес к этому вопросу, кажется, переборол его обычную молчаливость...

— Когда появились ткачи, ваши предки приютили их. — Светло-зеленые глаза Тсаты неподвижно смотрели во тьму. — Их ослепило могущество, которое они смогли бы получить в союзе с ткущими Узор. Ваша знать настолько привыкла обращаться с другими людьми, как с инструментами, что решила точно так же воспользоваться ткущими. Они не знали, насколько этот инструмент ужасен. Ведь впустить ткачей в ваш мир значило подписать договор со всеми определенными им обязательствами. — Он опустил голову. В его жесте сквозила печаль. — Жадность погубила их. Возможно, они руководствовались в первую очередь благородными целями: расширить империю и увеличить ее мощь, сделать непобедимой. Вместе с ткущими. Но иногда цена слишком высока, и не важно, за что она назначена.

Кайку заметила, что руки его сжались в кулаки, и желтая кожа натянулась на костяшках пальцев.

— Вы пригласили ткачей в свои дома. Вы выкормили их, как своих детей.

Кайку это шокировало. Но, набрав воздуха в грудь, чтобы возразить, она поняла, что не может. Он прав. Знатные семьи обязаны обеспечивать своего ткача всем необходимым в течение нескольких дней после выхода из Узора. А эти твари способны на самые жуткие извращения. Воспользовавшись маской для плетения Узора, ткачи впадают в состояние, когда не могут сопротивляться безумной похоти и первобытным потребностям. Им позволено все. Изнасилования, убийства, истязания — это лишь некоторые из тех желаний, удовлетворения которых требовали эти безумцы. Ткущий рода Керестин был, по слухам, каннибалом. Ткач семьи Нира по-

едал человеческие и звериные экскременты. Главный ткач любил свежевать людей и животных живьем и делать из кож скульптуры. Хотя не у каждого ткающего мания требует жертв: некоторые просто рисуют или галлюцинируют часами, и им не нужно насыщать себя болью и страхом после погружения в Узор, но большинство ткающих все же отбирают чужие жизни. Их болезнь может усугубляться, и тогда число жертв тоже растет...

Кайку вдруг стало очень стыдно. Она вспомнила, как радовалась в Ханзине, что прибыла, наконец, на родину. Она считала, что ей повезло родиться в Сарамире — царстве красоты и гармонии. Но оно построено на костях. Еще до появления ткачей сарамирцы беспощадно истребляли аборигенов угатов. Миллионы смертей... Для Кайку все это не было новостью, но раньше казалось каким-то далеким и не имеющим к ней никакого отношения. Но Тсата говорил прямо. И, слушая его, Кайку понимала, как тонка оболочка цивилизации, по которой ступает знать. А под ногами бушует океан хаоса и насилия.

Но Тсата не закончил.

— Я не виню тебя за грехи твоих предков, хотя в вашем обществе часто карают сына за ошибки отца. Сейчас ткающие уничтожают землю, на которой вы живете. Это последняя капля. Ваш народ настолько привык полагаться на ткачей, что не может без них обойтись, не желает от них избавиться. Несмотря на то что они угрожают гибелью всему прекрасному, всему, что вы любили. Вы так старались сделать свою империю больше и сильнее, что стали подрывать ее основы. Вы выстроили высокую башню, но теперь вынимаете кирпичи из ее основания, чтобы уложить их сверху.

— Я знаю. — Кайку злилась. Кажется, он перегнул палку. Понимая, что Тсата не обязан следовать нормам этикета ее страны и использовать привычные для сарамирцев намеки и уловки, она все равно считала его манеру говорить слишком резкой. — Что я, по-твоему, здесь делаю? Я сражаюсь с ними.

— Да. Но по каким причинам? Ты мстишь. Саран говорил. Сейчас люди вашей страны поднимаются на борьбу, потому что у

них мало еды. Но пока к ним не подкрался голод, они спокойно позволяли болезни расползаться, надеялись, что кто-то другой остановит ее. Никто из вас не борется за других. Вы готовы бороться, только если у вас в этой борьбе есть личный интерес.

— Таковы люди, — отрезала Кайку.

— Но мои люди другие, — возразил Тсата.

— Может, поэтому вы до сих пор живете в джунглях и ваших детей едят дикие звери? А цивилизация строится на эгоизме.

Ткиурати не обиделся на завуалированное оскорбление.

— Я не собираюсь сравнивать вашу культуру с нашей и судить о достоинствах и недостатках каждой.

— Ты вроде бы именно это и делаешь, — угрюмо отозвалась Кайку.

— Я рассказываю, как выглядит в моих глазах ваша страна. Моя откровенность тебе не нравится?

— Я не нуждаюсь в твоих комментариях к ошибкам моего народа. Может, тебе не по вкусу мои причины, потому что они недостаточно альтруистичны, но факт остается фактом: я борюсь с ткачами. Я не принимаю мир таким, как он есть, потому что это неправильный порядок вещей. Поэтому избавь меня от лекций по морали!

Тсата смотрел на нее очень спокойно. Она остыла. Прочертила пятками две линии в грязи.

— Мне нечего сказать тебе о ткущих. Ты и так все понимаешь, — неожиданно признала она.

— Получается, что это — плод вашей культуры? И, стремясь к личному благополучию, вы ничего не сделаете, пока угроза не коснется вас самих?

— Возможно. Я не знаю. Но во многом мы смирились с ткущими из-за неведения. Если бы знать получила доказательства, что за болезнь всего живого в ответе ткачи, они бы свергли их и уничтожили. Я твердо в это верю.

— А напрасно, Кайку.

Она и Тсата посмотрели снизу вверх на подошедшего Джугая. Он опустился на землю рядом с ними, поправил повязку на лбу и виновато улыбнулся.

— Сложно спать, когда вы тут спорите о высоких материях.

— Что ты имел в виду под «напрасно»? — спросила Кайку.

— Может, и не стоит тебе это говорить, но уже, наверное, не важно. — Джугай встал и потянулся. — Либер Драмах ведет некоторые дела, в которые мы не посвящаем никого. Одним из них стала проверка теории твоего отца о колдовских камнях. Убедившись, что он прав, мы... в общем, мы довели это до сведения кое-кого из знати. Косвенными путями: намек здесь, намек там... Когда это не сработало, мы представили прямое доказательство и предложили им убедиться в его истинности. — Он почесал затылок. — Очевидно, все это делалось через посредников. Либер Драмах себя не откроет так просто.

Кайку жестом попросила его перейти к сути дела. Джугай подошел ближе и посмотрел на них сверху вниз.

— Они ничего не сделали. Ни один из них. Очень немногие вообще потрудились проверить факты, которые мы им предоставили. — Джугай с горечью усмехнулся. — Все это время ткущих сдерживал только страх — а что, если все благородные семейства выступают против них? Что ж, мы постарались спровоцировать это. И ничего не произошло.

У Кайку земля ушла из-под ног.

— Как это возможно? Если они видят, что творят ткачи...

Джугай положил руку на голбе плечо Тсаты.

— Наш охамбский друг прав. Это не в их интересах. Если бы всего лишь десяток семейств отреагировал на наше предупреждение, они бы потеряли своих ткачей, чем тут же воспользовались бы другие. Старые раны, сильные обиды... Кто-то всегда старается получить превосходство и думает только о краткосрочной выгоде. Люди — эгоисты. Единственный способ изменить что-то основополагающее — это если все захотят таких изменений одновременно. — Он пожал плечами. — А в нашем случае для этого должна произойти катастрофа.

— Это правда. Вам следует подождать, пока эта страна не окажется на грани гибели, и каждый захочет что-то сделать, — сказал Тсата. — Но тогда может быть слишком поздно.

— Значит, вот так? Чтобы что-то изменить, нужны сотни тысяч жертв?!
Джугай и Тсата просто посмотрели на нее. Этого ответа было достаточно.

Небо расчистилось еще до рассвета, и отряд двинулся в путь, чтобы не терять времени. Светила одинокая Иридима. К Номору уже, по-видимому, вернулось чувство направления. Оценив изгиб барьера, она примерно указала направление, в котором находился центр отрезанной от внешнего мира территории ткущих.

Не успели они сделать и сотню шагов, как оказались на краю потрескавшегося каменистого обрыва, под которым тускло поблескивала лента реки Зан. В тишине слышалось ее глухое ворчание.

— Мы все еще выше водопада? — спросил Джугай.

Номору промычала что-то утвердительное.

— Сюда. — Она повернула на юг. Кайку сомневалась, что разведчица лучше нее знает, куда идти. Но когда ориентиров нет, все направления одинаково хороши.

Небо начало светлеть, когда внезапно Джугай остановил группу. Они скрупулезно искали любые признаки жизни, но пока тщетно. Мир казался опустевшим. Даже звери словно ушли из этих мест.

— Что такое? — поинтересовалась Кайку.

— Посмотрите на дерево, — ответил Джугай.

Они посмотрели. На скалистом утесе над ними виднелся скрюченный силуэт. Голые ветви изгибались под самыми невероятными углами. Дерево походило на предостерегающий знак. Оно предупреждало о том, что может произойти, если они продолжат путь.

— Поражено той же болезнью, — зачем-то сказал Джугай.

— Они нашли новый колдовской камень, — проговорила Кайку. — И пробудили его.

— Пробудили его? — Номору хмыкнула. — Кайку, это же камень.

— Всего-навсего камень? — саркастически спросила Кайку. — А зачем в таком случае ткачам его прятать?

Номору пренебрежительно фыркнула и пошла вперед, вниз по течению реки. Остальные последовали за ней.

Цели достигли на рассвете, и то, что они нашли, превзошло самые худшие ожидания.

Гребень стал отклоняться в сторону от Зана. Между восточным берегом реки и возвышенностью открылась широкая, заросшая травой, плодородная равнина. Неприступность скал заставила спуститься с верхушки гряды, поэтому путники не могли обозреть ее полностью. Номору отвела их обратно к краю, откуда открывался хороший вид на запад. И они узнали, что скрывают ткущие Узор.

Над равниной нависал огромный черный утес. Дойдя до обрыва, Номору быстро пригнулась и жестом велела остальным сделать то же самое. Зарождающийся день сочился пока что слабым светом, и ему недоставало сил, чтобы наполнить мир красками. Над головой нависало бледное, грязновато-серое небо. Единственная луна готовилась опуститься за зубчатый край Разлома. Кайку, Тсата и Джугай подползли к Номору и посмотрели вниз.

Кайку беззвучно выругалась.

На противоположном краю пойменной равнины, у самой реки, возвышалось массивное сооружение, гладкий холм, похожий на чудовищный черепаший панцирь темного, ржаво-бронзового цвета. Он был будто сплетен из полос металла. У его основания теснились сооружения поменьше. Так новорожденные детеныши льнут к материнским соскам. Медленно вращались странные металлические колеса с шипами, гремели цепи, толстые трубы извергали черный маслянистый дым. Внутри что-то стучало и лязгало.

Все с ужасом смотрели на эту махину. Ничего подобного они прежде не видели. Чуждое их разуму явление, казалось, шло вразрез с основными законами мироздания. Грязный, тошнотворный кошмар.

Но на этом беды не заканчивались. Другую опасность распознать оказалось гораздо легче. Равнину наводнили порченые.

Сложно было подсчитать их число, потому что в их расположении не было никакого порядка. Одна группка перетекала в дру-

гую. От разнообразия форм рябило в глазах. Гротескная фантазмагория эта словно выплеснулась из воображения какого-то безумца. Тысячи, возможно, десятки тысяч существ. От подножия утеса до Зана равнину заполонили толпы порченных. Они сбивались в кучки или же сидели в огромных металлических клетках. Некоторые бродили вдоль реки, другие спали на земле, третьи дрались за что-то.

Кайку похлопали по плечу. Она обернулась и увидела Номору. Та протягивала ей подозрную трубу. Простая штуковина — две стеклянные линзы в конусе из плотной кожи, — но вполне эффективная. Кайку взяла ее и неуверенно улыбнулась. Может быть, в первый раз с начала путешествия Номору добровольно сделала кому-то что-то хорошее. Наверное, размах того, что они увидели, заставил ее на мгновение забыть о грусти.

Кайку поднесла подозрную трубу к глазу, и вид рассыпался перед ней отвратительными деталями. Равнина кишела будто вывернутыми наизнанку формами жизни. Широкими скачками передвигались темные, похожие на вытянутых лесных кошек существа с мордами то ли ящериц, то ли псов. Они рычали, рывая в поисках пищи. Демонические существа, некогда бывшие, вероятно, маленькими обезьянами, висели на прутьях своих клеток. Растянутые губы открывали ряды желтых кривых зубов. В грязи полулежали сгорбленные, похожие на свиней звери со страшными изогнутыми клыками — плотные комья из плоти и зубов. Кайку с дрожью отвращения узнала сидящих в клетках огромных птиц с роговыми клювами и изогнутыми зазубренными крыльями размахом больше шести футов. Хрящевороны. Их она видела несколько лет назад на Фо.

И все же в этом хаосе была система. Присутствие хрящеворонов натолкнуло Кайку на эту мысль. Осмотрев долину еще раз, она увидела в бледном свете начинающегося дня, что каждый порченный — не единственный в своем роде. Снова и снова повторялись несколько десятков типов. Угадывались общие черты, общие формы. Не случайные побочные эффекты колдовских камней, нет. Отдельные виды. Смотреть на них страшно, но нет у них лишних

черт, ничего, что могло бы помешать им существовать. Ни одного дефекта.

— Не туда смотришь, — нетерпеливо шепнула Номору и развернула подозрную трубу в нужную сторону, схватив за один конец. — Вон.

Кайку взбесила эта грубость, но потом она посмотрела в трубу снова. И кровь застыла в ней в жилах.

Сквозь толпу медленно продвигалась фигура. Казалось, окружающие хищники ее совсем не пугают. Сначала она подумала, что это ткач. Если так, то подобных ему Кайку еще не видела. Высокий, около семи футов ростом, и худой как щепка. Идет с прямой спиной, хотя ткущие обычно сутулятся. Одет в простую черную мантию с большим капюшоном, а не в те лохмотья, что носят ткачи. На лице маска — гладкий белый овал с двумя прорезами для глаз.

— Какой-то новый тип ткача? — выдохнула Кайку.

— Не знаю, — ответила Номору.

Джугай взял из рук Кайку трубу и посмотрел в нее.

— Что я вижу?! — Он медленно обвел взглядом долину. — И что они делают?

— Зверинец? — предположила Кайку. — Порченных зверей?

Номору горько усмехнулась.

— Думаешь?

На лице Тсаты застыло мрачное выражение.

— Это не зверинец, Кайку, — сказал он. — Это армия.

Глава 19

В то время как Кайку и ее спутники с ужасом взирали на столпотворение порченных у реки Зан, Люция вместе со свитой приближалась к Альскаинн Мар.

Он лежал почти в ста пятидесяти милях к юго-востоку от Кайку, на другой стороне Ксаранского Разлома — возле реки Ран. Больше тысячи лет назад, еще до того, как страшный катаклизм

разломил землю и поглотил Гобинду, здесь находилось величественное подземное святилище. Потом рухнули своды, завалило входы, и несметное число людей осталось погребенными под горами камня. Теперь этого места боялись. Здесь обитало нечто очень древнее, почти вечное, и даже самые отчаянные обходили Альскаин Мар стороной. Им правил великий дух. А духи очень ревниво охраняют свою вотчину.

Но именно сюда должна была спуститься Люция. Одна.

Небольшая группка лучших воинов Либеры Драмах, Кайлин и Заэлис сопровождали ее. Лидер Либеры Драмах, глава Красного ордена и девочка, на которую они возлагали все надежды. Покидать Провал всем вместе было рискованно, но Кайлин твердо решила пойти с ними, а Заэлис не желал, чтобы приемная дочь осталась без его поддержки. Вина тяжким грузом лежала у него на сердце. И самое меньшее, что он мог сделать, это проводить ее как можно дальше.

Когда Заэлис рассказал Кайлин о своем плане, она пришла в ярость. Хотя он и дал понять Люции, что идея отправить ее в Альскаин Мар принадлежит им обоим, на самом деле Кайлин была категорически против и не боялась прямо говорить ему об этом. Разговор состоялся у него в доме, в тихом, уютном кабинете.

— Заэлис, это идиотизм! — кричала Кайлин. Она напоминала столп черного гнева. — Ты прекрасно знаешь, что случилось в прошлый раз! А теперь хочешь послать ее к духу неизмеримо сильнее! Что на тебя нашло?!

— Думаешь, что это решение далось мне легко? — возразил Заэлис. — Думаешь, мне самому хочется послать дочь в логово этого существа? Необходимость вынуждает!

— Нет такой необходимости, которая заставляла бы нас рисковать жизнью этой девочки! Она — опора всего, за что мы боремся!

— Мы потеряем все, за что боремся, если ткачи обнаружат Провал, — возразил Заэлис, взволнованно меряя комнату шагами. Казалось, воздух дрожит от громких голосов. Светильники горели, теплые тени лежали на деревянном полу. — Тебе

легко судить, у тебя есть Красный орден. Ты можешь взять и исчезнуть, оставить все это. А я несу ответственность за дело, которое начал! Каждый, кто живет здесь, приехал сюда из-за меня! Даже те, кто не состоит в Либеря Драмах, пришли сюда, потому что разделяют наши идеалы! И они видят во мне предводителя.

— Наступит день, когда они увидят предводителя в Люции, Заэлис. Разве не это мы планировали? В таком случае как ты можешь рисковать ей? — Кайлин помолчала, а потом вонзила в сердце Заэлиса последний шип. — А ты еще говоришь, что она твоя дочь.

По скулам его заходили желваки, лицо исказилось от боли.

— Я рискую ею, потому что так нужно, — тихо сказал он.

— Подожди, пока вернется разведка. Может быть, ты напрасно беспокоишься.

— Это не выход. Не важно, что они найдут. Факт остается фактом — ткачи уже в Разломе. Не исключено, они здесь уже несколько лет, неужели ты не понимаешь? Номору заметила барьер, потому что она лучшая в своем деле. А сколько наших разведчиков прошло в тех местах, даже не заметив, что сбились с пути? — Он осуждающе взглянул на Кайлин. — Ведь это ты мне рассказывала, как работают эти барьеры.

Кайлин кивнула. Вороновы перья на ее воротнике мягко качнулись.

— Ты прав. Природа подобных барьеров очень тонка, и многие думают, что заблудились по собственной вине.

— А что еще могли устроить ткачи прямо у нас под носом? Барьер мы нашли по счастливой случайности. — Он вскинул шершавые руки в гневном жесте. — Я вдруг понял, что мы абсолютно незащитны перед лицом нашего главного врага! Это шок для меня. Мы делали ставку на секретность, на то, чтобы прятаться от ткущих, а теперь я уверен, что рано или поздно, случайно или нет, они нас найдут. Возможно, уже нашли. Необходимо узнать, с чем нам предстоит столкнуться. Только духи могут рассказать нам это.

— Ты так думаешь, Заэлис? А что тебе известно о духах?

— То, что говорит Люция. А она считает, что стоит попробовать.

Кайлин жестко посмотрела на него.

— Ну, конечно. Она сделает все, о чем ты ее попросишь. Даже если это ее убьет.

— О боги, Кайлин! Не усугубляй! Мне и так плохо! — вскричал Заэлис. — Я решил. Мы идем в Альскаин Мар.

Кайлин прекратила спор, но, уходя, уже на пороге комнаты, остановилась и оглянулась на него.

— Ради чего все это начиналось? — спросила она. — Какую цель ты ставил перед собой? Ты из ничего создал Либеру Драмах. Один человек вдохновил на существование огромную организацию. А кто вдохновил тебя?

Заэлис не ответил. Он знал, что это провокационный вопрос, и не хотел поддаваться на провокации.

— И что важнее для тебя сейчас? — тихо продолжила Кайлин. — Девочка или тайная армия, во главе которой ты стоишь? Люция или Либеру Драмах?

Ее горькие слова все еще звучали в ушах Заэлиса, когда он вместе с отрядом продвигался к разрушенному храму. Рассвет разгорался. Они покинули Провал накануне вечером и шли ночью, чтобы по возможности не выдать себя. Идти приходилось медленно: Заэлис хромал, а Люция быстро уставала, ведь ни одна прогулка в ее жизни не составляла больше нескольких миль. Облака, которые помешали Кайку и ее спутникам, не достигли еще восточной части Разлома, поэтому Иридима бледным светом освещала их путь.

С первыми лучами солнца они подошли к широкому круглому углублению в земле диаметром около мили. Оно располагалось на плоской вершине холма, заросшей росистой травой, кустарником и чахлыми деревьями. С восточной стороны начиналось постепенное, неравномерное понижение. Внизу бежал Ран.

В центре углубления находился глубокий и узкий вход в просторную пещеру, где лежал Альскаин Мар.

Отряд остановился у края. По периметру углубления неровным кругом стояли пожиратели душ. Когда ветер касался их, они издавали громкое щелканье: старые талисманы из мелких костей и окаменевшей прозрачной смолы постукивали о камень. Некоторые из них потрескались, и трещины эти поросли мхом. Один раскололся напополам, и его верхняя часть лежала рядом с основанием.

Кайлин окинула их пренебрежительным взглядом. Игрушки суеверных угатов — продолговатые камни, исписанные молитвами и проклятиями и увешанные шумными примитивными украшениями. Считалось, что дух, проходящий мимо пожирателя душ, испугается звука амулетов. Его отпугнут молитвы и оскорбят проклятия, и тогда он сбежит и спрячется там, откуда пришел. Примета не сработала, и много сотен лет назад сарамирцы отказались от них как от пережитков и суеверий. Но этим — не больше пятидесяти лет. Кто догадался поставить их здесь и чего хотел достичь? Может, кто-то решил, что древний метод сгодится, чтобы запереть древнего духа? В Ксаранском Разломе привычные законы цивилизации силы не имели.

Солнце медленно катилось по небосводу. Остановиться решили у края углубления. Люция свернулась калачиком на циновке и уснула. Ночной переход дался ей нелегко. Сил хватало, но все детство она провела в укрытии Провала и к долгим пешим путешествиям не привыкла. Воины нервно глотали холодную пищу, осторожно оглядываясь по сторонам. Людей здесь можно было не бояться, потому как никто не селился поблизости от Альскаин Мар, но даже самые толстокожие ощущали присутствие духа, и мурашки ползли по спине. Ни жара, ни солнечный свет не помогали справиться с этим ознобом. Боковым зрением люди замечали молниеносное движение в кустах, но при ближайшем рассмотрении там никого и ничего не оказывалось.

Заэлис и Кайлин сидели рядом. Заэлис смотрел на спящую дочь, и в глазах его отражалось беспокойство. Кайлин молча рассматривала черную дыру в центре воронки.

— Заэлис, еще не поздно повернуть назад, — сказала сестра.

— Нет. Решение принято.

— Решения можно менять.

Заэлис нахмурил брови, между ними пролегла глубокая морщина. Он с болью смотрел, как поднимается и опускается худенькая спинка Люции.

— Но не это, — ответил он.

Кайлин ничего не сказала. Если бы она могла заставить Заэлиса остановиться, то сделала бы это без раздумий, но рисковать своим положением или Красным орденом не осмеливалась. Ей вдруг захотелось, чтобы Кайку и Мисани оказались здесь, возможно, им удалось бы отговорить Заэлиса. В голову пришла безумная идея: незаметно повлиять на старика с помощью Узора. Но даже если он ничего не поймет — догадается Люция. И, кроме того, нельзя так предавать его доверие — это может дорого стоить.

Поэтому Кайлин ничего не оставалось, кроме как смотреть, как их единственная надежда спустится в Альскаин Мар, и надеяться, что она вернется обратно.

— А как Азара? — Заэлис резко сменил тему. — Что от нее слышно? Возможно, она скоро нам понадобится.

— Она ушла.

Оба до сих пор называли ее Азарой, даже после того, как она провела в Провале несколько дней под именем Сарана. Они с самого начала знали, кого отправили на поиски ткущих Узор по всему Ближнему Свету, но не представляли, какие еще обличья может принимать это существо.

— Она ушла чуть-чуть раньше Кайку. Подозреваю, у них возникла какая-то размолвка, — продолжила Кайлин.

Заэлис вопросительно поднял бровь.

— Я пристально слежу за самой непоседливой из своих учениц, — пояснила она. — Не думаю, что мы еще встретимся с Сараном Иктисом Марулом. Она меняется.

— Ты с ней говорила? Что тебе известно?

Черно-красные губы Кайлин искривились в слабой улыбке.

— Она выполняет для меня небольшое поручение. Мне удалось убедить ее, что это... в наших общих интересах.

— Поручение? — медленно, с недоверием повторил Заэлис. — Какое такое поручение, Кайлин?

Она покосилась на него.

— Это наши дела.

— О боги! Ты только что отослала моего лучшего шпиона! И не говоришь, зачем! Что происходит, Кайлин?

— Она не твой шпион, — напомнила ему Кайлин. — Если она чья-то, то моя. И она сейчас за границей по делам Красного ордена.

— А я думал, что Либеры Драмах и Красный орден работают вместе... Ничего себе сотрудничество.

Кайлин тихонько посмеялась.

— Если бы это было сотрудничество, Заэлис, мы бы и близко не подпустили Люцию к Альскаин Мар. Если бы у меня была на то власть, я бы запретила эту экспедицию. Нет. В Провале правит Либеры Драмах, и ты это прекрасно знаешь. Но мы ничего тебе не должны. Мы можем помогать тебе, но мы не принадлежим тебе. И прежде чем все это закончится, мне необходимо позаботиться и о собственных интересах.

Люция проснулась уже после полудня, немного перекусила и молча, не сказав никому ни слова, подготовилась к тому, что ей предстояло.

Потом она прошла сквозь кольцо пожирателей душ и остановилась у зева уходящей вниз шахты. Сзади ее освещало солнце, но покрытые шрамами шея и верхняя часть спины ничего не чувствовали: нервные окончания умерли. Она смотрела вдаль, на восток, где бежали крошечные облачка, и чистая лазурь переливалась в оттенки пурпурного.

Девочка позволила себе расслабиться и прислушалась. Ветер нашептывал какую-то бессмыслицу, а вокруг ворочались и грохотали медленные, непонятные мысли холма. Здесь не пробежали звери — инстинкт предупреждал их о том, что скрывалось под землей.

Люция тоже чувствовала это повсюду, но четче всего — под холмом. Как дыхание некоего огромного зверя, который спит, но знает об их присутствии. Воздух казался плотным и порождал обманы зрения вроде быстрого движения на грани видимости.

К ней подошли Кайлин и Заэлис. Он попытался ободрить Люцию улыбкой — абсолютно неубедительно. Сестра удивительно нежно потрепала ее по волосам.

— Помни, Люция, что никто тебя не принуждает.

Люция не ответила. Кайлин понимающе кивнула и ушла.

Сопровождавшие их воины принесли с собой материал для люльки и собрали ее, пока Люция спала. Она представляла собой легкий стульчик, сплетенный из тростника камако, и несколько веревок, чтобы обеспечить Люции безопасный спуск в пещеру. Они усадили Люцию в люльку и привязали веревками, довольно неуклюже, потому что смотрели на нее с благоговением и боялись причинить боль. Закончив, двое подняли Люцию, а остальные закрепили конец длинной веревки на самом крепком на вид пожирателе душ. Девочку бережно опустили в провал, и она повисла над шахтой. Спинка импровизированного стула касалась одной из стен.

Заэлис взглянул на нее, и в его глазах отразилась борьба чувств. Он склонился к ней.

— Возвращайся.

Она едва скользнула по нему своим странным, отсутствующим взглядом и ничего не ответила.

— Опускайте! — велел один из стражей своим напарникам, и погружение началось.

Первые несколько метров дались нелегко. Опускали рывками, и Люции приходилось отталкиваться от черного волглового камня. Это длилось не дольше минуты, но она исцарапала руки и ноги и заработала много синяков.

А потом узкий провал раздвинулся, и Люция повисла в пустоте над Альсканн Мар. В необъятной подземной пещере крохотная фигурка в люльке... Реальность ситуации потрясла Люцию, на нее нахлынула волна ужаса. Еще хуже было от того, что произошло это с разрешения отца. И тут Люция поняла: какая-то

часть ее до последнего ждала, что Заэлис изменит решение, скажет, что она не обязана туда идти, и никто не осудит ее, если она откажется... Он этого не сделал. Он никогда не оставлял ей выбора. Как он мог так поступить? Как мог?

Сверху на нее падал солнечный свет, освещал золотистые волосы и спину — единственный луч в этой плотной тени. Внизу, там, где свет глаза Нуки падал на воду, ослепительно блестело озеро, прозрачное настолько, что можно было разглядеть обломки на дне. Там лежали останки древних зданий. Над расколотыми камнями изрядно потрудились время, и они, как подводными лесами, заросли водорослями. Тут и там над водой поднимались, как шапки белого крема, островки — некогда арки и верхушки приземистых колонн. Люция видела только одну стену пещеры, другая, невидимая, тонула в непроглядной тьме. Девочке казалось, что там — пропасть. Из провала свисала виноградная лоза и еще какая-то зелень, будто потянувшись отчаянным усилием к воде. Влажный сумрак царил здесь, и слышно было только, как где-то в отдалении капает вода да изредка всплескивает играющая рыба.

Спустя тысячу лет после того, как храм ушел под землю, верхняя часть его все еще стояла, возвышаясь вокруг Люции во всем своем скорбном великолепии. Из воды торчали гигантские каменные ребра с обломанными краями, изгибались арками под сводами пещеры. На них древние люди вырезали пиктограммы на непонятном языке. В своем развитии общество потеряло этот диалект, но очертания знаков выглядели серьезными и мрачноватыми. Наверное, этот язык принадлежал людям мудрым и звучал гармонично и красиво...

Сохранились и другие части храма. Под собой Люция видела скелет просторной палаты с куполом и довольно высоким полом: вода омывала ее, но не сумела поглотить. Разрушенные остатки других помещений прозрачно намекали на планировку здания «при жизни», до катастрофы. На стене перед Люцией два каменных ребра удержали массивный фрагмент каменной кладки. Когда-то он был частью храмовой крыши. Угловатые узоры испещряли его поверхность — слабенький отблеск роскоши, некогда присущей

этому месту. На грани видимости Люция угадывала другие постройки — слишком темные, чтобы разглядеть их в деталях, но, судя по очертаниям, невероятных размеров.

Девочка вдруг почувствовала себя маленькой и одинокой. Она была совсем одна в этой громадной пещере... за исключением того, существа, которое томилось в Альскаин Мар вечным ожиданием.

Скрипучий стул постепенно, маленькими рывками опускался перед развалинами палаты с куполом. По счастью, она не боялась высоты, зато ужасно боялась, что сломается стул или оборвется веревка, хотя и знала наверняка, что все возможные меры предосторожности приняты, а люлька выдержит и шестерых таких, как она. Люция прислушивалась к гулким ударам собственного сердца и ждала, когда же, наконец, ступит на твердую землю.

Люлька прошла между изогнутыми, сломанными пальцами, которые остались от разрушенного купола, и стукнулась о каменный пол. Девочка торопливо освободилась от веревок, будто боясь, что они могут в любой момент потащить ее в темную бездну.

— Люция? — позвал Заэлис. Вверху на фоне ослепительно-го света темнели пятна — головы стражников. — Все хорошо?

В противоестественной тишине пещеры его голос прозвучал, как богохульство. Воздух внезапно словно потемнел и сгустился, наполненный таким ярким, осязаемым недовольством, что Люция шархнула в сторону и всхлипнула от ужаса. Наверху остальные тоже это почувствовали — стражники торопливо забормотали слова молитвы, а Кайлин бросила что-то резкое Заэлису. Он притих и больше не кричал.

Свет снова наполнил помещение, напряжение ослабло. Люция смогла вздохнуть, но ладони слегка дрожали. Она обернулась — позади висела крошечная, хрупкая люлька, ее единственный путь в нормальный мир. Помоги ждать не от кого!

На краю освещенного пятка стояла тонкая как тростинка девчушка четырнадцати лет от роду в грязных потертых штанах и белой рубашке.

«Люция, ты не жертва». Так сказала Кайку в первый день Эстивальной недели. Но она все равно здесь, в логове непости-

жимого существа. Помнится, в каком-то мифе отец отдал свою дочь-девственницу страшному демону...

Люция приказала себе расслабиться. Голоса других духов — животных, земли, воздуха, — которые она слышала каждый день, здесь молчали. От этого девочка нервничала. Раньше они звучали всегда. И тишина только усиливала чувство одиночества и заброшенности.

Теперь житель разрушенного храма обращал на нее меньше внимания. Он дремал, она его не интересовала. Если понадобится его разбудить, придется сделать это очень, очень деликатно.

Время пришло. Нельзя больше откладывать.

Люция вступила в темноту, подошла к краю платформы и опустилась на колени. Она склонила голову, положила руки на каменные плиты...

...и прислушалась.

Не существует языка для общения с духами. Люции легко удавалось найти контакт с животными, но большинство духов совсем не понимали человеческого видения мира. Нет слов, понятных людям и духам, потому что они по-разному ощущают и мыслят по-разному. И потому им приходится общаться на другом уровне, более глубоком и простом; им необходимо слиться друг с другом и познать природу друг друга. Нужно такое хрупкое, тонкое единство, какое бывает, пожалуй, только между матерью и плодом в ее утробе.

И Люция позволила камню, что лежал под ее ладонями, познать ее и себе познать камень. Сначала она всего лишь физически ощущала холодное прикосновение к коже и давление собственной плоти на поверхность плиты, но потом вошла в более глубокий транс, чувства заострились, и она ощутила бесконечное множество пор и бороздок на своей коже и мельчайшие трещинки в камне, на котором сидела.

Теперь она совершенно успокоилась, дыхание ее замедлилось, сердце билось приглушенно и редко.

Люция позволила познанию друг друга отделиться от точки соприкосновения и расшириться, открыла камню всю себя: ток кро-

ви и биение сердца, сотни тысяч фолликулов на коже головы, сложные, мертвые отпечатки шрамов, переплетение мышц на спине. Она посвятила камень в таинство своего чрева, где яичники и матка готовились к выполнению своих функций, разделила с ним ощущение постепенно удлиняющихся костей и показала весь процесс жизни и развития.

И вместе с этим она глубже проникла в самую суть камня, коснулась его древней, грохочущей памяти. Она чувствовала его структуру, каждую трещину, каждый выступ, знала, где он зародился, где вырос и откуда его высекли, осознавала его жестокое, бесчувственное существование. В отделенном от своей горы, оторванном от земли, где он вырос, камне нет настоящей жизни. Но в нем есть отпечатки происходивших здесь событий, впечатления, наложенные временем и местом.

И храм пробудился вокруг Люции. Она едва не вышла из транса, когда восприятие внезапно расширилось. Так вода затопляет все на своем пути, когда прорывает плотину. И она чувствовала уже не просто камень, а храм как нечто целостное. Память тысячелетия открылась ей в один миг. Люция ощутила гордость и мощь этого места в юности, поняла его горечь и заброшенность. Этот храм почитали, он все еще помнил дни, когда мужчины и женщины возносили в залах молитвы и славословия и жгли жертвы на алтарях. Она узнала долгую пустоту и пришествие нового существа, после чего храм снова стал местом силы, хотя то была лишь бледная тень минувшего могущества и величия, его прежнего «я».

Люция с величайшей осторожностью потянулась к этому «новому» существу, чтобы и он познал ее. Ее снова охватил испуг. Она пока что чувствовала лишь следы обитающего здесь духа, но и они пугали ее, казались огромными и значительными. Так, наверное, чувствует себя насекомое, подлетающее к боку громадного чудовища.

Медленно просыпался дух Альскаин Мар.

Все чувства ее обострились. Люция ощутила, как что-то изменилось в воздухе. В пещере потемнело. Сияние глаза Нуки по-

гасила тьма, будто густых чернил плеснули в солнечный свет, и солнечного света не стало... Вдалеке в ужасе вскрикнул, потеряв ее из виду, Заэлис. Солнечный луч принес сюда немного тепла, и оно словно растворилось во мраке. Температура стремительно падала. Люция задрожала. Дыхание выходило изо рта облачками пара. Ее транс прервался, и она покинула духа, чтобы совладать с собой и расслабиться снова.

Но дух последовал за ней. Ее вторжение потревожило его. И он ни за что не отпустил бы ее просто так, не узнав, что за незванный гость посетил его обиталище. Люция успела испугаться вспышки его злобы. А потом он ворвался в ее рассудок и одним жестоким, сильным порывом слился с ней. На долю секунды Люция оказалась лицом к лицу с невозможным, необъятным, непостижимым для человеческой мысли...

А потом она умерла от шока.

И осталась жить.

Веки затрепетали, глаза открылись. Она лежала лицом вниз на полу разрушенного зала. Щека и грудь болели — девочка ушиблась, падая. Повсюду разливался бледно-голубой неземной свет.

Люция приподнялась на руках.

Свет шел со дна озера, странным образом подсвечивал ее лицо и заполнял всю пещеру. Она оказалась гораздо больше, чем предполагала Люция. На стенах и руинах храма дрожала световая зыбь. Вверху, в полной темноте, не содержалось даже намек на провал, через который Люция попала в Альскаин Мар.

Полностью придя в себя, Люция осознала, что дух храма до сих пор слит с нею. Она ощущала его — теперь он вел себя осторожнее и даже послал волну знания и чего-то вроде извинения. Дух убил ее случайно, но всего на несколько мгновений. За это время он постиг природу девочки и перезапустил биологические механизмы в ней и исправил повреждения, что нанес ее рассудку. Она на самом деле умерла, но сердце ее пропустило не больше двух ударов, и кровь продолжала течь в жилах.

Люция с удивлением поняла, что общается с духом. Вернее, это дух общается с ней. Она отлично знала, что пока не способна взаимодействовать с настолько чуждой сущностью, но никогда не предполагала, что дух может упростить свое мышление настолько, чтобы приблизиться к ее уровню. Но, постигая ее, он познал и пределы ее возможностей, и сам установил и поддерживал контакт.

Люция с трудом подползла к краю платформы, движимая непонятным побуждением и села на колени у ее края. А потом посмотрела в воду и увидела его.

У озера больше не было дна. Все еще прозрачное, как кристалл, оно открывалось бесконечной глубиной, из которой шло странное сияние. И оттуда на нее смотрел дух.

Он не имел тела и походил на уплотнение воды на грани видимости, скорее, намек на форму, нежели физическая оболочка живого существа. Внутри него два овала — наверное, глаза — смотрели на нее пугающе напряженно. Дух мерцал. На долю секунды он оказывался в другом месте, потом возвращался обратно, порхал в толще воды, оставаясь при этом совершенно неподвижным. Он казался одновременно маленьким и очень большим, постоянно растущим. Люция не верила своим глазам. Ей хотелось погрузиться в воду и прикоснуться к духу, хотя он, возможно, был дальше, чем луны... Он старался предстать перед ней так, чтобы она поняла, каков он, но ей не удавалось: дух будто оглушал все ее чувства одним только своим видом. И все же девочка продолжала смотреть на него, потому что он желал именно этого.

В ее сердце боролись благоговение, радость и первобытный ужас. Люция никогда бы не подумала, что достигнет понимания с духом вроде этого... Однако контакт продолжался. Контакт с существом непостижимой силы. Оно могло уничтожить ее сознание, повинуясь минутной прихоти, могло навечно запереть ее в этой ловушке — для компании, могло даже то, что Люция не в силах была представить. Потрясение от первого его прикоснове-

ния и пребывание на грани смерти еще не прошло, и она не знала, достаточно ли у нее сил для того, что произойдет дальше...

Но пути назад не было. Ей предстояло задать вопросы и получить ответы.

Люция медленно вытянула руки и положила их на холодную поверхность воды. Сделала долгий, прерывистый выдох. Облачко пара окутало ее лицо.

Она заговорила.

Глава 20

— Я не вернусь! — Кайку ходила туда-сюда по впадине, где спрятались путешественники. — Не сейчас. Мы же еще ничего не знаем о тех существах внизу!

— Мы должны вернуться именно потому, что ничего о них не знаем! — возразил Джугай и взглянул на Тсату, который сидел на часах, согнувшись у края плоского камня. — Мы не представляем, что за защита есть у них. И уж конечно мы не готовы к тому, чтобы проникнуть в их ряды — у нас просто нет нужного снаряжения. Ты же именно это планировала, да?

— Недостаточно принесли в Провал новости о том, что армия порченных засела в Разломе. Зачем они здесь? На кого собираются нападать? Грядет битва с Либеры Драмах или с кем-то еще? Нужны ответы, а не донесение, которое породит только больше вопросов.

— Тише вы, — холодно сказала Номору.

Прежде чем покинуть утес, нависший над долиной, они несколько часов наблюдали за порченными и странными чужаками, похожими на ткачей, а потом перебрались в укрытое от посторонних глаз местечко, чтобы обдумать увиденное. Номору показала им усыпанную мелкими камнями расщелину между высокими скалами, которые заслоняли собой полнеба. С того момента, как они вторглись на территорию ткущих, серьезных неприятностей не произошло, однако все нервничали. Отсутствие стражи и патрулей легко объяснялось самонадеянностью ткачей: как и в монастыре

на Фо, в который когда-то проникла Кайку, они поставили внешний защитный барьер и, уверенные в его абсолютной непроницаемости для посторонних, не беспокоились больше об охране и безопасности. Но все равно Кайку и ее спутники чувствовали, что везение их вот-вот закончится и нужно что-то делать.

— Если мы остаемся и выясняем что-то еще, то рискуем попасть в плен или погибнуть. — Джугай взъерошил волосы рукой и поправил повязку на лбу. Под глазами залегли темные тени, щеки и подбородок заросли жесткой щетиной, отчего он выглядел изможденным. Но здесь Джугай был лидером, и в его голосе чувствовалась властность. — И тогда никто не получит никаких ответов, и никто не предупредит их о планах ткачей.

— Но что они планируют? — Голос и жесты Кайку выдавали сильнейшее возбуждение. — Что нам известно?

— Нам известно, что у них тут тьма-тьмушая порченных. И все это хищники. Ни одного уродца. — Джугай пожал плечами. — А это значит, что либо их тщательно отобрали в естественной среде обитания, либо специально вывели такими. И это тот самый секретный груз, который они сплавляли на своих баржах. Люция его почувствовала на реке...

— Их контролируют. — Номору сидела на камне и чистила винтовку. Скалы отбрасывали тени на ее лицо. — Они могли бы драться. Друг с другом. Но нет же. Значит, их контролируют.

— Они что, правда, на это способны? — Джугай обратился к Кайку. — Ткач может одновременно воздействовать на такую тьму существ?

— Нет. Ни одна сестра не может держать под контролем столько разумов. Даже сестры, а они... гораздо лучше управляют с Узором, чем мужчины.

— А ты уверена? Может, ткущим это под силу? — уточнила Номору.

— Я уверена, — отрезала Кайку. — Если бы они могли, я бы это чувствовала. Что бы там, внизу, ни происходило, ткачи их не контролируют.

— А как насчет этих типов в черных рясах? — предположил Джугай. — Вдруг они зрители в этом зверинце?

— Может, да, а может, нет, — ответила Кайку.

— Проверишь?

— Не так, как ты предполагаешь. Если я воспользуюсь каной и меня поймают, последствия будут самые плачевные. Катастрофа. Для всех нас.

— А что у них за громадина? — Номору не отвлекалась от своего занятия. — Не понимаю. Надо подойти поближе.

— Шахта, — ответил Джугай. — Это же очевидно. Здесь растения тоже больны, значит, неподалеку есть колдовской камень. И еще — его пробудили достаточно давно, раз он начал изменять землю.

— Думаю, само по себе наличие этого сооружения говорит, что они не вчера сюда пришли, — заметила Кайку. — Но еще и пальцем не пошевелили, чтобы напасть на Провал. И мы можем предположить...

— Это пойменная долина, — перебила Номору, продолжая движение ее мысли. — Как они вырыли шахту в пойменной долине? Ее бы затопило.

Тсата терпеливо выслушивал реплики товарищей. С самого начала он прекрасно знал, что делать, но также и понимал, что нормальная логика выживания в Сарамире не работает. Сарамирцы упрямо все усложняют. Выждав некоторое время, Тсата решил, что пора вмешаться.

— Я знаю выход.

Остальные перевели взгляд на него. Его бледно-зеленые глаза блеснули на фоне расколотых камней.

— Двое останутся и выяснят, что происходит. Двое вернутся.

— Обратный путь знает только Номору, — подал голос Джугай.

— Я тоже знаю обратный путь, — возразил Тсата. Проведя всю жизнь в густых зарослях джунглей, сквозь которые приходилось прокладывать себе дорогу, он с легкостью запомнил относительно открытую местность Разлома и без проблем мог найти путь

обратно и избежать опасностей, которые грозили отряду во время путешествия.

— Никто не останется, — возразил Джугай.

— Я останусь, — заявила Кайку.

— Ты одна можешь провести нас через барьер, — напомнил Джугай.

— Тогда я провожу вас и вернусь сюда.

— Я останусь с ней, — добавил Тсата. — Здесь я буду полезнее.

— Вам обоим не терпится на тот свет, — с гнусной улыбочкой заметила Номору. — Но мне все равно. Я пойду с ним. — Она указала на Джугая большим пальцем. — Целее будем.

— Возвращаемся все вместе, — отрезал Джугай. — Мы едва добрались сюда вчетвером. По двое...

— Это ты едва дошел сюда, — оборвала его Кайку. — Напомнить, кому ты обязан счастьем сидеть сейчас здесь вместе со всеми?

Джугай вздохнул.

— Я не позволю тебе так рисковать. Хотя бы в благодарность за то, что спасла мне жизнь.

Кайку откинула челку назад. Она всегда отличалась невероятным упрямством.

— Ты не можешь за меня решать. Я здесь как представитель Красного ордена, и ты не имеешь надо мной власти. А Тсата в этой стране вообще никому не подчиняется.

— Да ты даже не состоишь в Красном ордене! Ты все еще ученица! Кайку, неужели ты не понимаешь, что тебе грозит? — Джугай перешел на крик. — Что будет, если тебя схватят? Ты же знаешь, какая у Кайлин паранойя по поводу секретности и конспирации своих агентов! Как ты думаешь, что случится, если ты угодишь в лапы к ткачам? Весь орден может рухнуть!

Номору шикнула на него. Джугай перешел на шепот.

— Кроме того, вы оба знаете, где Провал.

Кайку стояла на своем.

— Но кто-то должен остаться и оповестить остальных, если эта армия двинется в поход! Только я могу это сделать — предупредить Провал, если ткачи выступят в поход.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но разве Кайлин не запретила связь между сестрами на больших расстояниях?

— Она не запретила ее, — ответила Кайку. — Она считает, что это средство на крайний случай. Как сейчас.

— И ты полагаешь, что знаешь достаточно, чтобы судить об этом? Что она будет счастлива, если ее ученица возьмет на себя такую ответственность?

— Мне плевать, будет она счастлива или нет, — категорично заявила Кайку. — Я ей не прислуга. — Она замолчала на несколько секунд, а потом продолжила: — Как по-твоему, почему она отправила меня в Охамбу с Мисани? Ей нужен был кто-то, кто умеет ткать Узор. Если бы нам не удалось вытащить оттуда шпиона, я бы передала его сведения через Узор. Она считала это задание важным. А я считаю важным вот это. У нас есть единственный шанс, чтобы выяснить, что замышляют ткачи. Последнее время мы были слишком беспечны. И Кайлин — в первую очередь. И вот результат. Ткачи создали армию прямо у нас под носом! Красный орден мог бы давно об этом знать, но Кайлин все время боялась, что кто-то из сестер может попасть в плен. Если мы сейчас не выясним, что происходит, будет слишком, слишком поздно! — Она посмотрела в глаза Джугай. — Мы здесь. А они там. И если я вернусь, Кайлин ни за что на свете не подпустит меня к ткачам.

Это понимали все. Если они сейчас повернут назад, Кайлин больше не позволит ей рисковать собой, и они, возможно, упустят единственный шанс разгадать планы врага. Кайку не могла позволить себе такую ошибку. Клятва Охе осталась неисполненной — она так и не отомстила за смерть близких.

«Оха уже спас меня однажды. — Кайку вспомнила полный опасностей переход через Лакмарские горы. — Он наверняка и на этот раз приглядит за мной».

— Кроме тебя, конечно, некому... — Джугай ехидничал, но уже смирился с тем, что ее не переспорить. — Триумф это или катастрофа, покажет время. — Он пожал плечами. — Я не могу остановить тебя. Ни силой, ни уговорами. Но хочу, чтобы ты помнила, сколькими жизнями ты играешь.

— Мы слишком долго боялись ткачей, — ответила Кайку. — Боялись рисковать. Нельзя больше прятаться. — Она положила руку ему на плечо. — Я буду осторожна.

— Да уж, пожалуйста... — На лице Джугай вспыхнула неожиданная усмешка. — Ты должна вернуться в Провал целой и невредимой. Чтобы я отыгрался на тебе за все эти беспокойства.

Никто не улыбнулся вымученной шутке.

— Вы закончили? — сухо поинтересовалась Номору. — Можем идти?

Кайку ядовито на нее взглянула, наклонилась к Джугаю и прошептала ему на ухо:

— Не завидую я тебе — с такой-то компанией...

Джугай застонал.

Рекай ту Танатсуа, младший брат сарамирской императрицы, уже начал жалеть, что приехал в гости к сестре.

Он сидел в своих покоях на широком каменном подоконнике арочного окна, упираясь ступнями и спиной в боковые части проема и скрестив руки на груди. Рекай глядел вдаль, на север, поверх мощных стен Аксеками и широких равнин. Слева сверкал на солнце изгиб Джабазы, убегающей за горизонт, в горы. День выдался жаркий и душный, казалось, сама земля ленится под ослепительным светом ока Нуки, которое уже клонилось к западу. В высоком небе недвижимо висели мягкие, полупрозрачные полосы облаков. Им владела привычная мечтательная задумчивость.

Узнав, что просьба о поездке в столицу удовлетворена, Рекай пришел в восторг. И не только потому, что это было его первое путешествие без сопровождения семьи (нынешней осенью ему исполнилось восемнадцать), и не потому, что он безумно любил сестру и скучал по ней с тех пор, как она уехала в Аксеками. Нет.

Причиной его бурной радости стала возможность наконец-то уехать от отца, Бэрака Горена. Недовольство родителя сыном все больше и больше действовало юноше на нервы.

Хрупкость матери послужила причиной большой разницы в возрасте между тридцатитрехлетней Ларанией и Рекаем. Природа не наделила эту умную волевою женщиной сильной конституцией. Дав жизнь Ларании, она едва не простилась со своей. Нежно любивший супругу Горен попросил ее больше не рожать. Она видела, как он гордится своей дочерью, но знала, что муж мечтает о сыне. Не из-за вопросов рода, потому что Ларания отлично подходила на роль наследницы титула, а в Сарамире он передавался по наследству старшему ребенку вне зависимости от пола, и нужно было специальное разрешение, чтобы жаловать его другому сыну или дочери. Горен относился к тому типу людей, для которых важно подтвердить свою состоятельность как мужчины в потомстве. Сильный сын стал бы его гордостью, занял бы место, которое даже такое сокровище, как Ларания, занять не могла.

Через много лет она решилась и прекратила пить предотвращающие беременность отвары. И подарила мужу Рекаю. Этот ребенок забрал ее жизнь.

Горен не был настолько несправедлив, чтобы винить Рекаю в смерти своей жены. Но Рекай рос, и становилось ясно, что у Горена есть и другие причины для сожаления. Ларания унаследовала крепкое сложение отца, а Рекай — хрупкость матери, и во всех потасовках его нещадно били. Он стал застенчивым и замкнутым, полюбил книги и учение — безопасные вещи, которыми ему, в принципе, не следовало интересоваться. С точки зрения отца.

Он с самого детства носил шрам от левого глаза до скулы и белую прядь в волосах, упал с каких-то скал и расшиб лицо и голову. Но даже тогда маленький Рекай знал, что не стоит идти с этим к отцу, а лежал, скорчившись, пока не утихла боль и не прошло головокружение.

Отношения с отцом так и не потеплели. Рекай давно уже отчаялся ему угодить. Возможность приехать в столицу из отдален-

ной Йоспы показалась ему отличным решением проблемы. Но пребывание в Аксеками вовсе не принесло счастья, и Рекай уже задумывался, а не лучше вернуться домой, в пустыню. И Ларании тоже.

Император вел себя все более и более несдержанно. Ни дня не проходило, чтобы они с Ларанией не поскандалили. Конечно, супруги ссорились и раньше, но теперь — как-то особенно жестоко. После того случая в павильоне, когда Мос едва не ударил беременную жену, Рекай стал за нее бояться.

Для Ларании брат был в этих делах поверенным лицом, и она пересказывала ему все подробности скандалов. И это только усиливало его беспокойство. Император видел какие-то странные сны и твердил о них, как одержимый. В чем только он ни обвинял свою жену! Один раз накинулся на нее с вопросами, верна ли она ему. В другой — спросил, чьего ребенка она носит. Ведь они так долго ждали наследника, и все попытки не давали результата — в глазах императора тот факт, что Ларания сблизилась с Эзелем примерно в то же время, когда чудесным образом понесла, вовсе не был случайным совпадением.

А еще Рекай знал, что Эзелю не посчастливилось однажды оказаться поблизости, когда император был в припадке бешенства и, пьяный, угрожал поэту. Эзель поведал Рекаю о своих страхах, но тот скрыл всю историю от Ларании: он прекрасно знал свою сестру. Она непременно сцепилась бы с Мосом из-за этого, а Эзель оказался бы в еще большей беде.

Рекай посоветовал Эзелю на время исчезнуть со сцены. И поэт мудро последовал этому совету, отправившись в долгое путешествие «на поиски вдохновения» и благоразумно не сообщив никому, где его искать. Рекай не знал наверняка, слышал ли об этом Мос, но Ларания слышала и очень обижалась на его внезапное бегство.

Разваливалась не только личная жизнь императора. Его советники уже не осмеливались давать ему советы. Но и действовать без разрешения Моса тоже не решались. Кризис нарастал,

известия о наступающем в отдаленных провинциях голоде приходили отовсюду, но никто ничего не предпринимал. Знать взывала к помощи императора, но ее не слышали.

Рекай хотел уехать и забрать Ларанию с собой. Для нее здесь было небезопасно, и ребенка тоже не ожидало ничего хорошего. Но она отказывалась уезжать и оставлять мужа одного и просила брата не покидать ее, жалуясь, что больше ей не на кого положиться.

Разве он мог ей отказать? Ларания его сестра, единственный человек, который всю жизнь его беззаветно любил. Дороже ее у Рекай никого не было...

Мрачные мысли прервал звон колокольчика за занавешенной дверью. Он выругался про себя и огляделся в поисках колокольчика, в который нужно было позвонить, чтобы обозначить разрешение войти. В пустыне подобный обычай не соблюдали, и Рекай он раздражал. На этот раз юноша не стал утруждать себя формальностями и спускаться с подоконника, на котором очень удобно устроился.

— Войдите.

Занавес приподняла умопомрачительной красоты девушка. Каждая линия ее лица и тела дышала невыразимой прелестью: безупречные, изящные черты, идеальная фигура, поразительная грациозность движений. Черные волосы, плотно заплетенные вокруг головы и украшенные драгоценными шпильками, три спадающие на спину косы, смуглая кожа выдавали в ней уроженку Чом Рин. Удлиненную форму глаз удачно подчеркивали зеленоватые тени, на губах мерцал нежный блеск, а на высокой шее покоилось ожерелье из слоновой кости. Элегантное белое платье застегивалось круглой зеленой брошью на плече, оставляя другое открытым. Так одевались в пустыне.

— Я не помешала? — Ее голос напоминал густой мед.

— Нет. — Рекай вдруг подумал, что ему не подобает сидеть в такой развязной позе на подоконнике, и неловко соскользнул со своего наместа. — Вовсе нет.

Она вошла в комнату, и занавес упал за ее спиной.

— Чем вы занимались? — спросила она.

Рекаю очень захотелось придумать нечто величественное, но мужество оставило его.

— Я размышлял, — ответил он и вспыхнул: прозвучало глупо.

— О да, Эзель говорил мне, что вы мыслитель. — Она обезоруживающе улыбнулась. — Меня это восхищает. В наше время так мало осталось думающих мужчин...

— Вы знакомы с Эзелем? — Рекай бессознательно откинул волосы назад, но потом вспомнил о хороших манерах. — Присаживайтесь, пожалуйста. Я велю принести что-нибудь прохладительное.

Она взглянула на подушки и на стол, на которые указал Рекай. На серебряном подносе стоял кувшин и несколько стеклянных бокалов с прихотливым узором. Рядом лежали маленькие пирожные и серебряные ложечки.

— У вас уже есть вино. Можем ли мы выпить по бокалу?

Рекай снова ощутил, как краска приливает к щекам. На его столе всегда были закуски: любезность для высокопоставленного гостя. Слуги периодически меняли кувшины, чтобы вино оставалось холодным, хотя он к нему никогда не притрагивался. Сначала Рекай находил это несколько навязчивым, но потом решил, что грубо просить их не приносить больше вина. Он привык к незаметным приходам и уходам, а теперь и вовсе забыл про вино.

— Разумеется.

Она расположилась на подушке, подобрав под себя ноги. Рекай сел на другую. Он чувствовал себя как на иголках. Само присутствие этой женщины казалось ему мучительным.

— Налить вам? — спросила она.

Рекай жестом выразил согласие. На ее губах мелькнула улыбка. Девушка взяла кувшин и, глядя на льющееся вино, заметила:

— Кажется, вы нервничаете, Рекай.

— Это настолько очевидно?

— О да. — Она протянула ему бокал с нежной янтарной жидкостью. — Вот почему Йору даровал нам вино. Оно скрадывает острые углы...

— Тогда вам следовало дать мне весь кувшин, — ответил Рекай, и, к его восторгу, она рассмеялась. От этого звука в его груди вспыхнуло тепло.

— Думаю, целый бокал залпом тоже подойдет. — Она пригубила вино, глядя на него глазами обольстительницы.

Для Рекай минутная пауза превратилась в тысячелетия ожидания. Он попытался нарушить молчание:

— Вы упомянули, что знаете Эзеля...

Она откинулась на подушки.

— Я знаю многих.

Она не облегчала ему задачу. Похоже, ей вообще нравилась его неловкость. Только от ее присутствия у него сводило пах, и он изо всех сил старался этого не показать.

— Зачем вы пришли ко мне? — спросил Рекай и внутренне содрогнулся — прозвучало ужасно грубо. Он сделал глоток вина, чтобы скрыть это.

— Знаетан Ри. *Жемчужина бога вод.* — Девушка вовсе не выглядела оскорбленной.

Рекай смутился.

— Я не совсем понимаю...

— Эзель говорил, что вы прочли ее полностью и знаете наизусть. И декламируете великолепно.

— Великолепие — не моя заслуга, а автора. Я всего лишь запомнил его текст.

— Ах, но страстность, понимание рифмы и ритма... То, что заставляет звучать прочитанную вслух поэму. — Она посмотрела на него с некоторым удивлением. — И вы вправду выучили ее наизусть? Полагаю, она не такая короткая, как вы говорите. У вас наверняка исключительная память.

— Только на слова. — Рекай почувствовал, что балансирует на грани хвастовства.

— Мне будет очень интересно ее услышать, — промурлыкала девушка. — Если вы прочтете ее мне, я буду очень признательна.

Из-за интонаций в ее голосе Рекаю пришлось вновь сменить позу, чтобы скрыть силу своего нарастающего вожделения. Он отчаянно краснел и целую минуту не мог придумать, что сказать.

— Позвольте объяснить. — Она смотрела на него, пожалуй, чересчур пристально. — Я придерживаюсь философии Гуики. Согласно ей, все нужно попробовать для полноты бытия. Я трачу состояния, чтобы взглянуть на редчайшие картины, я извездила весь Ближний Свет, чтобы увидеть его чудеса и красоты, я изучила многие искусства, неизвестные здесь...

— Но вы слишком молоды, чтобы совершить все это... — Рекай был прав. Она выглядела самое большее на двадцать, чуть постарше его.

— Не так уж и молода, — ответила она, явно польщенная. — Как я уже говорила, я встретила Эзеля перед его отъездом из Императорской крепости, и он рассказал мне о вас. — Она наклонилась вперед и легонько дотронулась пальцами до его щеки. — В вашей голове — шедевр Зиазтана Ри.

Рекай поймал себя на том, что не дышит.

— Так мало списков поэмы осталось, так мало подлинных текстов... Чтобы получить столь редкий опыт, я готова почти на все.

— У моего отца есть список, — Рекай остро чувствовал необходимость что-то сказать. — В библиотеке.

— Расскажите мне ее.

— Конечно... — Рекай отчаянно пытался вспомнить хоть строчку. Тщетно. В голове его царил полный кавардак. — Сейчас?

— После, — ответила она и положила на него руки, а потом поднялась на ноги.

— После? — пролепетал Рекай.

Она нежно прижалась к нему и провела пальцем по шраму на щеке. Грудь у нее была упругая, тело — мягкое. Он чувствовал опьянение, не имеющее ничего общего с выпитым вином.

— Я за честный обмен, — сказала она. Ее губы оказались настолько близко к его лицу, что он с трудом сопротивлялся ее

магнетическому притяжению. — Опыт за опыт. — Рука ее скользнула к броши на плече и расстегнула застёжку. Платье упало к ее ногам. — Такого ты никогда не испытывал...

Сердце бешено колотилось в груди. Голос здравого смысла что-то говорил ему, но он не слышал.

— Я даже не знаю, как тебя зовут, — прошептал он.

Она ответила за мгновение до того, как впечатала свой рот в его:

— Азара.

Человек кричал. Нож забирался под теплую кожу, под тонкий слой подкожного жира и скользил по влажному красному сплетению мышц. Главный ткач Какр со знанием дела доводил крик до высшей точки и поворачивал нож в соответствии с искажением лица жертвы. Он повел лезвие вверх, до уровня глазницы, и потом — к затылку, рассекая податливую ткань. С наслаждением отделил кровавый треугольный лоскут и, глядя на него, испытал ощущение полной гармонии. Синдром Узора завладел им, и он снова работал с кожей.

В комнате было сумрачно и жарко, единственный свет исходил от очага в центре. На стенах или на цепях под потолком висели другие подсвеченные кроваво-красным работы: образцы и скульптуры из кожи, которые наблюдали за его делом, плясь пустыми провалами глазниц. Последняя жертва, распятая на железной стойке, казалась ему холстом. Этого ткач резал с рассвета, и теперь он походил на мозаику: мышцы и клочки кожи с зубчатыми краями.

Сегодня Какр чувствовал вдохновение. Он не знал, создаст ли из этой жертвы какой-нибудь образец или просто освежает ее в терапевтических целях. Радость от срезания кожи затмевала все прочие удовольствия. Он давно упражнялся в своем искусстве, но в последнее время его потребности в Узоре возросли, и вместе с ними вырос аппетит.

Какр поймал себя на том, что уже довольно долго любитесь свежим лоскутком кожи, и за это время человек успел потерять

сознание. Какая досада! Обычно ему удавалось удерживать своих жертв от обморока с помощью отваров, настоек и припарок. И работа на этот раз оставляла желать лучшего, оказалась грубой и какой-то безыскусной. Он посмотрел на свою белую сморщенную руку. Постоянно болят суставы. Неужели в этом все дело? И он теряет мастерство в обращении с ножом?

Нет, об этом лучше не думать. Он, конечно, понимал, что маска поедает его изнутри, но никогда не задумывался о том, как это будет в действительности. Удивительно, что такой острый ум мог упустить нечто до такой степени очевидное.

Через мгновение он уже забыл об этом.

Он равнодушно положил окровавленное лезвие на поднос с другими инструментами и побрел к очагу, где наконец-то уселся. Планы роились в его голове.

Семьи Керестин и Колай собирают могучую армию, но не настолько могучую, чтобы напасть на Аксеками. Может, через несколько лет, но не сейчас. Но за эти годы люди, возможно, обнаружат источник заразы. До него дошли слухи, уже гуляющие некоторое время в домах знати. И слухи эти его беспокоили. Скоро голод доведет страну до грани отчаяния, и знать перенесет гнев с Моса на ткущих Узор.

Он больше не мог позволить себе ждать. Пожалуй, врагов Моса следует поторопить.

Бэрак Аван ту Колай с радостью воспринял инициативу главного ткача. Но Аван — хитрая змеюка, что без зазрения совести укусит и того, кто ухаживает за ней, и того, на кого ее натравят. Верил ли он Какру? И сумеет ли убедить Гриджая ту Керестин?

«Ты должен нанести удар, когда я скажу, — подумал ткач. — Или все потеряет смысл».

Еще больше заботило сообщение, отправленное из самой императорской башни. Какр не успел его перехватить. Не уверенный в том, кто послал сообщение, он знал наверняка, что получил его Аван. Интересно, о чем идет речь? Какие-то интриги плетутся за его спиной? И кто это настолько осмелел, чтобы вести двойную игру с главным ткачом?

Проблемы, проблемы...

Ночами, когда Мос забывался в пьяном бреду, Какр плел для него сны. Сны о неверности и злобе, бессилии и ярости. Сны направят его, куда нужно. Конечно, риск был велик, потому что, если Мос заподозрит его, все потеряно. Даже лучшие ткачи иногда бывают неуклюжи. Какр вспомнил о больных суставах — а не страдает ли и его искусство плетения Узора? Ткущие могут оставить следы своего присутствия, которые нагнаиваются, как раны, пока жертва не догадается, что с ней делают. Если бы Мос не пил столько, Какр не осмелился бы проникать в его сны, но император потерял контроль над собой гораздо раньше, чем в его сознание вторгся главный ткач.

«Ложь, обман, предательство. Дело ткущих превыше всего...»

Он сидел в своем одеянии из плохо сшитых шкурок, меха, костей и лохмотьев и перекатывал эту фразу на языке. «Дело ткущих превыше всего...»

И задача Какра — нет, даже призвание — обеспечить их выживание в приближающемся кризисе. Он видел один-единственный выход, но разыграть все нужно так точно, так осторожно... Один просчет повлечет за собой катастрофу.

Фигуры расставлены. Но доска еще не принадлежит никому.

Глава 21

В сумерках осажденная Зила — кривая корона на кособоком холме — казалась еще мрачнее и строже. В сотнях узких окон, поднимаясь до самой верхушки крепости, горели огни. На севере, там, где отвесно обрывался холм, двигался неумолчный черный поток, и огни Зилы отражались в его водах. Нерин взошла рано, даже прежде звезд, и теперь правила бал, заливала окрестности траурным бледно-зеленоватым светом.

Солдаты окружили город плотным кольцом на расстоянии чуть больше дальности пушек. Семь тысяч человек от четырех знатных домов. Они разбили палатки и установили орудия. Костры на темной ленте осадной линии горели, как драгоценные

камни на украшении. Свои пушки осаждающие поставили на обоих берегах Зана, чтобы предотвратить возможность бегства мятежников вверх или вниз по течению. Их совершенно не волновало отсутствие судов на пристани. У повстанцев нет шансов. Никто не выберется из города.

Стоя у окна крепости, Мисани оценивала расположение войск вокруг города.

— Солдат гораздо меньше, чем я ожидала, — изрекла она наконец. — Немногие озаботились этой кампанией.

— Но более чем достаточно, чтобы захватить Зилу, — мрачно ответил Чиен.

— Тем не менее, — она отвернулась от окна, — благородные дома выделили незначительную часть своих армий. Основные силы они придержали для защиты собственного имущества в надвигающемся конфликте. А императорская стража не появилась вообще, равно как и войска дома Бэтик. Где же император, которому один из его городов бросил вызов?

Они с Чиеном делили маленькую, почти пустую комнату с каменными стенами и полом. Мисани здраво рассудила, что для тюремной камеры это очень даже неплохо. На полу лежали две спальные циновки, грубой работы ковер, маленькие циновки. В углу стоял стол. На стенах висели дешевые, тяжелые драпировки с примитивными узорами. Кормили их без изысков, простой, но вкусной едой. Тяжелую деревянную дверь запирали, а снаружи караулили двое стражников, которые сопровождали их в соответствующее помещение по нужде или чтобы переодеться. С Мисани и Чиеном обращались во всех отношениях неплохо, кроме того, что они находились в заключении в своей комнатушке.

Мисани случалось выходить не только в уборную. Несколько раз приходил Баккара, дважды он сопровождал Мисани на экскурсии по крепости. Он не особенно старался скрыть причины своих визитов: ему хотелось услышать о Люции, и Мисани подозревала, что под грубой маской скрывается что-то вроде благоговения перед человеком, лично знакомым с бывшей наследной императрицей. На Мисани падали лучи чужой славы... Она

с удовольствием покидала комнату-камеру, признаваясь себе, что общество Баккары привлекает ее не меньше, чем возможность выйти из четырех стен. Ей нравилась его мужественность, грубая мужская сила, хотя циничная сторона ее натуры находила такое обаяние смешным. Мисани прекрасно знала, что сердце не всегда следует повелениям разума, а потому даже не пыталась разрешить это противоречие.

Чиен чувствовал себя недостаточно хорошо, чтобы надолго покидать комнату. Раны его залечили, но у него открылась тяжелая горячка, возможной причиной которой стал ночной переезд в Зилу. Купец проводил дни, лежа на своей циновке. Обезболивающие и жаропонижающие микстуры ввергали его в почти бессознательное состояние. Время от времени он спохватывался и начинал сетовать на скудость сведений и отрезанность от мира или от имени Мисани требовать отдельную комнату для благородной дамы. Мисани и сама была бы рада ее получить — Чиен плохо переносил бездействие и уже начал ее раздражать.

Начало осады затянулось. Войска прибыли в разное время, и чтобы скоординировать их действия, потребовалось довольно много времени. С момента появления первых отрядов со знаменем дома Винаксия прошло три дня. Этот род первым взойшел на престол Сарамира, но потом ослабел. Земли Винаксиев лежали как раз посреди зараженной территории в Южных Префектурах, и основной доход они получали от продажи урожая в Аксеками. Торговля шла через Зилу, и сейчас большая часть предназначенного для доставки в столицу продовольствия находилась в амбарах и складах Зилы. Неудивительно, что Бэрак Мошито ту Винаксий пришел первым, чтобы получить свое добро обратно.

От Баккары Мисани узнала, что наместник Зилы заложил большие продовольственные запасы в преддверии надвигающегося голода и даже конфисковал часть товара у караванов, проходивших через Зан по мосту Пирика. Он намеревался придержать то, что необходимо для городской стражи и чиновничьей верхушки, а остальное продать знати по грабительским ценам, когда начнется голод. Горожане же будут перебиваться своими силами. Этим

планом он поделился с Кседженом, главой Айс Маракса, а тот поднял восстание. Теперь жители Зилы располагали таким запасом еды, который при разумном распределении мог позволить им продержаться всю зиму и даже дольше. Пока будут выдерживать стены, а враг оставаться за ними, Зила — очень крепкий орешек.

Вслед за домом Винаксиев появился дом Зечен, хотя глава рода, Бэракесса Алита, вместо себя послала своих генералов. Еще позже прибыла символическая помощь от дома Лайлира, которые могли бы прислать намного больше. Бэракесса Джуун тоже не явилась.

Последним появился Бэрак Зан. Он привел из своих владений, лежащих к северу от Лалиары, тысячу конников и тысячу пеших воинов. Глядя, как серо-зеленые штандарты дома Икэти вяло трепещут на слабом ветру, Мисани оценила иронию судьбы. Она предприняла это путешествие, чтобы увидеть Зана, ее схватили и посадили под замок из-за Зана, а теперь он пришел, но они находятся по разные стороны от стен мятежного города. Воистину, боги очень несговорчивы.

В дверь торопливо постучали, и в комнату, не дожидаясь приглашения, ввалился Баккара. Мисани так и не привыкла к дверям в этой крепости. Невероятно крепкие — очевидно, по причине безопасности, — они не давали гулять сквознякам, которые могли бы развеять духоту солнечных дней. По счастью, овеваемые ветром стены крепости не нагревались слишком уж сильно.

В момент появления старого солдата Мисани все еще стояла у окна. Чиен сидел на своей циновке. Лицо его опухло от синяков и блесело от пота. Он недружелюбно уставился на Баккару, которого сильно недолюбливал из-за острого языка и грубых манер.

— Вас зовут, госпожа Мисани.

— Неужели? — сухо спросила она. Властные нотки в ее тоне явственно говорили, что она нигде и никогда не позволит собой распоряжаться.

Баккара со вздохом закатил глаза.

— Хорошо, я здесь, чтобы пригласить вашу милость присутствовать на аудиенции с Кседженом ту Имоту, главой Айс Ма-

ракса, вдохновителем восстания в Зиле и полубезумным фанатиком. Так лучше?

Мисани не смогла удержаться от смеха.

— Намного, — ответила она.

— А вы как себя чувствуете? — Баккара обратился к Чиену.

— Довольно неплохо, — грубо отозвался Чиен. — А что, вы собираетесь нас отсюда выпустить?

— Это зависит от Кседжена. — Баккара почесал затылок. — Только я не понимаю, куда вы так торопитесь. Если мы выпустим вас отсюда, вы все равно окажетесь запертыми в Зиле. Никто уже давно не выходит и не входит в ворота.

Чиен беззвучно выругался и отвел взгляд, показывая, что разговор окончен.

— Вы идете? — спросил у Мисани Баккара.

— Разумеется. Я долго ждала возможности побеседовать с Кседженом.

— Он был занят. Вы, может, заметили там, под стенами, кое-какое шевеление. Оно нас немножко беспокоит.

Чиен мрачно попрощался с ними.

Баккара повел Мисани путем, которым они прежде не ходили, но интерьер в этой части крепости мало отличался от других — суровый и прагматичный. Узкие коридоры темного камня украшались либо очень скромно, либо вообще не украшались — очевидно, считалось, что рисунок камня красив сам по себе.

Баккара говорил, что крепость построена по планам тысячелетней давности, что вполне объясняло крайнее бездушие архитектуры. Военное укрепление возводилось в те времена, когда недавно высадившееся на берег сарамирское население использовало кураальские архитектурные идеи. В суровом климате Кураала на первом месте стояла практичность, а эстетические вольности почти никого не интересовали. Сарамир развивался в другом направлении, люди открыли для себя свободу веры, мысли и искусства, которые в Кураале безжалостно подавлялись крепнущей Теократией. Собственно, эти репрессии и стали причиной того, что часть населения предпочла изгнание. Жаркое лето

и теплая зима показали, что в закрытых, душных домах кураальского образца жить плохо, и сарамирцы выработали другие типы построек, чтобы приспосабливаться к окружающей среде, а не стараться от нее изолироваться. Многие древние поселения до сих пор носили следы кураальского влияния, но большинство свидетельств той эры снесли, когда они начали разрушаться, и заменили современными зданиями. Сарамирцы не питали особой любви к развалинам.

Когда Мисани и Баккара вошли, Кседжен ту Имоту, лидер Айс Маракса, мерил шагами свои покои. Человек мягкой наружности и тридцати трех лет от роду, он кипел нервной энергией. Его голову украшала копна черных волос. Острые скулы и вытянутые щеки делали лицо несколько уже на вид, чем оно было на самом деле. Простая черная одежда плотно облегла жилистое тело. Он стремительно, чуть ли не вприпрыжку, преодолел расстояние, которое отделяло его от двери.

— Госпожа Мисани ту Колай, — он говорил очень быстро. — Для меня честь принимать вас здесь.

— Я не могла отказаться от такого изысканного приглашения. — Мисани взглянула на Баккару.

Кседжен, кажется, не знал, как на это реагировать.

— Надеюсь, ваше положение не было совсем ужасно. Прошу простить меня. Мне следовало увидеться с вами раньше, но все время ушло на то, чтобы организовать в Зиле сильную оборону.

Он снова принялся ходить по комнате, подбирая и вертя в руках попадающиеся по пути вещи, возвращая их на место, перекладывая без всякой нужды бумаги на столе. Бедностью обстановки комната не отличалась от всех других, виденных Мисани в крепости. Несколько циновок, столик, письменный стол и небольшой диванчик. С потолка свисали зажженные фонарики. За единственным окном сгушались и превращались в ночь сумерки. Претензии в злоупотреблении властью, что могли быть адресованы прежнему наместнику, к нему определенно не относились.

Мисани решила сделать ставку на откровенность и прямоту.

— Зачем я здесь?

— В моем кабинете?

— В Зилу.

— Ах! — Он щелкнул пальцами. — Отчасти из добрых побуждений, отчасти из-за недопонимания. Баккара, почему ты не объяснил?

Мисани со смиренным выражением на лице повернулась к воину, будто говоря: «Да, почему?» Баккара упрямо отказывался обсуждать некоторые вопросы, в том числе и этот. Наверное, ждал разрешения от Кседжена.

— Ну, во-первых, из-за вашего друга Чиена. — Он почесал щетинистую щеку. — Даже если бы не вы, его мы бы не оставили в таком состоянии. И...

— Это про добрые побуждения, — вмешался Кседжен. — А кроме того, Баккара совершил легко объяснимую ошибку: предположил, что вы все еще привлечете на нашу сторону дом Колай, чем значительно облегчите наше затруднительное положение.

Баккара смущенно, будто извиняясь, пожал плечами. Мисани не обратила внимания на его жест.

— Когда я узнал о вас, мы уже закрыли ворота и не могли выпустить вас из города, — тараторил Кседжен. — Конечно же я сразу понял, что вы не обладаете возможностями, которые приписал вам Баккара. Извините за откровенность. Я в курсе, что вы с отцом на ножах. А так как вы для Айс Маракса в некотором смысле героиня, то я не намерен использовать вас, чтобы его шантажировать, равно как и выдавать вас в руки Бэрака Авана.

— Рада слышать. Мои отношения с отцом известны Айс Маракса, так это следует понимать?

— Только мне и еще нескольким людям, — ответил Кседжен, едва позволив ей закончить фразу. — Многие из нас состояли в высших эшелонах Либеры Драмах, не забывайте об этом. И мы были в Провале, когда вы приехали туда. Но ваш секрет останется секретом. Я догадываюсь, как много вы делаете для Либеры Драмах, представляясь членом семьи Колай.

— Я все еще член семьи. По закону по крайней мере. Мой отец еще не отрекся от меня. — «Хотя дважды пытался убить», — мысленно добавила она.

— Последняя книга вашей матери, думаю, сказалась на вашем положении не лучшим образом, — заметил Кседжен.

— Очевидно. — По правде говоря, Мисани не задумывалась, как повлияет на ход событий последний сборник Мураки.

Кседжен прочистил горло и проскакал в дальний угол комнаты. От его непрерывного мельтешения у Мисани уже кружилась голова.

— Не буду ходить вокруг да около, госпожа Мисани. Вы для нас очень ценны. Одна из спасительниц Люции. Человек, близко знакомый с ней. — Он пристально посмотрел на нее. — Вы способны сотворить чудеса с боевым духом горожан и вызвать еще большее доверие к Айс Маракса.

— И о чем вы просите меня? — подтолкнула она его мысль. Кседжен замер на мгновение.

— Поддержать нас. Публично.

Мисани задумалась.

— Сначала мне необходимо кое-что выяснить.

— В таком случае я постараюсь ответить на все ваши вопросы.

— Что вы делаете в Зиле? — Она не отрывала от него пронизательного взгляда. — Каким целям Айс Маракса служит этот город?

— Мы хотим, чтобы о нас узнали. С тех пор, как нам стало известно о способностях наследной императрицы Люции, прошло уже несколько лет. Мы отделились от Либеры Драмах, чьи... — он помахал рукой, подыскивая нужное слово, — светские интересы мешали им увидеть картину во всей полноте. Все это время Айс Маракса старалась донести до народа новость: есть та, которая спасет нас от ткущих, положит конец притеснениям и остановит болезнь, которая разрушает наши земли.

Мисани внимательно за ним наблюдала. Его речь становилась все более и более пылкой. Она знала, что Баккара пошутил, назвав Кседжена фанатиком, но в шутке была немалая доля прав-

ды. Столкнувшись с Кседженом, она поняла, что Баккара, должно быть, не очень ладит с лидером.

— Но известить людей недостаточно, — продолжал Кседжен, покачивая пальцем перед носом. — Наследная императрица — слух, шепот надежды, но людям мало слухов, чтобы подняться на борьбу. Мы должны стать угрозой, которую принимают всерьез. Мы хотим, чтобы в благородных домах говорили о нас, чтобы слуги слышали, как обеспокоены их хозяева, и видели, что самые знатные, самые влиятельные боятся последователей Люции. Тогда они поверят и пойдут за ней, когда она призовет их и во славе взойдет на престол.

Он смотрел за окно, в ночь. Мисани мельком взглянула на Баккару. Похоже, солдата раздражали высокопарные тирады Кседжена — уголок его губ искривился в легкой усмешке.

— Но самые отчаянные наши попытки пропадали втуне, — продолжал Кседжен. — До сих пор. Мы долго работали в Зиле, и приближение голода создало для нас благоприятный климат, а наместник заготовил большие запасы провизии. Воистину, сам Оха благословляет наше предприятие. В этих стенах мы продержимся год или больше. И через год во всей империи не останется человека, который не слышал бы об Айс Маракса и нашем деле.

— А вы не думаете о Люции? — спросила Мисани. — Если ее имя будет у всех на устах, ткачи вплотную примутся за поиски девочки. Нам удавалось так долго прятать наследницу, потому что ее считают мертвой, а ее способности почти никому не известны.

— Ткачи будут и дальше думать, что она мертва, — небрежно отозвался Кседжен. — Кроме того, им не удастся отыскать Люции. Но как Либеры Драмах готовится к ее совершеннолетию? Никак! Мы создаем для нее армию, армию простого народа, и когда она заявит о себе, все они увидят, что их призрачная надежда оказалась реальной, и стекутся под ее знамена...

Мисани собиралась возразить: какие знамена? А что касается армии для Люции, то нужно вначале выяснить, нужна ли ей эта армия. Он бы не говорил так, если бы знал Люцию, как знает

ее Мисани. Не прославленную предводительницу, не блаженное дитя, уверенное в своем предназначении, а девочку...

Но Мисани не питала иллюзий насчет того, что Кседжена удастся переубедить, а так как она хотела сохранить его расположение, то благоразумно придержала язык.

— А как же осада? Что вы планируете делать? Рано или поздно запасы иссякнут, и...

— Вам, госпожа Мисани, известно, что творится в Аксеками. — Он снова оборвал ее, не дав договорить. — Знати есть о чем беспокоиться помимо нас. Посудите сами, как мало у них энтузиазма! Посмотрите на армию! — Он махнул рукой в сторону окна. — У нас есть связь с агентами за стенами Зилы. О нас и о нашем деле уже заговорили. Слухи разлетятся быстро. За год многое может измениться, но во всяком случае о Люции ту Эринима узнают все!

Кседжен пересек комнату и приблизился к ним. В свете фонариков тонкое лицо казалось бледным, а в глазах отражалась уверенность. Мисани решила, что он блестящий оратор. Его убежденность в собственной правоте не оставляла сомнения.

— Вы поможете нам, госпожа Мисани?

— Я обдумую это. Но с одним условием.

— Да, вы хотите, чтобы вас выпустили из заключения. — Кседжен закончил за нее. — Идет. Знак доброй воли. Заключение закончилось бы скорее, но у меня было слишком много дел. Я не желаю, чтобы вы были моей пленницей, я хочу видеть в вас союзника.

— Спасибо. И я обдумую ваше предложение.

— Разумеется, мне не нужно напоминать вам о том, что свобода ваша все же ограничивается стенами Зилы. Если вы попытаетесь покинуть город, вас, как это ни печально, застрелят. Уверен, что вы не станете делать подобных глупостей.

— Я приму во внимание ваш совет.

Мисани попрощалась и ушла, заверив Баккару, что сама найдет дорогу.

Когда она вернулась, Чиен спал, ворочаясь и бормоча что-то во сне. Она осторожно закрыла за собой дверь и села на циновку, чтобы подумать. В голове, как в старые добрые времена при дворе, уже складывался план. Главные игроки известны, осталось придумать, как лучше разыграть партию.

Но вот *этого* человека она не понимала. С самого начала ей недоставало кусочка головоломки. Нельзя приступать к игре, пока не выяснится, друг Чиен или враг.

Она внимательно рассматривала его, будто пытаясь прочитывать ответ в широких чертах лица. Он пробормотал что-то и отвернулся от нее, скатившись с циновки и плотнее кутаясь в одеяло. Несмотря на теплую ночь, купец дрожал.

— Что за тайну ты хранишь, Чиен? — прошептала Мисани. — Зачем ты здесь?

Она поднялась и погасила светильник, потом разделась при лунном свете, легла в постель и уже задремала, когда Чиен начал петь.

Уголки ее губ тронула улыбка. Он спал, и голос его звучал заунывно-однообразно, как ненастроенный инструмент. Мисани слушала и слушала, а потом резко села и впилась взглядом в Чиена.

Он продолжал петь в бреду.

Дыхание сбилось. К горлу подступил комок. Она тихо опустилась на подушку, отвернулась к стене и впилась в одеяло зубами, чтобы заглушить рыдания. Слезы катились по щекам и по носу, мгновенно впитывались в ткань.

Она знала эту песню. Все встало на свои места.

Глава 22

Почерневший от ярости император Мос ту Бэтик неся по отделанным мрамором коридорам Императорской крепости. Бородка, некогда коротко подстриженная и аккуратная, растрепалась, в ней явственно проступила седина. Спутанные, мокрые от пота волосы падали на глаза. Залитая вином, измятая туника остро пахла.

Глаза сверкали безумным огнем.

Дни и ночи смешались, потонули в вине, превратились в полубред. Сон не приносил облегчения, одни лишь отвратительные кошмары, в которых его жена отдавалась безликим незнакомцам. Пробудившись, император мучился подозрениями и вспышками гнева, который изливал то на ближних своих, то на самого себя. Он неумолимо погружался в безумие, и единственным спасением от пыток было вино, которое притупляло боль. Но после него становилось только хуже.

Довольно. Он должен все выяснить, раз и навсегда. Он не позволит ей делать из него рогоносца!

Пришло время расплаты.

И началось все задолго до этого петуха Эзеля. Мос пришел к осознанию этого через много ночей, когда злоба изглодала душу. Он вспомнил... Как Ларания настаивала на своем, а он все ей спускал, потакал каждому ее желанию. Как расстраивался, возвращаясь с тяжелых заседаний совета, когда Ларания не ждала его. Как она шутила и смеялась с другими мужчинами, которые стремились к ней, живой и яркой, как мотыльки к огню.

Семена обиды, ревности уже тогда были посеяны в его душе, на благодатной почве природной склонности к превосходству. В часы одиночества он заставлял себя верить клевете и ядовитым сплетням. И находил в них крупинцы истины.

Он понял, что хочет Ларанию в двух разных ипостасях. С одной стороны — вспыльчивую, упрямую, непокорную женщину, в которую влюбился. С другой — преисполненную чувством долга супругу, которая будет рядом, когда он захочет, или в ином месте, если он того пожелает. Такая женщина дала бы ему почувствовать себя мужчиной, потому что мужчина должен контролировать свою жену. Ларания не могла совместить в себе двух разных женщин. Он влюбился — и до сих пор оставался влюбленным — в Ларанию с нестигаемой волей, которая никогда не будет податливой и покорной. Она всегда бросала ему вызов, дразнила, интриговала его... Первая жена Моса представляла собой воплощение «правильной» женщины, но он не любил ее. Ларания — неприру-

ченная, невыносимая, дерзкая и непокорная — похитила его сердце и отравила собой.

Ребенок только осложнил дело. Мос уже почти забыл милое недоверие и разочарование, они улетучивались, стало ему снова увидеть Ларанию. Но сейчас он вытащил их из темных глубин души и взгромоздился на них, как стервятник на падаль. Столько лет без детей, а теперь она внезапно забеременела!

Он вспомнил свою первую реакцию на это известие: миг сомнения, которое он тотчас отмел в сторону и устыдился его. «Прямо как Дурун. Как мой сын, которого его сучка-жена заставила воспитывать чужого ребенка!» — думал Мос.

История повторялась. Но на этот раз главное действующее лицо — сам Мос.

Поздний час. Теплая осенняя ночь. Он мчался в императорские палаты. Он и раньше ложился спать вне зависимости от времени суток, а теперь стал так сильно бояться кошмаров, что готов был на что угодно, лишь бы отсрочить их. Он бодрствовал уже более сорока часов, поддерживая себя стимулирующими настоями, чтобы перебить усыпляющее действие алкоголя. Мысли исчезли, остался только белый комок ярости, которая требовала выхода.

А она еще приходила к нему — уговаривала, требовала, кричала. Все с одной целью: узнать, что на него нашло и почему он так себя ведет. Будто непонятно!

И другие тоже приходили. Как появлялся, чтобы прохрипеть что-нибудь бессмысленное. Советники приходили и уходили. Мос очень смутно представлял себе, что творится в империи. Ларания затмила собой все. Пока он не разрешит эту проблему, ему не будет ни до чего дела. Рассудок оказался бессилён. Шпионы, которых он подсылал следить за женой, тоже ничего не нашли.

Но осталось последнее средство.

Он отбросил портьеру и ворвался в спальню. Яростное вторжение разбудило Ларанию. Она с криком села на постели, прижимая простыни к груди. Что-то мелькнуло в бледно-зеленом

лунном свете, метнулось к ведущей на балкон арке. Мос заковылял туда, рыча от ярости.

— Что случилось, Мос? Что случилось?! — кричала Ларания.

Руки императора вцепились в каменную балюстраду, он высматривал расплывчатую фигуру в прихотливом сплетении барельефов и скульптур на северо-восточной стене Императорской крепости. Взглянул вверх, влево, вправо, высунулся как можно дальше, стараясь заглянуть под балкон. Ничего. Никого. Слишком много выступов и щелей, больших скульптур и арок, где мог спрятаться подонок... Какой проворный! Почти что улизнул незамеченным...

Ларания, в одной сорочке, испуганно повисла на его локте.

— Что случилось? — повторила она.

— Шлюха, я видел его! — взвыл Мос и оттолкнул ее руку. — Ты больше не будешь лгать! Я видел его собственными глазами!

Ларания пятилась в комнату. Ею завладело некое промежуточное между страхом и гневом чувство. Сегодня она увидела другого Моса и не знала наверняка, на что он способен.

— Кто? Кого ты видел?

— Будто не знаешь! Твой слюнявый писака? Или кто-то еще, о ком я не знаю, делит с тобой мою постель?

— Мос, я же говорила тебе... Я не могу тебе дать других доказательств! Но никого нет!

— Я видел его! — взревел Мос и двинулся на нее, спотыкаясь. Изможденное лицо исказилось. — Он только что был здесь!

— Да никого здесь не было! — завопила Ларания. Теперь ей стало по-настоящему страшно.

— Лгуня! — Мос приближался к ней и казался больше самого себя в неверном свете луны.

— Нет! Мос, ты пьян! Ты устал! Тебе нужно поспать! У тебя галлюцинации!

— Лгуня!

Она уперлась спиной в туалетный столик; флакончики с духами и кисточки для макияжа попадали и покатались по столешнице. Ларания оказалась в тупике. Отступить некуда.

— Человек не может править империей, если не справляется с собственной женой! — прорычал Мос. — Я научу тебя послушанию!

Она по глазам поняла, чего хочет муж еще до того, как он поднял кулак.

— Мос! Нет! Наш ребенок... — взмолилась Ларания, руками заслоняя живот.

— Его ребенок, — выдохнул Мос.

Ларания не успела спросить, кого он имел в виду, прежде чем на нее посыпались первые удары. Не узнала этого и после, когда он бросил ее на полу спальни. На лице проявлялись кровоподтеки, все тело разламывала боль. По ногам струилась кровь. Внутри Ларании умер их с Мосом ребенок.

Рекай разбудил слугу, позвавший его из-за портьеры. Азара уже проснулась и наблюдала за ним. Она лежала рядом с ним. Бледные лунные лучи освещали женщину под странным углом, и ее глаза, казалось, сияли, как у кошки. Потом она посмотрела на портьеру, и наваждение прошло.

Взгляд Рекай задержался на мгновение на ее лице. Он не мог оторваться от созерцания этой совершенной красоты. Она и в самом деле подарила ему не похожий ни на что опыт, он отплатил ей великолепным чтением «Жемчужины бога вод», но, вопреки его страхам, она не покинула его. Она вообще почти не отходила от него с момента первой встречи. Сладостные воспоминания о днях неги и ночах страсти промелькнули в его сознании. Пусть все это слишком прекрасно, чтобы быть правдой, но незачем разрушать хрупкое счастье, ставя его под сомнение.

— Что такое? — спросил Рекай хриплым со сна голосом.

— Императрица! — ответила служанка. — Императрица!

От тона ее голоса Рекай подбросило на постели. Тревога забилась внутри.

— Сейчас! — Рекай выскользнул из постели и накинул халат. Азара сделала то же самое. На этот раз он даже не взглянул на ее безупречные формы. Она делила с ним постель уже несколь-

ко дней, и он боготворил ее, но нечто ужасное оттеснило все это в сторону.

— Войдите, — позвал Рекай.

В комнату торопливо вошла служанка, одна из камеристок Ларании, приехавшая с госпожой в столицу.

— Императрица... пострадала, — пробормотала она. — Я слышала... мы все слышали, как они ссорились. Мы прибежали, когда император ушел. Мы...

— Где она?!

— В императорских покоях, — ответила служанка. Рекай, не дав ей закончить, проскочил мимо нее и бросился из комнаты.

Он бежал босиком по коридорам крепости, и гладкий пол холодила ступни. Рекай вовсе не заботило, насколько глупо он выглядит в одном халате.

Императрица пострадала!

Стражники в бело-голубых доспехах расступались, слуги спешили убрать с его дороги.

— Ларания, — снова и снова повторял Рекай. — Суран, пусть с ней все будет хорошо. Я сделаю что угодно.

Даже если богиня пустынь услышала его мольбу, она не подавала виду.

Покои Рекай располагались рядом со спальней сестры. Жизнь крепости кипела вокруг, будто ничего не случилось. Уборщики драли *лаш* и смахивали пыль со статуй — обычные ночные заботы. Все слуги здесь наверняка слышали то же, что и камеристка, но притворялись, будто все в порядке. В сарамирских домах нет внутренних дверей, потому что ветерок — единственное спасение от летней духоты, однако границы личной жизни блюли свято. Подслушивать или тем более пересказывать услышанное недопустимо. То, что камеристка Ларании не смолчала, означало, что положение действительно очень серьезное.

Не успев еще отдернуть портьеру у входной двери, Рекай услышал рыдания сестры. От этого звука боль резанула сердце, и в то же время стало легче: хорошо, что она вообще может сейчас плакать.

Ларания ползала по постели на четвереньках и рылась в смятых золотых простынях, измазанных кровью, будто что-то искала. Пятна крови в зеленоватом лунном свете казались черными. Она посмотрела на него сквозь раму из кроватных столбиков опущенными, потемневшими глазами.

— Не могу его найти, — прошептала она. — Не могу.

На глаза навернулись слезы. Рекай бросился к ней, чтобы обнять, но истошный вопль Ларании остановил его. Он замер в ужасе, ничего не понимая.

— Я не могу его найти! — взывала Ларания. Избитое, в следах и синяках лицо представляло собой ужасное зрелище. Такой Рекай ее еще не видел. Ей и раньше случалось плакать, но то были тучки, набегавшие на солнце. А теперь она казалась бледной тенью самой себя — дух жизни покинул ее. Эту женщину Рекай видел впервые.

— Кого ты ищешь?

Она снова принялась ворошить окровавленные простыни.

— Я почувствовала, что он вышел, что он покинул меня! — закричала Ларания. — Но я его не вижу! — Вдруг она подняла маленький комочек, похожий на сгусток свернувшейся крови, и поднесла его к свету. Вязкая жидкость просачивалась сквозь ее пальцы. — Это он? Это — он?

Рекай содрогнулся всем телом. Его затошнило. Он понял, откуда кровь и что ищет Ларания, и будто выпал из реальности.

— Это не он, — с трудом проговорил он. Слова звучали как чужие. — А его больше нет. Он сейчас с Омехой.

— Нет, нет, нет, — скулила Ларания, стоя на коленях и раскачиваясь взад-вперед. Она отбросила кровавый комок. — Это не он. Я смогу вернуть его обратно, если найду.

Рекай заплакал. Ларания от этого зарыдала с новой силой. Она протянула к нему окровавленные руки. Брат упал на постель и обнял ее. Она вздрогнула от его прикосновения, и он инстинктивно ее отпустил.

— Что он с тобой сделал?

Ларания застонала и впцепилась в него. Он боялся причинить ей новые страдания, поэтому мягко опустил руки ей на спину. Слезы горя и ярости катились по его худым щекам.

Какое-то время брат и сестра молчали. Потом Рекай сказал:
— Ему нужно имя.

Ларания кивнула. Даже нерожденным необходимы имена, чтобы Нокту вписала их в свою книгу. Не важно, что они не знают пола ребенка. Ларания хотела родить сына. Для Моса.

— Пехику, — прошептала она.

— Пехику, — повторил Рекай. Он молча проводил племянника, которого никогда не увидит, в поля Омехи.

Азара так их и застала. Ей понадобилось время, чтобы одеться. Она не сделала макияж, волосы свободно лежали на левом плече. Она вошла, не спросив разрешения, и тихо стояла в лунном свете, пока Рекай не заметил ее.

— Я его убью, — прошипел он сквозь стиснутые зубы. Глаза его покраснели, а из носа текло, и он часто шмыгал. В другой ситуации юноша сгорел бы со стыда, если бы предстал в таком виде перед красивой женщиной, но эта его боль была настолько искренней и оправданной...

— Нет, Рекай, — сказала Ларания. В голосе появилась твердость, значит, рассудок вернулся к ней. — Не ты. — Она подняла голову, и в ее глазах он увидел отблеск прежнего огня. — Отец.

Рекай не сразу понял, о чем она, но Ларания не стала дожидаться, пока до него дойдет смысл сказанного. Она повернулась к Азаре.

— Посмотри в сундучке, — императрица указала на маленькую красивую шкатулку отделанную золотом. — Принеси мне кинжал.

Азара подчинилась. Среди складок шелка она нашла инкрустированный кинжал и подала его Ларании.

Рекай немного встревожился, не уверенный в том, что его сестра вознамерилась сделать.

— У меня есть для тебя задание, брат. — Разбитые губы Ларании отвратительно причмокивали, когда она говорила. — Труд-

ное. И дорога будет долгой. Но, во имя чести твоей семьи, ты не откажешься. Не важно, что случится дальше. Слышишь?

Жесткость в ее голосе сильно поразила Рекаю. Такого голоса не могло быть у изуродованной женщины, которая сидела рядом с ним на коленях. Он кивнул с широко раскрытыми глазами.

— Тогда ты окажешь мне эту услугу.

Ларания перехватила волосы сзади и поднесла к ним нож.

— Нет! — воскликнул Рекай, но слишком поздно. Три коротких взмаха — и волосы снова упали на лицо Ларании. Грубо обрезанные на уровне подбородка. Остальное она держала в руке.

Он застонал. Ларания связала волосы в узел и протянула ему.

— Отвези отцу и расскажи, что произошло.

Рекай не посмел коснуться их. Взять волосы — значит принять волю сестры, дать клятву, столь же священную, как и данная ею в момент пострижения. Для жителей Чом Рин это клятва мести. Женщины дают ее, только будучи жестоко оскорбленными, когда честь можно восстановить лишь кровью обидчика.

Если отдать это отцу, дом Танатсуа объявит войну императору.

Мгновенно Рекай представил, сколько жертв повлечет за собой это простое, казалось бы, действие, сколько агонии и смертей. Но речь шла не о человеческих жизнях, о чем-то большем — о чести. Его сестру зверски избили, его племянника убили в утробе матери. И нет сомнения в том, что должно последовать за этим.

Трусоватая часть души Рекай даже обрадовалась, что бремя мести падет в конечном счете не на него. Он — всего лишь курьер...

Он взял волосы из рук сестры, и клятва была дана.

— Теперь иди.

— Сейчас?

— Сейчас! — закричала Ларания. — Возьми двух лошадей и меняй их в пути, так быстрее. Если Мос или Какр узнают, они попытаются тебя остановить. Они скроют эту историю под покровами лжи, разыграют комедию и настроят всех против нашей семьи. Иди же!

— Ларания... — начал Рекай.

— Иди!! — прорычала она, и он сполз с кровати, бросил на нее последний взгляд, полный слез, сунул волосы в карман и ушел.

— А ты останься, — обратилась она к Азаре, хотя та и не думала двигаться с места. — Мне понадобится твоя помощь. Нужно кое-что сделать, — мрачно закончила Ларания.

— Я в вашем распоряжении, императрица, — ответила Азара.

— Тогда дай мне на тебя опереться. Прогуляемся.

Так и сделали. Вся в синяках и отеках, в окровавленной рубашке, облепившей бедра, императрица Сарамира вышла из спальни, опираясь на руку Азары. Она сильно хромала.

Они шли коридорами крепости. Потрясенные слуги забывали отводить глаза. Даже стражники, несшие караульную службу у дверей императорских покоев, с ужасом воззрились на Ларанию. Всеми любимая императрица превратилась в трясущуюся от слабости и боли калеку. Женщине, которая претерпела подобное оскорбление, следовало бы не показываться на людях. Но гордость Ларании превосходила тщеславие. Она не собиралась играть в молчаливую игру прислуги, прятаться и притворяться, что ничего не произошло. На ее теле отпечаталось преступление Моса, и она не стыдилась показать его.

Крепость спала, в коридорах сутились немногочисленные слуги и несли службу стражники. Никто не осмелился остановить императрицу. Но путь до Башни Восточного Ветра все равно стал для нее тяжким испытанием. Ларания едва держалась на ногах, и, хотя Азара отличалась недюжинной силой, императрице пришлось нелегко. Мир для нее превратился в водоворот боли. Но она знала, что чужие глаза смотрят на нее с неверием и страхом. Азара молчала и стойко поддерживала ее, позволяя указывать направление.

Узкие длинные мосты соединяли Башню Восточного Ветра с крепостью, как и все остальные башни. Она, как пронзающая небо длинная игла, высоко поднималась над плоской крышей крепости. Ее коническая верхушка сужалась до точки. Маленькие арочные окна оспинами испещряли ее поверхность. Если бы не они,

стены башни были бы абсолютно гладкими. На самом верху балкон опоясывал башню.

Подъем дался Ларании с большим трудом. Витые лестницы казались бесконечными, но она не остановилась для отдыха ни на одной смотровой площадке, где под окнами стояли кресла, чтобы с удовольствием наслаждаться городским видом. Только на балконе, выйдя в теплую ночь, Ларания позволила себе передохнуть.

Азара стояла рядом и смотрела вниз. Аксеками сбегал с холма, на котором расположилась крепость, — тысячи огоньков во тьме. За ними — черная лента городских стен, а еще дальше — равнины и река Керрин, берущая начало в Чамильских горах, но они далеко, их не видно. На ясном небе ярко горели звезды. Нерин, маленькая зеленая луна, висела перед ними на востоке, как плывущий в пустоте светлый гладкий мячик.

— Какая красивая ночь, — пробормотала Ларания. Голос ее звучал невероятно умиротворенно. — Неужели богам все равно? Как мир после всего этого может продолжать нормально существовать? Мое горе так мало значит для богов?

— Не жди от богов помощи, — проговорила Азара. — Если бы их хоть немного трогали человеческие страдания, они бы никогда не позволили мне родиться.

Ларания не поняла ее слов. Она не имела представления, что разговаривает с порченной, чья форма непостоянна, как вода, а содержание отрицательно.

Азара посмотрела на императрицу холодными красивыми глазами.

— Вы всерьез намерены это сделать?

Ларания перегнулась через парапет и глянула вниз, во двор — внизу, очень, очень далеко, фонари казались не больше булавочной головки.

— У меня нет выбора, — прошептала императрица. — Я не смогу жить с таким унижением. А ты и сама знаешь, что Мос не позволит мне уехать отсюда.

— Рекай бы вас остановил, — тихо сказала Азара.

— Он бы попытался, — поправила Ларания. — Но ему не понять, что я чувствую. Мос отнял у меня все, чем я была. Но с самого дна этого мира мой дух нанесет ему удар. — Она взяла Азару за руку. — Помоги мне.

Императрица Сарамира взобралась на парапет на верхушке Башни Восточного Ветра и посмотрела вниз на Аксеками. Ей приходилось прилагать усилия, чтобы стоять прямо. Испачканная рубашка трепетала под ласками ветра. Ларания медленно вдохнула. Так легко... так легко избавиться от боли...

Под порывом ветра шелк плотно облепил ее тело, а волосы открыли лицо. Ветер пах домом, сухой восточный ветер пустыни. Ларания ощутила острую боль, тоску по просторам и простоте Чом Рин, где она не была императрицей, где не знала любви, которая наносит такие страшные раны. Где не чувствовала, как умирает внутри нее ребенок.

И ветер этот дал ей силу и принес новое решение. Будто живительное дыхание богини Суран, которая вдохновляла ее на новую жизнь. Зачем убивать себя? Подарить Мосу победу над собой? Возможно, удастся вытерпеть боль. И пережить бесчестие. Можно отомстить ему тысячей разных способов. Заставить его пожалеть о содеянном. Самое малое, что он мог сделать, это убить ее.

Если отец объявит войну, его положение будет почти безнадежно. Честь потребует этого. И все те жизни... Повернуть назад, послать Азару перехватить Рекая, остановить его. Возмездие настигнет Моса — другое, тоньше и действеннее.

— Ветер поменялся, — сказала Ларания. Она стояла в одном дюйме от пропасти.

— Гложут сомнения? — спросила Азара.

Ларания кивнула. Взгляд ее был устремлен вдаль.

— Так я помогу, — сказала Азара и толкнула ее.

Императрица Сарамира покачнулась, еще не веря до конца, и в этот момент все пути, уготованные ей судьбой, стерлись из книги этого мира, и остался лишь один — короткий тупик. Она полетела вниз, в темную ночь, и вопль ее распарывал воздух, пока тело не рухнуло на каменные плиты.

Глава 23

За сто семьдесят пять миль от Аксеками, где падала с Башни Восточного Ветра сарамирская императрица, в зеленом свете Нерин вышли на охоту Кайку и Тсата.

Ткиурати крался в тени от скалистой гряды, сжимая в руках свои крюки-потрошители. Кайку чуть отставала — она не могла бесшумно двигаться с такой быстротой.

Азарт, перемешанный со страхом, который Кайку обычно чувствовала на охоте, теперь стал почти нестерпимым. Уже несколько дней они выживали благодаря смекалке и быстрой реакции — в одном шаге от чудовищ, бродивших внутри невидимого барьера ткущих. В первое время Кайку ощущала лишь постоянный парализующий ужас, потом он ослабил хватку: раз за разом они избегали порченных хищников или убивали их. Кайку прониклась доверием к Тсати, уверовала в его способности, но при этом и себя бременем для ткираути не считала.

Воркун был где-то справа от них. Кайку слышала его тихую трель, умиротворяющий, мягкий звук, похожий на воркование лесного голубя. Он страшно дисгармонировал с издававшей его горой мышц, сухожилий и зубов. Они с Тсатой уже стали придумывать названия породам порченных, чтобы лучше их распознавать. К этому времени они знали пять, но мельком видели и множество других. Кроме хрящеворонов и воркунов, были еще кровожадные фурии, хитрые скренделы и гигантские гхорегги, самые опасные из всех. Двум последним Тсата дал охамбские названия: резкие, гортанные слоги его родного языка хорошо для этого подходили.

С другой стороны от скал каменистую землю прорезал узкий ров. Он зарос колючими, пораженными заразой кустами и редкими сорняками. Лапы воркуна шуршали по гравию и сланцу. Его уверенная, немного небрежная походка беспокоила Кайку. Как и с другими существами, которые встречались им в этом проклятом месте, она не могла отделаться от мысли, что он патрулирует свой участок. Не охотится, не метит территорию, не подчиняется какому-либо звериному инстинкту, а ведет себя, как дозорный.

Воркун шел медленно и осторожно, и Кайку готова была биться об заклад, что если бы они прошли за ним достаточно долго, то вернулись бы в это самое место, а потом сделали бы еще круг и еще, пока другой искаженный не сменил бы этого.

Все они вели себя не так, как звери. На равнине давно разыгралась бы кровавая бойня — слишком много хищников в непосредственной близости друг от друга. Но здесь царил шаткий мир, враги по необходимости стали союзниками. Мелкие потасовки вспыхивали тут и там, но после пары царапин или укусов враждующие стороны спешно ретировались. Хрящевороны регулярно облетали окрестности по определенным маршрутам, по ночам ходили организованные патрули. Что-то здесь было не чисто.

И Кайку твердо вознамерилась выяснить, что именно.

Она не отрывала взгляда от бесшумно движущегося впереди охамбца. В такие моменты он сам казался ей наполовину зверем, полным примитивной силы существом, способным на невероятную жестокость. Любопытное alter ego молчаливого и задумчивого человека с чуждым складом ума.

Впереди в щель между скалами лился бледно-зеленый лунный свет. Тсата обернулся и показал татуированной рукой за скалы. Она поняла, кивнула и, поправив висевшую на ремне через плечо винтовку, осторожно начала взбираться на каменный барьер. Прислушалась. До нее долетело нежное воркование и шорох гравия под лапами воркуна. Он, настороженный, проходил совсем близко.

Одним быстрым движением Кайку подтянулась на руках на гребень гряды и нашла опору для ног в неровных складках камня. Сняла с плеча винтовку и заглянула в ров. Подъем прошел не так тихо, как ей хотелось бы, но разницы не было. Воркуны ориентировались как летучие мыши: издавали звуки определенной частоты и улавливали их отражение чувствительными органами в глотке, воссоздавая полную картину на основе скорости возвращения звуков и их преломления. Это делало их первоклассными ночными охотниками, однако имелся и побочный эффект: они воспринимали только пространство впереди себя. Кайку навела винтовку прямо

на воркуна, но он спокойно отходил от нее вниз по рву — прямо к щели, где засел Тсата.

Кайку не выстрелила. Она сидела на корточках и чувствовала себя неудобно в свете Нерин, но держала под контролем нервы и палец на курке. Она — только прикрытие, на крайний случай. Выстрел поднимет на уши всех и вся на несколько миль вокруг.

Воркуны — гибкие, смертельно опасные чудовища, смесь млекопитающих с рептилиями, сохранили лучшие свойства тех и других. Размером, строением скелета и пластикой движений они походили на крупных кошек, однако кожу их покрывала жесткая чешуя, игравшая роль природного доспеха. Вытянутый череп продолжался длинным, гладким гребнем. Верхние челюсти у воркунов были лишены губ, неподвижны и похожи на клювы, однако из красных десен росли смертоносные зубы. Передвигались они на четырех лапах, хотя могли недолго балансировать на задних, помогая себе хвостом. На каждой передней лапе воркуна имелось по гигантскому когтю, который легко рассекал плоть и кости. Эти великолепные, способные выслеживать добычу по ночам хищники быстро взобрались на вершину перестраивающейся пищевой цепочки в зараженных Чамильских горах. Быстрые, гибкие и смертельно опасные.

Но Тсата им не уступал.

Он дождался, пока монстр пройдет мимо трещины в скалах, и прыгнул. Настолько близкое движение воркун отсек каким-то периферическим чутьем и изогнулся навстречу Тсате, широко разинув пасть. Ткиурати предвидел это, а потому мгновенно увернулся, и зубы воркуна щелкнули в воздухе. Тсата вонзил один из своих крюков в открытую шею зверя, рядом с гребнем. Воркун конвульсивно дернулся, а Тсата уже вскочил ему на спину, используя воткнутый крюк как рычаг, и вонзил второе лезвие с другой стороны горла. Воркун заматался от ярости и боли. Охотник рванул оба лезвия вверх, разрезая мышцы на шее чудовища. Взметнулся фонтан крови, потекла спинномозговая жидкость. Воркун рухнул на землю. Он сдох мгновенно.

Кайку соскользнула со своего насеста и бросилась в ров. Крюки лежали в стороне, а Тсата держал голову зверя. В невидящем черном глазу отражалось его лицо. Кровь толчками вытекала из раны.

— Нашел? — Кайку поспешила к нему.

В зеленоватом свете Нерин ядовитая кровь на руках Тсаты казалась черной.

— Вот. Можешь это сделать?

— Надо рискнуть, — ответила она, встретившись с ним взглядом. — Ради паша.

— Когда-нибудь я научу тебя правильно употреблять это слово, — улыбнулся Тсата.

К несчастью, времени, чтобы наслаждаться ощущением братства у них не было. Кайку положила ладони туда, где держал руки Тсата, и ощутила плотную отвратительную кожу черного существа, похожего на червя. Он сидел в шее воркуна, чуть повыше места, куда вонзились крюки Тсаты. Они убили уже четырех порченных, и каждый раз в одном и том же месте находили эту отвратительную тварь. Мертвую.

Но на этот раз им повезло. Существо еще доживало последние секунды в мертвом теле хозяина. Этого хватит.

Кайку прикоснулась к нему и открыла Узор. Тсата увидел, как веки ее опустились. Темный поток крови на руках и запястьях превратился в ручеек: сердце зверя остановилось.

Пройти по этой нити не составило для Кайку никакого труда. Сознание червеобразного существа походило на якорь в теле зверя. Крошечные завитки управления, крючки в теле хозяина отпускали его, мертвого. Но самая прочная нить тянулась, как пуповина, через Разлом, далеко... Кайку потянулась за ней к узлу, в котором сходились десятки подобных нитей, трепещущих в течении Узора.

Она читала по волокнам и находила ответы.

Узлом был один из высоких незнакомцев в черном, не ткач. Ни один из них не мог ткать или менять Узор. Однако они держали в руках множество поводков, а поводки сдерживали искажен-

ных и управляли ими через омерзительных существ, которых внедряли у позвоночника жертвы. Погонщики.

Вот как контролируют искаженных. Кайку осторожно продвинулась дальше. Она не знала, до какой степени сильна связь: видят ли Погонщики глазами искаженных? Нет, конечно, нет, тогда они были бы в курсе насчет Кайку и Тсаты, и ткачи предприняли бы меры посерьезнее. Дальше гадать не имело смысла.

Она открыла глаза — зрачки под веками успели стать красными, как кровь — и отступила на шаг.

— Как мы и думали, — пробормотала она и взглянула на Тсату. — Пошли. Они скоро будут здесь.

Они растворились в тенях. Тсата уверенно вел, Кайку следовала за ним, напряженно оглядываясь и прислушиваясь в ожидании опасности. Вдалеке послышался вой и рев: другие искаженные нашли тело, но поделать уже ничего не могли.

Взгляд Кайку остановился на маске, которая лежала рядом с ней на земле. Расположившийся тут же на полянке Тсата перехватил этот взгляд.

— Она тебя выпивает, да? — мягко спросил он.

Кайку слегка кивнула. Потом подняла сумку и бросила поверх маски, чтобы скрыться от ее насмешливого взгляда.

Ночь выдалась теплая, но прохладный ветерок уже намекал на то, что лето и осень не бесконечны, и зима не за горами. В темноте чиккики трещали и шелкали, как сухие ветки в костре, поддерживая мелодичный хор других ночных насекомых, в который вплетались редкие крики живущих на деревьях животных. Сквозь едва покачивающуюся сеть листвы над головой проглядывало гладкое лицо Нерин, заливая маленькую прогалину умиротворяющим светом. Лунные лучи выхватывали из темноты крупные, похожие на узловатые арки корни деревьев и островки мелких растений, что приютились здесь. Лениво кивали лунные цветы с перламутровыми лепестками-звездочками, ловящий сверху живительный свет.

Полянка лежала примерно в миле от барьера ткущих. Кайку и Тсата никогда не отдыхали на опасной территории. А теперь, когда враг встревожен, рисковать и вовсе не следовало. С тех пор как первый искаженный застал их врасплох и им пришлось его убить, хрящевороны стали летать чаще, а количество патрулей увеличилось вдвое. На этот раз им едва удалось уйти: они потратили драгоценное время на изучение странного скользкого существа в шее дозорного, и только развитый инстинкт Тсаты предупредил о приближении других искаженных. Вот и еще загадка: откуда существа узнали, что один из них мертв?

Кайку уже не раз укрывала их от злобешнего внимания ткущих, ставила щит, когда невидимое присутствие прокатывалось по Разлому — ткачи искали загадочных чужаков. Они подозревали, что дело неладно. Внезапная смерть одной зверушки наверняка их напугала, недаром они усилили охрану. Но найти корень зла им не удалось.

Ткущие мыслили ограниченно. Им представлялся некий житель Разлома, возможно, член какого-то местного племени, который неведомым способом прошел через барьер и оказался в ловушке. Тот факт, что кто-то свободно ходит через барьер туда-сюда, просто не укладывался в их головах, поэтому они ни разу не заглянули за пределы своей вотчины. Разумеется, искаженные тоже не пересекали невидимой границы, и Кайку и Тсата всю пользовались своим преимуществом, спали и строили планы в относительной безопасности.

— Я хочу извиниться, — без всякого видимого повода сказал Тсата.

— Да? — мягко спросила Кайку.

— Я несправедливо тебя осудил. — Он сменил позу на более удобную — сел со скрещенными ногами. Одна из немногих манер, общих для охамбцев и сарамирцев.

— Я уже и забыла об этом, — солгала Кайку, но Тсата слишком хорошо узнал сарамирцев, чтобы ей поверить.

— Мы, ткиурати, считаем необходимым говорить, что думаем, — пояснил он. — У нас нет собственности, *паш* строится на

общности. Мы делимся всем. И держать что-то внутри — плохо. Если кто-то во время каждого обеда накладывает себе слишком много еды и мы злимся на него, то мы скажем ему об этом, чтобы недовольство не нагнаивалось. Равновесие держится на одобрении или неодобрении *паша* и том, что мы все считаем благом.

Кайку пристально посмотрела на него.

— Я говорил, что ты пошла с этой экспедицией из эгоизма, и это остается правдой. Но, делая свое дело, ты ведешь себя неэгоистично. Ты многим жертвуешь, никого ни о чем не просишь, делаешь все сама. Я восхищаюсь этим. Ты не похожа на остальных сарамирцев.

Кайку не знала, гордиться ей или обижаться, потому что, сделав ей комплимент, Тсата нелестно высказался о ее соотечественниках. Она решила отнестись к его оценке снисходительно.

— Ты жесток в своей прямоте и честен в своих суждениях. — Она устало улыбнулась. — Нужно время, чтобы привыкнуть к такому. Но твои слова не оскорбили меня.

Выражение его лица несколько не изменилось. Кайку уже привыкла к нему и не обращала внимания на странные детали внешности: жесткие, зачесанные назад рыжие волосы, необыкновенно бледную кожу, завитки бледно-зеленых татуировок, покрывающие лицо и руки до кончиков пальцев. Он уже не казался чужестранцем, но воспринимался как чужак сродни Люции. И языковой барьер уже не сковывал ткиурати. С тех пор, как он высадился на родной для нее берег, его сарамирский стал поистине безупречным. Когда хотел, он выражался безукоризненно.

— Тсата, что ты думаешь о нас? Об искаженных вроде меня?

Тсата задумался.

— Ничего, — ответил он наконец.

— Ничего?

— Мы не выбираем обстоятельства, при которых рождаемся. Сильный человек может родиться сильным ребенком, может всегда превосходить своих товарищей в борьбе или поднятии тяжестей. Но если он полагается только на свою силу, то будет уязвим с

других сторон. Важно лишь то, как мы используем или преодолеваем то, что у нас есть.

Кайку вздохнула.

— Твоя философия такая простая и такая ясная. Но реальность зачастую далека от идеала. Жаль, что жизнь сложнее.

— Вы сами ее усложнили. Деньгами, собственностью, законами... Вы боретесь за вещи, в которых нет необходимости, и это делает вас злыми, завистливыми и жадными.

— Но у нас также есть медицина, искусство и философия, — ответила Кайку. — Неужели пороки нашего общества перевешивают преимущества? Мы можем лечить болезни, которые выкосили бы менее развитые страны, вроде Охамбы...

Кайку знала, что он не воспримет это как неуважение. По сути дела, она отчасти переняла его грубоватую манеру выражаться. Еще несколько дней назад она выразила бы ту же самую мысль гораздо изящнее.

— Ваш мыслитель Джуанчи утверждал, что лучшие переживут такую болезнь и смогут улучшить свою расу, — возразил Тсатта. — А ваша богиня Эню таким образом отсеивает слабых.

— Это значит, что вы позволяете природе по какой-то причине отбраковать себя. Вы живете в лесах и позволяете лесу править собой, как животными. Мы же всегда сами правили этой землей.

— Вы ее поработили. Более того, вы отняли ее у угатов, которые по вашим же законам имели на нее право. Своя страна вам не понравилась, и вы захватили другую.

— А по пути остановились в Охамбе, и так появились ткиурати, — напомнила ему Кайку. — Ты не заставишь меня почувствовать себя виновной в делах моих предков. Ты сам сказал: мы не выбираем обстоятельства рождения.

— А я и не прошу тебя чувствовать себя виноватой. Я показываю тебе цену вашей развитой культуры. Вопрос не в ответственности, а в том, что вы игнорируете это и потворствуете злу. Вы забыли уроки прошлого, потому что они неприглядны. Так же ваша знать не обращает внимания на вред, который причиняют вашей земле ткачи.

Кайку молча прислушивалась к ночным шорохам и думала. В этом споре не было ярости. Она больше не ощущала необходимости защищать Сарамир, тем более что ее культура давно отвергла ее как порченную. Но интересно же выслушать такое холодное, взвешенное и нелестное мнение о вещах, которые привык принимать как должное. У Тсаты очень интересный взгляд на мир. Они в последние дни часто разговаривали о различиях цивилизаций. Кайку не верила, что некоторые вещи, про которые рассказывал ткиурати, реально существуют и работают на практике. Кое-что казалось ей непонятным. Но также из этих разговоров Кайку узнала о многих ценных и достойных уважения гранях жизни охамбцев.

Она решила обсудить более насущный вопрос. Откинула голову с лица и уверенно начала:

— Все предельно ясно и не вызывает сомнений. Ткачи управляют искаженными. Точный механизм нам не известен, но это напрямую связано с существами, которых мы находили в их шеях. — Она устало повела плечами. — Предположительно, каждый искаженный на той равнине имеет такого паразита.

— И мы знаем теперь, что ткачи не сами управляют своим зверинцем, — добавил Тсата.

— Это как-то должно нам помочь. — Она соскребла кусочек грязи с ботинка. — Но что дальше?

— Нужно восполнить пробелы в знаниях. Убить одного из Погонщиков.

Рассвет следующего дня был красным, и красным оставалось небо до самого позднего утра. Историки напишут, что Суранани три дня дули в Чом Рин после смерти императрицы Ларании, налетев неожиданно, без всякого предупреждения. Ураганы разрывали пустыню на востоке, бесновались песчаные бури, и поднявшаяся облаком за горами пыль окрасила око Нуки в цвет крови. Позже, когда вести о трагическом самоубийстве Ларании, разлетятся по империи, люди скажут, что это разъярившаяся богиня Суран наслала бурю на землю, ко-

торая не сберегла одну из ее любимых дочерей. И Мос навечно проклят ею.

Люция ничего об этом не знала, только чувствовала слабую ломоту в костях, которая прошла лишь тогда, когда утихла Суранани. Она сидела у ручья с каменистым дном на северной стороне долины. Девочка смотрела на юг, и ей казалось, что она слышит нечеловеческий стон муки и гнева.

Флен сидел подле нее. Для своего роста он был высоким, длинновязым, с шапкой темно-каштановых волос, которые свободно спадали ему на глаза. Улыбка то и дело вспыхивала на его губах. Однако этим утром он улыбался реже обычного.

Люция изменилась.

Она рассказала ему о путешествии в Альскаин Мар, только когда вернулась, да и то в общих чертах. Никто из взрослых не считал его настолько важной персоной, чтобы знать об этом деле. Но Люция по своей воле решила сохранить в тайне то, что могло ранить его. Люция всегда вела себя немного странно, будто существовала в другом измерении, и это делало ее притягательной. Но Флена беспокоило то, что она стала другой. Вдруг она отдалится?

Он не мог точно описать, что происходит. Он только ощущал нечто, так подростки внутренним чутьем пролагают себе путь во взрослость. Они чувствуют границы, за которыми теряется непорочность. И в их личной иерархии постоянно меняются друзья, вожаки и козлы отпущения. Подростки не знают, кто диктует им правила, а иногда не знают и того, что вообще следуют каким-то правилам.

В ее голубых глазах появилась новая отрешенность. Что-то разорвалось, и на этом месте выросла новая кожа; что-то она утратила, но что-то приобрела. Люция разговаривала с существом, которому оставался один шаг до бога. Она умерла, пусть и ненадолго. И все это изменило ее взгляд на мир, а Флен не мог этого понять. Она будто выросла, повзрослела, но не внешне. А Флен думал только о том, что теряет своего лучшего друга и как это нечестно...

Они довольно долго сидели рядышком на большом валуне. Высокие травы разрослись вокруг и щекотали ноги. Ручеек сочился из кривой щели на самом краю долины, жужжали стрекозы, замиравшие иногда в воздухе и смотревшие на детей огромными глазами. Небо было розовым, и в этом свете ярусы Провала казались зловещим хаосом зазубренных краев и гладких лезвий.

Ниже, на плоском дне долины, паслись банати. За ними присматривали немногочисленные пастухи. Флен наблюдал за животными, которые неторопливо переходили с места на место и щипали траву широкими мясистыми губами. Эти гигантские существа отличались удивительно кротким нравом. Самцы имели огромные витые рога, но использовали их только в брачный период, соперничая за самок. В древние времена они свободно бродили по равнинам, теперь же их разводили люди — ради мяса и молока.

Флен как раз задумался о судьбе банати, когда Люция наконец прервала молчание.

— Прости меня, — тихо сказала она.

Флен пожал плечами.

— Конечно.

Она взяла его за руку и опустила голову ему на плечо.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Что теперь все по-другому.

— А это так?

— Между нами — нет.

Флен устроился так, чтобы ей было удобнее на костлявом плече.

— Пойми, — продолжила она, — есть вещи, которые я не могу объяснить. Для них нет подходящих слов.

— Ты живешь в незнакомом мире. Как бы... за дверью, а я могу только смотреть через щели по краям. Ты видишь, что находится в комнате, а я только ловлю отблески и тени. Так было всегда. — Он накрыл ладонью ее нежное запястье. — Ты одна, а все остальные снаружи. И им не войти.

Люция улыбнулась. Вполне в духе Флена: она извиняется, а он поворачивает все так, будто ей самой можно посочувствовать. Она снова выпрямилась.

— Мне не следует тебе это говорить... — Ее голос стал тише.

— Но ты скажешь, — усмехнулся он.

— Это очень важно, Флен. Нельзя, чтобы кто-то еще услышал об этом.

— А я когда-нибудь тебя подводил?

Люция задержала на нем взгляд. Она могла заглядывать людям в душу, но во Флене не сомневалась ни на секунду. Она для него важнее всех живущих, и надежды на спасение страны тут ни при чем. Просто она — его лучший друг.

И тем не менее кое-что в нем оставалось для нее неразгаданной тайной: почему он хотел быть с ней? Она не считала себя непопулярной, напротив, у нее был широкий круг друзей, они тянулись к ней без всяких усилий с ее стороны. Ее никто не называл бы особенно веселой или общительной, но она обладала каким-то внутренним магнетизмом, и он притягивал к ней людей. Но Флен просто не отходил от нее ни на шаг со дня их первой встречи. Он всегда находился рядом и обладал, кажется, бесконечным запасом терпения. Долгое время она ничем ему не платила. Его компания нравилась Люции, и она позволяла Флену быть подле себя, но все время жила в своем собственном мире и уже поняла, что приглашать в этот мир кого-то еще бессмысленно.

Но он не отступался. Флен и сам пользовался популярностью, и Люция часто удивлялась, почему он не проводит время с кем-то еще, с кем-то... попроще. Она всегда стояла для него на первом месте и мало-помалу привыкла к такому положению вещей. Он понимал ее лучше, чем все другие, и она любила его за это. Любила за простодушие, бескорыстие и честность. Они представляли собой странную пару, но были настоящими друзьями, в чистом понимании этого слова, еще не испорченным всякими взрослыми сложностями.

— Я хочу рассказать, что узнала в Альскаин Мар.

— О духи, а я уж думал, ты никогда этого не коснешься... — лукаво сказал Флен.

Люция не улыбнулась, хотя знала, что он шутит так, когда в чем-то неуверен или нервничает, а сейчас с ним происходило и то,

и другое. Лицо ее оставалось серьезным. Она вспомнила, с каким ужасом воспринял ее новое знание Заэлис, вспомнила лед в глазах Кайлин.

— Может быть, *узнала* не совсем подходящее слово, — поправилась Люция. — Я ничего не узнала в том смысле, что меня никто ничему не учил. Я как будто вспоминала что-то забытое и одновременно заглядывала в будущее. — Она посмотрела в землю и принялась теревить травинку. — Как будто нырнула под воду, держась за плавник кита, и оказалась на глубине, о существовании которой и не задумывалась... Словно опустилась на самое дно. А под водой все расплывчатое, и нельзя открыть рот, чтобы что-то сказать. И рано или поздно вспоминаешь, что киту не нужно дышать так часто, как тебе.

— Так что он показал тебе?

— Он показал колдовские камни, — ответила Люция, и взгляд ее как будто ушел куда-то далеко.

Она надолго замолчала, и Флену пришлось подтолкнуть ее:

— А что именно ты видела?

Девушка помотала головой, будто отрицая что-то, что хотела сказать.

— Флен, я — часть чего-то большего, — прошептала она, потом стиснула его руки и перехватила взгляд. — Как и все мы. Речь не просто об империи, кому сидеть на троне. И не о том, сколько жизней поставлено на карту. За нами пристально наблюдает Золотое Царство, и сами боги замешаны в игре.

— Ты имеешь в виду, что боги всем заправляют? — Флен не сумел скрыть ноток скептицизма в голосе.

— Нет, нет! Боги не управляют. Это... тоньше. Они посылают знамения и аватар, чтобы передать свою волю. Нет предопределенности, нет судьбы. Мы все должны сделать свой выбор. Мы сражаемся в этой войне.

— Тогда что...

— Кайку все время твердила, что колдовские камни живые, но это только половина правды, — торопливо говорила Люция. Слова дрожали в ее горле и срывались с губ, будто она не в силах

была остановить этот поток. — Они не просто живут, они мыслят! Не как духи камней; это не похоже на простые мысли деревьев. Они разумные и злые. И становятся сильнее день ото дня.

Флен не знал, верить этому или нет, но Люция не дала ему времени на раздумья.

— Не ткачи наши истинные враги, Флен! — кричала Люция, и в пыльном свете утреннего солнца лицо ее казалось неестественно красным. — Они думают, что это они кукловоды, но на самом деле — лишь марионетки. Рабы колдовских камней.

— Это... — начал Флен, но Люция снова перебила его:

— Выслушай же меня!

Флен, потрясенный, умолк. Он только-только начал осознавать всю глубину ее ужаса по поводу откровения в Альскаинн Мар.

— Колдовские камни используют ткачей. Они думают, что у них свои цели, однако кто ставит эти цели, не знает ни один ткачий. Они считают их частью коллективного разума. А их коллективный разум — это плод и воля колдовских камней. Ткачи — всего-навсего пешки. Они — наркоманы пыли от колдовских камней, что помещена в маски! Они попались в западню, они не знают, что, получая власть, становятся рабами более могущественного существа!

Она испуганно огляделась, точно опасаясь, что их подслушивают. Казалось, что так оно и есть: стрекозы замолчали и улетели, ветер стих.

— Первый камень нашли под Аддерахом... Он заманил к себе шахтеров. Тогда он был еще слаб, изголодался за многие тысячи лет, но они были еще слабее. Они собрали его пыль, ведомые непонятным стремлением. Они стали давать ему кровь. Он рос, и росла его мощь, и он послал в мир ткачей, чтобы они стали его глазами, ушами и руками. Отправил их на поиски других камней.

— Но что такое колдовские камни? — спросил Флен.

— Ответ перед нами, но все отказываются ему верить, — прошептала Люция. — Я бы не поверила, но дух Альскаинн Мар показал мне больше, чем правду или ложь, факты или вымысел.

Даже он слишком молод, он не видел тех времен, но рассказал мне, что знал.

Люция закрыла глаза, зажмурилась крепко-крепко и заговорила особым стилем, который обычно использовали, обращаясь к богам.

— Во времена, когда мир едва вышел из колыбели, боги сошлись в великой битве. То существо, которое мы именуем Арикаратом, младший отпрыск Ассантуа и Джурани, посеял вражду в Золотом Царстве, и сама история не знает, для чего. И он почти одолел самого Оху, и от битвы той разрывалось небо, но в последнем противостоянии воинство, ведомое родителями, сокрушило его. И когда умирал Арикарат, то воплощение его в ковре этого мира, четвертая луна, разлетелось вдребезги, и осколки пали на землю. Об этом катаклизме нам рассказывал Саран. — Она крепче сжала его ладони. — Но он не погиб, — прошептала Люция. — Он не умрет, пока хотя бы одна часть его остается на ковре... в нашем мире. Луна распалась, и обломки ее уцелели. В каждом из них сохранилась часть души Арикاراتа. Он дремлет.

— Часть души?

Люция кивнула и, отпустив его руки, подняла голову.

— Осколки души растерзанного бога. Тысячелетиями они покоились под землей, пока случайно один из них не открылся под Аддерахом. А теперь они используют ткачей, чтобы те находили другие осколки, откапывали их и пробуждали кровавыми жертвами. Они связаны, как связаны между собой ткущие Узор. Паутина. Каждый открытый камень делает целое сильнее, дает ткущим больше силы. Раздробленная душа Арикاراتа. С каждым новым камнем приближается час его воскресения. — Глаза Люции наполнились слезами, а голос стал тихим и испуганным. — Он такой злой, Флен. Я чувствовала его гнев. Он пока еще слаб, только бессильная тень себя, но его ненависть ярко пылает. Он поработит эту страну, и все другие страны. А когда ткущие пробудят достаточно камней, он вернется и свершит месть.

Флен не нашелся, что сказать. Адски-кровавый свет ока Нуки затоплял долину ужасом.

— Он уже начал пожирать Эню и ее детей, богов и богинь природы, — продолжала Люция. — Само его присутствие управляет землю, искажает людей и животных, которые едят порченные плоды. Победив здесь, он одержит победу и в Золотом Царстве — над богами. Вот почему нам нужно остановить его. Потому что если мы сейчас не уничтожим ткачей и колдовские камни, они поглотят весь мир. И это будет только начало. — Слезинка скатилась по ее бледной щеке. — Еще одна война богов, которая разыграется здесь, в Сарамире. А на кону — все Сотворенное.

Глава 24

Небо над Зилой закрывали плотные серые облака, и приглушенный полуденный свет отливал стальным оттенком. Всадник в одеянии дома ту Винаксий выехал через массивные южные ворота и поскакал вниз по склону холма. Там ждали войска, и над ними возвышались осадные машины. Ворота с грохотом захлопнулись.

Кседжен наблюдал за ним из окна своей комнаты на верху башни, заложив руки за спину и нервно постукивая кончиками пальцев одной по костяшкам другой. Когда всадник скрылся из виду, он обернулся и посмотрел на Баккару. Тот задумчиво почесывал подбородок. Мисани расположилась на тахте у одной из стен, перекинув волосы через плечо. Глаза ее оставались абсолютно равнодушными.

— Ну и что вы думаете? — спросил их Кседжен.

Баккара пожал плечами.

— А какая нам, собственно, разница? Они в любом случае атакуют, сделаем мы «жест доброй воли» или нет. Им просто не нужны неприятности: семьи знати, чьи сыновья и дочери погибли во время освобождения, будут в гневе.

— Освобождения? — Кседжен издал нервный смешок. — О духи, ты говоришь так, будто сам на их стороне.

— Если они победят, штурм назовут освобождением, — спокойно пояснил Баккара. — И, кроме того, что еще нам остается?

Вряд ли мы можем вернуть им каких-то заложников — их растерзала толпа.

— Эти новости симпатий вам не добавляют, — заметила Мисани.

— В таком случае мы просто отказываемся, — заключил Кседжен и щелкнул пальцами. — Пусть они думают, что у нас есть заложники. Как ты сказал, рано или поздно они нас все равно атакуют. Но, в отличие от тебя, я верю в стены Зилы. — Он бросил недовольный взгляд на седеющего воина.

— Я бы не советовала, — сказала Мисани. — Решительный отказ даст им повод думать, что вы чересчур упрямы и не настроены договариваться, и в следующий раз они не станут утруждать себя мирными предложениями. А переговоры могут понадобиться, если что-то пойдет не по плану.

Баккара подавил улыбку. Такая маленькая, хрупкая штучка — и столько самоуверенности! Несомненно, она тонкий политик. За несколько дней гостя фактически заняла место первого советника Кседжена, хотя так и не дала прямого ответа на простой: поддержит ли она Айс Маракса публично или нет. Кседжен так нуждался в ее помощи, в помощи Баккары, в помощи любого, у кого решительности побольше, чем у него самого. Пока дело касалось Люции, он соображал быстро, мысли его были ясными, а решения — твердыми. Но теперь он взял город — и не знал, что с ним делать. Кседжен мог быть непревзойденным вдохновителем, но ничего не смыслил в военном ремесле и большую часть всех забот переложил на Баккару, назначив его после восстания заместителем командующего в Зиле.

— А что бы вы сделали, госпожа Мисани? — преувеличенно почтительным тоном осведомился Баррака. Мисани проигнорировала издевку.

— Пошлите им Чиена, — ответила она.

Баккара взорвался удивленным, отрывистым смешком, но тут же притих. Кседжен уставился на него.

— Я пропустил какую-то шутку?

— Прошу прощения, меня просто тронуло благородство и самопожертвование госпожи Мисани. Она ведь могла бы просить за себя.

Гостя невозмутимо смотрела на Кседжена, не обращая внимание на Баккару. Мисани не собиралась просить за себя. Если она выйдет через ворота Зилы, новости об этом разнесутся еще до заката, и люди отца без труда найдут ее. Кроме того, Мисани прекрасно знала, что Кседжен ее не отпустит. Она для него слишком ценна — пока он верит, что у них одни и те же убеждения и цели.

— Отправьте к ним одного заложника в качестве жеста доброй воли, — сказала она. — Он не знает, что другие мертвы, и думает, что в башнях крепости может быть еще много пленников. Чиен бесполезен для вас, и он болен, а ваш лекарь ничем не способен ему помочь. — Мисани бросила взгляд на Баккару. — Он ни в чем не виноват, и ему незачем здесь находиться.

— Он расскажет им о наших силах. — Кседжен мерил комнату шагами. — Назовет имена.

— Чиен почти не выходил из комнаты, в которую вы его поместили. И ничего не знает о ваших силах.

— А что касается имен, — вставил Баккара, — так разве не этого мы добивались?

— Вот именно, — согласилась Мисани. — Чиен — ключевая фигура в морской торговле, и, если заговорит, его корабли разнесут весть по всему Ближнему Свету.

Кседжен опустил глаза. Мисани уже убедила его, но он всеми силами показывал, что еще сомневается и не торопится с ней согласиться. Очевидно, полагал, что Мисани можно одурачить таким образом.

— Да. Возможно, это сработает, — пробормотал он. — Вы поговорите с ним, госпожа Мисани?

— Поговорю, — пообещала она.

Все оказалось вовсе не так легко, как думала Мисани.

— Я вас здесь одну не оставляю! — Чиен рвал и метал. — И не просите!

Мисани, как всегда, внешне оставалась бесстрашной, но его ярость искренне поразила ее.

Дни заключения закончились, и Чиена перенесли в более уютную комнату. Крепость осталась крепостью, но здесь на стенах висело несколько тяжелых драпировок и ковров, сюда же, учитывая состояние Чиена, поставили удобную кровать и еще стол и сундук для одежды. В разговоре с Кседженом Мисани не преувеличила опасность лихорадки, и хотя ему еще хватало сил, чтобы демонстрировать стойкость, встать с постели без посторонней помощи он уже не мог.

— Успокойтесь, — отрезала она. Ее жесткий тон немного остудил его пыл. — Ведете себя, как ребенок. Я бы и сама отправилась с вами, если бы у меня была такая возможность. Но меня не отпускают, и я хочу, чтобы вы покинули Зилу и сделали кое-что для меня. То, что вы один можете сделать.

За время заключения волосы его немного отросли. Похоже, Чиен пока не собирался сбривать этот черный «ежик». Взгляд его немного смягчился, но, по-видимому, ему пришлось приложить к этому немало усилий.

— И что же это такое, что под силу только мне?

— Вы можете спасти мне жизнь, — ответила Мисани. Эту реплику она берегла на крайний случай. И прием сработал.

— Как? — спросил Чиен. Наконец-то он готов был ее выслушать.

— Мне нужно, чтобы вы передали мое послание Бэраку Зану ту Икэти.

Чиен с подозрением посмотрел на нее.

— Бэраку Зану, который сейчас осаждает город?

— Ему самому.

— Продолжайте.

— Вы должны попросить о встрече наедине. Нельзя, чтобы кто-то узнал, что я здесь. Если вы это допустите, люди моего отца будут дожидаться меня у ворот Зилы.

— А что я должен ему сказать?

Мисани опустила голову.

— Скажите, что у меня есть новости о его дочери. Что она жива и здорова. И что я знаю, где ее искать.

Глаза Чиена сузились.

— У Бэрака Зана нет дочери.

— Есть, — спокойно возразила Мисани.

Чиен несколько мгновений смотрел ей в глаза, потом отвернулся.

— Как я могу оставить вас здесь? — Этот вопрос он задавал скорее себе, нежели ей. — Под стенами города — армия, готовая к штурму, а Зилу защищают крестьяне и торговцы!

— Я знаю, Чиен, ваша честь требует, чтобы вы остались здесь и защищали меня. Но если вы покинете Зилу и передадите Бэраку мое сообщение, то окажете мне услугу неизмеримо большую. Это все, о чем я вас прошу. Остальное сделает Бэрak Зан.

— Госпожа Мисани... — простонал Чиен. — Я не могу.

— Чиен, для меня это — шанс выжить при осаде. — Мисани подошла к его кровати и посмотрела на него умоляюще. — Мне известно, кто послал вас, Чиен. Она взяла с вас клятву, что вы не скажете мне, так? Моя мать...

Чиен постарался скрыть свою реакцию, но Мисани имела большой опыт в такого рода делах. Искорка в его глазах поведала ей обо всем.

— Я не прошу вас нарушать клятву. — Мисани села на край постели. — Должно быть, она узнала, что я отплыла из Ханзина в Охамбу. Мне остается лишь благодарить судьбу за то, что это ее люди заметили меня, а не люди моего отца. В тот месяц, что я провела в плаваньи, она с вами связалась. Подозреваю, что с помощью ткача, но, скорее всего, не того, кто служит моей семье. Она попросила вас защитить меня от отца.

Мисани почувствовала, что из глаз ее вот-вот потекут слезы, но сдержала их. Ее мама, тихая, забытая всеми, вела всю эту закулисную игру, чтобы защитить дочь. О боги, что, если Аван об этом узнает? Что же будет с Мураки?

Чиен смотрел на нее, не произнося ни слова.

— Она пообещала вам свободу. Ваша мать была рыбацкой на корабле моего отца. За ее брак с вашим отцом семье вашей пришлось заплатить высокую цену. Вы добровольно ограничили себя взятыми обязательствами, которые не позволяли вам выйти на первое место в морской торговле. Если вы выплатите этот долг, то уже не будете обязаны предлагать лучшую цену и лучшие корабли моей семье. Вы приберете к рукам всю торговлю Сарамира с Охамбой. — Мисани пристально на него посмотрела, словно ища подтверждения своим словам, хотя на самом деле была уверена в своей правоте. Все детали головоломки наконец-то сошлись. — Ради этого, ради свободы своей семьи, вы бы рискнули многим. И моя мать вам ее предложила. Только у нее и у Авана есть право разорвать соглашение. И она сделает это, чего бы оно ей ни стоило, если вы убережете меня в моих странствиях.

Чиен потупился. Ему хотелось спросить, как она узнала. Но задать вопрос — значит признать ее правоту.

Мисани не хотела мучить его. Все это время она пыталась понять, что ему от нее нужно, но никогда не подозревала, что дела обстоят именно так.

— Есть еще кое-что, — мягко сказала Мисани, откидывая тугие косы за спину. — Моя мать дала вам знак — на случай, если нельзя будет убедить меня иначе. Она знала, насколько я подозрительна. Это — колыбельная, которую она сама написала. Мать пела ее мне, когда я была совсем маленькой. Слов ее не знал никто, кроме нас двоих. — Мисани поднялась. Теперь она стояла спиной к Чиену. — Вчера в бреду вы пели ее.

Чиен очень долго молчал, прежде чем задать вопрос.

— Если я сделаю то, о чем вы меня просите, вы скажете ей, что я выполнил свое обещание?

— Да, клянусь вам, — ответила она, не поворачиваясь. — Вы вели себя честно. Простите, что не доверяла вам.

— Я выполню вашу просьбу.

— Спасибо. За все. — С этими словами она вышла из комнаты.

Прощаться не стали. Чиена вынесли через ворота к ожидающей армии. Мисани не видела этого. Она стояла одна, повернувшись спиной к окну.

Потом она предложила себя Баккаре, и они торопливо сошлись в его комнате.

Мисани вряд ли смогла бы объяснить, что подтолкнуло ее к этому. Обычно она так не поступала. Следовало подождать, выбрать нужный момент. Ее тянуло к нему, и Мисани чувствовала, что и он ощущает нечто подобное. Но это ни на что особенно не влияло. Политика для Мисани всегда была важнее. Она знала, что ей выгодно быть на его стороне, и уже убедилась, что Кседжен имеет репутацию лидера, но таковым не является, а Баккара на эту роль подходит гораздо лучше. Ей было хорошо известно, какую власть может женщина получить над мужчиной, даже если он видит в ней только любопытное и приятное развлечение.

И было кое-что еще, что подтолкнуло ее к нему, почему она отбросила осторожность и бросилась в омут наслаждения. Она и не подозревала, что способна испытывать такую боль, какие причинила ей история с Чиеном. Внутри будто открылась невыносимая, пульсирующая пустота, и Мисани любой ценой хотела от нее избавиться. Мать незаметно вмешалась в ее жизнь, и это напомнило Мисани, как она одинока, скольким она пожертвовала, выступив против отца. Но не время и не место горевать. Слишком многое поставлено на кон.

Она не обманывала себя надеждой, что сладостные спазмы навсегда заглушат боль, но верила, что хотя бы на время перестанет ее ощущать.

Потом она лежала рядом с солдатом и касалась крохотной ладошкой его покрытой шрамами груди, гладила кончиками пальцев жесткие волоски. Он обнимал ее одной рукой, и от этого она казалась себе совсем маленькой. Хотя Мисани была угловатой и тоненькой, рядом с ним она чувствовала себя мягкой. Она уже почти забыла, что такое тепло мужского тела.

— Ты не веришь, что Кседжену это под силу, так? — тихо сказала она. Это было утверждение.

— М-м-м?.. — сонно пробормотал он.

— Ты не веришь, что он может организовать оборону и победить.

Он раздраженно вздохнул, все еще не раскрывая глаз.

— Я в этом не уверен.

— Тогда почему...

— Ты собираешься всю ночь задавать мне вопросы?

— Пока не получу ответы, — улыбнулась она.

Баккара застонал и чуть-чуть повернулся, оказавшись с ней лицом к лицу. Мисани легонько поцеловала его в губы.

— Кошмар каждого мужчины. Женщина, которая не умолкает даже в постели.

— Мне всего лишь любопытно, каковы мои шансы выжить в ситуации, в которую ты меня впутал. Почему ты вообще здесь?

Баккара лениво перебирал жесткими пальцами ее разметавшиеся по подушке волосы.

— Я из Новых Земель. Когда был молодым, там много воевали: распри торговцев, споры из-за земли... Я был простым парнем, бедным, трудолюбивым, сильным и очень злым. Лучшее, на что я мог рассчитывать, это стать солдатом. Поэтому я вступил в ополчение Марка, крохотное деревенское войско. Я хорошо себя показал, и меня призвали в армию. Мы победили в нескольких сражениях... О боги, мне самому скучно от этих рассказов.

Мисани рассмеялась.

— Продолжай.

— Я лучше кое-что пропущу. Много, много лет спустя я дослужился до генерала в армии дома Амаха — на другой стороне материка. Я был наемником. Господина по крови у меня не было: мой Бэрак умудрился погибнуть, и семью его тоже вырезали. Пять лет назад я воевал под стенами Аксеками.

Мисани напряглась.

— Не беспокойся, — хохотнул он. — Я не виню тебя в том, что сделал твой отец. Тем более — после того, как Кседжен рассказал мне о ваших отношениях. — Улыбка на его губах поблекла, и он вновь стал серьезным. — Я знал многих, погибших в этой битве. Мне повезло, что выбрался живым из той заварушки. — Бакара немного помолчал, а потом продолжил, и в тоне его слышалось смирение. — Такова солдатская доля. Твои друзья умирают. Кто-то побеждает, кто-то терпит поражение. Для своих людей и для себя я делаю все, что могу, но, в конечном счете, я — всего-навсего боевая единица. Одна из тысяч. Я — мускул. И есть мозг, который управляет мной и другими такими же, как я. Люди повыше нас затевают боины вроде этой. Сонмага — идиот, а твой отец — расчетливый предатель. И из-за них обоих погибло очень много народу.

Мисани не знала, что на это ответить. Она вдруг осознала, насколько он силен. Стоило ему только посильнее сжать руку, и ее кости затрещали бы, как сухой хворост.

— И после этого я решил покончить с солдатской жизнью. Но она, похоже, не пожелала так просто меня отпускать. Тридцать лет, даже больше, я воевал в чужих войнах, сидел у костра с разными людьми, не зная, увидят ли они закат следующего дня, ночевал в палатках и прошел строевым шагом весь Сарамир. Звучит так себе, но от этого трудно отказаться. У военных возникает такое чувство... Связь, которой больше нигде не бывает. Я пытался остепениться и осесть, но уже слишком поздно. Я солдат до мозга костей.

Мисани немного расслабилась; он отошел от самой щекотливой темы — преступлений ее семьи. Она слушала его рассказ и неторопливо поглаживала его руки.

— Я был, как корабль в дрейфе. Не находил цели — до этого цели мне были не нужны. Однажды в трактире услышал про Айс Маракса. Не знаю почему, но мне стало интересно. И я начал потихоньку расспрашивать про них. Они прознали об этом и нашли меня.

— Тебе есть, во что верить.

Отвращение искажило лицо Баккары.

— Скажем так, была причина, которую я посчитал достойной. Я ведомый, госпожа Мисани, а не ведущий. Я могу командовать людьми, но не начинаю войн и не меняю мир. Это — достояние других. Таких, как Кседжен и ему подобные. Может, он ничего и не знает о войне, но он лидер. Айс Маркса пожертвуют жизнью ради него.

— А ты?

— А я пожертвую жизнью ради Люции. По-моему, в этом гораздо больше смысла, чем во всем, за что я хотел умереть раньше. Обычно — за деньги.

Некоторое время они оба молчали. Баккара снова задремал, когда почувствовал, что Мисани улыбается.

— Я знаю, ты собираешься что-то сказать. Поосторожнее, — предостерег он.

— А ты так и не ответил на мой вопрос.

— Какой?

— Почему ты взял Зилу, если не верил, что ее можно удержать?

— Кседжен думал, что это все-таки возможно. Для меня и этого достаточно. — Он задумался. — Может быть, волна повернет вспять, и все еще изменится.

— То есть ты не принимаешь на себя никакой ответственности? Зная, что он делает глупости, ты все равно следуешь за ним.

— У меня были командиры и поглупее, — пробормотал Баккара. — А про ответственность пусть рассуждают политики и философы. Я солдат. Тебе, наверное, сложно понять... Но я делаю то, что делаю, только потому, что я это делаю.

— А возможно, ты не видишь своей истинной цели.

— Женщина, если ты сейчас же не заткнешься, я вынужден буду принять меры.

— Да? — невинно сказала Мисани. — А какие?

И Баккара показал ей какие. После этого она позволила ему уснуть, но сама лежала рядом без сна и думала.

Она не могла покинуть Зилу — Кседжен не выпустит ее из города. Но, естественно, она не собиралась следующий год провести в этой ловушке, а потому придумала план, как пригласить Бэрака Зана в город, чтобы прощупать почву и поговорить с ним о Люции — провести переговоры, ради которых она направлялась в Лалиару. Попытаться завербовать его в Либеру Драмах, потому что у них его дочь. В Зиле у нее есть преимущество, и Зан будет вынужден выслушать ее. Но опять проблема в Кседжене: он помешает ей, как только поймет, что у нее на уме.

Кседжен — это препятствие, которое нужно убрать. Баккара — не только лучший лидер, человек, способный сохранить порядок в Зиле и уберечь ее от врагов. Он еще и более податлив. Значит, нужно потихоньку обрабатывать обоих, его и Кседжена, столкнуть их — и вывести Баккару на вершину пирамиды. И вместе с ним — себя. Когда Баккара получит превосходство, им можно будет управлять, заставить думать так, как думает Мисани. А Кседжен слишком жесткий, слишком упрямый, слишком целеустремленный...

Значит, цель определена. Теперь нужно только время.

Моса окружал мрак.

Воздух вонял кровью. Со всех сторон, даже сверху, его обступили неясные, но чудовищные тени. Под потолком позвякивали цепи, которые приводил в движение поток жаркого воздуха. Угли в очаге приглушенно светились красным. Другого освещения в комнате не было.

Но и его хватало, чтобы выхватить из темноты мертвое лицо, трупную маску иссушенной плоти, застывшую в омерзительном зевке. Рыса с капюшоном и тени скрывали все остальное. Сам Мос выглядел изможденным и вялым. Глаза его опухли от слез.

Сверху, из темноты, на них пялились пустые глазницы шедевров Какра.

— Так он исчез? — прохрипел Какр.

— Исчез, — ответил Мос.

— Ты послал за ним людей?

— Да. Далеко ему не уйти.

— Поживем — увидим.

Мос перевел взгляд на угли, словно ища там какое-то утешение.

— Что на меня нашло, Какр?

Главный ткач не ответил. Он прекрасно знал, что нашло на императора, но не предполагал, что императрица покончит с собой. Вполне достаточно было и того, что Мос избил Ларанию. Это заставило бы ее отца в гневе призвать под свои знамена армию пустынных. Какр и рассчитывал именно на это. Еще лучше, если бы Мос похитил или взял Рекаю в заложники, чтобы как-то повлиять на отца Ларании. Все, что потребовалось бы, небольшая утечка, выпущенное в нужный момент слово. Об этом Какр с удовольствием бы позаботился. В ответе Чом Рин он не сомневался.

Какр пришел к Мосу сразу после той ужасной сцены. Мос рыдал и выглядел жалким, умолял о помощи, будто именно Какру он мог исповедаться в своих грехах и именно Какр мог его поддержать. Главный ткач представил все как совпадение, но на самом деле он ничего не делал необдуманно. Находясь рядом с императором, он не мог плести Узор, потому что для плетения требовалось максимальное сосредоточение.

Он не видел последних минут Ларании, однако получил превосходное алиби, которое освобождало его от подозрений в причастности к смерти императрицы. Даже Мос — бедный, бедный Мос — ни разу не заподозрил, что кошмары, сводившие его с ума, насылает Какр. Главный ткач был очень хитер — он обрезал эту нить рассуждений в сознании Моса, чтобы там не зародилось никаких сомнений.

— Бэрак Горен ту Танатсуа услышит о смерти дочери гораздо раньше, чем Рекай доберется до него, — проскрежетал наконец Какр. — И узнает о причинах самоубийства. Ларания не скрывала своего состояния. — Он шевельнулся, и капюшон отбросил тень на лицо. — Она остригла волосы, Мос. Ты понимаешь, что это значит.

— Возможно, если у нас будет Рекай, его отец помедлит и выслушает нас, — сказал Мос бесцветным голосом. Ему было уже все равно. Он просто действовал, как должно императору, потому что ему не оставалось ничего другого.

— И все же мы должны готовиться. Женившись на Ларании, ты надолго успокоил Бэраков пустыни. Но теперь они снова станут нашим больным местом. Они всегда приносили кучу проблем. Слишком независимые, слишком гордые и своевольные люди из непроходимого песчаного царства.

Мос тупо уставился на Какра. С его лба катился пот — в комнате царила страшная духота.

— Придя в Аксеками, они подтолкнут других недовольных Бэраков к действию, — прокаркал Какр. — Представь себе армию пустынников, марширующую через Чамаску по Восточному пути, одержимую желанием отомстить за смерть Ларании. И представь, каким беспомощным ты покажешься...

Мос не мог себе этого представить.

— Ты должен послать людей в Максакту. Много людей. Если уж столкновения с пустынниками не избежать, встретить их на перевале Джуваха. Удержи их в ущелье. Не дай продвинуться на запад.

— Все мои люди нужны мне здесь, — ответил Мос, но в голосе его не слышалось силы.

— Зачем? Чтобы защитить тебя от Керестин? Они только шумят, но ничего не предпринимают. Пройдут годы, прежде чем они наберут достаточно силы, чтобы бросить тебе вызов. Сейчас в Сарамире не найдется войска, способного успешно штурмовать Аксеками. До тех пор, пока пустынники не объединятся с недовольными с запада.

Мос ненадолго задумался.

— Я пошлю армию.

Какр знал, что Мос это скажет. Мос давно не слушал своих советников, а Какр намеренно недооценил силы тех, кто поднялся против него в преддверии грядущего голода. Сегодня же Бэрак Аван ту Колай получит сигнал, по которому начнет смотр войск.

Войско императора разделится, и тысячи солдат покинут Аксеками, чтобы отразить нападение врага из Чом Рин. А столица останется почти беззащитной.

Игра началась, подумал Какр, и лицо под маской искривилось в улыбке.

Глава 25

Кайку опрометью бежала вниз по глинистому склону. В ярком белом лунном свете виднелись облачка пыли, поднятые ее ботинками. Тсата засел на склоне ниже ее и целился из винтовки вверх, где на фоне огромной, щербатой Арии вздымался неровный край гребня. В любой момент там мог появиться силуэт того, кто гнался за Кайку.

Гхорег взревел. Это был не то рев медведя, не то волчий вой. Хищник быстро приближался.

Тсата перевел винтовку в ту точку, откуда ожидал появления монстра. Кайку стремглав проскочила мимо. Здесь ничего не росло, твердая каменистая почва смешивалась с обломками скал. Кайку заметила место под гребнем, где можно бы спрятаться. Но с равной долей вероятности оттуда мог прыгнуть гхорег.

Тсата догнал ее и повел вперед. Они бежали, пригнувшись, вниз по склону, и каменные уступы скрывали их, но в то же время не давали возможности осмотреться. За гулким стуком сердца и шорохом собственных шагов Кайку слышала, как скачками приближается чудовище, и его тяжелый бег не давал забыть о гигантских размерах зверя. Если они попадут к нему в лапы, он разорвет их на кусочки.

Внезапное исчезновение добычи заставило чудовище остановиться. Тсата и Кайку успели немного оторваться. Склон становился все более пологим, и они очутились в широкой ложине с плоским дном. Здесь в беспорядке громоздились осколки скал. С противоположной стороны высилась естественная стена, в перемешанном свете Арии и Иридимы она казалась бледной и зловещей. Недавно орбиты двух лун стали сближаться. Если в

ближайшие ночи на небосводе к ним присоединится третья сестра, разразится лунная буря.

Кайку метнулась к россыпи валунов. Они на виду. Но если удастся спрятаться и долго не показываться гхорегу на глаза, он прекратит погоню. Гхореги невероятно жестоки и опасны, однако это не самые умные хищники из армии ткачей.

Но Шинту в эту ночь отвернулся от нее. Кайку и Тсата почти достигли спасительной тени гигантских камней, когда на гребне появился зверь. Кайку видела его голову, вжатую в сутулые плечи. Он осматривал лошину. И заметил их. Кайку встретила с ним взглядом, и по спине побежали мурашки. Гхорег с ревом прыгнул и приземлился на дне лошины, с легкостью преодолев добрых двадцать футов. Подошвами ног Кайку ощутила, как содрогнулась земля, когда его мощные лапы коснулись ее.

Гхореги — самые крупные и самые опасные из всех, с кем Кайку и Тсата столкнулись в Разломе. Но больше всего ее пугало их поразительное сходство с людьми. Впервые увидев в ночи косматые очертания и услышав крики, Кайку поняла, что они что-то ей безумно напоминают. И только через несколько дней вспомнила, что от точно таких же существ скрывалась в Лакмарских горах на острове Фо, жалась между камнями и тряслась под снегом, в одиночку идя по следам своего отца в монастырь ткачей. Тогда то были призрачные, неясные силуэты, мелькавшие на горизонте. Теперь, когда у нее появилась возможность рассмотреть их поближе, Кайку поняла, что они еще страшнее, чем она себе представляла.

Их рост достигал восьми футов, но они обычно горбились, следовательно, распрямившись, оказались бы еще выше. Внешне напоминали обезьян. Бегали на четырех лапах, но задние лапы были достаточно большими и толстыми, чтобы гхореги могли на них стоять, что только добавляло им гротескного сходства с человеком. Доминирующей частью гигантского черепа являлись челюсти, достаточно тяжелые, чтобы объяснить привычку сутулиться. Челюсти с острыми передними и тупыми задними зубами напоминали стальные капканы. На подбородке — клочковатый мех. Малень-

кие желтые глазки и мясистые вздернутые носы служили отличным механизмом для поиска добычи.

Плотная серая шерсть покрывала их тела, оставляя голыми грудь, руки и ноги с морщинистой черной кожей. И хотя у гхорегов не было природного оружия, как у других порченных хищников, они возмещали это размерами и мощью. Сила тварей потрясала воображение. И упрекнуть их в медлительности тоже было нельзя.

Когда гхорег прыгнул в лощину и понесся на них, Кайку застыла на несколько долгих мгновений, парализованная ужасом. Тсата потащил ее за собой, и она очнулась.

Они бежали через лощину. Кана кипела внутри Кайку, стремясь вырваться наружу. Она не осмелилась выпускать ее, понимая, что, если сейчас атаковать чудовище, ткачи заметят всплеск силы и сделают все, чтобы найти источник.

Но другого выбора скоро не будет.

— Сюда! За мной! — вдруг выкрикнул Тсата и, внезапно изменив направление, побежал вдоль ущелья, к стене, где камень треснул, и в скале образовалась щель. На пределе скорости Тсата достиг ее и полез вверх. Кайку подоспела к отвесной скале мигом позже и стала карабкаться следом за ним. Винтовка больно била по спине при каждом движении. Лазать по горам было ей не в новинку: Кайку и ее брат Машим соревновались в скалолазании, будучи детьми. Но сейчас она сразу же соскользнула вниз. Страх заставил оглянуться через плечо, и она потеряла еще секунду. Гхорег приближался к ней галопом, и его спутанные волосы хлестали по массивному телу.

— Лезь! — заорал Тсата, и она подчинилась. На этот раз ей удалось всунуть пальцы в трещину в камне и подтянуться, чтобы достать ногой до опоры. Тсата протягивал руку... Слишком далеко. Она подтянулась, схватилась рукой повыше и свободной ногой попыталась нащупать уступ.

— Кайку, давай же!

Носком ботинка она нашла опору, оттолкнулась от нее — и достала его руку. Тсата сжал запястье железной хваткой — на татуированном предплечье проступили вены — и рывком поднял

Кайку навстречу Лапа гхорега вспорола воздух в паре дюймов от ее лодыжки.

Времени на передышку не было. Тсата отпустил Кайку, и они снова побежали. Гхорег мог прыгать, но не на такую высоту. Он не взобрался бы на высокую каменную стену ущелья, но ему не понадобится много времени, чтобы найти другой путь.

Ситуация стала слишком опасной. Не важно, что за связь существовала в действительности между порченными и странными Погонщиками в масках; Кайку прозвала их Связниками. Ясно было одно: ткущие знали, что в их охраняемых владениях что-то не так. И твердо решили это исправить. Кайку и Тсата все больше и больше рисковали, пересекая барьер. Зловещие, зараженные земли вокруг пойменной равнины, где ткущие расставили свои войска, теперь кишели патрулями. Раз за разом им не удавалось подобраться к пойме, не говоря уже о том, чтобы найти какого-нибудь Связника. Убить человека в черной мантии, чтобы Кайку могла понять их истинную природу, представлялось уже почти невозможным. Оба понимали, что долго так продолжаться не может. Рано или поздно их поймают и уничтожат.

А с гхорегом им просто не повезло. Как правило, от них Кайку и Тсата легко уходили: этих существ не назовешь бесшумными, да и следопыты из них неважные. В снежных пустынях, откуда они родом, только чудовищная сила помогала им держаться на верху пищевой цепочки. Но Кайку и Тсата уходили от фурии, которая взяла их след и, торопясь убраться подальше, случайно налетели на гхорега. Кайку всегда твердо верила, что такого промаха Тсата не допустит. Выяснилось, что и ткиурати не чужды ошибки.

Оставалось лишь надеяться, что это открытие не будет стоить им жизни.

— Где он? — задыхаясь, спросила она.

— Там. Недалеко.

«Недалеко» оказалось гораздо дальше, чем предполагала Кайку.

Гхорег заметил их с небольшой скалы. Тсата и Кайку бежали по плоской поверхности. Монстр с воем продолжил погоню. Кай-

ку заметила, что гхореги всегда высматривают добычу с возвышенности, потому что врагов в дикой природе у них нет и они не боятся открыть себя. Она запомнила это на случай, если доведется встретиться еще с одним гхорегом. Чтобы обойти их, лучше всего держаться спасительных скал.

Но теперь было уже слишком поздно. Чудовище мчалось к ним. Они взбирались по склону, из-под их ботинок летели камни и комья земли. На вершине расплзались чахлые заросли зараженных деревьев, недвижимых в лунном свете. Кайку их узнала. Они с Тсатой добрались до барьера.

— Кайку, маска! — крикнул ей Тсата, оглядываясь на плоскую площадку, которую они миновали. Гхорег неотвратно приближался большими скачками.

Они снова побежали, и Кайку нащупала спрятанную на поясе маску. Но она спрятала ее слишком хорошо, а доставать вещь в спешке очень-очень трудно... Маска зацепилась за край одежды и вылетела у Кайку из рук, застучала по камням, хитро косясь на Кайку пустыми глазницами.

Она выплюнула проклятие, еще не веря во все это. Тсата в мгновение ока вскинул винтовку и прицелился в приближающегося гхорега. Кайку метнулась туда, куда упала маска. Гхорег сокращал расстояние очень быстро, а Кайку не знала наверняка, где находится барьер... и успеют ли они туда.

Эта мысль промелькнула в ее сознании последней, прежде чем она схватила маску и надела ее.

Ее захлестнула теплая, мягкая эйфория, и чувство это было сильнее, чем когда-либо прежде. Присутствие отца тоже ощущалось необычайно ярко. Казалось, каждая частичка дерева источает его запах и убаюкивает, как баюкал когда-то на коленях отец. Маска улеглась на лицо, согревая кожу, как рука любовника на щеке.

— Беги!

Вопль Тсаты разорвал очарование мгновения, и Кайку вернулась в настоящее. Маска стала горячей — барьер близко. Она побежала, и Тсата побежал следом за ней, отбросив вин-

товку. Гхорег с ревом неся по коварному склону. Мощные лапы глубоко зарывались в землю и отбрасывали комья каменистой земли.

— Дай руку! — закричала Кайку, оборачиваясь к Тсате. Барьер неожиданно возник прямо перед ними, и Кайку поняла, что он слишком близко, и если Тсата не дотронется до нее, ему не пересечь невидимой границы.

Он среагировал мгновенно, она не успела даже закончить фразу. Ткиурати подскочил к ней и крепко схватил за руку. Гхорег был уже в футе от них. Гигантская туша загородила собой луны. Монстр зарычал, предвкушая победу, и с острых зубов закапала слюна.

Узор расцвел вокруг Кайку, мир превратился в хаос золотого свечения, когда она нырнула сквозь барьер. Тсата мгновенно ослабил хватку, обманутые чувства потянули его вправо. Но она держала его ладонь в своей и не собиралась отпускать. Она потащила его за собой со всей силой, на которую была способна. Тсата спотыкался и шатался из стороны в сторону, все его инстинкты кричали, чтобы он не шел туда, куда его ведут. Несколько шагов — и они вывалились по другую сторону барьера, и Узор стал невидимым.

Тсата стоял на четвереньках, в его глазах отражались потрясность и безразличие, уже знакомые Кайку. Сейчас ее больше интересовал гхорег. Он повернул назад и убежал, словно не заметив жертвы прямо у себя перед носом. Кайку следила за ним, пока он не скрылся из виду в складках серой земли.

Тсата довольно быстро пришел в себя. К этому времени Кайку с неохотой стащила маску. Каждый раз, делая это, она испытывала непонятное чувство вины, словно снимая ее, разочаровывала дух отца.

Лицо ткиурати прояснилось. Он сел на камни и взглянул на Кайку.

— Нам сильно повезло.

Кайку отбросила с лица челку.

— Мы были неосторожны. Вот и все.

— Думаю, — проговорил ткиурати, — пришло время отступить. Мы не можем подобраться к ткущим или к Связникам. Нужно возвращаться в Провал.

Кайку покачала головой.

— Нет. Я хочу узнать больше. — Она встретила с ним взглядом. — А ты иди.

— Ты знаешь, что я не могу.

Она встала и протянула Тсате руку. Он оперся на нее, и Кайку помогла ему встать.

— Похоже, ты ко мне приклеился.

Он долго смотрел на нее, но в лунном свете на его татуированном лице ничего нельзя было прочесть.

— Похоже, что так, — сказал Тсата, и Кайку невольно улыбнулась.

Под стенами Зилы, в прохладном полумраке Чиен ос Мумака лежал на койке в палатке-лазарете. Он то проваливался в бред, то вновь приходил в сознание. Сон не шел. Тело болело так, будто концы костей терлись друг о друга. В палатке, кроме него, никого не было. Чиена окружали приглушенные звуки лагерной жизни: голоса людей, проходивших мимо, сначала становились громче, а потом затихали, лошади фыркали, костры трещали, что-то непонятное скрипело и стучало. Здесь, неподалеку от побережья, с южной стороны города, ночные насекомые трещали не так громко, и темнота несла в себе покой.

В лагере Чиена порекомендовали заботам лекаря. Тот дал ему настой от лихорадки. Чиен слабым голосом потребовал встречи с Бэраком Заном. Лекарь сначала попросту пропустил его слова мимо ушей. Но Чиен настаивал — мол, у него для Зана послание величайшей важности, и Бэрак сильно расстроится, если не получит его незамедлительно. Это заставило лекаря задуматься. Чиен, будучи опытным торговцем, знал, что легче заставить человека что-то сделать, если он думает, что понесет ответственность за бездействие. Однако лекарю, наверное, не очень понравилось, что

кто-то командует им в его собственном лазарете, а кроме того, Чиен был болен, и Бэрак Зан уже отошел ко сну.

— Утром, — раздраженно отозвался лекарь. — К тому времени вы будете в состоянии принимать посетителей. И я спрошу, так ли жаждет Бэрак видеть вас.

Пришлось довольствоваться этим.

Оставшись наедине с собой, Чиен смог обдумать события прошедшего дня. Боги, как умна Мисани... Он не знал, стыдиться ли ему того, как она в конце концов разоблачила его, или же отнестись к этому философски. Вряд ли он отвечает за то, что бормотал во сне. Скорее всего, такова была воля богов, точнее, Миен, богини сна, которая не меньше своего младшего брата Шинту любила пошутить. В таком случае, кто он такой, чтобы винить себя за то, что есть божественное провидение?

Мисани оказалась права. Надо это признать. Он мог помочь ей, только оставив ее в Зиле. Дважды Чиену не удалось защитить Мисани, и лишь по счастливой случайности ей удалось спастись от посягательств подосланных отцом убийц. Он не знал, в какую игру она играет с Заном, но радовался, что отойдет от этих дел, передав сообщение Бэраку. Тогда его обязательства будут выполнены. Если Мисани выживет, то по закону чести Мураки освободит род Мумака от долга перед семьей Колай.

Несмотря на боль и жар, губы его тронула улыбка. Всю свою жизнь он вел трудную войну. Усыновленный ребенок, который хотел быть равноправным членом своей семьи. Позже боги ниспослали его родителям других детей, хотя лекарь не оставил им надежды на это. И каждый день Чиену приходилось утверждать свои права среди братьев и сестер. И даже не будучи столь образованным, воспитанным, утонченным, как его младшие братья, Чиен все равно гордился собой. Он поднял семью из того бедственного положения, в которое ее ввергли его родители. А теперь он собирался освободить род от долга, который отец взял на себя, выбрав любовь, а не политику.

Беспамятство принесло недолгое облегчение. Но внезапно его разбудило движение в палатке. Что-то проникло внутрь. Чиен с

трудом поднял голову, всмотрелся в темноту. Взгляд не фокусировался.

Он никого не видел, но это не ослабило его уверенности, что в лазарете кто-то есть. Мурашки ползли по коже от ощущения чужого присутствия. Чиен приподнялся на локтях, еще раз огляделся в поисках неуловимой тени, которую случайно заметил. В голове прояснилось. Неужели галлюцинация? Лекарь предупреждал, что настой может иметь побочные эффекты.

— Кто здесь? — спросил наконец Чиен, не в силах дольше выносить тишину.

— Я, — отозвался голос у его постели. Чиен вздрогнул от неожиданности. Черная тень у его кровати казалась расплывчатой.

— Вы доставили моему хозяину много неприятностей, — прошипел незнакомец, и Чиен почувствовал, как рука в перчатке зажала ему нос, а между зубами, прежде чем он успел закрыть рот, ему сунули горлышко пузырька. Чиен заметался, попытался закричать... В рот вылилась какая-то жидкость. И тут же другая рука зажала губы так, чтобы он не смог выплюнуть зелье. Он невольно проглотил жидкость, чтобы освободить дыхательные пути, и только потом понял, что наделал.

— Хороший мальчик, — сказала тень. — Все выпил.

Чиен прекратил метаться по постели. Глаза его расширились от ужаса. Новая волна дремоты распространялась по телу, и мускулы наливались свинцом. Грудь стала слишком тяжелой, чтобы подниматься. Голова откинулась на подушку. Смертный сон снизошел на него. Чиен даже не успел ему воспротивиться.

Через несколько секунд он уже совсем затих. Черные расширенные зрачки смотрели в темный потолок палатки-лазарета. Дыхание, ставшее поверхностным, совсем прекратилось. Незнакомец отнял руки от лица Чиена.

— Вверяю тебя, Чиен ос Мумака, Омехе и Нокту, — пробормотал убийца и опустил веки торговца. — Пусть в Золотом Царстве тебе повезет больше.

С этими словами тень исчезла, выскользнула из палатки, чтобы вновь принять облик солдата из войска Бэрака Мошито. Бэ-

рак Аван ту Колай сейчас находился далеко на севере, но у него были очень, очень длинные руки.

В темноте остывало тело Чиена. Утром эту смерть спишут на лихорадку. Обещание так и осталось невыполненным.

Рекай ту Танатсуа, зять сарамирского императора, забился в угол заброшенной лачуги и рыдал над волосами сестры.

На закате он пересек Ран и прошлую ночь провел в пути. Мост на Восточном пути представлял большую опасность, но Рекай без труда нашел паромщика. Пожалуй, за эту милость стоило благодарить богов, но Рекай не мог. Страдание заполнило душу, и он плакал, укрывшись в старой хижине полевых рабочих. Воздух пах отсыревшим сеном убогой постели и ржавыми серпами, стоявшими у дощатой стены. Лошади фыркали тут же. Им было неудобно в тесном помещении, но Рекай не осмелился оставить их снаружи, а изможденным животным действительно требовался отдых. Они жевали овес из мешков и не обращали на него никакого внимания.

Он скакал весь день и почти всю ночь, но о сне и речи не шло. Рекай не заботило даже, будет ли он вообще когда-нибудь спать. Такая боль не ослабнет. Такое горе не пройдет. Как жесток этот мир! Именно в тот момент, когда он нашел свое пылкое счастье с Азарой, судьба отняла у него все и бросила в ночь, заставила покинуть сестру и возложила на его плечи страшный груз ответственности. Рекай не позволял себе вспоминать, в каком бедственном положении оставил Ларанию. Это было бы оскорблением по отношению к той женщине, которой Ларания была — до того, как ее избил Мос. Сильнейшая агония не давала дышать, от физической боли в животе и груди его сгибало пополам.

Тогда Рекай еще не знал, что сестра мертва.

Она сказала, что его будут искать. Сделают все, чтобы остановить. Мос преступил границу. И этим сказано все. Рекай еще не понимал, еще не знал, что намеревается делать Ларания, не знал, как она выставила напоказ слугам свое унижение и дала пищу ненссякаемым слухам, как хотела пожертвовать жизнью, чтобы увериться, что отмщение настигнет Моса. Рекай не думал, что Мос

отважится взять его в плен. Император совершил гнуснейший поступок, но похищение — совсем другое дело.

И сейчас это не имело значения. Рекай наматывал на руку черные волосы сестры. Она обязала его привезти их отцу. На нем лежал теперь долг чести, который скоро подвигнет к действиям дом Танатсуа. И Танатсуа, одна из сильнейших семей Чом Рин, призовет другие семьи на помощь. Во имя Суран. Рекай не сомневался, что под знаменами его отца соберется великая армия.

Народ пустыни жил традиционно замкнутой жизнью, интересовался только делами в пределах своих земель и не вмешивался в политику запада. Императоры и императрицы этому только радовались. Даже имея своей опорой ткачей, управлять пустыней было нелегко. Те, кто жил на плодородных равнинах по эту сторону Чамильских гор, мало знали о детях Суран. На огромной территории Сарамира умудрялись сосуществовать совершенно чуждые друг другу культуры.

Рекай держал в руках ключ к войне. Он не хотел такой ответственности. Но уклониться от нее — означало предать сестру, пострадавшую от рук человека, которого она любила. Его собственная беда не значила ничего по сравнению со страданиями Ларании, но и в этом Рекай не находил утешения. Казалось, он никогда не перестанет плакать; мучительные конвульсии сотрясали тело, как при рвоте, и в душе его поднимались из какой-то бездонной пустоты вина, стыд, ненависть и скорбь.

Поглощенный горем, Рекай не услышал, как открылась и закрылась дверь хижины. Не услышал, как кто-то подошел к нему. Он отпрянул от прикосновения к плечу и еще глубже вжался в угол, трясаясь от страха перед тенью, которая склонилась над ним.

— О Рекай... — проговорила Азара.

Услышав ее голос, он заскулил и обхватил руками ее ноги. Рыдания нахлынули с новой силой. Она опустила на колени подле него, обняла и позволила ему прижаться к себе. Во тьме он цеплялся за нее, как за мать, которой никогда не знал, а она гладила его по голове. Они долго сидели так. Лошади фыркали и тихонько ржали. Закрытая на щеколду дверь поскрипывала под порывами осеннего ветра.

— Почему ты здесь? — выговорил Рекай в конце концов и благоговейно прикоснулся к ее лицу, будто она была каким-то божеством милосердия, пришедшим спасти его.

— Неужели ты думаешь, что тебе одному это под силу? Я читала твои следы легко, как если бы ты оставил мне карту. Если смогла я, смогут и другие. Без меня тебя поймают до заката следующего дня.

— Ты пришла за мной, — прорыдал он и снова обнял ее.

Азара нежно его оттолкнула.

— Успокойся, ты уже не ребенок.

Ее слова ранили, и на опухшем от слез лице отразилась обида.

— Нужно идти, — твердо сказала Азара. В темноте Рекай видел только силуэт женщины, но глаза ее странно сверкали. — Здесь слишком опасно. Я поведу тебя коротким путем, дорогами, которыми мало кто ездит. Позабочусь, чтобы ты выполнил долг перед сестрой.

Рекай не без труда поднялся на ноги, и Азара тоже встала. В глаза словно песку насыпали, из носа текло. Пристыженный, он провел по лицу тыльной стороной ладони.

— Если тебя поймают, то, возможно, казнят.

— Знаю. Поэтому сделаю так, чтобы нас не поймали.

Рекай громко шмыгнул носом.

— Тебе не следует здесь быть.

— Но я здесь.

— Почему? — снова спросил он, потому что в первый раз она ему не ответила.

Азара подарила ему быстрый поцелуй.

— А вот эту загадку тебе придется разгадывать самому.

Они вывели усталых лошадей туда, где ждали кони Азары, и устремились в ночь. Потом она расскажет ему, что Ларания покончила с собой. Но сейчас главное добраться до владений его отца. Убедиться, что волосы Ларании попадут в нужные руки. Позаботиться о том, чтобы началась война.

Они скакали через поля и болота. Взгляд Азары не выражал никаких чувств, но думала она об убийстве императрицы.

Изначально Азара не собиралась никого убивать. Кайлин послала ее в Аксеками, чтобы следить за событиями в императорской семье. Просочились слухи об усиливающемся безумии Моса, и Кайлин считала, что скоро что-то произойдет. Она хотела, чтобы Азара оказалась поблизости, когда узел начнет затягиваться. Азара проникла в крепость всего за несколько дней до маленького разногласия в семье императора.

Для непревзойденной шпионки проникнуть в крепость — и в постель застенчивого юноши — не составило никакого труда. Она лишь выглядела молодой, а в действительности уже прожила десятки лет. Много повидала на своем веку и многое узнала. Войти в круг поэтов, драматургов и музыкантов, которыми Ларания окружила себя, оказалось легко. Она обладала гораздо большими знаниями, чем большинство этих юнцов. Слухи об Эзеле и Ларании привели Азару к Рекаю. И она хорошо подготовилась к первой встрече с ним. Соблазнить мальчика, неопытного в отношениях с женщинами, — ей не пришлось даже стараться.

Затем императрица... Рекай говорил про кошмары, которые мучают Моса. Войска дома Керестин набирают силу. Грядет голод. Оставалось только сложить вместе кусочки головоломки, добавив туда сведения, добытые Сараном Иктисом Марулом. Вывод напрашивался сам собой. Ткачи возбуждали в душе Моса ревность и этим сводили правителя с ума. Они хотели заставить его поднять руку на жену.

Они хотели втянуть пустыню в войну. И, следовательно, Азара сделала именно это. Когда ей представилась возможность, она не колебалась ни минуты.

Одно Азара знала точно — при нынешнем положении вещей Либер Драмах не сможет одержать победу над ткачами. И не сможет через десять лет. И, возможно, этого вообще никогда не произойдет. В тот момент, когда Люция явит себя миру и заявит о своих правах на трон, ее убьют. Вся мощь ткущих обрушится на Либер Драмах и сметет ее. Люция не получит империю.

А вот ткачи могут получить. При небольшой поддержке Азары.

Глава 26

Штурм Зилы начался глухой ночью.

Тучи, набежавшие на побережье с запада, к закату укрыли небо плотным одеялом, и когда солнце опустилось за горизонт, сгустилась кромешная тьма. Не светили звезды, Ария полностью скрылась за тучами, а Иридима казалась только размытым грязно-белым пятном на небе. Свет ее не достигал земли. И начался дождь.

Сначала — всего несколько капель, как предупреждение, упали на каменный город. А потом разразился ливень. Потоки воды лились с неба, крупные капли шипели на факелах и барабанили по лезвиям мечей.

Вооруженные часовые шурились на кольцо лагерных костров вокруг осажденной Зилы. Они мигали, как маяки в непроглядной тьме, и ничего не освещали. В конце концов напористый дождь, промочивший людей до нитки, затушил и их тоже.

Зила ждала атаки уже много часов. Огни в окнах и висячие фонари украшали город, как драгоценные камни корону, яркие искорки в наполненной дождем черноте.

Первым заметил, что что-то не так, писец, образованный человек, которого, как и многих других, подхватил и понес поток событий. Он не представлял, куда ведет его судьба и как выплыть против течения. Какой-то непонятный для него орган власти записал его в часовые, и писец подчинился этому приказу без лишних вопросов. Теперь же он вымок насквозь и чувствовал себя очень несчастным. Он сжимал в руках винтовку, из которой не умел стрелять, и все ждал, когда из бездны за стенами пропасти прилетит стрела и вонзится ему в лоб.

Возможно, именно эти мысли заставили его быть более внимательным, чем другие, стоявшие в эту ночь на карауле. Несколько ночей бездействия убедили их, что перед настоящим сражением будут тянуться долгие переговоры и приготовления. Пыл восстания уже поостыл. Люди готовились провести осень и зиму в Зиле, ставшей теперь ловушкой. А что еще оставалось делать? Им не

особенно нравилась перспектива сдаться на милость солдат, даже если бы и удалось покинуть город. Некоторые думали, а не лучше ли было позволить Наместнику набивать закрома и попробовать пережить голод. Товарищи напоминали им, что так легко рассуждать, когда брюхо сыто, а если бы они сейчас голодали, то запели бы по-другому. В Зиле много еды, во всяком случае, больше, чем снаружи...

Многие, как и писец, дивились тому, как их угораздило попасть в эту мясорубку, и не знали, как теперь сберечь свою шкуру.

Писец как раз размышлял об этом, когда в ровном шуме дождя проступили и другие звуки. Порывистый ветер то и дело окатывал его рваными струями теплого дождя, и один из порывов принес вдруг то ли скрип, то ли визг колеса. Робкий писец постеснялся рассказать другим часовым о том, что услышал, и предпочел ждать. То и дело ему слышались слабые отзвуки, которые приносил ветер. И в душе нарастало чувство, что творится что-то неладное. Мимолетный шум мог бы быть плодом воображения, если бы писец таковым обладал. Но он был благоразумным, практичным и не склонным к фантазиям человеком.

В конце концов он поделился своим беспокойством с парнем из ближайшего караула. Тот выслушал и скоро доложил своему офицеру, так сведения дошли до начальника караульной службы. Тот потребовал, чтобы писец отчитался о том, что слышал. Нашлись и другие, кто его поддержал — мол, и они тоже кое-что слышали. Люди упорно вглядывались во тьму, но ночь за завесой дождя стояла непроглядная.

— Запустить ракету! — скомандовал начальник. Ему не особенно хотелось это делать, он боялся понапрасну переполошить своих, а заодно и чужих. Но еще больше пугало нарастающее беспокойство, которое ползло вверх по позвоночнику.

Через несколько минут ракета с пронзительным свистом рассекла небо. За ней потянулась тонкая струйка дыма. Свист затих, а над Зилой распустился, подобно цветку, ослепительный сияющий шар. Свет затопил склон холма.

И люди испугались увиденного.

У подножия кишмя кишели солдаты. В свете фальшивого солнца они замерли, как фигуры барельефа. Поверх кожаных доспехов каждый надел плащ из черного брезента, и с такой маскировкой они покинули свой лагерь и незамеченными пересекли пространство, на котором жители Зилы могли расстрелять их из луков и пушек. Люди в мокром брезенте походили на жуткого вида жуков с блестящими черными надкрыльями, которые ползли к стенам города. Враги тащили с собой мортиры, лестницы и собственные пушки. Неожиданность открывшегося пугала сама по себе. Так пугаются, сняв повязку и обнаружив в ране копошащихся червей.

По склизкому холму карабкалось около трех тысяч воинов.

Поднялся большой переполох — и в городе, и в наступающем войске. В свете угасающей ракеты солдаты сбрасывали с себя брезентовые плащи и стягивали чехлы с огневых пушек, отлитых в форме скалящихся псов или кричащих демонов. Тьма опустилась вновь и скрыла наступающих. А усыпанной огнями Зиле спрятаться было негде.

Били в набаты. Выкрикивали приказы и предупреждения. Мужчины отшвыривали в сторону игральные кости, шары, жаркое и хватались за оружие, которое так небрежно побросали у стен.

Огневые пушки дали залп.

Темнота у подножия холма вновь рассеялась, точнее, была разорвана вспышками: железные пасти выплевывали пламя, каждый раз на миг освещая войска противника. Зажигательные ядра медленно, лениво перелетали через городские стены, вращались, и сквозь трещины в металлической «скорлупе» вытекал жидкий огонь. Они пробивали крыши домов, катились по улицам, выбивали куски стен. От сильного удара снаряды взрывались и разбрызгивали густое вещество, которое вспыхивало на воздухе. Пламя ручейки растекались по мостовым, и дождь не мог их погасить. Темные дома там и здесь превращались в костры, потому что внутри них полыхала мебель. С жутким воем металась по улицам, превращаясь в факелы, мужчины, женщины и дети с обугливающейся кожей.

Первый залп посеял в городе ужас, боль и смерть. Второй не заставил себя ждать.

Баккара вскочил с постели еще раньше, чем затих визг первой ракеты, а когда ударили пушки, уже застегивал свои кожаные доспехи. Мисани проснулась вместе с ним, но не поняла, что значил запуск ракеты. Однако когда раздались взрывы, она и сама была на ногах. Баккара подбежал к окну и распахнул ставни. Она быстро надела платье и заплела волосы в тяжелую косу, которую завязала у основания узлом.

Баккара разразился грязными ругательствами, взглянув на крыши Зилы. Пламя уже разгоралось.

— Я знал, что будет так, — проскрежетал он. — Будь они все прокляты! Знал!

Отвернувшись от окна, он увидел, как Мисани завязывает сандалии. Обычно она собиралась очень долго, но, когда особого шика не требовалось, могла одеться за минуту.

— И куда это ты? — рявкнул он.

— С тобой.

— Женщина, предупреждаю, у меня нет времени с тобой возиться.

Оглушительный удар сотряс комнату. Баккара оступился и схватился за комод, чтобы не упасть. Обстреливали крепость. Заряды огневых пушек, конечно, не пробьют стены такой толщины, но по камню уже струились и стекали во двор полыхающие ручейки.

— Я не собираюсь здесь оставаться. Крепость — самая заметная цель во всем городе, — ответила Мисани. — Иди и не беспокойся обо мне. Я сама о себе позабочусь.

Она не смогла бы сказать наверняка, почему ей понадобилось быть сейчас рядом с ним. Разве что напугали взрывы, и не хотелось оставаться одной и думать, какая же судьба постигнет город.

— Нет, ты совершенно права. — Баккара мгновенно успокоился. — Для тебя найдется место побезопаснее.

Мисани собиралась спросить, что он имел в виду, но не успела. В комнату, бормоча проклятия, ворвался Кседжен. Видимо, он не спал — волосы лежали аккуратно, на лице ни полоски от

подушки. Мисани, долго наблюдавшая за главой Айс Маракса, поняла, что он страдает хронической бессонницей.

— Что они творят, что они творят?! — завопил Кседжен. Он заметил Мисани и с явным удивлением взглянул на Баккару. Очевидно, не знал, что он спит с госпожой Мисани. — Баккара, что они...

— Они атакуют нас, идиот, как я тебе и говорил! — заорал Баккара. Он оттолкнул Кседжена от двери и вылетел в коридор. Кседжен и Мисани устремились за ним. Баккара почти бежал, на ходу пристраивая на поясе ножны. Снаружи отрывисто шелкали винтовки: люди на стенах сумели собраться и организовать хоть какую-то оборону.

— Мы же вели переговоры! — ярился Кседжен. Чтобы успевать за Баккарой, ему приходилось бежать. — Неужели им плевать на заложников? Они что, собираются спалить императорский город дотла?

— Если потребуется — да, — сурово отозвался Баккара.

Будучи солдатом, он привык к тупости командиров и даже почти с нею смирился. Но правила войны таковы, что младший всегда подчиняется старшему — даже если считает себя умнее. В глубине души Баккара рассчитывал, что Бэраки Зан ту Икэти и Мошито ту Винаксий не осмелятся на штурм, но предупреждал Кседжена, что и такой вариант возможен.

Кседжен не принимал его предостережений всерьез. Он был уверен, твердо уверен, что войска империи будут держать осаду, тянуть время, ждать, пока мятежники остынут, устанут, разочаруются и станут сговорчивее. Боевой настрой их пошатнется, и тогда Бэраки попробуют договориться с самими горожанами. В худшем случае, предпримут попытку штурма, но их наверняка отбросят, потому что положение на холме дает Зиле массу стратегических преимуществ. У императора руки связаны, он не захочет нанести городу серьезный ущерб и убить тысячи простых сарамирцев. Особенно когда положение его столь шатко.

Если у Кседжена и был какой-то дар, то это дар убеждения. Он умел вдохновлять людей, умел сеять в их душах сомнения. И он планировал в те недели, на которые затянутся переговоры, рас-

пространять свое учение, дать жителям Зилы веру, цель, которая сделала бы их непоколебимыми. Он ставил на генералов противника, которые не захотят затевать сражений, экономя силы для грядущей гражданской войны.

Кседжен мыслил своими собственными понятиями и считал — фатальная ошибка! — что все умные люди думают так же. В конце концов, здравый смысл есть здравый смысл, кто с этим поспорит? Кседжен считал, что его ждет война идеологическая. И ошибался.

Они выбежали из башни. Снаружи царил хаос: вопли, пламя, ливень. Все трое инстинктивно пригнулись, когда над их головами пролетел снаряд и разорвался над дальней частью Зилы, окатив крыши огненным дождем. Баккара выругался и помчался вниз по каменным ступеням. Волосы его промокли в мгновение ока. Улицы кишели людьми: они бежали, звали друг друга, в панике искали укрытия. Огонь освещал перепуганные, искаженные страхом лица.

Ближайшая площадка располагалась в двух пролетах лестницы. Там стояли несколько стражников, профессиональных солдат, которым хватило ума не покинуть свои посты даже под таким обстрелом. Баккара хлопнул одного из них по плечу.

— Достань еще людей! — торопливо проговорил он. — Рано или поздно горожане сообразят, что самое безопасное место в Зиле — крепость, и захотят прорваться вовнутрь. Не впускай их. Нам нужно, чтобы они сражались, а не прятались по норам.

Стражник отсалютовал ему и начал отдавать приказы. Баккара не медлил. Он направлялся к южной стене, откуда уже доносились звуки битвы.

Опытные воины из Айс Маракса знали, как нелегко будет собрать из крестьян и ремесленников толковую оборонительную силу, но такой неорганизованности даже они не ожидали. Бэраки разработали бесподобный план. Они посеяли смятение и панику в массах невероятно яростной атакой. Огневые пушки без разбору, не целясь, забрасывали город зажигательными ядрами. Мортиры рассекали воздух снарядами, которые выбивали куски каменной кладки

и несли серьезную угрозу для крепостных стен. Люди в Зиле приготавливались сражаться, но это было не сражение. Это была бойня.

Или так казалось. В действительности жертв было гораздо меньше, чем могло бы быть при таких разрушениях. Баккара и ему подобные это знали. Враг хотел создать видимость большого ущерба. Под дождем огонь не распространялся особенно далеко, а наружная стена нисколько не потеряла своей надежности. Но горожане видели, как горят их дома, а семьи мечутся в ужасе. И многие покинули свои посты, чтобы спасти близких от предполагаемой страшной опасности.

Потребовалось много, очень много времени, чтобы зарядить собственные пушки и дать ответный залп. Пылающие ядра летели в строй противника, и ровные ряды солдат рассыпались. В небе свистели ракеты, превращаясь в ослепительные белые факелы и освещая сцены происходящего. У подножия холма солдаты месили сапогами землю, пробираясь к городу под градом стрел и пуль. Они прикрывали головы щитами. В Сарамире редко пользовались щитами, за исключением ситуаций, подобных этой, и их отливали очень тяжелыми, чтобы они могли защитить от пуль. По краям построений люди падали, но центр держался. Под прикрытием щитов несли лестницы. Слышно было, как издалека приближается зловеющий скрип. Осадные машины. Прибывало подкрепление, не участвовавшее в первом ударе.

Но хуже всего в этой неразберихе оказалось то, что все внимание защитники города обратили на юг, и никто не озабочен тем, что происходит на севере, со стороны реки.

Кромешная тьма и дождь, которые так удачно прикрыли наступление войск Бэраков, помогли другим солдатам беспрепятственно переплыть Зан, колонной подняться на крутой холм по лестнице, идущей от пристани, и построиться вдоль стены.

И дело не в ослабшей бдительности защитников северной стороны. Просто ничего не было видно. Артиллерийский обстрел и поднявшийся хаос повергли самых нервных в панику. Приказ начальника караульной службы запустить осветительные ракеты на севере Зилы где-то в суматохе затерялся. А пока начальник тщетно ждал его выполнения, случилось страшное.

Малые северные ворота с внутренней стороны охраняли четверо стражников. Массивные, с заклепками, обшитые железом ворота из-за своей толщины и небольших размеров были практически непробиваемыми. Холм почти отвесно обрывался вниз, к южному берегу Зана, что делало безумием любую попытку штурма с этой стороны. Врагам пришлось бы подниматься по высокой лестнице, потому что заросший травой склон шел почти под прямым углом, что делало его непреодолимым препятствием, особенно под проливным дождем. А поднимаясь по лестнице, солдаты превратятся в легкие мишени, чем бы ни «угостили» их сверху стражники. Вдоль стены бежала узкая полоска земли, где пришлось бы тесниться нападающим. Тут на них и стали бы лить горящую смолу. И только горстка билась бы в ворота — безуспешно, разумеется. Даже таран не помог бы: перед воротами не хватало места для маневров стенобитного орудия.

Гайри стоял в караулке с тремя товарищами. Светильники с горем пополам рассеивали мрак в маленьком помещении. Часовые прислушивались к крикам, взрывам и треску пожаров. Гайри был профессиональным солдатом, однако характер его совершенно не подходил для этой профессии. Ему не нравилось драться, и он легко мог обойтись без воинского братства, которое так высоко ценили другие. Большую часть своего времени он занимался тем, что искал для себя место, где вероятность лишиться жизни была бы наименьшей. Он считал, что на этот раз ему крупно повезло.

Гайри заподозрил неладное, когда голову сдавили спазмы. Сначала — ничего особенного, просто легкая тупая боль, которая должна была бы пройти через минуту. Но вместо того, чтобы ослабевать, она только усиливалась. Он прищурился и быстро заморгал правым глазом.

— Ты в порядке? — спросил один из стражников.

Гайри был совсем, совсем не в порядке. Агония становилась нестерпимой. Он раздирал правый глаз пальцами, повинаясь извращенному инстинктивному желанию дотронуться до больного места. Но болело внутри головы, будто в черепе рылся какой-то

маленький зверек. Он увидел, как нахмурился другой стражник, не из-за Гайри, а как будто его внезапно посетила важная мысль, которую страшно упустить.

Это же выражение появилось и на лицах других: они будто внимательно к чему-то прислушивались. А потом тот стражник, который задавал Гайри вопрос, обнажил меч.

— Ты не с нами, Гайри, — сказал он.

Глаза Гайри расширились, когда он понял.

— Нет, остановитесь! О боги! Ткач! У них там ткач!

Лезвие пронзило его грудь. Он больше ничего не успел сказать или сделать.

Один из трех оставшихся стражников, которые легко отреагировали на вторжение ткача, погасил фонари и отпер ворота. Снаружи дышала ночь и шумел ветер. Едва поблескивала угловатая, расколотая, зазубренная маска из золота, серебра и бронзы. Позади сгорбленной фигуры ждали солдаты в черных брезентовых плащах с мечами наготове. Они наводнили собой караулку и, проходя, резали несчастных марионеток.

Никем не замеченные, они просачивались в Зилу.

— Доложи! — проревел Баккара, сиюсья перекрыть треск горающей древесины и оглушительный грохот взрывов.

— Они повсюду! — закричал в ответ начальник караульной службы, мужчина среднего возраста с обвислыми мокрыми усами. — Подошли к стенам и готовят лестницы. Третью наших людей покинули посты и теперь, как идиоты, мечутся по городу.

— И вы их не остановили? — не поверил Баккара.

— Как? Убивать, что ли? Кто станет их резать и расстреливать? Горожане не будут, а если Айс Маракса начнет репрессии, то скоро мы останемся даже без этой жалкой обороны. — Начальник, казалось, уже со всем смирился. — Люди не станут бороться, если не захотят. Мы подняли восстание, но не создали армию.

— Но если они не будут драться, их убьют! — выпалил Кседжен.

Он вместе с другими укрылся под деревянным навесом пустого трактира неподалеку от южной стены. По улицам бежали люди. Вспышки то и дело освещали их лица. Мисани слушала разговор вполуха. Держалась она, как всегда, невозмутимо, но в душе поселился холодный страх. Вокруг бесновался хаос, в любую секунду их могли спалить дотла, и нервы Мисани едва не рвались от напряжения. Ей отчаянно хотелось повернуть назад, в крепость. Напрасно не осталась там... Сквозь дождь она видела каменную громадину, возвышающуюся в центре города. Шершавые стены потемнели от копоти, как раны, зияли выбоины, однако крепость казалась Мисани стократ безопаснее, чем место, где она находилась в данный момент. Страх привел ее сюда: не хотелось оставаться одной в обстреливаемом из пушек здании. Но Мисани ничего не знала о войне, и теперь ее поразила жестокость битвы. Дважды их едва не убило зажигательным снарядом, несколько раз на пути попадались обугленные или развороченные трупы. Такие ужасы Мисани видела не впервые: когда-то она стала свидетельницей взрыва на Рыночной площади в Аксеками. Но то был краткий миг опасности, а сейчас снаряды летели и летели. И рано или поздно один из них попадет в нее.

Начальник караула сурово смотрел на Кседжена.

— Они предлагают людям сдаться и обещают им свободу. Где-то там можно услышать Бэрака Мошиго.

— Это невозможно! — завопил Кседжен.

— Ткачи, — пояснил Баккара. — Они могут передавать на расстоянии голос человека. Когда я воевал в Новых землях, генералы так обращались к войскам. Там было две тысячи человек, и каждый слышал командира так, будто тот стоял прямо перед ним.

— Ткачи? — растерянно взвизгнул Кседжен.

— А чего вы ждали? — усмехнулся солдат.

— Баккара, ты нам нужен на стенах, — сказал начальник караула. — Тут полная неразбериха. Люди не знают, как вести себя при массированной атаке.

— Никто не сдастся! — некстати вскричал Кседжен. — Всем скажите! Не важно, что там болтает Мошито! — Он фыркнул. — Я пойду на стены и сам скажу им об этом!

Начальник неуверенно посмотрел на Баккару.

— Вы хотите возглавить оборону? — обратился он к Кседжену.

— Да. Таков мой долг, — ответил тот.

— Кседжен... — начал Баккара, но осекся. Однако Мисани не могла позволить ему подчиняться Кседжену. Не здесь и не сейчас. Страх не мешал ей видеть: вопрос о том, в чьих руках власть, решается в эту минуту. И пришло время качнуть чаши весов.

— О боги, Кседжен, пусть он делает свое дело! — отрезала она жестким, презрительным тоном. — Он — человек, который должен вести этот бой, а не вы!

Баккара удивленно вскинул брови, переводя взгляд с Мисани на Кседжена.

— Идите в бункер. Здесь вы ничем не сможете помочь, — сказал он.

— Я должен быть здесь! — тут же запротестовал Кседжен.

Но теперь это был вопрос чести. Мисани все верно рассчитала. Отдает Баккара себе в этом отчет или нет, но в присутствии своей женщины он не даст слабину. Даже если определение «его женщина» — очень неточное.

— Если вас сейчас убьют, этим вы не послужите Люции! — рявкнул Баккара. — Это и вас касается, госпожа Мисани. Это не ваша битва. Если вас поймают, то убьют, не посмотрят на знатное происхождение.

— Лестницы! — кто-то закричал вдалеке. — Они ставят еще лестницы!

Начальник караула требовательно смотрел на Баккару.

— Ты нам нужен, — повторил он. — Они штурмуют стены!

— Идите же! — заорал Баккара Кседжену, потом повернулся и побежал вслед за другим солдатом.

Кседжен и Мисани стояли под навесом. Дождь стекал с него, капли разбивались о мостовую, ноги обдавало брызгами. Баккара

не оглядывался. Кседжен, казалось, мгновенно утратил чувство направления. Заметив выражение его лица, Мисани поняла, что если они переживут эту битву, то все изменится. Баккара, сам о том не подозревая, сделал большой шаг, чтобы стать лидером Айс Маракса. А Кседжен многое потерял. Это должно сослужить Мисани хорошую службу.

— Нужно сделать, как он сказал. — Мисани сама удивилась, как спокойно звучит ее голос, хотя все, чего она хотела — это забиться в какую-нибудь щель. Баккара еще раньше упоминал о бункере, небольшом помещении из нескольких комнат под землей. Айс Маракса наткнулись на его описание, когда рылись в бумагах поверженного наместника. Там можно скрыться от снарядов.

Раздосадованный, Кседжен сплюнул на землю и зашагал туда, откуда они пришли.

— Идите за мной! — бросил он Мисани.

Они торопливо шли по мрачным улицам Зилы. Высокие дома угрожающе надвигались на них. Кседжен и Мисани удалялись от главных артерий города, пробирались узкими переулками, соединявшими радиальные улицы. Полыхающие груды камня во многих местах преграждали путь, из окон домов вырывались языки пламени. Толпа людей стремилась в противоположном направлении. Кто-то узнал Кседжена. К нему обращались с мольбами о помощи, будто он мог это остановить. Он велел им подняться на стены и сражаться, если у них есть хоть капля гордости. На него недоуменно посмотрели и поспешили прочь. В происходящем они видели только безнадежность.

Даже страх не мешал аналитической части сознания Мисани изучать Кседжена. Такой поворот дел взбесил его. Его предали малодушные горожане и Баккара. Но по его манере поведения Мисани видела, что он все еще свято верит в свой план: не важно, насколько все плохо, стены Зилы выдержат в любом случае. Он сыпал проклятиями на ходу, бормотал что-то гневное, видя, как люди уводят свои семьи подальше от горящих домов. Горожане не

видели спасения в том, чтобы сражаться за свой город, а он искренне этого не понимал.

И тут Мисани ясно поняла — вера в свою правоту ослепила его. И он потерпел поражение. Айс Маракса несла в себе опасность не только для империи, но и для Либеры Драмах. Заэлис знал об этом с самого начала. Эти люди, ведомые энтузиазмом, не думали об осторожности и тщились совершить невозможное. Удача привела их в город, готовый к свержению недалёковидного и жадного наместника. Однако ни сил, ни опыта, которые помогли бы с этим городом управиться, удача им не подарила. И Айс Маракса столкнулись с двумя сведущими в военном деле Бэраками и проверенными генералами.

Мисани разыгрывала партию, чтобы повернуть эту ситуацию в свою пользу, но события разворачивались слишком быстро. Где Зан? Решил проигнорировать сообщение? О боги, неужели он не понял, как это важно? Мисани пообещала себе, что если переживет эту ночь, то обязательно найдет возможность выбраться из Зилы живой. Если переживет ночь...

Она обдумывала, как бы это сделать, когда бомба со страшным ревом угодила в ближайший дом, и весь фасад обрушился на улицу.

Если бы не молниеносная реакция Кседжена, Мисани бы не спаслась. Он заметил снаряд за мгновение до того, как тот ударил в стену, и, схватив Мисани за рукав, метнулся в открытую дверь дома напротив. Оглушительный грохот. Слепящая вспышка. Сильнейший удар. Мисани отбросило бы назад, но Кседжен затащил ее внутрь. Участок улицы, на которой она стояла мгновение назад, превратился в мешанину камня и древесины.

Вся комната заполнилась пылью. Она забивалась в легкие и не давала дышать. Глаза слезились, и Мисани едва могла различить силуэт Кседжена.

А потом раздался треск ломающегося дерева, и зловеющий стон прокатился по дому. Мисани только-только успела понять, что была на волосок от смерти и чудом спаслась, когда услышала, как

что-то страшно трещит сверху, и поняла, что еще не спасена. Живот болезненно сжался...

Последние балки не выдержали, и потолок рухнул на нее.

Меч Баккары прошел по дуге, рассек ключицу врага и почти отрубил голову. Руки убитого, цеплявшиеся за лестницу, разжались, и он рухнул на своих товарищей. Несколько солдат с воплями полетели вниз, на поднятые щиты своих соратников. Баккара вместе с другим солдатом схватился за край приставной лестницы и оттолкнул ее от парапета. Она качнулась и опрокинулась на головы войскам, штурмовавшим южную стену Зилы. Люди сыпались с нее, как спелые фрукты. Нескольких бедолаг лестница придавила собой.

— Ну?! Где же вы?! — яростно прокричал Баккара и побежал туда, где другая лестница уже злоежась кляцнула о парапет.

Все, на что были способны оставшиеся защитники, это не позволять противнику подняться на стены. Где-то на краю сознания проскочила мысль, что артиллерия Зилы замолчала. Войска Бэраков теперь атаковали безбоязненно.

На невысказанный вопрос ответил человек из Айс Маракса, такой же усталый и опытный, как и сам Баккара.

— Эти трусы покинули стены, — возмутился он. — Кто-то побежал к семье, кто-то захотел капитулировать. Они намерены прятаться, пока все не кончится, будь они прокляты всеми богами.

Баккара выругался. Катастрофа. Горожане уже сдались. Вид своих горящих домов и явное превосходство противника полностью лишил их присутствия духа. Можно было бы выстоять — вместе. Для этого требовалось единство и дисциплина. В армии оборванцев, набранной Кседженом из крестьян, остро не хватало и того, и другого.

Возможности развить эту мысль не представилось, потому что появилась еще одна лестница, и на каменный парапет спрыгнули двое солдат и ринулись на него. Меч Баккары взметнулся, встретил опрометчивый верхний удар первого; матерый воин с силой ударил его ногой в колено и почувствовал, как подались кости под

сапогом. Враг взвизгнул и инстинктивно схватился за сломанную ногу. Баккара тут же отсек голову беззащитному недотепе. Тот рухнул на землю; кровь из разрубленной шеи хлестала фонтаном. Равнодушный ко всему, ливень смывал ее с камня крепости.

Воин Айс Маракса по имени Храджай уже обезвредил второго, и они вместе с Баккарой опрокинули лестницу, прежде чем кто-то еще успел подняться.

Баккара мрачно осмотрел стену. Слишком мало людей, слишком мало... Большинство из них состояли в Айс Маракса. Простой люд полностью предоставил дело обороны им. В свете фонарей Баккара видел крошечные группки солдат, которые отчаянно набрасывались на прибывающие войска противника. Но те казались неиссякаемыми, а защитники теряли силы.

Чтобы держать оборону на таком периметре, катастрофически не хватало людей.

— Баккара! — закричал кто-то. Баккара обернулся. К нему бежал взъерошенный человек. Лицо показалось знакомым, но имени его Баккара не вспомнил.

— Надеюсь, у тебя хорошие новости, — предупредил он, но по выражению лица посыльного понял, что никаких хороших новостей у него нет.

— Они вошли в город через северные ворота! Захватили северную стену. Крестьяне и горожане сдаются... Кто-то даже помогает им. Наши отступают на юг, к центру.

Вот, значит, как... Медлить больше нельзя.

— Отступаем к крепости. — Слова, как пепел во рту. — Мы потеряли город. Встретимся на сборном пункте. Уходим оттуда.

Храджай и посланник отсалютовали и убежали передать всем оставшимся приказ. Баккара сухими глазами посмотрел на обожженное, искалеченное здание, возвышавшееся над Зилой. Он не знал, принесет ли его решение какую-то пользу или же просто оттянет неизбежное. Баккара подозревал последнее.

Через несколько мгновений раздался пронзительный звук рога. Окрашенная в цвета крови и пламени ночь отозвалась эхом. Это был сигнал сдавать стену.

Отступали так же неорганизованно, как и оборонялись. Люди Айс Маракса последними сдавали свои посты, но не все из них имели солдатский опыт, и отступление превратилось в массовое бегство. Перебираясь через оставленную стену, вражеские войска лавиной накрывали город. Ноги в тяжелых ботинках чеканили шаг по улицам, превратившимся в мелкие речушки с грязной водой. Отступающие испуганно оглядывались на волну, что несла в город мечи, винтовки и доспехи. Айс Маракса бежали по освещенным фонарями улицам: тень — свет — снова тень. Они торопились на мрачную площадь на пересечении одного из переулков и радиальной улицы.

Баккара ждал с северной стороны площади и уныло осматривал прибывающих со всех сторон оборванных повстанцев. На лицах их была написана растерянность. Их вера поколеблена. Долгое время они работали втайне и считали себя непобедимыми борцами за благословленное богами дело. Но когда вышли из тени, их раздавила мощь империи. Жестокий урок. Баккара не знал, что будет с Айс Маракса, если они переживут эту ночь.

Но сейчас множество людей собралось на площади, чтобы услышать его приказ: движемся к крепости. Баккара вел их сквозь огонь зажигательных снарядов, которые до сих пор взрывались вокруг, вел бегом по мощеной радиальной улице к каменному центру Зилы. Там можно будет взять передышку. Обсудить новые стратегии, составить новые планы.

Только кто будет их составлять?

Баккара смахнул дождевую влагу с век, будто отбрасывая всякие сомнения. Перегруппироваться и держать оборону. Вот что нужно сделать сейчас, а вперед забегать ему не хотелось. Он никогда не думал дальше, чем на один шаг вперед. Такова уж натура.

Они добежали до конца улицы, которая открывалась на просторную площадь, окружавшую крепость. Баккара замедлил бег и остановился, и остановились бежавшие рядом с ним. Тишина накрывала толпу. Даже те, кто ничего не видел, перестали толкаться, поддавшись общему напряжению.

Перед ними у фундамента крепости ровными рядами стояло около тысячи человек. У Баккары не было и пятисот.

Баккара перевел дыхание и мгновенно оценил ситуацию.

Между ним и противником — пустое пространство, гладкие крестовидные плиты блестят под дождем. Слева — два пожара, там взорвался зажигательный снаряд, и ливень не мог его потушить; они заливают сцену желтым светом. В рядах противника — люди разных Бэраков... и крестьяне, жители Зилы, готовые купить себе жизнь, выслуживаясь перед захватчиками. Баккара задумался, чувствует ли он отвращение — нет, не чувствует. Теперь все это мелочи.

Над ними, на ступенях, ведущих в крепость, Баккара заметил тускло поблескивающую маску ткача. На фоне лохмотьев маска из драгоценных металлов казалась святотатством. Баккара не стал смотреть вверх, он и без того знал, что крепость уже заняли.

За спиной прокатился шелест испуганных голосов. Сама мысль о том, что им придется столкнуться с ткачом, приводила людей в трепет. Но с каждой секундой их нагоняли вражеские войска, перехлестнувшиеся через южную стену. Баккара понял, что если сейчас же что-нибудь не сделает, то навсегда потеряет своих.

Если их схватят, за жизнь каждого никто ломаного гроша не даст. Он знал это наверняка, как человек, прошедший не одну войну. А еще он знал, что есть вещи похуже смерти.

— Айс Маракса! — взревел он, и голос его пронесся над толпой. Станный голос, будто чужой, и слова чужие. — За Люцию! За Люцию!!!

И он вскинул меч и закричал, и кто-то еще последовал его примеру. И имя Люции развеяло слабость, как наваждение, напомнило людям о вере, которая привела их сюда. Грудь Баккары едва не разрывалась от чувства настолько яркого и настолько светлого, что он не мог дать ему название. Он указал мечом вперед, туда, где ждал враг, вдвое превосходящий его числом, с лучшими мечами и лучшими винтовками.

— Вперед!!!

Винтовки щелкали, звенели мечи, и Айс Маракса шли навстречу смерти. И в последние минуты своей жизни Баккара узнал, что значит быть вождем.

Глава 27

Утром следующего дня солнце увидело совсем другую Зилу.

Суранани — месть жестокой богини Чом Рин за убийство императрицы — уже затихла, и утро стояло кристально чистое, прозрачный воздух казался хрупким и звонким. Свет заливал сломанную корону Зилы. Крыши многих домов обуглились или провалились, дымились развороченные груды камня и древесины. Жирный черный дым ветром сносило к северу. Некогда суровая, неприступная, дерзкая, Зила представляла сейчас изуродованный остов самой себя. По улицам ходили испуганные и пристыженные горожане. Они ждали последствий своего неповиновения.

Медлительное, ленивое движение напоминало уборку после большого праздника. Когда солнце подошло к зениту, лагеря уже перенесли и разбили у подножия холма. Какие-то отряды отбывали в полном составе: их присутствие понадобилось где-то еще. Подступы к стенам очистили от трупов застреленных, заколотых и сожженных. Из южных ворот до сих пор тек мерный поток телег с телами убитых.

Потребуется время, чтобы восстановить порядок и установить меры наказания. Зила бросила вызов империи, и нужно предостеречь от этого остальных. Для Ксенджена случившееся было крахом. Он не принял во внимание, что Бэраки готовы пойти на все, чтобы сохранить сейчас статус-кво. Надвигался голод, он уже разразился на окраинах империи и вгрызался все глубже и глубже. Сарамир балансировал на краю пропасти. В такой обстановке любой мятеж должен быть безжалостно растоптан. Только жесткий порядок поможет империи выстоять в трудные времена. Чернь должна понять, что революция невозможна. И потому звать набросилась на Зилу с яростью, которой не ожидали ни Кседжен, ни горожане. Атакующих не волновала ни безопасность мирного насе-

ления, ни сохранность архитектуры одного из древнейших и важнейших городов Сарамира. Если бы они не сумели прорвать оборону, то сожгли бы Зилу дотла или сровняли с землей взрывами.

Бунт недопустим. В Зиле это уже уяснили, а за следующие недели запомнят еще лучше. Империя неприкосновенна.

Но Бэраку Зану ту Икэти все это напоминало попытку оживить труп. Так же бессмысленно и так же противно. Для него империя погибла уже давно. Он вместе с остальными составлял план вчерашней атаки и внес ценный вклад. Но все это не пробуждало у него никаких чувств. Он, в отличие от Мошито ту Винаксий или генералов, посланных другими Бэраками, не горел желанием сохранить существующий порядок вещей.

Когда-то для него все было по-другому. Давно. До того, как Мос захватил трон, до того, как была убита Анаис ту Эринима. До того, как умерла его дочь.

В полдень он вышел из дверей опаленной крепости и спустился на площадь, где до сих пор убирали тела членов Айс Маракса. Вялые руки и ноги. Раны, покрытые запекшейся коркой, на лицах. Обжигающее солнце поджаривало пролитую на каменные плиты кровь, и в горло забивался вязкий, тошнотворно-сладкий запах. Серые улицы Зилы уже высохли, стали пыльными и тихими. В лабиринте яркого света и глубокой тени сновали мужчины и женщины, избегавшие его взгляда.

Бэрак Зан был стройным, поджарым человеком с тонкими чертами и изъеденным оспинами лицом. Преждевременно поседевшая борода скрывала большую часть изможденного лица, но вокруг глаз были заметны следы долгих страданий. Он видел больше пятидесяти весен, но последние пять оказались самыми трудными. Люция погибла.

Встреча с ней врезалась в его память так отчетливо, будто произошла только вчера. С тех пор не проходило и дня, чтобы он не вспоминал ее до малейших подробностей, будто переживая заново. Когда он в первый раз встретился взглядом с искаженной, в нем произошла какая-то невероятная перемена. Он никогда не подозревал, что существует такое чувство: глубокое, первобытное,

настолько сильное, что ему невозможно сопротивляться. Тогда он познал, что чувствует мужчина, глядя, как рождает его жена: прикосновение к чудесному таинству и нерушимую связь с ребенком. Познал, увидев ее. Все инстинкты разом закричали ему: «Твоя дочь!»

И она тоже это знала. Он понял это по тому, как девочка обхватила его руками, прочел в бледных глазах, полных боли от предательства и слез.

«Где же ты был?» — спрашивали ее глаза. И от этого вопроса у него разрывалось сердце.

Он не знал, что у него была дочь, но это не облегчило страданий. Разумеется, ее возраст и дата рождения могли натолкнуть его на мысли о коротком и пылком романе с императрицей, что имел место несколько лет назад. Но он помнил, что Анаис даже тогда делила ложе с мужем. И когда она объявила о своей беременности, у него не возникло подозрений, что ребенок от него. Такая мысль закралась ему в голову лишь раз, но он не придавал ей значения. Он был уверен, что, зная Анаис о его отцовстве, она сказала бы ему или же вытравила плод из чрева, не посвящая никого, кроме личного лекаря, в факт своей беременности. Так диктовала политика. Анаис не сделала ни того, ни другого, и Зан уверился, что к нему это не имеет никакого отношения. Он уже пережил горечь разрыва и рад был вообще уйти со сцены, когда речь зашла о наследнике. Дети его не интересовали. Так он считал тогда.

Но в тот момент, когда он увидел Люцию, его накрыло волной боли, сожаления и потери. Он почувствовал себя так, будто отказался от нее при рождении.

Потрясенный, Зан покинул императорскую крепость с намерением вскоре вернуться. Он бы схлестнулся с Анаис, даже несмотря на шаткую политическую ситуацию, хотя у него и доказательств-то не было, кроме твердой уверенности в своей правоте. Он бы потребовал ответа: почему она спрятала от него дочь? Он бы совершил еще много опрометчивых поступков, как горячий юнец... если бы Анаис и его дочь не погибли.

Когда он услышал эту весть, в нем что-то угасло и никогда уже не загорелось вновь. Какая-то важная часть его души сморщилась, почернела и высосала краски из мира. Он твердил себе, что глупо так переживать. В конце концов, все эти годы его держали в полном неведении, и он узнал правду совсем недавно. Он чувствовал себя отцом очень-очень недолго. Разве можно страдать, потеряв то, чего не имел?

Но то были пустые слова, они вызывали у него только усмешку, и он прекратил попытки объяснить необъяснимое.

Горе разъедало его, словно рак, и убивало то, что в нем еще осталось. Пища больше не доставляла удовольствия. Дружья видели его угрюмым и печальным. Дела семьи и заботы о владениях его не интересовали, большую часть их он переложил на плечи младших братьев и сестер. Он потерял интерес к жизни и желания. Он хорошо управлялся с деньгами своей семьи, но политические игры и борьба за положение — неотъемлемая часть жизни сарамирской знати — стали ему безразличны. Он просто плыл по течению.

Но этим утром произошло нечто, что заронило в сердце искру чего-то давно забытого, ставшего настолько чуждым, что Зан не мог дать ему имени.

Надежда. Глупая надежда.

Солдаты дома Икэти взяли под стражу женщину. Ее нашли без сознания под развалинами одного здания. Потолок обвалился, и одна из балок ударила ее по голове... и спасла ей жизнь, потому что сломалась под углом и прикрыла от падающих камней. Ее нашли горожане, которые искали выживших под обломками, и передали людям Зана. Правда, вместе с ней нашли гораздо более ценного человека — Кседжена ту Имото, которого простолюдины охотно выдали как лидера Айс Маракса.

Никто не знал, кто такая эта женщина, но богатое платье и прическа показывали, что она не из Зилы. То, что ее нашли с Кседженом, было само по себе обвинением. Ее взяли под стражу. Когда она очнулась, то назвалась Мисани ту Колай и потребовала встречи с Бэраком Заном ту Икэти.

— Я встречу с ней, — сказал Зан человеку, который принес сообщение. И, опомнившись, добавил: — Отправьте моих слуг, пусть выкупают и помогут ей одеться. Она из благородной семьи. Обращайтесь с ней соответственно.

А теперь Зан широко шагал по улицам Зилы. Было тихо. Его ждала Мисани.

Она была у постели, но встретила его не в ней. Мисани надыхалась пыли, ее тело покрывали синяки, но сильнее всего она пострадала от сильного удара по затылку и теперь даже не могла сфокусировать взгляд. Она была очень слаба. Лекари не позволяли ей покидать комнату и не отходили от нее далеко — на случай, если упадет в обморок от напряжения. Известие о ее благородном происхождении и значимости для Бэрака превратило их из надменных, равнодушных снобов в раболепных слуг. Зан позвонил в колокольчик, вошел и отослал их кивком головы.

Лекари заняли под лазарет ряд неповрежденных домов. На кроватях лежали раненые солдаты и горожане. Случайно или же из-за дорогого платья Мисани разместили в хозяйской спальне богатого купеческого дома. Кровать, которую ей выделили, явно стоила очень дорого, на стенах висели угольные эскизы и нежные акварели. На резной подставке из кости стояла диорама с морским пейзажем. Зан вскользь подумал о судьбе владельца: убит ли он горожанами во время мятежа, погиб ли накануне при бомбардировке или же его просто вышвырнули на улицу. Революция — грязное дело.

Мисани ту Колай — в чужом платье, с распушенными и аккуратно причесанными волосами — стояла у постели. Могло показаться, что она в полном порядке, но Зан отлично знал, что она просто не подает виду. Волосы скрывали щеки и уши, наверняка расцарапанные, на запястье, где рукав платья его открывал, виднелось синее пятно. Она не отходила от края своей кровати — на случай если силы покинут ее. Зан несколько раз встречался с ней при дворе, когда она была еще юной, и даже тогда ее поразительное самообладание вызывало у него уважение.

— Госпожа Мисани ту Колай. — Зан сделал поклон, соответствующий их равному социальному статусу. — Известие о том, что вы пострадали при штурме, сильно огорчило меня.

Она ответила ему тем же поклоном, только в женском варианте.

— Слава милосердию Охи, я пострадала не так сильно, как могла бы, — сказала Мисани. Ее голос не нес в себе ни капли слабости.

— Не хотите ли присесть? — Зан указал на стул. Но Мисани не желала никаких уступок.

— Я предпочла бы стоять, — спокойно ответила она. В комнате был только один стул и не было циновок. Зан превосходил ее ростом больше, чем на фут. Если она сядет, то по сравнению с ним окажется совсем маленькой. На переговорах такое недопустимо.

— Слуга сказал, что вы пожелали со мной встретиться.

— Это так. Я желала встречи с вами с того момента, как Айс Маракса привели меня против моей воли в Зилу. Хотя вы организовали нашу встречу очень оригинально.

На губах Зана появился намек на улыбку.

— Можно задать вам вопрос? — Мисани посмотрела ему в глаза.

— Разумеется.

— Что с Кседженом ту Имото?

Зан помедлил с ответом.

— Он жив пока что.

— Могу я узнать, где он?

— Вас беспокоит его судьба?

— Беспокоит, но совсем не потому, что вы подумали.

Зан некоторое время молча смотрел на нее. Она походила на скульптуру из льда.

— Я предоставил Бэраку Мошито возможность разобраться с ним, — сказал Зан. Он сложил руки за спиной и, подойдя к диораме, начал ее изучать. — Мошито, несомненно, отдаст его своему ткачу. Не могу сказать, что я сочувствую Кседжену. Не люблю Айс Маракса.

— Потому что они напоминают вам о дочери, — закончила Мисани. — Они верят в то, что она жива, и поддерживают в вас надежду. И рана никак не затянется.

Зан повернулся к ней, и глаза его вспыхнули яростью.

— Простите мою бестактность, — сказала Мисани. — Я направлялась в Лалиару, чтобы найти вас. Сейчас нет времени на деликатность. — Она не сводила с Зана глаз. — Ее жизнь висит на волоске. Кседжен ту Имото знает, где она.

Зан сделал вывод незамедлительно. Если Кседжен знает, где Люция, то ткач вытащит это из него. А если ткачи узнают...

Как все неожиданно... как трудно поверить... в то, что его дочь жива. Он помотал головой, поглаживая подбородок пальцами.

— Нет, нет, — пробормотал Зан. — Что за цель вы преследуете, Мисани ту Колай? Как вы оказались в Зиле?

— А Чиен вам не рассказывал?

— Чиен? Ах, тот заложник. Жаль, что приходится это говорить, но он умер на следующую ночь после того, как его вынесли из Зилы.

На лице Мисани не отразилось ничего. Она не испытала горечи утраты: Чиен был для нее просто жертвой обстоятельств. Ее гораздо больше беспокоило другое: людям ее отца известно, что она в Зиле, и они скоро доберутся до нее. Сейчас нужно любым способом завоевать доверие Зана. Ей крайне важно выбраться из города тайно, и сделать это можно будет только под защитой Бэрака Зана.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил Бэрак. — Как вы попали в Зилу?

— Случайно. Меня захватили, когда я ехала к вам. Хотя, кажется, боги решили все равно свести нас вместе.

— Очень удобно, — сказал Зан. Тон его стал гораздо менее вежливым. — Ваше пребывание здесь — уже повод отрубить вам голову. А вы не были пленницей, это точно. Вас нашли с лидером Айс Маракса.

Именно этого Мисани боялась. Если бы удалось встретиться с ним в Лалиаре, это не вызвало бы никаких подозрений. Но об-

стоятельства сложились иначе, и теперь могло показаться, что она просто пытается спасти свою жизнь.

— Вы правы, — сказала Мисани. — Меня привезли в Зилу против моей воли, но обращались со мной не как с пленницей. Я для них в некотором роде героиня, потому что помогла спасти вашу дочь. Это не значит, что я разделяю их взгляды.

— Хватит лгать! — вдруг закричал Зан и, схватив диораму, опрокинул подставку. Она свалилась и разлетелась на кусочки. — Люция ту Эринима погибла пять лет назад. Дурун ту Бэтик был ее отцом. Вы, наверное, полагаете, что у вас есть рычаги давления на меня. Но вы жестоко ошибаетесь, если думаете, что, пытаясь воскресить призрака, получите свободу!

Мисани не выказала триумфа, но теперь она знала, что у нее есть преимущество. Нелегко заставить человека вроде Зана ту Икэти уронить свое достоинство. Его дипломатический талант выдвинул дом Икэти на первое место при дворе. А гнев, обуявший его, только показывал, насколько болезненна для него тема.

— Вы можете меня казнить, — холодно сказала Мисани. — Но в таком случае вы убедитесь, что я говорила правду, когда ткачи доберутся до вашей дочери и убьют ее. Сможете вы с этим смириться, Зан? Кажется, в последние годы вам жилось не очень-то сладко.

— Знайте меру! — завопил Зан. — Я не желаю больше это слушать.

Он шел к занавешенной двери, когда Мисани заговорила снова.

— Заэлис ту Унтерлин был в крепости в тот день, когда вы встретились с дочерью. — Она будто рубила слова, и голос ее становился все громче. — Это он организовал похищение Люции. Когда дом Бэтик сверг дом Эринима, мы выкрали девочку и спрятали ее. Труп ее не нашли, потому что трупа не было! Зан, Люция жива!

Он стоял, ссутулившись, касаясь рукой занавески. Мисани не хотела называть имя Заэлиса, но выбора у нее не было. Нельзя, чтобы Бэрак Зан ушел. Нельзя.

Он повернулся. И вдруг показался ей очень усталым.

— Вы верите мне, и сами это знаете. — Мисани поборол приступ головокружения. В комнате висела страшная духота, и Мисани не знала, как долго еще сможет стоять.

— Я не могу вам верить, — выдавил Зан. — Понимаете вы это?

Он знал, как умна Мисани, знал обычаи придворной жизни, и хотя больше всего на свете ему хотелось думать, что Люция жива, он не желал стать жертвой интриг. Он не состоял в дружеских отношениях с семьей Колай, и у него не было причин доверять Мисани. Он не потеряет дочь еще раз, не станет надеяться ее обрести, чтобы потом выяснить, что это обман. Пройти через это еще раз невозможно.

Зан слишком долго находился в оцепенении, и это стало его щитом от мира. А когда пришло время отбросить его, он понял, что боится.

Он снова повернулся, чтобы уйти. Эта попытка была невыносима.

— Подождите. У меня есть доказательства, — сказала Мисани.

Зан почти боялся услышать эти слова.

— Какие? — спросил он, опустив голову.

— Кседжена будут допрашивать. Вы должны при этом присутствовать.

— И что это даст?

— Он знает, где она, так же, как и я. Рано или поздно он заговорит. Ткач попытается сохранить это в тайне, чтобы по-своему распорядиться полученными сведениями. Он очистит память Кседжена, а потом будет решать, что вам сказать, а что нет. Нельзя позволить ему это сделать. Пусть он заставит Кседжена говорить только правду. Спросите Кседжена сами. Ткач не откажет, если вы прикажете.

Зан молчал, стоя к ней спиной. Мисани знала, что играет в опасную игру, но ничего другого ей не оставалось. В ее руках — тысячи жизней. Если она не сможет помешать ткачам найти Провал, то пусть хотя бы Зан будет на ее стороне. Тогда, возможно,

удастся вовремя предупредить Либеру Драмах. Шанс невелик, но это лучше, чем ничего.

— Вы узнаете правду и в тот же миг вынесете Люции смертный приговор, — продолжала Мисани. — Но если я не могу остановить вас, значит, такова цена. Если вы не верите своему сердцу, то услышите имя дочери на устах ткача.

— Молитесь, чтобы так и было, — ответил Зан. — В противном случае я вернусь и убью вас.

— Я буду молиться. Но я готова пожертвовать жизнью вместо всех тех, кто умер бы, лишь бы вы им поверили.

Кседжен ту Имото решил, что история его жизни закончилась, когда на него рухнул потолок. Но он очнулся и обнаружил, что она имеет еще и эпилог, мучительный и страшный.

Он пришел в себя на кровати в центральной башне крепости. Пришел в себя и закричал — бессмысленно, чудовищно. Боль в раздробленных ногах вытащила его из милосердного беспамятства. Штанины обрезали выше колен. Багрово-синие ноги раздулись. Обе изгибались в самых неестественных местах. Никто не позаботился о том, чтобы вправить множественные переломы. Острые концы костей натягивали покрывшуюся пятнами кожу.

Кседжен орал снова и снова, пока не сорвал горло. В какой-то момент он потерял сознание.

Настоящий кошмар начался, когда он очнулся во второй раз.

Он почувствовал, как его возвращают в сознание — разум, как рыбку, подцепили на крючок и вытащили из защитного грота беспамятства, где он скрывался от невообразимой боли. Глаза раскрылись. Лучи послеполуденного солнца сочились в комнату сквозь маленькое пыльное окошко, забранное решеткой, вверх одной из стен. Потолок был каменный и голый. Его окружали фигуры, одна — ближе других. В маске из золота и серебра с угловатыми, острыми щеками, зубчатым подбородком и лбом. Неровный металлический ландшафт, созданный Великим Мастером, окружал черные провалы глаз.

Ткач.

Кседжен втянул в легкие воздух, чтобы закричать, но ткач провел над ним бледной морщинистой рукой, и из горла его не вырвалось ни звука.

— Тихо, — просвистел голос из-под маски.

В комнате стояли еще два человека. Кседжен узнал Бэраков: высокого, сухопарого, мрачного Зана и коренастого, лысого Мошиито со злым лицом. Они взирали на него без жалости.

— Ты Кседжен ту Имото? — спросил Мошиито.

Кседжен молча кивнул. Из глаз его катились слезы.

— Глава Айс Маракса?

Кседжен снова кивнул. Зан перевел взгляд на ткача. Он стоял на службе у семьи Винаксий и, если верить Мошиито, отличался особой, извращенной жестокостью. Его звали Фарех. Своего ткача Зан оставил в поместье в распоряжении своей семьи. Он ненавидел ткущих Узор, особенно с тех пор, как начал подозревать прежнего главного ткача, Виррча, в причастности к перевороту, в ходе которого престол занял нынешний император.

Зан поймал себя на том, что уже подгоняет свои мысли под слова Мисани. «Во время которого Люция погибла», — сказал он себе. Семья Колай — враг, Мисани — враг, и даже если они узнали о его слабости, он не позволит на ней сыграть.

Но боги, что, если она сказала правду? И если Кседжен заговорит, то ни ткачи, ни император не успокоятся, пока не заполучат Люцию. Как это остановить? Как?

Зан шлепнул себя по губам. Глупости. Идиотизм.

Люция умерла.

— А вы уверены, что он все сделает, как вы велели? — спросил Зан у Мошиито, указывая на сутулую фигуру в капюшоне, склонившуюся над постелью Кседжена.

— Я слышал приказ моего господина, — с нотками презрения отозвался Фарех. — Он ничего не утаит. И я не утаю. Вы зададите ему вопросы. Я прослежу, чтобы он отвечал правду.

Взгляд Зана взволнованно скользил с одного на другого.

— Все будет, как он сказал, Зан, — ответил Мошиито. — С чего это вы такой подозрительный?

— Я всегда с подозрением отношусь к ткущим. — Зан постарался, чтобы голос не выдал его неуверенности. И он все еще сомневался: а не удастся ли ткачу просто стереть потихоньку память Кседжена, узнав самое важное. О боги, как же так получилось? Единственный способ убедиться в правдивости Мисани неизбежно приведет к тому, что знание попадет в руки врагов Люции, которые желают ее смерти!

Перед Заном стоял уже вопрос веры. Мог ли он верить Мисани? Мог ли поверить, что дочь его жива? Раньше — да. Но его вера умерла с другими струнами его души, и теперь ему нужно знать. Веры мало. Нужно знать.

— Начинай, — приказал Мошито.

Фарех медленно повернул поблескивающее лицо к искалеченному человеку на кровати. Лучи полуденного солнца играли на гранях маски.

— Да, мой господин, — пробормотал он.

Ткач вгрызался в мысли и желания Кседжена, как жук-точильщик в древесный ствол. И Кседжен почувствовал, что снова может кричать. Фарех считал, что работать легче, когда жертва откликается.

Глава 28

Ученые издревле изучали орбиты трех лун. Лунные бури случались нерегулярно, но за много сотен лет удалось установить систему. Астрономы могли достаточно точно предсказать, когда луны сойдутся достаточно близко, чтобы спровоцировать бурю. Мореплаватели полагались на собственные способности просчитывать траекторию лун и их влияние на приливы и отливы. Хотя только избранные знали точно, в какой день разразится лунный шторм, обычно слухи расходились быстро, и даже простые смертные представляли, когда это случится.

Кайку и Тсате это не помогло. Лунная буря застигла их врасплох, на открытом месте.

После того как они едва спаслись от гхорега, произошло много всякого, и речь о возвращении домой уже не шла. Они уже

оставили надежду поймать или убить Связника, но решили установить наблюдение за поймой реки и выяснить что-нибудь о непонятном сооружении на берегу Зана. Держались тех мест, где патрули ходили достаточно редко, чтобы без труда избежать встречи с ними. Подобраться к хорошо охраняемой долине стало теперь невозможно.

Боги вознаградили Кайку за решение остаться раньше, чем она могла предположить. Следующей же ночью стали прибывать баржи.

Кайку уже подумывала о том, что всех этих искаженных привезли сюда главным образом по реке. Возможно, так же доставляли с севера пищу, которую хранили в странном сооружении. Кайку и Тсата несколько раз наблюдали процесс кормления. Мясо вывозили на тележках и сбрасывали в огромные кучи те же послушные карлики, что прислуживали ткущим в монастыре на Фо. Она называла их гольнери, что на сарамирском детском наречии значит «маленькие люди». Кайку догадывалась, что увидит их и здесь: ткачи совершенно не способны о себе заботиться, потому что в результате пользования масками у них развивается безумие.

Тем не менее, до сих пор никаких следов движения по реке Кайку и Тсата не замечали. Но когда баржи стали прибывать, их появилось столько, что и не пересчитать.

Они начали причаливать еще днем, поэтому когда Кайку и Тсата перешли ночью через барьер, то увидели около четырех десятков судов, буквально толпившихся у каждого берега. Две ночи не иссякал поток тележек: гольнери сновали туда-сюда и разгружали тюки и ящики. Ткущие Узор пять лет скупали баржи, которые не приносили им какого-то дохода, и только теперь стало ясно, зачем это делалось: они переплавляли сюда искаженных хищников и собирали свою армию. Интересно, подумала Кайку, чем объясняется власть ткачей над владельцами барж? Здесь, должно быть, замешаны не только деньги.

На третью ночь началась посадка.

Как только солнце село за горизонт, Кайку и Тсата прошли через барьер. Долина оказалась наполовину пуста, и это потрясло

их. Однако то, что происходило на реке, и вовсе повергло обоих в шок. По широким сходящим искаженным загоняли с берега на баржи и дальше в трюмы. Страшно становилось уже от одного вида этого нескончаемого потока мускулистой, зубастой плоти. Барж было так много, что им всем не хватало места у берега, и к северу тянулась очередь из судов; загрузившись, они направлялись вверх по течению. Впечатление было такое, что действие барьера не распространяется на реку. С другой стороны, никто и не спускался по Зану так далеко, потому что к югу лежали великие пороги, пройти которые не могло ни одно судно. Кайку и Тсату с изумлением взирали на разворачивающуюся у них на глазах масштабную тыловую операцию.

— Они уплывают. — Бледно-зеленые глаза Тсаты блестели в лунном свете.

— Но куда они направляются? — спросила себя Кайку.

Когда занялся рассвет и отчалили последние баржи, Кайку и Тсата ушли отдыхать за барьер. Но сон в тот день не шел, они не смыкали глаз, строя предположения и не зная, стоит ли рискнуть и через Узор предупредить Кайлин. Для этого они здесь и остались — поднять тревогу, если ткачи двинутся к Провалу. Но баржи шли в другом направлении, к Аксеками. Оттуда они по Джабазе, Керрин или Рану смогут попасть куда угодно.

Тсата заметил, что флотилия может выйти к Разлому и с другой стороны через одну из небольших рек. Провал лежал всего в десяти милях к западу от этой реки. И все же Кайку не хотела рисковать без крайней необходимости, а пока что ни она, ни Тсата не знали точно, куда именно направляются баржи.

В конце концов решили остаться еще на две ночи. Если к тому моменту ничего нового не откроется, то они двинутся на восток, отойдут подальше, и Кайку отправит свое послание. О последствиях можно было только догадываться. Возможно, ткачи вообще ничего не заметят, и запрет, наложенный Кайлин на переговоры на расстоянии, всего лишь ее перестраховка. А может быть, ткачи всполошатся, и Кайку окажется в положении мышки, пытающейся проскочить через комнату, где собрались кошки.

Следующей ночью разразилась лунная буря.

Они слишком долго жили своей маленькой общиной из двух человек, в полной изоляции от внешнего мира, и потому не подозревали о ее приближении. Они переплыли Зан и выбрали для наблюдения утес на западном берегу: там патрули ходили гораздо реже. Рядом подбирались к реке такие же утесы, напоминающие торчащие из земли огромных размеров каменные пальцы. Между ними ютились узенькие сквозные ложины. Кайку и Тсата спрятались в чахлах зарослях зараженного кустарника, окаймлявших обрыв, и залегли, наблюдая за происходящим в подзорную трубу Номору. Та с большой неохотой оставила им свою драгоценность. Не обошлось и без угроз. Кайку и Тсата твердо уяснили, какие кары им грозят, если они не вернут трубу в целости и сохранности.

Луны встали над разными горизонтами: Ария на севере, Ири-дима на западе, Нерин на юго-востоке. И ничто не предвещало опасности, пока они почти не сошлись в одной точке — прямо над головой.

Сначала Кайку почувствовала напряжение в воздухе, как будто некая невидимая сила попыталась осторожно поднять ее над землей. Она взглянула на Тсату. Золотокожий ткиурати с зелеными татуировками в лунном свете походил на мертвеца. По зарослям, где они укрылись, прошел скрипучий шепот. Чувства обострились. Вокруг царило невидимое движение, словно крысы забежали по дому.

Она подняла голову и вздрогнула — три лунных лика, перечеркнутых кривой границей тьмы, тянулись друг к другу. Из ниоткуда набегали облака, клубясь и смешиваясь под действием разнонаправленных притяжений.

— О духи, — пробормотала Кайку, окидывая взглядом раскинувшуюся внизу равнину. — Надо укрыться.

Они едва успели.

Лунная буря налетела с диким воем. Кайку и Тсата юркнули под естественный навес, образовавшийся на склоне известняковой скалы, будто какое-то чудовище вырвало лапой кусок камен-

ной плоти. Вглубь скалы шла узкая пещерка, в которую им не удалось бы протиснуться при всем желании, однако места хватило и без того: Кайку вжалась в стену, обхватив колени руками, Тсата уселся, скрестив ноги.

Дождь обрушился на землю сразу после потустороннего воя, и тихая ночь взорвалась грохотом крупных капель, разбивавшихся вдребезги о неподатливый камень. Под струями воды гнулись искореженные ветки кустов. В крохотное убежище, к счастью, не попадало ни капли.

Тсата вытащил холодное копченое мясо и, как всегда, поделил его между собой и Кайку. Некоторое время сидели молча, глядя на дождь и прислушиваясь к звукам рвущегося на кусочки неба. Угрюмый пейзаж то и дело вспыхивал пурпуром — молнии сопровождали беснование природы.

Кайку было не по себе. Лунные бури всегда ее пугали, даже в детстве, и в ее прошлом самые страшные страницы оказались связаны с этим явлением. Во время лунной бури погибла, отравленная отцом, вся ее семья — он хотел уберечь любимых людей от того, что сотворили бы с ним ткачи. Та буря принесла ей встречу с шин-шинами, демонами тени, которых ткачи послали сначала за ней, а потом за Люцией.

Тсата посмотрел на нее участливо.

— Скоро все закончится, — обнадежил он ее. — Луны всего лишь проходят мимо друг друга, их орбиты не сместились.

Кайку отвела волосы с лица и кивнула. Она испытывала неловкость от его сочувствия. Зачем было рассказывать ему про родных? И вообще — говорить о прошлом? Странно, что она, такая замкнутая, вообще решилась кому-то довериться. Но говорить обо всем этом с Тсатой оказалось легче, чем с кем бы то ни было из сарамирцев.

Кайку потеряла счет времени. Как давно они покинули Про-вал? Месяц назад? Так долго? Первые дни Эстивальной недели, предательство Азары теперь казались очень далекими. Кайку было не до переживаний. В воздухе чувствовалось дыхание осени. Дни стояли по-летнему жаркие, но ветер дул прохладный, и стали све-

жее ночи. Принесенную из дома еду давно съели, поэтому они, когда не спали, охотились и собирали за барьером съедобные корешки и стебли. С тех пор, как ушли Номору и Джугай, жизнь изменилась в лучшую сторону, стала как-то чище, проще и естественнее. Жаловаться было не на что — разве что рацион состоял в основном из красного мяса.

По ночам они охотились на патрули искаженных, и Тсата многому научил ее. Она оказалась способной ученицей. Ему больше не нужно было присматривать за ней, пробираясь по иссеченной местности. Он стал полагаться на нее, и скоро она превратилась из ученицы в равного товарища, научилась двигаться бесшумно и прятаться быстро, замечать множество ранее недоступных ее восприятию вещей. И это — за несколько коротких недель! А еще они хорошо узнали друг друга, гораздо лучше, чем во время плаванья из Охамбы в Сарамир.

После того как Тсата поставил на карту ее жизнь, используя в качестве наживки для магкриина, Кайку долго воспринимала его с опаской и недоверием. Но потом, поняв его логику, пришла к выводу, что то был лучший выход из положения. Возможно, конечно, возникшее между ними ощущение близости преходяще, как дружба с попутчиками во время первого путешествия через океан, но сейчас Тсата был ей ближе, чем кто-либо за много лет. Похожие чувства она питала к своему брату. До того, как впервые познала боль настоящей потери.

И все же не обходилось без барьеров, хотя и не совсем обычных. Кайку сама удивлялась тому, что рассказала Тсате о своей семье. Однако он не проронил ни слова о своей. Она прекрасно знала — это потому, что она сама не спросила. Если бы она задавала прямой вопрос, он бы ответил, как и любой выходец из Охамбы. Но это-то ее и останавливало. Кайку знала, что если спросит, то, возможно, этим заставит его говорить о вещах неприятных или тяжелых. И он сделает это для нее, такова его природа. Кайку еще не до конца постигла образ мыслей охотника и боялась случайно ранить его чувства, как время от времени делал он.

Что заставило ее рискнуть? Нереальная атмосфера лунной бури? Или любопытство? Или ее уязвляло, что он что-то от нее скрывает, когда она открыла ему самое сокровенное? Кайку наконец решилась.

— Тсата, почему ты здесь? — спросила она. И потом, сделав первый шаг, продолжила уже смелее: — Почему ты приплыл в Сарамир? О боги, Тсата, я все время рядом с тобой, уже несколько недель, а все еще ничего о тебе не знаю. Твой народ привык делиться всем. Почему же ты скрываешь от меня это?

Когда она перевела дыхание, Тсата уже хохотал.

— Вы удивительные люди! Я же мучил тебя все это время! А ты сдерживала свое любопытство. — Он улыбнулся. — Мне было интересно, сколько ты выдержишься.

Кайку вспыхнула.

— Прости, — сказал Тсата. — Для тебя так важны все эти условности, что ты не решалась спросить меня о том, о чем я не заговаривал первым. Ты же столько обо мне знаешь, неужели еще не поняла, насколько ткиурати открыты?

— Именно поэтому я ни о чем и не спрашивала! — Кайку чувствовала смущение и облегчение одновременно.

Тсата снова засмеялся.

— А вот об этом я не подумал. Кажется, кое-какой смысл в твоём молчании был. — Он лукаво на нее посмотрел. — Видно, я не так хорошо изучил ваши традиции.

Багряная зазубренная молния расколола небо, и оно взревело. Кайку невольно съежилась.

— Саран такой же, — заметил Тсата. — Никогда не спрашивал о моих целях. Считал, что это мое дело, а не его.

— Ее, — с горечью поправила Кайку. Она уже рассказала Тсате про Азару, утаив только, что едва не легла с ней в постель. Тсату это известие поразило гораздо меньше, чем можно было ожидать, равно как и то, что эта искаженная могла менять внешность и пол. Он рассказал Кайку об охамбских лягушках, которые меняют пол, и о насекомых, регенерирующих себя в коконах.

Азара — единственная в своем роде среди людей, но не во всем мире.

Тсата задумался.

— Ответ на твой вопрос очень прост, — сказал он наконец. — Саран рассказал — или рассказала — о своей миссии, об опасности, которую ткущие Узор представляют для Сарамира. Он рассказал о том, что случится, если они завоюют ваш континент. Они вторгнутся в другие земли.

Кайку кивнула — она так и думала.

— Я пошел за ним в сердце Охамбы, чтобы проверить, насколько основательны его предположения. Я вернулся оттуда убежденным в его правоте. — Тсата рассеянно почесал голое плечо, покрытое зеленым узором татуировки. — Я несу ответственность перед большим *пашем*, перед своим народом. И я решил отправиться в Сарамир, своими глазами увидеть опасность, выяснить, что вы предпринимаете — и, если удастся, — вернуться с новостями домой. Я должен поведать обо всем своему народу, как это сделал Саран. Вот почему я здесь и вот почему мне придется покинуть Сарамир.

Кайку внезапно погрузтелла. Она ожидала чего-то подобного, но собственная реакция удивила ее. Их отшельническая жизнь не бесконечна. И закончится она очень скоро. Возвращение к привычному миру с его сложностями неизбежно.

— Я чего-то такого и ждала. — Голос Кайку звучал не громче дождя над Разломом. — Кажется, я тоже предугадываю твои поступки.

Тсата странно на нее посмотрел.

— Может быть, — задумчиво проговорил он и перевел взгляд на бледный пейзаж, стонущий под плетью дождя. Некоторое время они молчали, вслушиваясь в завывания ветра. Внезапно Кайку напряглась, подползла к выходу из пещерки и выглянула наружу.

— Ты что-то слышала? — В мгновение ока Тсата оказался рядом с ней.

— Барьера больше нет.

Тсата не сразу ее понял.

— Барьера больше нет! — отрывисто повторила Кайку. — Они его сняли. Я чувствую, что он исчез.

— Нужно вернуться к пойме.

Кайку мрачно кивнула. Барьер исчез. Ткущие Узор больше не прячутся. Страшно представить, что это может означать.

Кайлин ту Моритат не сумела сдержать изумление.

— Кайку, — в ужасе выдохнула она.

В зале на верхнем этаже Красного ордена рядом с ней находились еще две сестры. Черные стены были украшены темно-красными символами и выпелами. Сестры сидели в центре зала на циновках вокруг стола и негромко разговаривали. Ураган завывал снаружи и бился в ставни, как голодный и разъяренный зверь. Свет фонарей и струйка ароматного дыма, поднимавшегося от жаровни, из-за беснующейся за окнами бури казались зловещими. Одинаково раскрашенные узкие лица будто несли отпечаток общей тайны или заговора.

Сестры взглянули на Кайлин. Им не нужно было видеть ее алые зрачки, чтобы понять — что-то случилось. Они почувствовали, как нечто промчалось мимо них — волна в Узоре, шепот одной из своих.

Кайлин порывисто встала.

— Соберите сестер, — произнесла она. — Все, находящиеся в Провале, пусть явятся сюда через час.

Она покинула зал раньше, чем сестры успели выразить повиновение, спустилась по лестнице и вышла на залитую грязью улицу. Почти полночь. Заэлис еще не спит. В любом случае, она не побоялась бы его разбудить. Дело слишком важное.

Она шла опустевшими улочками Провала — тонкая и высокая тень, плавно движущаяся сквозь дождь. Казалось, она скользит между каплями, потому что сильнейший ливень лишь слегка намочил ее одежду. Злость и страх боролись в ней, и в голове роились мысли, одна мрачнее другой.

Кайку. О боги, как она могла поступить так опрометчиво? Кайлин не знала, восхищаться ею или проклинать ее. С того момента,

как вернувшиеся Джугай и Номору принесли новости об армии искаженных, собирающейся на берегах Зана, и о решении Кайку остаться там, Кайлин пребывала в постоянном напряжении. Если ткачи поймают Кайку, они выпотрошат ее сознание и узнают все о Красном ордене. А теперь Кайку воспользовалась Узором, чтобы передать сообщение, перебросила нить через сотню миль. Стоит одному-единственному ткачу уловить сигнал и найти источник или зацепиться за нить и проследить ее путь — и все старания, годы секретности будут перечеркнуты. Достаточно и того, что ткущие знают о существовании искаженной, способной переиграть их на их поле — об этом предупредил своих собратьев бывший главный ткач Виррч. Но одна женщина — это случайность, ошибка природы, как, например, Азара. Если их двое и они общаются, это может привести на мысль о каком-то сотрудничестве. Объединении. Организации. Если ткачи получают хотя бы один намек на существование Красного ордена, они бросят все силы на то, чтобы его уничтожить.

Красный орден — единственная серьезная угроза ткущим Узор, может быть, даже большая, чем даже сама Люция, потому что маски не дают им превосходства над орденом. Сестры тоже могут ткать Узор, однако их способности — врожденные, и потому они в лучшем положении, чем мужчины, которые могут проникать в царство запредельного только с помощью специальных атрибутов.

Но сестер слишком, слишком мало. И Кайлин не собиралась рассекречивать эту силу, пока не будет крайней необходимости.

Возможно, теперь время пришло. Кайлин была в ярости из-за самонадеянности Кайку, однако само послание обеспокоило ее не меньше. Дело приняло очень серьезный оборот. Нужно действовать, и как можно скорее. Но, возможно, не так, как предлагает Заэлис. Для Кайлин превыше всего сохранить Красный орден. Все остальное — мелочи.

Путь от дома Красного ордена до жилища Заэлиса был коротким, но за это время дождь прекратился. Облака медленно плыли по небу, истончались и рассеивались, сияющие луны расхо-

дились. Дикой силы буря налетела внезапно и так же внезапно закончилась.

Заэлис и его приемная дочь Люция жили в непримечательном двухэтажном доме на одном из верхних ярусов Провала. Дом этот почти ничем не отличался от рядом стоящих: полированное дерево и штукатурка. С восточной стороны располагался балкончик с видом на долину. У двери стояла небольшая молельня с резными изображениями Охи и Изисии в окружении благовоний, засушенных цветов и гладких белых камешков. Снаружи горел бумажный фонарь, освещаая начертанные на двери пиктограммы приветствия и благословения входящим. Рядом висели колокольчик и миниатюрный молоточек. Кайлин позвонила.

Ждать не пришлось — Заэлис открыл дверь и пригласил войти. В скромной комнате на полу лежали циновки, стояли столы. Растения в горшках дремали на подставках. На стенах висело инкрустированное оружие и пейзаж, написанный одним из художников Провала, работы которого почему-то особенно нравились Заэлису. С потолка свисала лампа, над ней лежало пятно света. Люция в ночной рубашке сидела, скрестив ноги, на циновке и пила травяной отвар из керамической кружки. Она взглянула на Кайлин с легким любопытством.

— Не может заснуть, — пояснил Заэлис, мимоходом отметив, что с волос Кайлин не течет ручьями вода, вороновы перья на ее воротнике не обвисли и раскраска на лице не смазалась, как это могло бы быть. — Лунная буря.

У Кайлин не было времени на церемонию.

— Кайку связалась со мной через Узор.

Заэлис побледнел. Люция продолжала невозмутимо смотреть на сестру поверх своей кружки, будто Кайлин не сообщила ничего нового.

— Это плохо?

— Это очень плохо. Ткущие, похоже, управляют искаженными через тех существ, о которых докладывал Джугай. Кайку называет их Связниками. Несколько дней назад их отправили на

баржах вверх по Зану. Осталось несколько тысяч, но это только малая часть. Ткачи сняли барьер. Искажённые идут.

— Куда?!

— На восток. Через Разлом. К нам.

— Сколько у нас времени?

— Они идут быстро. Очень быстро. Она полагает, что у нас четыре дня и ночи, прежде чем они будут здесь.

— Четыре дня... — повторил Заэлис. Такого удара он не ожидал. — О боги.

— У меня в свете этих новостей есть кое-какие дела. Думаю, у тебя тоже. Я вернусь через несколько часов. — Кайлин посмотрела на Люцию. — Сомневаюсь, что кому-то из нас удастся поспать этой ночью.

Она ушла так же быстро, как и пришла, чтобы вернуться в дом Красного ордена и подготовиться к встрече с сестрами. Начался звездопад. Крохотные крупинки раскаленного добела камня падали в зеленоватом свете лун. Звездопад продолжится еще несколько дней. Кайлин не обратила на него внимания — ее занимало другое. Дел хватало, а кроме того ей предстояло принять решение, возможно, самое важное в жизни.

Провал в опасности. Ткачи приближаются.

И Кайлин, и Заэлис знали — четырех дней недостаточно, чтобы провести людей по Провалу и укрыть в безопасном месте. Если они попытаются, их догонят в пути и перебьют. И куда идти? Что делать? Заэлис не бросит все, ради чего боролся: оружие, укрепления. Он не бросит людей. Останется и будет защищать Провал. По крайней мере, пока не найдет лучшего выхода.

Ее выбор прост. Заэлис и Либеры Драмах привязаны к этому месту, а Кайлин — нет. Должен ли Красный орден остаться и сражаться против ткачей или сестрам лучше позаботиться о себе и предоставить Либеры Драмах во главе с Заэлисом их собственной судьбе?

Джугай отозвался быстро. К тому времени Люция оделась и вернулась на свою циновку. Ей уже пора было спать, но она вовсе

не выглядела усталой или сонной, а Заэлис слишком углубился в свои мысли, чтобы делать ей замечания по такому незначительному сейчас поводу.

Принесенная Кайлин новость глубоко обеспокоила его. Он размышлял о ткущих, о богах и об Альскаин Мар. Есть ли у Либеры Драмах хоть один шанс, если дух открыл Люции правду? Если это и в самом деле война богов, то смогут ли они сопротивляться высшим силам? Или же они все — только пробки, болтающиеся на поверхности бушующего океана и бессильные что-то изменить? Неужели дело всей его жизни — только иллюзия, старческая причуда? Думать об этом было тяжело. Он создал сопротивление, которое, в конечном счете, ничему не может сопротивляться. Он винил Кайлин за то, что она привела их к этому: она всегда сдерживала его, настаивала на соблюдении секретности, когда нужно было действовать. А теперь покров сорван, они открыты и беззащитны. Им не хватит сил, чтобы выстоять против ткачей. Так что же, сдаться? Нет, этого не будет никогда.

Заэлис сразу же понял, что Джугай курил корень амаксы — по блеску глаз, расширенным зрачкам и острому запаху, пропитавшему одежду.

— О боги, Джугай, ты мне нужен с ясной головой! — выпалил он вместо приветствия.

— Тогда следовало послать за мной утром, — весело ответил Джугай. — Как бы там ни было, я здесь. Что случилось?

Он заметил Люцию и слегка ей поклонился. Она тоже дружелюбно поклонилась и кивнула ему.

Заэлис вздохнул.

— Входи и садись. Люция, заваришь для гостя чего-нибудь крепкого?

— Да, отец, — ответила она и покорно пошла на кухню.

Глядя на гостя, Заэлис пытался оценить его состояние. Поймет ли он то, что услышит? Осознает ли серьезность положения? Джугай на досуге баловался корнем амаксы, и Заэлиса это очень беспокоило. Но Джугай делал это столько, сколько Заэлис знал его, но так и не стал рабом зелья. Казалось, он обладал врожден-

ной сопротивляемостью к темной власти дурмана. Джугай уверял, что может курить амаксу, а может не курить, и это полностью в его руках. Заэлис долго относился к подобным заявлениям скептически, но спустя несколько лет вынужден был признать, что Джугай прав. Он мог обходиться без амаксы неделями и месяцами, и это никак не сказывалось на его поведении и самочувствии. Джугай говаривал, что амакса помогает ему переживать «дурные ночи». Заэлис не знал, что он имел в виду, а Джугай никогда не распространялся на эту тему.

Просто сейчас Заэлису не повезло. Как бы он ни злился, но рассчитывать, что помощник в любое время дня и ночи будет готов к действиям, не приходилось. В конце концов, Заэлис пришел к заключению, что Джугай выкурил совсем немного и что сознание его не замутнено настолько, чтобы не воспринять услышанное.

Люция вернулась с отваром латамри, черной горькой жидкостью, которая отлично бодрит тело и дух. Она остановилась на пороге комнаты и засмотрелась на занятых разговором мужчин. Отец в мантии, поджарый, белобородый. Зачесанные назад волосы давно поредели, черты лица обозначились резче. Джугай, как всегда, в рубашке и штанах; вечная повязка на лбу сдерживает непокорные русые волосы. Девочка внезапно ощутила всю важность момента. Эти двое обсуждали жизнь и смерть сотен или даже тысяч людей. И все — из-за нее.

«Они идут за мной, — подумала Люция. — Каждый, кто погибнет здесь, погибнет из-за меня».

Потом Джугай заметил ее, улыбнулся и пригласил в комнату. Кивком поблагодарив за напиток, он обратился к Заэлису:

— Она должна слышать. Это касается ее.

Заэлис заворчал, но предложил ей есть.

— Мы должны переправить тебя в безопасное место, Люция. — Его хриплый голос шел будто из самой груди. — Мы никак не можем вывести из Разлома столько людей. Спрятаться всем тоже невозможно. Но тебя нужно переправить на северо-восток. В Чамаску. Там есть преданные люди, они укроют тебя.

Лицо Люции оставалось бесстрастным.

— А ты останешься здесь и будешь сражаться.

Заэлис кивнул.

— Придется, — ответил он. — Либеры Драмах построила этот город. Мы здесь столько лет... Бороться стоит хотя за одни наши склады. Если мы выстоим против этой атаки, то сможем выиграть время, оттеснить их, начать все заново. — Он положил ладонь на ее руку. — Люди пришли сюда, потому что мы их привели. В том числе тех, кто не состоит в Либеры Драмах. И я несу за них ответственность.

— Ты несешь ответственность и за меня тоже, — сказала Люция. Джугай посмотрел на нее удивленно. Он никогда не слышал, чтобы девочка говорила с отцом в таком жестком тоне.

Похоже, это задело и Заэлиса. Он отнял руку.

— Вот поэтому я и стараюсь оградить тебя от опасности. Это ненадолго. Я вернусь за тобой, когда все закончится.

— Нет, — твердо возразила Люция. — Я остаюсь.

— Ты не можешь остаться.

— Это еще почему? Потому что меня могут убить? — Она подалась к нему и яростно, даже злобно прошипела: — Ты готов бросить меня, но не их. Что ж, я последую твоему примеру. Все эти люди, все мои друзья и их родные — они все здесь погибнут! Потому что ткачам нужна я! А большинство из них даже не узнает этого. Ты же хочешь, чтобы я их бросила, убежала, спряталась, пока ткачи не выследят меня в конце концов и не погибнет еще больше людей?! — Люция уже кричала. Такой Заэлис ее еще не видел. — Я несу такую же ответственность за этих людей, как и ты. Ты возложил ее на меня, пообещав им мессию! Ты связал их жизнь с моей, но ни разу не спросил, хочу ли я этого!

Последние слова ее звенели в тишине. За всю жизнь ни Джугай, ни Заэлис не слышали, чтобы Люция повышала голос. И после четырнадцати лет спокойствия это поразило их до глубины души.

— Я не уйду. — Голос Люции снова стал тихим, но не потерял твердости. — Я останусь здесь и выживу или умру с тобой. И с теми людьми, с которыми ты навсегда меня связал.

Джугай переводил взгляд с Люции на Заэлиса и обратно. Она внезапно перестала быть ребенком. В ее взгляде Джугай видел тот же огонь, что горел в глазах императрицы Анаис ту Эринима. Заэлис молчал, потрясенный. Наконец он сглотнул и отвел взгляд от незнакомой разъяренной девушки, которая заняла место его дочери.

— Да будет так, — отстраненно и сухо сказал он. — Делай что пожелаешь.

Джугай ощутил невыносимое напряжение момента даже сквозь дурман амаксы.

— Вы еще помните, что сюда движется армия искаженных? — подчеркнуто небрежно сказал он. — Если кому-то интересно, то у меня есть план.

Азара сидела, подогнув под себя одну ногу и обхватив колено другой руками. Она любовалась звездопадом над озером Сазузу. Трава была мокрой, и одежда, пропитавшаяся влагой, холодила кожу. Озеро, что помнило ярость лунной бури, еще не успокоилось, и лунные отблески дрожали на покрытой рябью поверхности. Над озером сновали ночные птицы: удачное время для охоты, рыбешки поднялись к поверхности, привлеченные звездопадом. Искрящиеся крупинки, падающие с неба, рыбы принимали за корм. Ощущение нереальности происходящего таяло, мир возвращался к своему нормальному состоянию.

Совсем одна, Азара глядела вдаль и предавалась размышлениям.

Рекай забылся сном в укрытии, которое они себе соорудили. Путь так утомил его, что он проспал даже творившееся светопредставление. Губы Азары искривились в улыбке. Бедный мальчик. Горе почти раздавило его, но она испытывала странную нежность к этому юному книгочею. Любой другой мужчина, упивающийся своими страданиями, вызвал бы у Азары только отвращение. Но этот наследник Бэрака стал исключением. В конце концов, в обрушившихся на него бедах отчасти виновата она сама.

Последние дни принесли немало сюрпризов. Азара ожидала, что за ними снарядят погоню. Однако либо Мос взял на службу

самых безмозглых ищеек Сарамира, либо они вовсе не собирались их искать — так или иначе, но никакой погони не обнаружилось. Это показалось ей весьма странным и беспокоило гораздо больше, чем если бы им на пятки уже наступали люди императора. Мос ведь знает, что везет Рекай и как это скажется на судьбе империи! Странно. Большая удача — всегда подозрительно.

Известие о смерти сестры совсем подкосило Рекаю, и им пришлось даже остановиться на ночлег, потому что он просто не мог ехать дальше. Его стоны и рыдания обязательно привлекут внимание. Даже если он будет вести себя тихо, его запомнят: слишком глубокая боль запечатлелась в его глазах. Азара подумала, что лучше бы было сохранить в тайне самоубийство Ларанин, пока они не добрались бы до безопасного места, но что сделано, то сделано. Он бы посчитал это предательством. А Азаре нужен был влюбленный и покорный Рекай.

Она дала ему поспать, твердо убежденная, что каждый сам себе лекарь. Ей довелось повидать много трагедий на своем веку, и по большей части они не вызывали в ней ничего, кроме скуки. Интересно, как справится со своим бременем Рекай, чем закончится это испытание мужества? Ей не составляло никакого труда им манипулировать, однако юноша был невинен и неопытен, и это действовало на нее странным образом. Азаре даже не приходилось притворяться увлеченной им.

Сама она не спала. Ей не давали покоя мысли о споре, имевшем место несколько недель назад, и о Кайку.

После того как Кайку раскрыла ее обман, Азара, устыдившись, пошла к Кайлин. Она всегда убегала от того, что причиняло боль, меняла облик и снова пряталась. Кайлин могла дать ей предлог, чтобы уехать. По крайней мере можно было бы убедить себя, что она покидает Провал вовсе не из-за Кайку.

Но у них с Кайлин вышел спор. Кайлин повела себя чересчур надменно и велела отправляться в императорскую крепость.

— Я тебе не служанка, Кайлин! — выпалила Азара. — Тебе бы следовало уже давно это запомнить.

— Избавь меня от этих претензий на независимость, — холодно ответила сестра. — Ты знаешь, что можешь уйти в любой момент. Но ты ведь не уйдешь, правда? Потому что я обещала тебе то, чего ты жаждешь больше всего на свете!

Азара вперила в нее злобный взгляд.

— Мы заключили сделку. Я не записывалась к тебе в подчинение!

— Ну, если тебе так хочется, мы равны. Это ничего не меняет. Ты сделаешь то, о чем я прошу. Иначе мы расторгнем сделку. Но до этого ты поможешь мне получить то, что мне нужно. А я потом дам тебе то, чего ты хочешь.

— А ты можешь? — дерзко поинтересовалась Азара. — Можешь это сделать?

— Азара, ты прекрасно знаешь, что я могу и сделаю. Я обещала.

— Я тоже тебе обещала, — свирепо подхватила Кайку. — Что, если ты меня обманешь, я отомщу. И если я стану твоим врагом, Кайлин, ты пожалеешь об этом.

— Хватит угрожать мне! — отрезала Кайлин. — Договор в силе. И нам нужно хоть немного доверять друг другу.

Доверять... Азара рассмеялась. Люди слишком много надежд возлагают на слово «доверие». Но Кайлин знала, чего так страстно жаждет Азара и ради чего она готова рискнуть всем. И Азара работала на Красный орден. Отчасти потому, что они преследовали одни и те же цели. Но в основном — потому что только так она могла претворить свою мечту в жизнь.

Одиночество закончится, заполнится пустота внутри. Она почти боялась об этом думать.

Глава 29

Над Ксаранским Разломом садилось солнце. Облака на западе полыхали алым, фиолетовым и серебром. В золотистом свете догорающего дня на утесе припали к земле Джугай и Номору. Им открывался вид на рассеченную каньонами землю с разбросанными на ней плато, скалами и крутыми холмами.

Ниже, в складках Разлома, умирали мужчины и женщины. Звуки стрельбы и редкие взрывы эхом отдавались под безмятежными небесами. Из расщелин поднимались клочки дыма. Время от времени Номору и Джугай замечали движение — бежали люди, преследуемые отвратительными тварями. Бой продолжался уже несколько часов, и кое-где сражение выплеснулось из тени на свет, на склоны холмов или на заросшие кустарником плато. Джугай не узнавал и половины группировок, которые видел, но знал, что среди них нет ни обитателей Провала, ни людей из Либеры Драмах.

— Приближаются, — заметила Номору таким тоном, будто ее это несколько не волновало.

— Мы их не сильно задерживаем, — рассеянно отозвался Джугай.

— А чего ты ожидал?

Джугай только пожал плечами. Ему не хотелось сейчас выслушивать от Номору мрачные прогнозы на будущее. Есть дела поважнее.

Кайку очень точно оценила скорость передвижения вражеской армии. С ночи, когда разразилась лунная буря, прошло три дня. Искаженные двигались быстро и уверенно. Многотысячная сила шла через Разлом вдвое быстрее, чем Джугай и трое его спутников. В Разломе такая беспечность граничила с безумием. Джугай задавался вопросом, достанет ли им сил, чтобы преодолеть все препятствия: войска кланов, каньоны, ощерившиеся капканами и ловушками, болота, испускающие ядовитые миазмы, обиталища духов. Для такой многочисленной армии нет и не может быть безопасного маршрута. Каковы их потери? И будет ли это иметь хоть какое-то значение?

От разведчиков Либеры Драмах — и Номору в том числе — доходили разрозненные сведения. Разведчики просто не поспевали за армией. Положение менялось так быстро, что никто не успевал ничего сделать. Войско монстров сметало поселения на своем пути: накатывало волной, а потом буквально распахивало все до основания. Поселки на пути искаженных или неподалеку от него охватила паника. Кто-то бежал на восток, к Провалу. Прошел

слух, что он станет последним оплотом в борьбе с врагом, и приютит все кланы, которые вступят с ними в союз. Приглашать в свою крепость других жителей Разлома — рискованное мероприятие, но Джугай знал, что у Заэлиса просто нет выбора.

Другие группировки — одержимые местью остатки уничтоженных племен — совершали набеги с флангов и с тыла. Ксаранский Разлом был будто создан для молниеносных атак и быстрых отступлений, а эти люди прожили здесь достаточно долго, чтобы изучить каждый уголок. Но искаженные не обращали внимания на мелкие уколы и неуклонно продвигались вперед, к Провалу, не считаясь с потерями.

На душе было скверно. Откуда они узнали, где Люция? Джугай проклинал ткачей с их богомерзкими методами и противостественными способностями. О боги, он всегда знал, что рано или поздно они придут, но почему именно сейчас? Всего через несколько лет Люция достигнет совершеннолетия и сможет предъявить свои права на трон. Тогда можно было бы собрать войска, выйти из тени и бросить вызов Мосу и ткачам.

Джугай вспомнил ее гневную тираду в ночь лунной бури. Все так привыкли видеть Люцию мечтательной и послушной, как шелковый платок на ветру, что никому и в голову не приходило задуматься о ее желаниях, не говоря уж о том, чтобы с ними считаться. Успокаивали себя тем, что, если бы у нее было, что возразить, она бы возразила. Ее отрешенность стала привычной настолько, что ей просто не предоставляли возможности высказать свое мнение. Джугай чувствовал себя виноватым за то, что ее мнение, по сути дела, никогда не принималось в расчет. Будто его у нее и не было. Но, помимо всего прочего, Люция еще и просто четырнадцатилетняя девочка, и ее терпение, как выяснилось, не бесконечно.

Джугай старался не думать, что будет, если в ней проявится такая же жилка упрямства, как у Кайку. Столько всего свалилось на ее плечи...

Особенно громкий взрыв где-то неподалеку вернул его к действительности. Номору зарылась рукой в густую шапку жестких волос и нахмурилась.

— Оттягиваешь до последнего, — предупредила она.

— Вот теперь идем!

Они устремились вниз по узкому склону. С обеих сторон вздымался вал — пронизанные корнями земляные стены. Внизу их ждал готовый бежать человек.

— Они приближаются! Приготовьтесь!

Человек вскинул руку и ринулся вверх по другому склону, справа от них. Джугай и Номору, не останавливаясь, неслись вниз; винтовки больно били по спинам во время бега. Еще двое получили приказания и отправились на позиции. Джугай думал, насколько быстрее и легче им было бы, если бы Кайлин откомандировала для связи сестер Красного ордена. Однако она настояла на том, чтобы ввести их в бой неожиданно, а поэтому они все остались в Провале. В глубине души Джугай сомневался, что она вообще когда-нибудь использует их способности.

Стена слева сошла на нет, и они выбежали на огромный уступ, нависший над мертвым, глухим каньоном. Отвесные стены из песчаника напоминали слоеный пирог — эпохи оставили здесь свой зримый след. Внизу, в сотнях футов отсюда, на дне каньона лежала пыль. В красноватом свете заката на воздушных потоках скользили птицы — под ногами Джугая и Номору. У него закружилась голова от этого внезапно открывшегося вида. Одежду и волосы трепал горячий ветер умирающего дня. Они затаились с несколькими десятками стрелков за грудой камней. Джугай радовался, что отвал скрыт от посторонних глаз.

— Есть что-нибудь внизу? — спросил он.

— Ничего, — ответил молодой мужчина с лицом, покрытым шрамами. Его звали Кайху, и Джугай оставил его здесь за старшего. — Пока. Солнце еще не зашло.

— Ты прав, — пробормотал Джугай. — Ты, ты и ты, — он указал на двух мужчин и женщину средних лет. Все они состояли в Либеры Драмах. — Оставайтесь здесь и ведите наблюдение. Я хочу знать, появится ли в каньоне кто-то, пока мы не вернемся. Остальные — по местам. Они уже близко.

Приказ выполнили быстро и без вопросов. Люди именно этого ждали. С мрачной готовностью они покинули укрытие и направились дальше вдоль огромного уступа. На некотором расстоянии он начинал опускаться и заканчивался огромным завалом.

Вид открывался поистине захватывающий. Каньон, который они видели сверху, был всего лишь частью гигантской «вилки», южным ее ответвлением. На западе раскинулась невероятных размеров котловина, которая изгибалась и терялась среди холмов с почти отвесными стенами. На востоке лежал другой каньон, сужающийся к горизонту. Джугай и снайперы бежали по границе между южным и восточным каньонами — длинному выступу, которые заканчивался несколькими громадными «ступенями», поросшими чахлым лесом и кустарником.

Джугай заметил, как один из бегущих подает сигнал на другую сторону каньона: он поймал последние лучи глаза Нуки карманным зеркальцем. Ему ответили тем же сигналом из скрытых позиций на противоположном краю. По краям развилки за кустами и скалами, в щелях и нишах прятались люди Либеры Драмах.

Джугая захлестнуло горячей волной гордости. Ничто не останавливало безжалостного наступления искаженных, но у них хотя бы было время, чтобы подготовиться к встрече с врагом. Поначалу решение Кайку остаться с армией искаженных показалось ему неразумным. Теперь он был ей благодарен. Только благодаря риску, который взяла на себя Кайку, они получили предупреждение. Ткачи шли через Разлом, не считаясь с потерями. Но теперь им, пожалуй, придется призадуматься.

— Хрящевороны! — крикнул кто-то. Джугай запрокинул голову и увидел парящих в небе птиц, громадных, черных, страшных. Он и его товарищи скользнули за край уступа и спрятались на каменных «ступенях» среди сухих кустов. Номору не отставала; сжимая в руках свою великолепную винтовку, она припала к земле рядом с ним. Стены восточного и западного каньонов были не такие высокие, как в южном, дно тоже полого поднималось вверх, и Джугай с Номору и остальными засели на высоте около семидесяти футов. Они лежали, почти не дыша. Слышалось рез-

кое карканье птиц, которые кружили сверху. Армия искаженных выслала вперед крылатых разведчиков.

— А если не сработает? — прошептала Номору.

— А если не сработает, по крайней мере, не останется живых никого, кто рассказал бы о нашем провале, — ответил Джугай.

Номору хмыкнула и зарядила винтовку, вскинула ее, прицелилась в воронов.

— Может, пристрелить парочку?

Джугай покачал головой.

— У тебя есть другие мишени. До этого — ни выстрела.

Он устроился поудобнее, не сводя глаз с западного каньона, откуда должны были появиться искаженные. Огромная армия врага шла, как широкая лавина, но здесь Разлом сужался, и несколько путей сходились в одной точке — в этом каньоне. Конечно, они могли бы вскарабкаться наверх, на открытое пространство, но Джугай твердо верил, что они не выберут этот путь. Скорость продвижения и неосторожность искаженных значили только одно: они хотели нагрянуть в Провал внезапно, чтобы Либер Драмах не успела переправить Люцию в безопасное место. Собственно говоря, поэтому они и пошли через Разлом, а не по ближайшим равнинам. Без острой необходимости они не покажутся раньше времени — ни своим будущим жертвам, ни миру в целом.

А зачем им вообще понадобилось направлять в Провал такую сокрушительную силу? Можно ведь было бы подослать убийц или ткачей, чтобы избавиться от наследной императрицы. Может, у них просто не нашлось на это времени... Джугай вспомнил, что другая армия отплыла на север на баржах. Похоже, ткущих больше занимало что-то другое. У них были дела поважнее Люции.

Солнце почти закатилось за горизонт, когда до них донеслись первые звуки. Войска искаженных приближались. Как Джугай и ожидал, хрящевороны куда-то исчезли. Кайку рассказала о сильных и слабых сторонах искаженных, с которыми ей довелось столкнуться. Например, хрящевороны никогда не летали по ночам — очевидно, они плохо видели в темноте.

Нарастающий гул заронил семя страха в душе Джугая. Сначала он слышал только отдаленный шум, но тот усиливался с пугающей быстротой. И в нем уже стали различимы вой, рывканье, рычание, рев. В этой безумной какофонии хаоса вспыхивали выстрелы винтовок: Либеры Драмах жалила фланги.

Джугай крепко стиснул ствол винтовки. В висках стучало. В душе шевельнулось сомнение. Он будто стоял на волнорезе и ждал цунами.

Орда вырвалась из западного каньона. Джугай побледнел. Искаженные, как поток масла, протекали между скалами. Волна разрушения. У него перехватило дыхание. Сарамирцы с молоком матери впитывали недоверие к искаженным, но Джугая это не коснулось. Он всегда с усмешкой относился к предрассудкам, а в таком месте, как Провал, о них никто и не вспоминал. Но сейчас ему не удалось подавить отвращение и страх. К нему приближались чудовища. Природа, вывернутая наизнанку. Уродства, порожденные чумой ткущих. Существа, противные замыслу Эню.

«Да разве может Кайку быть одной из них?» — ужаснулся Джугай.

Они бежали рысцой. На этой скорости монстры могли двигаться без усталости днями и ночами напролет. В их войске не было порядка, но им каким-то загадочным образом удавалось не топтать друг друга. Огромные гхореги неслись галопом, неуклюже бежали похожие на огромных кабанов фурии, искаженные помельче без труда обгоняли их. Скренделы перебирали паучьими ногами, маленькие обезьяноподобные хищники с длинными пальцами прыгали со скалы на скалу и шипели друг на друга. С жутковатой грацией скользили между своими неуклюжими соплеменниками воркуны. И вся эта громадная толпа визжала, рычала и завывала.

— О боги! — пробормотала Номору. — Если они доберутся до Провала, мы покойники.

— Так много собачек, но кто же держит поводки? — Джугай высунулся из-за кустов. — Где эти Связники? И где ткачи?

Вражеская армия выплескивалась из западного каньона на равнину. Они не задумывались, куда поворачивать, — они держали

путь на восток. Хрящевороны уже выяснили, что южный каньон заканчивается тупиком, и передали это знание Связникам. Джугай и другие снайперы, укрывшиеся на ступенчатом мысе, затаили дыхание, когда масса чудовищ пронеслась мимо них. Земля дрожала под ударами тысяч лап, копыт, когтей.

— А вот и они, — прошептала Номору, обращаясь не столько к Джугай, сколько к самой себе. Она спокойно и сосредоточенно смотрела в каньон, и он проследил за направлением ее взгляда. Показался первый Погонщик.

Связники в сердце толпы ехали верхом на чудовищах, наминавших быков, только с голой кожей и гораздо быстрее. От вида Погонщика у Джугай свело внутренности, а к горлу подступила тошнота. В бледной маске и черной мантии он напоминал ткача. Показался еще один, и Джугай заметил, что их охраняет эскорт гхорегов. Массивные тела чудовищ служили Погонщикам хорошими щитами.

— Они защищают Связников! — Чтобы перекрыть шум чудовищного войска, приходилось кричать. — Получится?

Номору одарила его уничижительным взглядом и вроде бы даже собиралась ответить что-то едкое, но такой возможности ей не представилось. Невероятной силы взрыв сотряс небо и землю. Джугай и Номору инстинктивно сжались, когда сверху на них посыпались камешки и пыль.

Грохот взрыва пронесся над Разломом. Раскалывались скалы. Плотное облако пыли взметнулось вверх и закрыло небо. Люди Либеры Драмах установили взрывчатку по обеим сторонам восточного каньона, сразу за развилкой. Первый удар обрушил камни и валуны на авангард искаженных. Они остановились. Сверху на них летели обломки. Но это было только начало. В следующее мгновение раздался страшный полурокот-полустон оседающей скалы, от которого закладывало уши.

Стены каньона рушились.

Искаженные взвыли и завизжали, топча друг друга и не зная, куда податься. Но было уже поздно. Они не могли спастись от каменной лавины, накрывавшей их. Она неодолимой силой уда-

рила по неорганизованным отрядам. Трещали кости, рвалась плоть. Чудовища, рожденные для убийства, сами превратились в беспомощных жертв, раздавленных кукол с оторванными конечностями. Тех, кого не погребла под собой лавина, давили, наседа сзади, свои же обезумевшие соратники. Жизнь вытекала из растерзанных тел. Пыль полностью скрыла от глаз происходящее внизу — желтый ад, наполненный звериными воплями. Но искаженные все прибывали и прибывали и загоняли своих в каменную ловушку, где их кости гнулись и трещали, как тонкие веточки.

Джугай поднял голову и подмигнул Номору.

— А теперь покажем, что еще мы для них припасли.

Либер Драмах открыла огонь.

Вокруг развилки, высоко над врагом, засело около сотни стрелков. Хотя бурлящая пыль разъедала глаза и не позволяла видеть происходящее внизу, искаженные сбились в такую плотную массу, что труднее было промахнуться, чем попасть в кого-нибудь. Палили без разбора, передергивали затворы после каждого хлопка, прекращали огонь только тогда, когда выгорал порох или нужно было перезарядить винтовки. Беспрерывный перекрестный огонь наполнил воздух градом пуль, терзавших плоть искаженных. Пули пробивали хитиновые доспехи, шерсть, шкуру, мышцы. Взрывалась фонтанами и лилась ручьями кровь. Каньон звенел от криков и воплей. Чудовища метались в поисках атаковавшего их врага — и не находили.

Джугай палил вместе с остальными.

Внезапно один проворный скрендел выбрался из пыльной мглы и попытался взобраться на стену каньона, чтобы спастись от кровавой бани, но Джугай предусмотрительно расположил там двух стрелков, и они быстро пресекли попытку прорыва. Искаженные не должны подойти к позициям Либер Драмах.

Номору была спокойна, как статуя. Рука, лежавшая на стволе черной лакированной винтовки, уверенно скользила по серебряной гравировке. Между тем пыль постепенно оседала: земля остывала, и поднявшийся ветер сносил ее в каньон. Искаженные

извивались и корчились — темные тени в последних отсветах догорающего дня. Небо над головой потемнело.

— Они поворачивают! — закричал кто-то. — Поворачивают!

И это было правдой. Искаженные поняли, что путь на восток закрыт, и пришли в отчаяние. В попытке спастись они ринулись в южный каньон. Джугай не знал, утратили ли Связники контроль над своим войском или сами приказали поворачивать на юг, но маневр врага вызвал прилив злобной радости. Куда ни поворачивай — результат один.

— Всем оставаться на своих местах! — прокричал он. Боеприпасы и порох уже заканчивались, но расслабляться было рано. Номору еще должна сделать свое дело.

Будто услышав его мысли, она подняла винтовку к плечу, целясь сквозь кусты. Пыль уже почти осела, и перед сидящими в засаде открылась страшная панорама каньона. Дно ущелья усеивали растерзанные трупы. Впрочем, их почти не было видно — павших топтали обратившиеся в бегство.

Джугай и остальные видели истинный хаос — плод трудов своих. Но внезапно чудовища стали замедлять бег и останавливаться. Выстрелы затихали — винтовки перегревались, пороховницы пустели. Катящийся к южному каньону вал замедлил ход.

— Номору, они снова берут их под контроль, — предупредил Джугай. Он уже получил ответ на свой незаданный вопрос.

Она никак не отреагировала на его слова. Номору смотрела вниз через прицел, и в ее позе было столько грации, изящества и красоты, что казалось непостижимым, как это все может присутствовать у женщины с грубым лицом и колючим характером.

В каньоне Связники собрались вместе. Их окружали верные гхореги. Маски скрывали лица, но Джугай почти физически ощущал их волю, накрывающую искаженных.

Она выстрелила.

Пуля прошла в дюйме от плеча одного из гхорегов и попала в лицо Связнику. Мертвенно-бледная маска покрылась сетью кровавых трещин. Погонщик дернулся, покачнулся и выпал из седла.

Искаженные отреагировали мгновенно. Какая-то часть их будто взбесилась, хищники сцепились друг с другом. Истерика распространилась по рядам мгновенно. Стрелки дали залп по другим чудовищам.

Номору снова спустила курок. Еще один Погонщик вывалился из седла.

А потом с края каньона столкнули ящик взрывчатки. Шнур дымился и шипел. И когда раздался взрыв, каньон превратился в преисподнюю. Искаженные ринулись к единственному выходу из дьявольского ущелья — в южный каньон. Номору невозмутимо «сняла» третьего Связника. Гхореги-стражи метались вокруг. Двое рвали на куски ездового быка одного из Связников. *Пастухи* угасали, как свечки, и хаос охватил то, что некогда было армией. Оставшиеся Связники бежали, пробиваясь в панике через толпу. На ночном небе истаяли последние отблески света. Номору опустила винтовку.

— Все, не достать.

Джугай одобрительно похлопал ее по плечу. Она ответила ему взглядом исподлобья.

— Пора идти. Мы еще не закончили.

Вместе с другими стрелками из своей группы они взобрались на утес и побежали обратно, по своим же следам, вдоль обрыва над южным каньоном. Позади еще звучали выстрелы. Резкие щелчки отдавались эхом в пустоте. Сумерки укрыли Разлом черно-синим покровом. На севере показался краешек Арии. Стремительно холодало. Они добрались до наблюдательного пункта и припали к краю уступа.

Ущелье кишело искаженными. Первые уже почти достигли тупика и нехотя останавливались, понимая, что пути дальше нет. Но без Связников они не могли сообщить это сотням своих сородичей, которые неслись сзади, и гибли под ногами тех, кто еще не заметил ловушки. Чудовища сгрудились у тупика. Искалеченные тела лежали под их ногами, как нераспаханная земля. Но сзади прибывали другие, тоже искавшие спасения от пуль в развилке. В конце концов даже они поняли безвыходность положе-

ния, замедлили бег и остановились. Каньон был набит живыми и мертвыми.

В этот момент сработали последние взрывные устройства.

Искаженные взвыли от страха, когда обвалился вход в каньон. Тонны камня обрушились, образовав стену из обломков скал и погребенных под ней монстров. Ловушка захлопнулась.

Повисло напряженное ожидание, которое чувствовали даже неразумные звери. Они кружили на месте, огрызались друг на друга, царапали безжалостный камень. Разгорались стычки. Винтовки смолкли.

В сумерках сверху было не очень хорошо видно, но у кого-то нашлись подозрительные трубы... Люди смотрели вниз и ждали.

Никто не смог бы с уверенностью сказать, был ли тот гхорег первым или же его просто первым заметили. Он вдруг исчез прямо у них на глазах. Провалился под землю.

Искаженные почувствовали, что творится что-то неладное. Потом земля проглотила еще одного, на этот раз фурию, успевшую издать сдавленный визг.

— О боги, — прошептала Номору. Она укрылась рядом с Джугай. — Вот будет месиво.

А потом ужас охватил весь каньон. Искаженные исчезали, просто проваливались под землю, будто под их ногами разверзлась пропасть. Сначала их всасывало по одному, потом пропадать стали по двое, по трое... и вот уже десятки чудовищ исчезали в мгновение ока. Нахлынула новая волна паники: визг, вой, рев... В смятении чудовища бросались друг на друга. Скренделы, самые разумные из всех искаженных хищников, карабкались на стены ущелья, но камень был слишком гладким. Каньон стремительно пустел. Дно его с равным удовольствием поглощало живых и мертвых.

Тем, у кого были подозрительные трубы, заметили движение у самой поверхности земли. Нечто с молниеносной скоростью двигалось от одной жертвы к другой. Даже в темноте стали видны багровые пятна, проступавшие на песке — земля пресытилась кровью и не могла уже удержать ее всю в себе. Искаженные метались на скользком от крови своих собратьев камням в тщетной попытке

ке спастись от неведомых существ, кишевших под ними. Из-под земли взметнулись пучки щупалец, опутали скренделов, которым удалось заползти на некоторую высоту, и втянули их в песок. Это произошло в мгновение ока — с той же скоростью хамелеон ловит языком moskitov.

Когда опустилась густая тьма и Ария немного поднялась над горизонтом, в каньоне снова воцарилась тишина. О том, что порченные были здесь, говорил только влажный блеск на дне ущелья, где кровь погибших постепенно впитывалась в землю.

Джугай присвистнул. Он слышал всякое об этих местах с тех пор, как впервые попал в Разлом, и знал, что в легендах немало правды: несколько человек погибло здесь, наглядным образом подтвердив самые мрачные предупреждения. Но он и понятия не имел о невероятной прожорливости *лиа-кири* — земляных демонов.

Сверху к ним сбежала женщина.

— Они повернули назад, Джугай, — задыхаясь, сказала она. — Они отступают.

Люди с радостными возгласами обнимались и поздравляли друг друга. Джугая хлопала по плечу и спине. Он ухмылялся.

— Ну вот, теперь, думаю, в Провал немногие сунутся. Отличная работа, молодцы.

Он позволил им порадоваться и поздравить друг друга, прежде чем отдал приказ возвращаться. Они это заслужили. Сегодня по армии ткачей нанесли серьезный удар, но это означало только то, что в следующий раз они будут намного осторожнее. Либер Драмах уничтожила сотни порченных, но для многочисленного врага это не слишком серьезная потеря. Как бы там ни было, а ткачи — плохие тактики и потому угодили в ловушку, которую легко обошел бы опытный полководец. Но они безумны, а значит — непредсказуемы, и это делает их еще опаснее.

Джугай перехватил взгляд Номору. Она одна не веселилась с остальными. Он понял, что она думает о том же, о чем и он. Они выиграли короткую передышку, но настоящая битва произойдет в Провале. И вполне возможно, что победа достанется не им.

Глава 30

После бойни в каньонах око Нуки встало и зашло снова, и теперь уже Иридима правила бал на небосводе. В сотне миль от Провала Кайку и Тсаты стояли на западном берегу реки Зан. Они укрылись в тени рощицы тумиси. Этим деревьям каким-то чудом удалось спастись от источаемой ближайшим колдовским камнем заразы. Ночь была тихой и теплой, и только прохладный ветерок беспрестанно шелестел в листве.

За рекой стояло чудовищное сооружение, средоточие жизни в пойменной долине. Прошло много недель с тех пор, как они впервые увидели эту похожую на металлическую личинку махину. От нее исходил жирный смрад, она стонала и скрежетала, со скрипом ворочались по сторонам тяжелые колеса. К ней жались сооружения поменьше. Их назначение для Кайку и Тсаты оставалось столь же загадочным. Какие-то всполохи то и дело ярко освещали изнутри металлические ребра, их сопровождал жуткий рев; с лязганьем приходили в движение цепи, гремели о гигантские зубья и ворота, подобно сухожилиям, натянутые между зданиями. Еще какие-то механизмы нестройно громыхали, а потом замирали снова.

С этой стороны можно было рассмотреть жерла двух труб, проложенных под землей от махины до берега реки. Над гладкой поверхностью Зана виднелись черные, забранные решетками рты.

Кайку напряженно рассматривала сооружение. Она его ненавидела. Ненавидела за непонятность, чуждость, неестественный грохот и гнусную вонь. Оно извергало яд. Более того, она ненавидела его за то, что оно держало ее здесь, не давало вернуться к друзьям, домой, когда Провал в такой опасности. Она, конечно, не могла быть с ними — не успела бы... но, наверное, стоило хотя бы попытаться, а она этого не сделала, и на душе скребли кошки.

Но, по-видимому, от Тсаты она подцепила проклятое охамбское мышление, этот чудной альтруизм и приоритет общих потребностей перед личными желаниями.

В ночь, когда разразилась лунная буря, когда пал барьер и войско порченных двинулось на восток, она смотрела на эту орду и

ничего не желала так сильно, как отправиться следом за ней. Конечно, они двигались слишком быстро — не догнать... Но даже если Кайку удалось бы попасть в Провал вовремя, она стала бы всего лишь одной из тысяч обреченных. Прежняя Кайку все равно отправилась бы следом — это было заложено в ее природе.

Но она не отправилась. Кайку знала, о чем думает Тсата, и, к своему великому удивлению, думала о том же. Пойменная долина теперь почти опустела, осталась лишь немногочисленная стража. И грех было бы не воспользоваться такой оплошностью врага.

Не добраться до колдовского камня.

Тсате даже не пришлось ее уговаривать. Такой возможности могло больше не представиться. Вне зависимости от исхода битвы на востоке, они в долгу перед друзьями и должны использовать выпавший шанс.

И они направились в шахту ткущих.

— Смотри, — прошептала Кайку. Глухой рокот вырвался из недр сооружения. Раздался громкий лязг, и трубы извергли поток омерзительной жижи. Под напором ее верхние и нижние половинки решеток распахнулись. Поток не иссякал несколько минут. В Зан падали обломки камней, органические отходы и что-то еще, неразличимое в лунном свете. Все это река унесет на юг, к водопаду. В конце концов рев воды утих, поток превратился в ручеек, и решетки снова захлопнулись — исчезло давление. В глубине машины раздалась еще два глухих удара, и потом все звуки, кроме мерного журчания реки, стихли.

Кайку и Тсата выбрались из роищицы и поползли через заросли высокой травы к воде. Берега Зана были вполне плодородны: растительность здесь не знала недостатка пресной воды и представляла собой вполне сносное укрытие. Кайку и Тсата на четвереньках проползли вверх по реке до длинного искореженного бревна, перекрученного посередине. Они прикатали его сюда прошлой ночью, когда готовились к рейду. Дерево оказалось довольно слабым, они повалили его без труда, накинув на макушку веревку и пригнув к земле. После этого руками ободрали ветки и получили отличный «плот», на котором собирались переплыть реку.

Некоторое время они наблюдали за поймой. В темноте сновали тени. Их было около сотни на всем пространстве. Кто-то лениво бродил вокруг таинственной громадины, но большинство порченных просто спали. Патрули, которых теперь стало гораздо меньше, сосредоточились на восточном берегу реки, и Кайку и Тсата не особенно боялись случайной встречи с дозором на западном берегу. За равниной мрачной черной стеной поднимались скалы. Кайку вспомнила, как они впервые лежали там, на краю, и со страхом смотрели на огромную армию искаженных, которую ткущие сумели собрать здесь. Теперь опустевшая долина казалась едва ли не призрачной.

Удостоверившись, что никто не обращает на реку внимания, они дожидались, пока лик Иридимы скроется за облаками. Кайку радовалась, что не пришлось откладывать вылазку до лучших времен: бездействие и страх за друзей изрядно поистрепали ей нервы. Но погода благоволила. Времена года в Сарамире не очень отличались по температуре из-за близости к экватору, но осень и весна более дождливы и облачны, чем лето и зима. Привычку выделять времена года сарамирыцы унаследовали от Кураала с его умеренным климатом и так от нее и не избавились.

Перистые облака скрыли от глаз луну. Кайку и Тсата переглянулись, потихоньку подкатали бревно к воде и сами вошли следом. Вода оказалась удивительно теплой: она вышла из ледяных глубин Чамильских гор, но на протяжении многих сотен миль ее согревало солнце. Река приняла Кайку в свои влажные объятия, и ласка эта проникала сквозь одежду и касалась кожи. Она прикинула силу течения. Река здесь текла лениво, будто собираясь с силами перед водопадом. Кайку обняла бревно рукой, Тсата сделал то же самое, и они оттолкнулись от берега.

Переплывали реку в темноте, молча. В тишине слышался только плеск воды о бревно. Они мерно скользили к восточному берегу. Отошли от берега под углом, принимая в расчет течение, которое снесет их до нужного уровня — прямо к зловещему панцирю шахты. Расчет оказался верным, и удача им сопутствовала — Иридима не вышла из-за облаков, и тьма осталась непроглядной. Они

причалили к восточному берегу в нескольких десятках футов от жерл. Бревно пришлось отпустить по течению. Оставлять его здесь было опасно: при свете солнца «плот» могли заметить.

Долгие недели наблюдения за поймой в конце концов принесли плоды. Хотя Кайку переживала, что им не удастся подобраться к Связникам или загадочному строению ткачей, они все же многое узнали о работе жуткой громадины и составили много планов. Кайку особенно заботило, с какой частотой трубы извергают грязную воду. Они не располагали приборами, которые помогли бы им вычислить точные промежутки между извержениями, но соглашались в одном: происходит это достаточно регулярно, раз в несколько часов. Вода откуда-то поступает, рассуждала Кайку. Если правильно рассчитать время и пробраться в трубы, можно все выяснить. Решетки на трубах, скорее всего, служат препятствием для животных, а следовательно, защищают что-то.

Только сейчас ей удалось заглянуть в одну из труб, обычно скрытую от глаз линией берега. И от реальности собственного плана у Кайку закружилась голова. Попав туда, она окажется запертой в ржавых металлических стенах и сможет двигаться либо вперед, либо назад, третьего не дано. В животе похолодело.

Тсата положил руку ей на плечо и тихонько стиснул, уловив ее колебания. Она оглянулась на него. Татуированное лицо в темноте было почти невидимым, но Кайку почувствовала решимость в его взгляде и как будто позаимствовала оттуда немного.

Вдвоем они отогнули нижнюю створку решетки. Особый пружинный механизм удерживал ее закрытой, но он износился и заржавел. Кайку первой поднырнула под верхнюю решетку и оказалась на другой стороне. В трубе она могла стоять чуть-чуть согнувшись. Речная вода доходила до пояса. Тсата последовал за ней, предварительно убедившись, что на решетке нет видимого запирающего механизма.

— Если до этого дойдет, — Кайку будто прочитала его мысли, — я ее взорву.

Тсата знал, что она имеет в виду. Она сильно рисковала, когда связывалась с Кайлин, и, хотя ткачи ее не «услышали», в сле-

дующий раз они могли быть гораздо внимательнее. Использовать здесь *кану* — значит вынести себе смертельный приговор. Но, несмотря на это, если понадобится, Кайку поступит так. Она просто заявила об этом ему — и себе. Что бы там ни говорила Кайлин, а эта сила — ее, и она может распоряжаться ею, как посчитает нужным.

Тсата улыбнулся. Если эта особа когда-нибудь наденет мантию сестры, Кайлин придется сильно попотеть, чтобы удержать ее в узде.

Они продвигались по трубе. Вода тихо плескалась. До них долетали и другие звуки: отдаленный скрежет, отрывистое лязганье и скрип. Отражаясь от металлических круглых стен, они усиливались. Вокруг смыкалась тьма, абсолютная чернота, разбавленная только бледным круглым пятном — позади, там, где остался вход в трубу, единственный ориентир во мгле.

Они прошли немного и остановились. Тсата принялся распаковывать свечу, которую в непромокаемом мешочке нес на поясе.

— Подожди, — прошептала Кайку.

— Тебе нужен свет, — пояснил он. Ему не нужно было уточнять, что сам он в освещении не нуждается. У него было зрение совы, — черта, присущая всем обитателям Охамбы. Много-много лет назад их кровь смешалась с кураальской, и появились тки-урати.

— Подожди, мне нужно время, — повторила она.

Ее глаза довольно быстро привыкли к темноте, и она уже различала очертания: стены трубы, покрытую рябью поверхность воды.

— Я вижу.

— Ты уверена? — удивленно спросил Тсата.

— Разумеется, уверена. Убери свечу.

Охотник так и сделал, и они продолжили путь, зная, что он не будет долгим: сооружения, из которых в трубу поступала вода, стояли не очень далеко от берега. Пока все складывалось не так уж и плохо: она, вопреки ожиданиям, не мучилась клаустрофобией и не задумывалась о том, что будет, если на них обрушатся

тонны зловонной жидкости. Кайку твердо верила в цикличность выбросов и в свои силы, и это спасало от обычных сомнений и страхов.

Она сама удивилась тому, насколько повзрослела после Эс-тивальной недели, предательства Азары, победы над демонами; после того, как, ведома одним чутьем, спасла умирающего друга; после того, как неделями жила, убивая порченных, полагаясь лишь на себя и на чужеземца с загадочной логикой. Она была такой же, как и раньше, но в то же время другой — более зрелой. Изменилось ее отношение к жизни, и эти перемены подарили ей уверенность в своих силах, которой у нее никогда не было.

Она нравилась себе такой.

Теперь лязг и стоны стали громче, и в трубе появились отблески огня — мгновенные вспышки только намекали на то, что ждет впереди. Кайку и Тсату преодолели почти незаметный изгиб и подошли к краю.

Кайку зажмурилась от света. Труба расширялась к началу и соединялась со второй. Вместе они образовывали длинный коридор. Он поднимался вверх, над уровнем реки. Впереди Кайку видела стену из тусклого, отливающего бронзой металла.

Она взглянула на Тсату. Он пробормотал что-то на охамбском.

— Что это значит? — шепотом спросила Кайку.

Вопрос, казалось, застал его врасплох.

— Ну, это вроде вашей защитной молитвы.

— Но в Охамбе не верят в богов. И вы не верите, что предки продолжают жить где-то, кроме вашей памяти.

— Это обращение к *пашу*.

Кайку впервые видела Тсату смущенным.

— Я попросил у тебя защиты и предложил тебе свою. Это просто обычай.

Кайку убрала с лица прядь мокрых волос.

— А как я должна ответить?

— *Хтре*.

Кайку повторила, не очень, впрочем, уверенная в произношении.

— Это значит, что ты просишь и обещаешь мне то же самое. Она улыбнулась.

— *Хтре*, — повторила Кайку уже более твердо.

— Это просто обычай. — Он не смотрел на нее.

Они выбрались из воды в расширяющийся коридор. После долгого пребывания в крошечной тьме теплое свечение впереди рождало в них тревогу. Двигались очень осторожно, держась стен. Пальцы скользили по ржавым панелям, скрепленным между собой странным веществом, которого не знали ни Кайку, ни Тсата. Добравшись до конца тоннеля, они увидели в неверном теплом свете, что их ждет не стена, а крутая горка. Они выглянули из отверстия трубы — никого. Сверху — темнота, вокруг — металл. Откуда исходил свет, тоже было неясно.

С одной стороны к скату прикреплялась металлическая лестница.

Кайку ничего не оставалось, как лезть вверх. Более безопасного пути не было. Тсата остался внизу. С кожаной одежды ткнураги капала вода, и вскоре у его ног образовалась лужа. Кайку вдруг пожалела, что не придумала, как уберечь винтовку от воды и пронести ее сюда. С ней она чувствовала бы себя спокойнее, хотя если бы их обнаружили, толку от винтовки было бы немного.

Она достигла верхушки лестницы, и сердце ее упало при виде истинных размеров рудника.

Кайку предполагала, что горбатый панцирь окажется потолком здания, но ее ожидания не оправдались. На самом деле это была «шляпка» гигантской шахты, уходившей куда-то в неизмеримые глубины земли. Из стен ее торчали вздувшиеся камни и зазубренные отростки скалы. Широкие выступы покрывали стены наподобие шрамов. Скат, по которому взобралась Кайку, заканчивался полукруглой платформой, на которой стоял огромный сливной чан. Позади него медленно вращались два колеса, приводя в движение гигантские шестерни. Закрепленные на громыхающих цепях ковши поднимали воду и выливали ее в чан, а потом монотонно опускались, чтобы зачерпнуть еще.

Кайку каким-то чутьем уловила, что вокруг никого нет, и выбралась на платформу. Она стояла и с благоговейным ужасом осматривала это невероятное, нереальное, жуткое место.

Свет, который они видели, исходил от металлических факелов и колонн, горящих странным пламенем — оно походило не на обычный огонь, а на огненный пар. Клубы дымного пламени взвивались вверх и рассеивались, оставляя только зловонный дым, который собирался над шахтой. Кайку вдруг поняла, что сверху темно не от недостатка света, а от завесы плотного дыма, который медленно просачивался наружу через поры в крыше.

Сотни выступов и колонн соединяли между собой сеть ветхих деревянных и веревочных мостков и лестниц. Стены оцетинились подпорками и балками из дерева и металла, обозначая путь для рудничных тележек. В зевах пещер полыхал огонь. В глубине ревели норрии, выпуская из себя струи пара, ни на минуту не прекращая свое бессмысленное, тупое движение. Подъемные краны катились в никуда, не выпуская из железных клювов никому не нужные грузы. Тонкие струи воды изливались из пещер и падали в пустоту или разбивались о выступы, превращаясь в брызги и пар. Кайку увидела маленькие ветхие хижинки из дерева, которые лепились друг к другу, иногда — прямо на верхушке колонны. Порой их связывал с окружающим пространством один-единственный мост. Здесь было жарко, душно и отвратительно пахло, во рту ощущался неприятный металлический привкус.

Кайку с удивлением и страхом глазела на это порождение ткающих. Она в жизни не видела столько металла, тем более — выкованного таким образом. Что же за кузни у этих ткачей? Что происходило на протяжении двух столетий в их монастырях, где Великие Мастера создавали маски? Кто соорудил это все, включая те странные факелы и те диковинные штуки, которые шипели, выпускали пар и двигались сами по себе?

К ее плечу что-то прикоснулось. Кайку подскочила от неожиданности. Это был всего лишь Тсата.

— Нам лучше спрятаться. — Он обвел взглядом картину, и в его глазах отразилось не то отвращение, не то злость.

Они продвинулись к стенам шахты, где сгушалась спасительная тьма. Разрозненные металлические факелы давали больше света, чем обычные светильники, но все же не могли рассеять весь мрак в этом чудовищном месте. Из тени Кайку и Тсата еще раз внимательно осмотрелись. Движения не было. Шахта казалась заброшенной.

— Твои глаза... — Тсата повернулся к Кайку.

Кайку нахмурилась.

— М-м-м?..

— Они изменились. В твоих зрачках больше красного, чем раньше.

— Раньше? — Она смотрела на него с недоумением.

— Раньше. До того, как мы проникли в трубу.

Кайку задумалась. Ей вспомнилось удивление в голосе Тсаты, когда она отказалась зажигать свечу.

— Насколько там было темно?

— Слишком темно, чтобы ты что-то разглядела.

Кайку ощутила, как по телу прошла дрожь. Она что... *приспособилась*? Использовала *кану*, даже не подозревая об этом? Обострила свои чувства, чтобы видеть в темноте? Она не знала, как ей это удалось. Наверное, неосознанно, так же, как в случае с Джугай, когда она исторгала из его тела яд руку-шаев. Чем больше она использовала *кану*, тем больше, казалось, *кана* использовала ее. Она была не столько госпожой, сколько живым источником, проводником. А у сестер Красного ордена так же? Нужно будет спросить у Кайлин, когда они вернутся.

Если им будет куда возвращаться.

Она отогнала от себя эту мысль, едва та возникла. Нет времени на сомнения и страх. Армия искаженных уже должна подойти к Провалу, и сама Кайку ничего, ничего не может с этим поделаться. Остается лишь надеяться, что ее предупреждение дало им время подготовиться или убраться оттуда.

Они прошли по платформе к мосткам, которые жались к стенам шахты. Они вели к входу в тоннель. Мостки были железные, вбитые в скалу подпорки поддерживали их над непостижимой про-

пастью. Кайку не хотелось прикасаться к перилам голой кожей. В Сарамире перила делали из резного дерева или — изредка — из полированного камня, но не из металла, тем более — такого: ржавого, шелушащегося от оседающего пара.

Когда они добрались до конца, Кайку вздохнула с облегчением. Камню можно доверять.

Тоннель шел вниз, и они с величайшей осторожностью спустились в него. Пол усыпали осколки камней, галька, гниющие остатки пищи и деревянная стружка. Здесь было так же пусто, как и во всей шахте. Никаких следов настоящих горнодобывающих работ. Неровные стены дышали нетронутой древностью.

— Это природное, — тихо сказал Тсата, обведя рукой тоннель. — Как и шахта. Здесь нет рукотворного каркаса или опор. Если ткущие что-то и построили, они построили это над тем, что здесь уже давно было.

— Значит, они ничего тут не раскапывали? — спросила Кайку. Ее одежда уже высохла в жарком воздухе и неприятно натирала кожу.

— Нет, — подтвердил Тсата. — Это было здесь задолго до прихода ткачей.

Кайку это немного успокоило. Сначала мысль о том, что ткущим удалось построить нечто подобное за несколько лет, потрясла ее до глубины души. Теперь же Кайку уверилась, что и ткачи не всемогущи. Значит, есть надежда.

Они спускались все ниже. Им попадались комнаты, оборудованные под кухни, склады, набитые мешками и бочками с едой. Но чем дальше они шли, тем больше убеждались: здесь никого нет.

— Думаешь, они ушли? — прошептала Кайку. — Все-все?

— А как насчет маленьких людей? — спросил Тсата. — Они бы ушли?

«Маленькие люди...» Кайку понадобилось время, чтобы понять, о чем говорит Тсата. Он имел в виду крохотных рабов ткачей, гольнери.

Гольнери... Еще одна загадка, как и Связники, отцы Пределов и разумные искаженные в плену в монастыре на Фо. Все это как-то

взаимосвязано. Ткачи столько лет были пугающей и неотъемлемой частью жизни Сарамира, а люди так ничего о них и не узнали. Сколько еще загадок таят в себе монастыри, какие планы выплываются в черном безумии их обитателей?

Что происходит под самым носом сарамирцев? Кайку покачала головой, отвечая на вопрос Тсаты и отгоняя свой.

— Гольнери остались бы здесь, — ответила она. И вдруг новая мысль поразила ее. — Думаю, здесь так пусто, потому что ткачи не планировали отправлять в поход вторую часть войск. Поэтому тут так много продуктов. Большая часть сил направилась на запад, меньшая осталась здесь, чтобы охранять территорию. Но каким-то образом ткачам стало известно о Провале, уже после того, как ушли основные силы. Возвращать баржи они по каким-то причинам не захотели и вместо этого в Провал послали тех, кто еще оставался здесь. Никто ведь не знает об этом месте. Вторая армия возвратится недели через две, может быть, раньше. Чтобы добраться до Провала, разгромить его и вернуться сюда, больше не потребуется. Риск не так уж и велик, по крайней мере ткачи сочли его приемлемым. А потом барьер поставят снова, и долина опять станет недостижимой.

— Кайку, может быть, они не захватят Провал, — пробормотал Тсата. — Не отчаивайся.

— Я просто пытаюсь поставить себя на их место, — ответила Кайку, но несколько натянуто — слова Тсату задели за живое. Она изо всех сил старалась не думать о том, что, может быть, уже сейчас творилось в ее втором доме.

— Их силы разделены, так что надежда есть. Если им пришлось оставить эту шахту практически без защиты, чтобы добраться до Люции, значит, они поглощены другим. Чем-то, что для них важнее.

Кайку мрачно кивнула. Слабое утешение... Она могла предположить, куда направлялись баржи: в Аксеками, на помощь Мосу. Ткачи собрали искаженных, чтобы защитить трон Моса и удержаться у власти даже перед лицом грядущего голода. Собрали войско, от вида которого у врагов будут испуганно колотиться

сердца и подгибаться колени. Хищники будут рвать повстанцев на куски. Демонстрация такой силы быстро поставит мятежную знать и крестьян на место.

Ткачи сделали еще один ход в игре за власть над Сарамиром, и Кайку не знала, кто сможет им противостоять. Мос дал им землю и высокий статус, поставив вровень со знатнейшими семьями. Все как будто нарочно складывалось так, чтобы усложнить задачу Либеры Драмах. Если ткачи сплотятся вокруг трона, их не сломит уже ничто.

Кайку злилась. Ну почему Кайлин так одержима желанием сохранить в тайне Красный орден? Почему бы не бросить ткущим вызов? Из-за этого ткачи беспрепятственно сплели свою паутину, все их секреты остались секретами, и никто теперь не знает, как с ними бороться.

Кайлин... Она влюблена в свою организацию, как Заэлис — в свою. Она так боится подвергнуть себя опасности, бороться за свое дело... Она не выставит орден против ткущих. Она эгоистична, как эгоистичен Заэлис, как *все прочие*. Копит силы, тянет время и ждет, ждет, ждет... пока не станет слишком поздно. Почему она так упорно держалась в тени? Почему такая умная и проницательная, такая властная женщина позволила врагам зайти так далеко?

Кайку осеклась. Что на нее нашло?

Но ответ пришел сразу же, как только она задала себе вопрос. Она *подозревала* Кайлин. Подозревала с самого начала, с первой встречи, когда не поверила, что сестра бескорыстно предлагает ей вступить в орден. Прошло много времени, и она почти об этом забыла, почти привыкла к поведению Кайлин и ее рассуждениям. Но ничего на самом деле не изменилось.

Столкновение с Азарой всколыхнуло давние воспоминания. Кайку стала жертвой страшного, глубокого предательства. Кайлин знала, кто такой Саран на самом деле, и все же не сказала ей, хотя и догадывалась, что за чувства Кайку испытывает к Сарану. Азара Два года в роли служанки следила за ней, ждала, когда у Кайку откроется *кана*. Азара привела ее к Кайлин. Азара пять

лет жизни посвятила поиску отгадок, скрытых под пылью тысячелетий, обшарила весь Ближний Свет...

И что бы там ни думал Тсата, Азара старалась не ради общего блага. Она — воплощение эгоизма. Что бы она ни делала, она делала это ради себя и только для себя. Они с Кайлин что-то скрывают, обе, вместе, и вместе к чему-то идут. К чему-то, о чем Кайку даже не догадывается.

Махинации, интриги, колесики, которые вращают другие колесики... Кайку не Мисани. Ее тошнит от лжи и обмана.

Им пришлось снова пройти через шахту, потому что ответвление тоннеля изогнулось и вновь привело их на открытое пространство. Они прошли над бездной по узком железному мосту с тонкими, уходящими в камень подпорками, миновав невероятной красоты водопад. Казалось, протяни руку и коснешься воды. Но этого Кайку делать не стала: она безотчетно боялась, что даже прикосновение поднимет тревогу.

Они вернулись в безопасный тоннель, и вокруг них снова сомкнулся камень. Здесь им стали попадаться долгожданные следы жизни. Над этим тоннелем поработали. Возможно, он показался кому-то слишком ненадежным, и неведомые строители поставили металлический каркас. На стенах горели обычные факелы, а не те странные штуки из шахты, изрыгающие горючий газ.

Гольнери. До них донесся запах жарящегося на огне мяса и приглушенные голоса. Кайку и Тсата инстинктивно подались назад, в тень, и прислушались к непонятному бормотанию. Кайку не знала, откуда взялись гольнери и как попали в рабство к ткачам. Может быть, это произошло еще тогда, когда первые ткущие решили укрыться от мира в неизведанных горах Сарамира? Вполне возможно. Между родным для Кайку лесом Юна и Новыми землями на востоке горы раскинулись на три сотни миль, а длина этой гряды от Райри на юге до северного побережья составляла восемьсот миль. Она разделяла Сарамир на Запад и Восток, и сообщение между ними шло через два перевала. Не одна цивилизация могла зародиться и расцвести среди неисследованных хребтов Чамильских гор, и никто в Сарамире так и не заметил бы ничего. Сарамирцы высадились на этом континенте больше тысячи лет назад,

но он был таким огромным, что они никак не могли заселить его весь. И необитаемыми землями до сих пор правили духи, которые гневались, если человек вторглся в их царство.

Возможно, происхождение гольнери навсегда останется тайной. Но кем бы ни был этот карликовый народец изначально, он давно уже стал просто придатком ткачей. Гольнери кормили своих хозяев и заботились о них, когда безумие полностью затмевало их разум. Кайку пыталась их пожалеть, но в ее душе осталось слишком мало жалости, и она решила сохранить ее для своих близких.

Они с Тсатой медленно продвигались вперед, пока тоннель не расширился и не превратился в небольшую пещерку, жаркую, дымную, напоенную ароматом поджаривающегося мяса. Тоннели не были прямыми и гладкими, наоборот, их стены напоминали складки каменной плоти, с большим количеством выступов и ниш. Факелы висели на стенах неравномерно, и оставалось достаточно тени, чтобы прятаться. Они пригнулись у входа в пещеру и заглянули внутрь.

Здесь на вертелех ворочали туши животных, в кастрюлях кипели овощи, над дымящимися углями висели на крюках полосы сырого мяса. Рыбу чистили и потрошили, выбрасывая кишки и головы прямо на пол, устанный, как ковром, отбросами. Десятки маленьких существ сутились в просторном помещении. Сморщенные лица с пустыми глазами и застывшим угрюмым выражением придавали им некоторое сходство с обиженными детьми. На незнакомом языке они отдавали друг другу резкие приказы. Кайку во все глаза смотрела на этих сухощавых уродцев, загипнотизированная их безобразием. А потом поняла, что несколько пар глаз глядят прямо на нее. Сердце подпрыгнуло от ужаса.

— Тсата... — прошептала она.

— Знаю, — тихо ответил он. — Глазастые.

Они замерли. И тут гольнери, которые заметили их первыми, вернулись к своей работе. Другие тоже перестали обращать внимание на чужаков. Их обнаружили, но, вопреки всем ожиданиям, тревогу никто не поднял. Через некоторое время о них и вовсе забыли. Кайку вновь задышала. После встречи с ними на Фо она могла ожидать такой реакции, но все же испытала большое облегчение.

— Они не выглядят испуганными. — Тсата, вероятно, подозревал какой-то обман.

Кайку сглотнула. В горле совсем пересохло.

— Похоже, нам повезло. Ткачам никогда не нужны были стражи, — ответила она. — Барьеры, которые они возводили, не пропускали никого и ничего на протяжении столетий. Они так долго ничего не боялись, что забыли, как это делается.

Она встала и вышла из укрытия. Гольнери не обратили на нее никакого внимания. Тсата медленно присоединился к ней, и они вместе прошли через подземную кухню, ожидая, что в любую секунду может подняться гвалт. Но гольнери словно и не замечали гостей.

— Я бы не обольщался на этот счет. Думаю, колдовские камни все-таки очень хорошо охраняются. Вряд ли ткачи доверяют свое сокровище этим малышам или искаженным.

В самом деле, подумала Кайку. Его слова напомнили ей о том, о чем она старалась не думать с самого начала этой вылазки. Здесь должны быть ткущие Узор. Своей каной она смогла победить демонов. Но они слабее ткачей. Она не осмелилась бы выйти в открытом бою даже против одного-единственного ткача. Ставки слишком высоки. Даже для нее.

И все же узнать нужно многое. Узнать, правда ли то, что Азара выяснила на других континентах. Узнать, есть ли у ткущих Узор уязвимые места. Ради клятвы, принесенной Охе, ради погибшей семьи, ради друзей, которые, возможно, сейчас погибают на другом краю Разлома... Они должны нанести удар.

Пока неясно, как, но любой ценой нужно уничтожить колдовской камень.

Глава 31

Бэрак Гриджай ту Керестин уже во второй раз в жизни сидел на лошади посреди своих войск и смотрел на Аксеками.

В утреннем свете город был прекрасен. Око Нуки всходило как раз за ним, на востоке. Шпили и башни рассекали сияние на отдельные лучи. От города тянулась длинная тень, похожая на

фантастическую руку с сотней вытянутых пальцев, которая ложилась под ноги тем, кто пришел брать Аксеками. В воздухе висела ледяная дымка — залог скорого приближения зимы, когда дни станут тихими и теплыми, а ночное небо — кристально чистым.

Аксеками. Стоило Гриджаю даже мысленно произнести это волшебное слово, как грудь его наполнялась пылким желанием. Эти бежевые стены некогда остановили его, его отвергли лабиринты улиц, храмы, библиотеки, купальни, площади и пристани. Весь этот хаос жизни и наживы.

Он обвел взглядом холм, на котором раскинулся императорский квартал, спокойный и упорядоченный. Восток его уже пылал лучах восходящего солнца, а западная часть лежала в тени. Взгляд остановился на Императорской крепости, впитывая ее величие, скользнул по очертаниям храма Охи и Башен Ветров. На севере виднелась Джабаза, и Зан нес свои воды на юг, а лодки и баржи неспешно покачивались у берегов. С прошлой ночи Аксеками был закрыт, как при любой угрозе, и речное движение прекратилось.

Как же он жаждал обладать этим городом! Будто женщиной, которая долго ему отказывала. Трон ускользнул от семьи Серестин, но теперь Гриджай покроет свой род заслуженной лавой. Он ликовал, уверенный в правоте своего дела. Восстание в Зиле показало, как слабо рука Моса держит империю. А то, что он предоставил Бэракам разбираться с мятежниками и не послал ни одного отряда из своих войск, только усугубило положение императора. Как же жители столицы будут приветствовать его теперь... Они больше не объединятся для борьбы с ним, как в прошлый раз, нет. Он будет им лучшим императором, нем никчемный, безумный Мос.

Единственное, что стояло на пути к победе, — это войско в двадцать тысяч человек, разбившее лагерь под стенами Зилы.

— История повторяется. — Он ослабил, согретый близостью мечты. — За исключением того, что пять лет назад ты была на той стороне.

— Надеюсь, на этот раз история будет к нам более милостива, — ответил Бэрak Аван, сжимая поводья в костлявом кулаке.

— Начиная с завтрашнего дня мы сами будем писать историю, — порывисто сказал Гриджай и пустил лошадь в легкий галоп.

Эти двое ехали вдоль тыла своих войск: один — огромный и тучный, другой — поджарый и сдержанный. Их ткачи держались неподалеку — омерзительные фигуры, сгорбившиеся в седле. Их задача — поддерживать связь со многочисленными союзниками нового претендента на престол.

Знать охотно сбивалась под знамя дома Керестин. Гриджай был единственной достойной альтернативой несостоятельному Мосу. Если кто-то еще и сомневался, то падение императрицы Ларании с Башни Восточного Ветра развеяло все сомнения. Слухи о душевном расстройстве императора просачивались уже давно, но то, что он жестоко избил жену, доведя ее до самоубийства, стало последним и самым главным аргументом. Не имея другого выбора, благородные дома приняли сторону Гриджая ту Керестин. Ни одна другая семья не располагала силой, которая позволила бы ей добиваться императорского трона. Если даже все сейчас предадут его, то этим они только навредят себе и попросту перегрызутся. И они это знают. Или Гриджай, или Мос — выбор прост.

Войска стояли на желто-зеленой равнине к западу от Аксеками. Здесь было пролито уже много крови. От бесчисленного количества солдат рябило в глазах. Взгляд человеческий не мог охватить всю эту панораму разом. Каждая сторона выставила тысячи воинов. Разные лица, разное прошлое, разные мечты... здесь они все стали равны и безымянны, их отличал только цвет кожаных доспехов или повязанных вокруг лба платков. Эти воины своей кровью клялись верой и правдой служить семьям Бэраков. Их господа видели в них орудия. И сами они держали оружие в руках. Стрелки, мечники, конные всадники, артиллеристы с огневыми пушками и мортирами... Они выстроились в соответствии со своей принадлежностью той или иной семье или же по роду оружия. Дисциплинированные, вышколенные солдаты, беспрекословно подчиняющиеся приказам командира, истинные воины Сарамира: их жизнь принад-

лежала сюзеренам, и они точно знали, что есть вещи пострашнее смерти — непослушание и трусость.

Защитники города в большинстве своем носили алое с серебром — цвета дома Бэтик. Доспехи другого цвета были на тех, кому собачья преданность императорскому трону мешала разглядеть многочисленные ошибки Моса, и тех, кто объединился против Гриджай из ненависти к дому Керестин. Мос оставил императорскую стражу в стенах города, а остальных отправил на поле боя. Грядет голод. Люди недовольны. Мос прекрасно понимал, что если он позволит захватчикам осадить город, то его дни на престоле сочтены.

Но он не позволил загнать себя в угол и предпочел встретить врага лицом к лицу. Даже отослав часть своих войск в дальнюю часть империи, Мос располагал силой ненамного меньше той, что смог собрать Керестин.

Но у его противника в рукаве был козырь — главный ткач.

Боги, какая грандиозная интрига! Гриджай даже не решался спрашивать, как Какру удалось подстроить смерть императрицы. Но это подкосило Моса. И все это время Какр плел заговор с Гриджаем и Аваном ту Колай, нажимал на тайные рычаги, подготавливая все для свержения негодного императора и воцарения на троне нового, могучего правителя в лице представителя дома Керестин.

Крысы всегда бегут с тонущего корабля и плывут к новому.

Разумеется, ткачам абсолютно нельзя доверять. Этим они и опасны. Впрочем, опасным в таком случае становится и положение Какра... Утвердившись на троне, Гриджай сможет под предлогом того, что Какр предал императора Моса, избавиться от всех ткачей раз и навсегда. Народ этого жаждет. Гриджай вовсе не собирался позволить своему кораблю потонуть под тяжестью всех крыс, которые лезут через борта.

Он взглянул на Авана, маленькие глазки блеснули на мясистом лице. Аван смотрел на него, не мигая. Ткущие в этот момент подъехали к ним, будто их вызывали; один — с Ликом оскалившегося демона, другой — в маске богомола из полудрагоценных камней. Эта маска — целое состояние.

Аван едва заметно кивнул союзнику. Когда тот обратился к ткущим, его голос дрогнул от волнения.

— Начинайте.

Войска сошлись, и рев прокатился под безмятежно-синим небом. Он долетел даже до ушей Моса. Император стоял на балконе Императорской крепости и взирал на далекое сражение. Его глаза запали, усы обвисли и поредели. Дыхание ветра мягко шевелило кажущиеся мертвыми волосы. Плоть будто обвисла с широких костей.

В одной руке Мос держал кубок красного вина, держал нежно, словно это был убитый им ребенок. Весь его облик источал горе и боль, но он сейчас казался больше собой, чем в последние дни.

Как нелепо это выглядит, думал он. Аксеками стоял на равнине, и его положение не давало никакого преимущества, а потому Керестин просто подошел к городу, и Мос послал ему навстречу своих людей. А потом они стояли и ждали, когда кто-нибудь начнет убивать первым. Какая идиотская любезность! Если бы в этой войне была бы хоть капля чувства, то солдаты набросились бы друг на друга сразу же и стали рвать врага на куски. Но чувства не было, по крайней мере, так казалось Мосу с его балкона. А потому они дождались, пока все приготовятся, и только потом пошли в наступление. Если бы в груди Моса еще оставалась хоть капля смеха, он бы засмеялся.

Битва выглядела нереальной и бессмысленной. Когда дали сигнал к атаке, передние ряды смешались в сокрушительном ударе. Отдаленный грохот пушек предвещал вспышки пламени среди войск противника. Грандиозное жертвоприношение политике свершалось — в меру хладнокровно, в меру жестоко. Как любой ритуал. Стрелки падали из винтовок, перезаряжали, падали, засыпали новый порох. Всадники наседали на фланги. Наездники врезались в пехотные взводы. Из послушных выносливых животных быки превратились в свирепые горы мускулов, покрытые густой шерстью. Они лягались передними лопатообразными копытами и

топтали противника. Обманчиво мудрые морды ощерились страшными звериными гримасами.

Мос видел, как построения движутся в медленном танце вокруг центра, где плясал холодный металл и пехотинцы рубили друг друга на кровавые куски.

— Ты не выглядишь очень уж озабоченным, император. — Какр шагнул на балкон. Мос немного поморщился, учуяв исходящий от главного ткача запах псины.

— Может быть, мне просто все равно, — ответил Мос. — Проиграю я или выиграю... Какая разница? Земля поражена. Может, Керестин убьет меня, может, я его. Тому, кто носит сейчас императорскую мантию, не позавидуешь.

Какр странно на него посмотрел. Ему не нравились интонации в голосе Моса. Он говорил слишком беззаботно. После смерти Ларании Какр перестал вторгаться в сны императора — тот казался ему настолько раздавленным, что манипулировать им было несложно и без грубого вмешательства. Некоторое время это работало. Мос даже не задавал вопросов, когда Какр посоветовал отослать из Аксеками армию, чтобы опередить пустынных Барарков, он не удосужился подсчитать численность неприятельского войска. Но теперь его голос звучал так, будто уныние покинуло императора. Возможно, это фатализм, решил Какр. О, у Моса и вправду есть основания для фатализма.

Какра в этот момент занимала другая битва. Сейчас где-то в Разломе ткущие вытащат из спины еще одну занозу. Все обернулось в их пользу. Айс Маракса хватило глупости заявить о себе, подняв мятеж в Зиле. Какр обещал Мосу разобраться с корнем зла, и он так и поступил. Связался с Фарехом, ткущим Узор в доме ту Винаксий, и другими собратьями из окрестностей Зилы и дал им только одно распоряжение: захватить одного из лидеров живым и освежевать его разум. Случай подбросил им Кседжена ту Имоту, хотя это мог быть кто угодно из полудюжины других. Айс Маракса не давали ткущим покоя уже давно: они хорошо скрывались, а Какру все не хватало времени, чтобы выкурить их из нор. Но пыл привел их к гибели, а следующей погибнет их бо-

готворимая спасительница. Потому что Люция, как оказалось, выжила, и более того — Фарех выяснил, где она находится.

Время было совсем неподходящее. Какр хотел бы отправить в Провал гораздо больше порченных, чем ему удалось собрать, но основные силы потребовались в другом месте. И этого было достаточно, более чем достаточно, несмотря на ошибки и неудачи, вроде бойни в каньонах.

Какр не хотел рисковать: просто убив наследную императрицу, он подарил бы Либеру Драмах мученицу, чье имя они потом использовали бы в своих целях. Он хотел смять последний оплот сопротивления — саму Либеру Драмах, захватить лидеров и узнать от них имена всех заговорщиков, чтобы растоптать мятежников до последнего безумца. А если повезет, если очень повезет — Какр даже боялся допустить эту надежду в свои мысли, — он даже найдет ту сучку, которая убила его предшественника.

Прежде чем глаз Нуки зайдет сегодня за горизонт, все проблемы ткущих Узор будут решены.

Он почти забыл о своих подозрениях, когда ощутил прикосновение мысли собрата. Со скоростью молнии ткач нырнул в Узор, чтобы встретиться с ним, и помчался по потокам пустоты, пока два сознания не встретились, не сплелись, разделяя знание. А потом скользнул обратно. Какр пришел в себя через несколько мгновений. В его груди клокотала ярость. Он снова обратил взгляд к сражению, пристально всматриваясь туда, где убивали друг друга и умирали крошечные фигурки.

На северо-западе, в миле от поля битвы, появлялись серебряно-алые шеренги. Они быстро двигались в тыл войск Керестин. Восемь тысяч солдат дома Бэтик взялись из ниоткуда. Из Императорской крепости местность просматривалась на пятнадцать миль вокруг, и до этого момента не было и следа императорских войск.

— Мос! — прохрипел Какр. — Что это?

Мос сухо на него взглянул.

— Это я наношу поражение Гриджаю ту Керестин.

— Как? — завопил Какр. Его пальцы, как когти, вцепились в перила.

— Какр, да ты не расстраивайся так, — усмехнулся Мос. — Я бы тебе посоветовал обходиться со мной более почтительно, чем раньше. Я, похоже, еще долго буду сидеть на троне, несмотря на все твои попытки меня оттуда свергнуть. И лучше меня не злить. — Он внезапно улыбнулся, но в улыбке этой не было и капли веселья. — Мы друг друга поняли?

Потрясенный Какр вновь овладел своим голосом.

— Как тебе это удалось, Мос? — сипло спросил он.

— Восемь тысяч плащей того же цвета, что и трава на равнине. Всего-то. — Казалось, перед Какром стоял совсем не тот раздавленным, убитый горем человек, каким был Мос всего несколько часов назад. Голос его обрел твердость, в нем слышался холод металла. — Я не отправлял войско навстречу пустынным Баракам. И за Рекаем никого не посылал. У меня было предчувствие, что Керестин может прослышать о такой отличной возможности и заявиться сюда с большей армией, чем я ожидал. До рассвета я выслал людей за стены города, велел им укрыться плащами и ждать. Ты бы не разглядел их и с нескольких шагов.

Из пустых глазниц маски сверкали бешеные глаза.

— А что же с пустынниками? — прошипел он.

— Пусть приходят. — Мос пожал плечами. — Они найдут остатки поверженной армии Керестин и меня, единолично правящего в Аксеками. Разумеется, мои верные ткачи будут со мной. — Последнюю фразу Мос произнес с особым сарказмом. — Иногда, Какр, не стоит доверять все свои дела одному человеку. Хороший правитель это понимает. И не забывай, что я укрепил дом Бэтик задолго до того, как встретил тебя.

— Я — главный ткач! — прокаркал Какр. — Я должен знать все!

— Чтобы все повернуть против меня? — уточнил Мос. — Я так не думаю.

Мос говорил тихо и холодно. Ему нечего было терять, и даже главный ткач уже не пугал его. Они оба стояли в тени, но Мос казался темнее. Черный гнев выплескивался из его души. — Я не идиот. Я знаю, какую игру ты ведешь. Ты спутался с Колай и

Керестин, чтобы избавиться от меня. — Глаза Моса наполнились слезами чистой ненависти. — Зря ты стал таким беспечным. Зря ты оставил мои сны в покое. — Он придвинулся вплотную к Какру, невольно вдыхая вонь разлагающейся плоти и показывая, что в нем не осталось страха. — Я знаю, что это был ты, — прошептал император.

Мертвая маска плялилась на него пустыми глазницами.

— Я могу убить тебя сию же минуту. — Слова Какра, источающие яд, просочились сквозь черный провал рта.

— Но ты не посмеешь. — Мос отстранился от него. — Потому что ты не знаешь, кто к вечеру станет императором. И ты не используешь свою проклятую силу против меня, потому что нет гарантии, что она работает. Ты оступился, Какр. Ты не замел следы. — Моса едва не трясло от ненависти и отвращения. — Я помню. Помню твои мерзкие пальцы в своей голове. Воспоминания возвращаются, ты неглубоко их закопал.

Он отвернулся к полю сражения. В глазах императора все еще стояли слезы.

— Но ты мне все еще нужен, Какр. Да простят боги, но мне не обойтись без ткущих Узор. Без вас я не смогу связаться с Торговой компанией и Охамбой достаточно быстро, чтобы предотвратить голод. Не смогу удержать порядок в этой стране, когда люди начнут голодать. Начнутся восстания, резня, хаос. — Мос прерывисто вздохнул, и слезы все-таки покатались по щекам. Две блестящие дорожки затерялись в гуще его бороды. — Если я выдам вас, подниму знать и свергну вас, я обреку на гибель миллионы.

Понять реакцию Какра было невозможно. Он долго смотрел на императора, но император смотрел только на поле сражения. В конце концов ткач обратил свое внимание туда же.

— Смотри, Какр, смотри внимательно, — проговорил Мос сквозь стиснутые зубы. — Я еще не разыграл все карты.

Битва гремела. Грохот артиллерийских орудий. Звон стали о сталь. Хлопки винтовочных выстрелов. Хрипы и вопли умираю-

щих. В сердце битвы враги перемешались, и люди сражались в толпе, где с каждой стороны стоило ждать смертельного удара. Уцелеть могли искусные — и удачливые. Стрелы вонзались в плечи и бедра, мечи рассекали плоть. Здесь царила смерть настолько жестокая, что о ней не пишут в книгах и летописях. Лишь немногие удары лишали жизни мгновенно и аккуратно. Кому-то оставалось только мечтать, чтобы ему отрубили голову. Мечи срезали куски мяса с костей, врубались в колени до середины, рассекали лица от левой щеки до правого уха, дробили кости, вскрывали артерии, и несчастные истекали кровью, как опрокинутые бутылки истекают красным вином. Летели зажигательные снаряды, вязкая масса вспыхивала на коже и поджаривала плоть. Люди бились в агонии и визжали, когда обугливались их языки и лопались глазные яблоки, кровавая жижа с шипением стекала по лицам. Воздух пах тошнотворно дымом, кровью и обугленным мясом. Война бесновалась.

— Пусть Набичи и Гор прибудут сюда сейчас же! — орал Гриджай своему ткачу. Его высокий, почти девический голос звучал истерически, но это была иллюзия. Лишить Гриджая самообладания было очень непросто. Даже появление в тылу восьми тысяч воинов дома Бэтик он воспринял как умный ход, на который нужно чем-то ответить. Он уже послал людей, чтобы задержать вражеское подкрепление, пока другие будут разворачивать орудия и пристреливаться. Победа будет дороже, но умелый полководец и при таких обстоятельствах сумеет взять верх.

— Какр, кретин, заплатит мне за это! — сказал самому себе Гриджай, разворачивая лошадь. Его не заботило, что рядом другие ткачи — его собственный и Авана. — Почему он не предупредил меня об этом подкреплении? И почему не вмешивается, как обещал? — Он обвиняюще взглянул на Бэрака Авана — в конце концов, это Аван свел его с ткачом.

Аван смотрел на битву из-под полуопущенных век. Он повернулся и одарил союзника мягким, сонным взглядом.

— Будет тебе вмешательство, — сказал Аван. — Но совсем не такое, как ты думаешь. — И он подал своему ткачу быстрый знак.

Гриджай задохнулся от острой боли в груди. Он разевал рот, хватая воздух, и от этого тряслись его подбородки. Пылающая боль распространялась вдоль ключицы в левое плечо. Рука онемела. Глаза расширились в недоумении и страхе. Гриджай с отчаянной мольбой взглянул на собственного ткущего, но оскалившийся демон глядел на него без жалости. Гриджай выдохнул половину проклятия, но тут силы окончательно покинули его.

— История повторяется, Гриджай, — сказал Аван. — Но ты, кажется, ничему не научился. В прошлый раз я предал дом Амаха. Тебе следовало знать, что доверять мне не стоит.

Лицо претендента побагровело, глаза выпучились. Он пытался дышать, но не мог. Сердце его превратилось в комок яркой боли и посылало по жилам тонкие ленты огня. Звуки битвы затихли, и даже голос Авана звучал слабо, будто издалека. Гриджай вцепился в седло. Осознание, как молот, расплющило его: ведь он умирал, здесь, среди трех равнодушных всадников. О боги, нет, еще рано! Он еще не сделал того, что должен был! Он уже видел свою победу, свой золотой приз — и вот его выхватывают прямо у него из-под носа. А ему не хватает силы, чтобы проклясть своего мучителя...

Ткач! Он должен его защищать. Они всегда были верны своим хозяевам, всегда! От этого зависела жизнь Сарамира. Если бы ткущий Узор не подчинился во всем своему господину, их всех уничтожили бы, потому что нельзя позволить таким опасным тварям существовать. Они даже своих собратьев убивали в угоду хозяевам. Но этот... Он бесстрастно смотрел, как умирает его хозяин.

Как Авану удалось его купить? Как?!

— Если бы ты пожил чуть подольше, то узнал, что твои приказы ни до кого не дошли, — вяло проговорил Аван. — И люди твои сильно удивятся, когда мои войска повернут и нападут на них. Твои полки окажутся зажатыми между полками Бэтик и Колай с запада и основными силами Моса с востока. Пожалуй, будет резня. — Он поднял бровь. — Ты, само собой разумеется, до этого не доживешь. Твое сердце отказало в пылу битвы. Ничего удивительного. Ты такой жирный.

Боль, парализовавшая тело Гриджая, была несравнимо слабее, чем ад в его душе. Жгучее разочарование, гнев и ужас разрывали сердце. Свет в глазах померк, и как он ни сопротивлялся, как ни старался издать хоть звук, ничего не выходило. Его люди стояли в нескольких метрах, но никто не обращал на него внимания, никто не замечал, как ткачи запускали невидимые руки ему под ребра и стискивали его сердце. Для них он просто держал совет со своими помощниками, а если и выглядел, как выброшенная на берег рыба, так это им плохо видно из-за дыма.

Гриджай ту Керестин взглянул на Аксеками. Теперь он казался темной тенью, и пальцы этой тени тянулись к Гриджаю. Дважды он боролся за этот город — и дважды проиграл. Забвение опустило на него милосердный покров. Он не чувствовал, как завалился вперед и соскользнул с седла, как тучное тело рухнуло на землю. Не слышал тревожных криков Авана и той лжи, которую предатель подбросил подоспевшим людям Керестин. Не видел, как Аван и ткачи растворились в толпе, чтобы изменой повернуть ход битвы. Он тонул в золотом свечении, и золотые нити пронизывали все вокруг, унося его за грань вечности.

Ветер трепал капюшон Какра. Он смотрел, как разворачивается сражение. Око Нуки поднялось уже высоко. На солнце было жарко, плотная мантия Какра совершенно не подходила для такой погоды, но он не уходил с балкона. Впрочем, как и Мос. Сообщения о ходе битвы император получал от своих гонцов, а Какр — через Узор. К полудню силы дома Керестин были смяты. Войска самых выдающихся семей Сарамира понесли невосполнимые потери. Керестин, пославшие на эту войну почти всех своих воинов, не смогут подняться с колен еще несколько десятков лет — если им это вообще когда-нибудь удастся. Они ослаблены и теперь не смогут участвовать в жестокой закулисной игре высшего света, иначе их растопчут.

Аван ту Колай умен. За спиной Гриджая он провернул не одну сделку. Против Керестин поднялся не только дом Колай, но и еще несколько семей, которые бросили свои силы на императорскую

чашу весов. Повернуть ход событий для Керестин уже невозможно. Остатки растерзанного войска бежали. Союзники дезертировали, увидев безнадежность своего положения.

Какр заметил, что полки Авану ту Колай почти не пострадали: он отозвал их, предоставив другим солдатам расхлебывать кашу, и расположил по бокам поля сражения, превратив по большей части в зрителей.

— Это был ты, — в конце концов проговорил Какр. — Теперь я вспомнил. Мне донесли, что из крепости кто-то отправил послание Авану ту Колай, и я не смог его перехватить. — Его взволновало то, что он напрочь забыл об этом эпизоде.

— Аван ту Колай всегда был бесчестным псом, — ответил Мос. — Поэтому на него можно положиться. Он всегда встанет на сторону победителя, не важно, на какой стороне начинал борьбу. Мне всего лишь пришлось убедить его, что победа будет за мной. Посмотри, как он бережет своих людей. Колай станут самым могущественным родом после Бэтик, и он это знает. — Мос почесал бороду. Она поредела, и в ней появилось много седины — след его горестей. — Ты попытался, Какр, и это была чертовски хорошая попытка. Но мы с тобой связаны. Что бы ты ни делал, мы нужны друг другу.

«Что бы ты ни делал». Мос едва не подавился этими словами. Будто можно так легко забыть об убийстве любимой женщины. Будто он когда-нибудь сможет полюбить снова, почувствовать что-нибудь, кроме боли, ненависти и стыда. Жить в тесных объятиях ненависти и презрения с ткачами. В будущем Мос видел только зло, но он должен вынести это зло — ради власти. Он потерял сына, жену, нерожденного ребенка. Это может погубить и более сильного человека. Но у него есть племянники и другая родня, которым достанутся бразды правления после его смерти. У него есть долг перед своей семьей, перед родом Бэтик. И пока Мос дышит, он не откажется от трона.

— Ты ошибся, — сухо проскрежетал Какр. — Твой гонец расскажет тебе почему.

За дверью требовательно позвонили в колокольчик. Мос обернулся. Он вошел в комнату, в тень, где пол, стены и колонны сохраняли прохладу. Он замер на полпути к занавешенному входу и оглянулся на Какра, который полз за ним.

— Что это, Какр? — Мос внезапно ощутил страх. — Что происходит?

Колокольчик снова позвонил. Белая костлявая рука вынырнула из складок мантии и указала на дверь.

— Говори! — зарычал Мос, обращаясь к главному ткачу.

Гонец принял это за приглашение войти, отдернул занавес и вбежал в покои. Мос бросил на него полный ярости взгляд. Гонец осознал свою ошибку и побелел. Но он и до этого был страшно испуган, а потому выпалил сообщение, будто надеясь очиститься от того страха, который несли эти слова.

— Порченые! — выкрикнул он. — В порту порченые! Их тысячи! Они убивают все, что движется!

— Порченые?! — взвыл Мос, поворачиваясь к Какру.

— Порченые, — спокойно ответил тот. — Мы прошлой ночью переправили их в Аксеками на баржах, а потом ты закрыл ворота и запер их внутри. На западном берегу Зана их еще больше. Они сейчас как раз направляются к стенам Аксеками и разорвут каждого, на ком нет формы дома Колай.

— Колай?! — Мос задохнулся от этих чудовищных слов. — Порченые? В Аксеками? Самый лютый враг человечества — в самом сердце его империи? И это ткачи привезли их сюда?!

— Ну да, Колай. Аван дьявольски хитер. Истинный сарамирец. Всегда готов переступить через трупы своих друзей и союзников на пути к победе. Он все это время был на моей стороне.

Мосу показалось, что Какр усмехается под своей отвратительной маской.

— Давай не будем обманывать себя, Мос. Ткущие Узор видят, к чему идет Сарамир. Скоро ты попытаешься от нас отделаться. Этого потребует народ. Гриджай ту Керестин планировал то же самое. Так быть не должно.

Гонец прирос к месту и трясся мелкой дрожью — молодой парнишка, лет, может быть, восемнадцать. Он никогда не думал, что станет свидетелем события такой важности.

— Сейчас порченые стекаются с гор, выплескиваются из наших шахт. В десятках мест мы собирали их и прятали от вашего взора. Так мило с твоей стороны, что ты помог уничтожить войска знати под стенами города, разыграв эту мудреную комбинацию. Об остальном позаботятся наши чада.

Потрясение мешало Мосу понять, что же такое говорит главный ткач. Но затмение длилось недолго, и он вдруг бросился на Какра с гневным ревом. Мелькнул обнаженный клинок, до этого дремавший в ножнах на поясе. Какр вскинул руку — Мос споткнулся, дернулся всем телом, мускулы его сковал спазм. Он рухнул на пол, свернувшись, как зародыш. Лицо — перекошено, скрюченные пальцы — вывернуты под неестественным углом, запястья и шея — перекручены. Он напоминал смятый и брошенный на пол лист бумаги. Мос дико вращал глазами, но из его горла вырывалось только хриплое бульканье.

Главный ткач стоял над императором — маленький, сгорбленный, страшный, непобедимый.

— Время благородных домов прошло, — прокаркал он. — И твое тоже. Ткущие Узор веками служили вам, но больше служить вам мы не будем. Сегодня — последний день империи.

Он взмахнул рукой, и Мос взорвался. Кровь брызнула из его глаз, ушей, носа и рта, из прямой кишки и гениталий. Живот треснул, и неведомая сила выбросила вверх перепутанные кишки. Позвоночник разлетелся на осколки.

Все закончилось в одно мгновение. Изуродованное тело императора лежало в луже крови и внутренностей на блестящем полу.

Какр поднял голову. Трупная маска смотрела на гонца. На лице юноши отразились неверие и ужас. Он упал на колени. Кровь потоком хлынула у него изо рта.

В комнате стояла тишина, но за окнами, на улицах города, слышались винтовочные выстрелы. Били в набаты. Тревога.

По сравнению с ярко освещенным балконом комната казалась мрачной и темной. Какр взглянул на тела убитых им людей. Император и слуга, оба, в конечном счете, всего-навсего куски окровавленной плоти.

Искаженные хищники промчатся сквозь Аксеками, сметут сопротивление и поставят чернь на колени. Гигантские армии монстров спускаются с Чамильских гор и расползаются от рек по всему северному Сарамиру — десятилетия планирования и пять лет беспрепятственного перемещения по империи дали свои плоды. Ткущие Узор и Связники взрастили орды чудовищ, как рак в теле империи.

Послания с мольбами о помощи никуда не дойдут. Ткущие исчезнут. Их хозяева будут убиты. Сарамирская знать так долго полагалась на ткачей в вопросах связи с внешним миром, что теперь люди не будут знать, что делать. Они так долго принимали рабство ткущих как должное, что мысли о мятеже просто не приходили им в голову. Внезапно они окажутся одни в центре огромной страны, сотнями миль отделенные от тех, кто мог бы помочь. Когда они опомнятся и придумают, что делать, будет слишком поздно. Благородные дома будут уничтожены.

Игра окончена. Ткачи победили.

Какр медленно вышел из комнаты. Когда обнаружат труп Моса, императорская стража придет к единственно возможному выводу. Но к тому времени он уже скроется в своих покоях. Дверь их достаточно крепка, чтобы выдержать напор солдат, пока не падет крепость.

А кроме того, Какр собирался отметить праздник. В покоях его дожидается лакомый кусочек — привезли прошлой ночью специально по такому случаю. Юная девушка, нежная, как шелк, гибкая, прекрасная. Само совершенство. А какая у нее кожа, какая кожа...

Перевал Джуваха лежал между Максактой и Ксаксаи и соединял собой плодородные земли Запада и восточную пустыню Чом Рин. Джуваха и ущелье Райри были единственными путями

через Чамильские горы — границу, расколовшую империю на два столь отличных друг от друга мира. Легенда гласила, что перевал Джуваха — это след ноги самого Охи, которые открыл своему избранному народу Чом Рин и Новые земли и дал сарамирцам право уничтожить аборигенов угатов. Конечно, скорее всего, какой-то тектонический катаклизм раздвинул здесь горы, будто прорезав путь между вершин и выровняв его.

Перевал тянулся на сто пятьдесят миль и в ширину достигал двух миль. К западу, где у подножия гор раскинулся город Максакта, он сужался вполосину. Когда его обнаружили, он был усеян различными препятствиями: гладкими, как стекло, вулканическими наплывами, валунами, острыми черными скалами — тем, что осталось после его сотворения. Все эти преграды давно взорвали и сровняли с землей. Ловкие одиночки могли найти много троп через Чамильские горы, но для армии, которая не стала бы делать крюк в пятьсот миль к югу, это был единственный возможный путь через горы.

Поздним утром Рекай ту Танатсуа достиг вершины горного гребня. Солнце стояло в ясном небе еще невысоко и светило прямо в глаза. Худое лицо теперь до половины скрывала борода, неожиданно густая для юноши. Черные волосы неопрятно отросли, и их пришлось покрасить, чтобы скрыть седину. Свой роскошный наряд Рекай сменил на крестьянское платье, подходящее для путешествий. Лицо стало мудрее и жестче — лицо уже не ребенка, а мужчины. Он с трудом одолел последние ярды до вершины. Под подошвами грубых ботинок сухо хрустел осенний снег, присыпавший землю на такой высоте. Рекай остановился и обернулся.

Азара поднималась следом за ним. Она куталась в меховой плащ — такой же непритязательный и ноский, как и его одеяние. Она теперь не заплетала волосы и не подкрашивала глаза, но и без всяких усилий выглядела потрясаяще красивой. Подъем на вершину ее совсем не утомил. Позади, за горными пиками, на желто-зеленой равнине раскинулась Максакта. Крохотные храмы и шпили сияли в солнечных лучах. Позавчера Рекай и Азара обогнули этот город, сторонясь человеческого жилья, да и сейчас

они выбрали горную тропу к югу от Джувахи, чтобы не рисковать. Этот путь был труднее, но безопаснее. Впрочем, для них все дороги теперь таили в себе опасность.

Рекай предложил ей руку, и она с улыбкой оперлась на нее. Он помог ей сделать последние шаги к вершине гребня, и они вместе подошли к другому краю и посмотрели вниз.

Гребень горы, на который они взошли, возвышался в десяти милях от западного края перевала, где он плавно поворачивал на север. С высоты открывался хороший обзор в каждом направлении. Азара сочла благоразумным сориентироваться и посмотреть, какие опасности могут ждать их впереди. Рекай подчинился беспрекословно. Он научился доверять ей в подобных вопросах. Она уберегла его от смерти, и для женщины своего возраста была удивительно опытной в таких делах.

Но за ее решением стояла другая причина. Азара кое-что заподозрила, но не желала делиться своими соображениями с Рекаем и теперь собиралась проверить их, прежде чем продолжить путь. Зрение искаженной было невероятно острым, и крохотные движущиеся точки, которые она заметила издалека, навели ее на некоторые мысли. А теперь подозрения подтвердились.

К востоку теснились горы, а между ними лежала узкая серая долина. Ее дно покрывали трупы людей и порченных. Птицы-падальщики пировали: они рвали на куски свежую, еще не начавшую гнить плоть или тихо кружили над полем битвы, будто не в состоянии выбрать следующее блюдо в этом изобилии. Трупы лежали на трупах. Отсюда они казались просто беспорядочной свалкой.

Тысячи пустынников. Мужчины и женщины в одеяниях Чом Рин.

Азара прикрыла глаза от солнца и изучала перевал. Она высматривала штандарты. Азара увидела гербы городов Ксаксан и Муйо, знамена многих благородных домов; ей потребовалось всего несколько мгновений, чтобы найти то, что она искала.

Изорванный штандарт дома Танатсуа лежал поверх нескольких тел. Как саван с гербом рода Рекай. Азара хорошо знала обы-

чаи пустыни: штандарт поднимали над войском лишь тогда, когда его вел сам Бэрак.

Получив известие о самоубийстве Ларании, Бэраки пустыни незамедлительно выступили в поход. Неужели и здесь — подобно тому, как в Аксеками Какр держал все нити в своей руке — всем заправляли ткачи? Разумеется, эта армия двигалась с невероятной скоростью, даже если новость о Ларании ткач в ту же ночь передал одному из своих вонючих дружков. Возможно, авангард? Демонстрация мощи? Города Чом Рин не объявили бы войну на основании того, что слышали. Чтобы подтолкнуть их к этому, нужен знак, который везет Рекай. Но, похоже, теперь его миссия потеряла смысл.

Азара бросила взгляд на него. Его зрение не было таким острым, как ее, но он увидел достаточно. Он молча и неотрывно смотрел вниз, на открывшуюся сцену. Его лицо оставалось спокойным, и только глаза блестели от слез.

— Мой отец там? — спросил Рекай.

— Кто знает... — ответила Азара, но она знала, и Рекай уловил это в ее голосе. Она могла только предполагать, как все это случилось: вероятно, порченные ждали войско пустынников в засаде, и даже огромная армия не выстояла под наплывом чудовищ, спускающихся с гор. И все же откуда их столько взялось? Откуда эта организованность и целеустремленность? Темные плоды труда ткачей? Невозможно. Но другие ответы еще невозможнее.

Рекай вытер глаза тыльной стороной руки. Он не горевал по отцу, для которого всегда был лишь источником бесконечного разочарования. Эти воспоминания все еще ранили его, и он не притворялся, что ему все равно. Но он оплакивал смерть своих людей. Он впервые в жизни увидел подлинную цену войны. И он плакал.

На гребне они развели костер, не заботясь о последствиях. Рекай достал узел волос, которые некогда принадлежали его сестре, и бросил их в огонь. Тонкий столб дыма уносил резкий запах в утреннее небо, концы волос загорались, свивались кольцами и чернели. Рекай стоял перед костром на коленях и смотрел в огонь, туда, где превращалось в пепел единственное, что осталось от его

сестры. Азара стояла у него за плечом и задавала себе вопрос: а что бы он почувствовал, если бы узнал, что убийца Ларании — стоящая рядом женщина? Что произойдет, если когда-нибудь острие его мести повернется против нее?

— Ответственность ложится на меня, — вдруг сказал Рекай. — Долг моего отца — теперь мой долг.

Азара пристально посмотрела на него. Он поднялся на ноги и взглянул ей в глаза. Его взгляд был твердым, и в нем светилась решимость, которой Азара никогда прежде не видела.

— Ты стал Бэраком, — тихо проговорила она.

Он не моргнул, не отвел глаз. Потом посмотрел на восток, поверх заснеженных вершин, будто мог отсюда разглядеть пустыню, за которой лежал его дом. Не говоря ни слова, он пошел туда. Азара смотрела на него и видела новую осанку и твердую линию подбородка. Она оглянулась на запад, будто бы прощаясь с ним, и последовала за Рекаем.

Глава 32

Джугай бежал вдоль баррикады. В воздухе висела завеса едкого дыма. Копоть и пот запачкали его лицо. Отрывистый грохот винтовочных выстрелов перекрывал крики мужчин и женщин. Порченные рычали и визжали, их косили десятками, но они все прибывали.

Джугай забросил винтовку на плечо и выхватил меч, перепрыгнул через труп с изуродованным шрапнелью лицом — винтовка бедолаги перегрелась и взорвалась. Джугай мчался туда, где скрендел перебрался через баррикаду и сцепился с Номору. Она держала перед собой винтовку, не давая ему нанести удар хвостовым жалом. Чудовище обнажило длинные желтые клыки — она отпрянула. Скрендел почувствовал приближение Джугая и, оттолкнувшись веретенообразными ногами, отскочил. Но Номору оказалась быстрее: она схватила его за лодыжку, сбила с ног — скрендел растянулся в пыли. Джугаю не потребовалось много времени, чтобы вонзить меч между ребрами. Тварь завопила, забилась в конвуль-

сиях, царапая землю когтями, но Джугай налег на меч и пригвоздил монстра к земле. Номору вскочила на ноги, хладнокровно прицелилась и выстрелом разнесла ему голову.

— Ты не ранена? — задыхаясь, спросил Джугай.

Номору одарила его долгим взглядом, значения которого Джугай не понял.

— Нет.

Он собирался сказать что-то еще, но передумал и помчался обратно, на ходу пряча меч в ножны и заряжая винтовку, чтобы присоединиться к остальным защитникам, которые сдерживали врагов, нападающих из ущелья. Мигом позже Номору появилась рядом с ним.

Но поток врагов не иссякал.

Битва началась на рассвете. Джугай и другие из Либеры Драмах поставили ловушки и организовали засады, и это задержало искаженных, но ненадолго. Они выиграли еще ночь на приготовлении. Но эта ночь позволила нескольким кланам и группировкам, выжившим после предыдущих атак, добраться до Провала и присоединиться к Либеры Драмах. С восхода солнца Джугай сражался бок о бок со сторонниками культа Омехи, которые пытались убить его несколько недель назад; с воинами-монахами; напуганными учеными; искаженными-калеками из поселения неподалеку от Провала, куда не было доступа обычным людям; служителями духов, бандитами, контрабандистами-наркоторговцами и многими другими, кого общество отвергло или кто сам решил от него отделиться.

Ксаранский Разлом, в котором царствовали постоянные междоусобицы и распри, объединяла единственная вещь: все его жители были непохожи на обитателей остального мира. И теперь многочисленные группировки оставили свои разногласия и поднялись на борьбу с общим врагом. А Провал стал тем местом, где им суждено либо остановить врага, либо погибнуть.

Они встретили искаженных в Узле, лабиринте опасных ущелий, который охранял западные подступы к Провалу. Там чудовища могли пройти по двое-трое, а места, где каменные стены расступались, были напичканы ловушками и минами. Значитель-

ная часть защитников расположилась сверху, чтобы легче было стрелять в огромных хрящеворонов, которые служили глазами для Связников, и прикрывать плоскую каменную подкову, примыкавшую с запада к долине Провала — на случай, если искаженные решат пройти поверху. В Разломе для ведения войны требуется очень гибкое мышление.

К середине утра узкие расщелины Узла были набиты телами искаженных, но защитников неумолимо теснили. Джугаю принесли сообщения о боях, развернувшихся к северу и югу от Провала. Враги пытались обойти Узел и подобраться к Провалу с восточной стороны — первый тактический ход армии искаженных. Ткачи плохо разбирались в военном деле. Они просто рассчитывали смести все на своем пути, ничуть не заботясь о потерях. Тысячи трупов искаженных лежали в ущельях как доказательство их неумелости.

И все же эта незамысловатая логика доказывала, похоже, свою действенность. Боеприпасов оставалось все меньше, их не успевали доставлять туда, где в них больше всего нуждались. Потери защитников пока были невелики, но когда они утратили преимущество дальнего боя и схлестнулись с искаженными в рукопашной, монстры восстановили равновесие.

Странно, но во всей этой заварушке не участвовали ни ткачи, ни Связники. Ни Красный орден. Уж не в Золотом ли Царстве собираются помогать своим Кайлин и ее сестры? Если бы они установили связь между боевыми группами — и то было бы легче. Однако сестер никто и нигде не видел.

«Клянусь, если она нас бросила, я своими руками задушу эту женщину», — пообещал себе Джугай.

Они удерживали проход уже два часа. Из Узла было немного выходов, и в каждом поставили по одной или больше огневых пушек, наспех возвели каменные баррикады и земляные валы. С двух сторон поднимались отвесные стены ущелий, и порченным приходилось подниматься по склону, скользкому от крови их собратьев, чтобы наверху упереться в баррикаду. Все утро солнце слепило им глаза, но теперь оно поднялось выше, и скоро начнет бить в глаза защитникам Провала.

Винтовки выдыхались, заряжающие набивали пороховые камеры порохом и пулями — патронники, передавали их стрелкам, когда нужно было заряжать следующие. В затененной нише ружья были составлены в козлы — остывали, чтобы при следующем выстреле от жара не взорвался весь порох. Трое дежурили у пушки, отлитой в форме воздушного демона с обтекаемым телом и разинутой пастью. Половина ущелья была объята пламенем от разорвавшегося зажигательного ядра. Облака жирного черного дыма летели на защитников, разъедали глаза, заставляли щуриться. Джугай отдал приказ ограничить огонь из пушек, чтобы не обеспечить искаженных слишком хорошим прикрытием. Людей за баррикадой рвало от жаркой вони кипящего жира и обугливающегося мяса. Под палящим солнцем блевота нагревалась и страшно смердела.

— Они снова наступают. — Номору зажала приклад винтовки под мышкой. — И какого хрена я не осталась с Кайку... — невозмутимо добавила она. Джугай громко засмеялся, но в смехе этом звучало отчаяние на грани безумия.

Хотя Погонщики пока не показывались, их присутствие ощущалось в поведении искаженных. Они атаковали толпами, отступали и перегруппировывались, как заправские солдаты. Чем дальше, тем их удары становились осторожнее и осмысленнее. Джугай подозревал, что Связники прячутся от снайперов вроде Номору, которые показали им, чем чревато выставляться напоказ. Но влияние их было очевидно.

После того как скренделу удалось перебраться через баррикаду, атаки ненадолго стихли. Эта атака оказалась удачной: слишком много человек сразу меняли винтовки, а чудовища двигались быстро. Они приближались сквозь завитки дыма, огибая языки пламени. Винтовки дали следующий залп, пули полетели в нападающих со страшной скоростью, разрывая плоть и дробя кости.

Но на этот раз искаженные не падали.

Защитникам понадобилось слишком много времени, чтобы понять, что враги все еще движутся. Стрелки замерли, ожидая, что первые ряды наступающих вот-вот рухнут, и можно будет стрелять в идущих сзади. Джугай заорал на артиллерийский расчет,

еще один залп осыпал атакующих пулями, и тут Номору поняла, что происходит.

Они использовали своих мертвых как щиты.

Из дыма явилось полдюжины гхорегов, каждый из них толкал перед собой труп сородича — вялый мешок плоти, который дергался, как кукла, когда в него попадали пули. Косматые чудовища, похожие на людей, сваливали в кучу трупы соратников, образуя преграждающий ущелье холм, который сзади толкали остальные. Номору подстрелила двоих из винтовки, еще одному кто-то сообразительный прострелил ноги, но их тут же подхватили гхорег и выставили вперед, как щиты. Рывнули пушки, но артиллеристы не успели прицелиться, и взрыв прозвучал в середине вражеской толпы. Пламя преградило путь арьергарду, но в авангарде осталось достаточно чудовищ. Они побросали щиты и полезли на баррикаду.

Защитники отбрасывали винтовки и выхватывали мечи. Джугай увидел, как гхорег схватил за ногу какую-то женщину и швырнул ее в стену ущелья. Хрустнули кости. Гхорег бросился на него. Джугай увернулся от удара могучей лапы. Меч взметнулся и перерубил запястье гхорег. Зверь взревел от боли и дернулся, сзади подоспели двое и вонзили мечи ему в спину. Громадная челюсть обвисла, в глазах померк огонь. С булькающим звуком монстр рухнул на землю.

Джугай огляделся в поисках Номору, но разведчицы нигде не было видно. Трель воркуна предупредила его об опасности за мгновение до того, как чудовище срыгнуло с баррикады и приземлилось перед ним. Он увернулся от первого удара, но зверь поднялся на дыбы и серповидным когтем рассек Джугаю рубашку, на один волосок не достав кожи. Джугай не успел нанести ответный удар — слева раздался выстрел, который пробил воркуну череп и бросил его в пыль. Джугай бросил взгляд на своего спасителя, уже зная, кто это. Номору засела в нише дальше по ущелью и оттуда отстреливала искаженных. В рукопашной от нее было мало толку, на расстоянии она представляла гораздо большую опасность.

Теперь Джугай знал, где она, и это успокаивало. Он побежал туда, где разгорался основной бой. Землю усыпали тела погибших —

своих и чужих. Искаженные уступали в числе, их подкрепление было отрезано стеной огня ниже по ущелью, но на каждого убитого монстра приходилось трое павших защитников. Джугай перепрыгнул через труп мужчины с вырванной глоткой и побежал на помощь другому, который в одиночку сражался с фурией. Он узнал чудовище по описанию Кайку: демонический кабан, множество клыков, огромных и изогнутых, мощные ноги, усеянная шипами спина и оскаленная морда. Вмешаться не удалось: перед ним, будто из ниоткуда, возникла жуткая визжащая тварь с извивающимися вокруг круглой пасти щупальцами. Черное безволосое тело скользко поблескивало. Раненая гадина обезумела от боли. Джугай прикончил ее в несколько секунд, но когда подоспел к своей первоначальной цели, фурия уже растоптала человека. Он был мертв. Кровь растекалась по пыли.

Джугай собирался погнаться за монстром, движимый неким алогичным чувством ответственности, когда услышал нарастающий заунывный вой. Его нес ветер с востока. Люди Либеры Драмах вертели на веревках пустые деревянные трубки, чтобы создать шум, слышимый на десятки миль. Идею такого устройства они позаимствовали у ораторов императорских советов, которые пользовались его уменьшенными версиями, чтобы призвать собравшихся к порядку. Джугай все утро боялся услышать этот вой.

Где-то враг прорвал линию обороны. Порченные в Провале, за позициями Либеры Драмах. Защитники подавали сигнал к отступлению.

Джугай помчался за фурией. Здесь бой еще не закончен. Искаженных немного, но их трупы дорого обходятся защитникам. Отступать, так с музыкой. Джугай представил, как чудовищные лапы и ноги топчут его родные улицы, и гнев и боль наполнили сердце. С воплем он бросился в бой.

Со всех сторон Провал окружали укрепления. Врагов, нападающих с севера, юга или с востока, можно втянуть в бой на дне долины, и тогда у защитников останется преимущество положения на высоте. Они смогут атаковать с плато и сверху сеять смерть

на захватчиков. Но тот, кто подойдет к городу с запада, окажется над ним. И Либер Драмах не сможет использовать артиллерию, чтобы не разгромить свои дома. Враги могут хлынуть с изъеденных пещерами скал, как водопад, и наводнить все уровни города. И потому западные границы охранялись лучше всего. Но армия искаженных шла именно с запада, и здесь натиск был сильнее всего.

Главным укреплением был тройной частокол из древесных стволов, вбитых в пробуренные в камне отверстия. Чтобы его построить, понадобились гигантские усилия, но в Ксаранском Разломе безопасность всегда была на первом месте. На внутренней стороне частокола возвели леса из тростника камако, они поддерживали мостки и маленькие подъемники, лестницы и веревки. На этих лесах сновали мужчины и женщины. От топота бегущих ног вся конструкция вибрировала. На вершине стены грохотали пушки, баллисты метали камни и взрывчатку. Снаряды описывали длинные дуги в чистом голубом небе. Непрерывно и оглушительно рывкали винтовки, и в эту какофонию битвы вплеталось злое пение тетивы. В воздухе отвратительно пахло прогоревшим порохом и потом.

Заэлис ту Унтерлин преодолел последнюю лестницу на пути к верху стены. Из-за хромой ноги подъем дался ему нелегко. Сердце гулко колотилось в груди: его пугал царящий вокруг хаос. Он не был полководцем, мало знал об искусстве ведения войны и никогда раньше не видел ее так близко. Оборону Провала Заэлис передал в руки Джугай и его людей. Они знали, что делать. Сам он чувствовал себя лишним и бесполезным. Передать в чужие руки бразды правления взлелеянной им организацией, даже на время, оказалось очень нелегко. Это, да еще внезапный бунт Люции против его воли...

В последние несколько дней он был занят тем, что вмешивался в боевые планы людей, которые знали военное дело гораздо лучше него, и грызся с Люцией. Никогда прежде ему не приходилось ее наказывать, и он не знал, что делать. Она совершенно не походила на его бывших учеников. Отчасти он не решался наказать ее потому, что она играла важную роль в спло-

чении организации, и утрата ее доверия могла привести к расколу Либеры Драмах.

Неужели они правы, Люция и Кайлин? Неужели его и вправду больше заботила судьба Либеры Драмах, чем собственной дочери? Неужели он удочерил ее исключительно ради того, чтобы держать при себе самый главный козырь? О боги... Ему не хотелось так думать, но и полностью отмахнуться от этих вопросов тоже не удавалось.

Альскаин Мар. Все началось в Альскаин Мар, когда он заставил Люцию вновь использовать свои способности, опустил ее в обитель существа, обладающего невообразимой силой и непостижимым разумом. Он боялся того, что может случиться с жителями Провала — и рискнул ею. О боги, что на него нашло? Даже когда он мучился выбором, были ли связаны муки с тем, что он подвергал опасности свою ключевую фигуру — или свою дочь? Столько лет Люция пассивно подчинялась ему, и он почти забыл, что она — человек. Неудивительно, что девочка чувствовала себя преданной. Не удивительно, что она пошла против него.

С каждым днем Люция все больше и больше сближалась с Кайлин. Но нельзя позволить Красному ордену завладеть ее сердцем, нельзя! Он слишком влиятелен, и он не разделяет целей Либеры Драмах. Их заботит собственная выгода и собственное выживание. И они очень скрытные. Кайлин не сообщила Заэлису о своих планах относительно вторжения и отказалась участвовать в разработке совместной стратегии. А теперь, когда она так нужна, и вовсе исчезла.

Больше, чем потерять Люцию, Заэлис боялся только одного — что ее завоюет Кайлин. Но снова закрадывался вопрос: «А кого ты любишь сильнее — свою дочь или людей, которых собрал, чтобы они следовали за ней?»

Он размышлял об этом, поднимаясь на стену, а когда взобрался на вершину и посмотрел вниз, на запад, эти мысли мгновенно вылетели из головы, и кровь отлила от щек.

Искаженные лезли отовсюду — огромная черная масса, прижатая к частоколу. Зубы, мускулы, хитиновые доспехи. И все это кла-

цает зубами и исходит слюной в предвкушении живой крови. Они лавиной вытекали из лабиринта узких ущелий, которые вели к Узлу, и бросались на частокол, чтобы тут же погибнуть. Дым поднимался столбом там, где разрывались ядра, превращая нападавших в мечущиеся куски обугливающегося мяса. Взрывы рушили камень и раскидывали разорванные тела, когда баллисты попадали в цель.

У основания укреплений лежали сотни поверженных врагов, но еще больше искаженных карабкались к вершине, чтобы добавить и свои тела в это месиво. Они сгрудились на нескольких участках, чтобы создать достаточно большой холм, который позволил бы им перелезть через стену. Их самоубийственная целеустремленность наводила ужас, но хуже всего было то, что их ничто не останавливало.

Рядом с Заэлисом четверо мужчин подхватили чан с расплавленным металлом, который на лебедке подняли с земли, и опрокинули его на головы врагов, но те всего лишь пополнили собой скользкую грудку мяса и костей, которая достигала уже половины высоты частокола.

— Поджигай их! — завопил кто-то. — Принесите масла и подожгите их!

Заэлис перевел взгляд на человека, который широкими шагами шел по стене. Джугай. Перепачканный грязью и запекшейся кровью, с вечной повязкой на лбу и взъерошенными волосами... Увидев Заэлиса, он сверкнул улыбкой и тепло его поприветствовал. Джугай послал гонца по стене, чтобы передать приказ командующего западной обороной, и осмотрел Заэлиса с ног до головы.

— Клянусь сердцем, выглядишь ты ужасно, — сказал он.

— Не хуже, чем ты, — парировал Заэлис. Он почесал шею, которая зудела от пота. — Рад видеть тебя целым по эту сторону стены.

— Заэлис, что происходит? Где Красный орден? Они нам очень нужны! Слишком долго передавать сообщения из одного места в другое.

— Я знаю, Джугай, знаю, — беспомощно ответил Заэлис, отходя в сторону, чтобы пропустить кого-то. — Но ты ведь уже имел с ними дело.

Джугай угрюмо кивнул.

— А где Люция? — спросил он.

— Мы ее спрятали. Ее охраняют. Она отказалась уходить.

И это все, что я мог сделать.

— Но она же твоя дочь! — в ужасе проговорил Джугай.

— Я не могу ее заставить, — ответил Заэлис. — Она не обычный ребенок.

— Нет, она именно обычный ребенок! Ей четырнадцать лет от роду, а каждая тварь за этой стеной жаждет ее крови! Ты не думаешь, что ей страшно? Ты должен быть с ней, а не здесь!

Заэлис готов был запротестовать, но Джугай опередил его.

— Покажи мне, где она. — Он схватил Заэлиса за руку.

— Тебе нужно остаться!

— Если ее нужно охранять, то охранять ее буду я. — Джугай тащил Заэлиса к лестнице. — Ткачи на подходе. И если я что-то понимаю, то от них долго ничего не спрячешь.

В подвале у Флена было темно и жарко. Свет проникал сюда сквозь щели между досками в полу — тонкие полоски теплого дневного света ложились на лица подростков, которые прятались под домом.

Как и в большинстве сарамирских подвалов, сухой воздух не давал распространяться плесени, и здесь тщательно поддерживали порядок и чистоту, как и в остальном доме. Деревянный пол посыпан песком, стены — залакированы. Бочонки и ящики аккуратно составлены и прикрыты пеньковой сеткой. Бутылки вина — полускрытые очертания во мраке — лежали на полках.

Несколько ступенек вели к люку в потолке, который закрыли за ними больше часа назад. С тех пор они сидели на циновках, перешептывались и изредка отпивали из кувшина с ягодным соком, не притрагиваясь, впрочем, к воценому свертку с едой. Над головами их со скрипом туда-сюда ходили стражники. Иногда они затмевали свет, и казалось, что огромная тень ложится на потолок.

Они прятались, ждали и прислушивались к отдаленному грохоту пушечных выстрелов.

— Надеюсь, что его не ранят, — в десятый раз повторил Флен. Его мысли постоянно возвращались к одному и тому же, и он их озвучивал, когда уставал сидеть в тишине.

Люция не ответила. Она боялась, что он снова заведет этот разговор. Несколько минут назад у нее возникло неприятное ощущение, что отец Флена, о котором он думал, убит. Она не стала бы ручаться за это, но не в первый раз чутье сообщало ей о вещах, которые не могли быть ей известны. Возможно, она неосознанно уловила это в неразборчивом шепоте духов. Во всяком случае, она вместе с Фленом думала об его отце.

Флен поднял на нее глаза, ожидая, что она успокоит его, но она не могла. Боль промелькнула в его глазах. После секундных колебаний она скользнула к нему и нежно обняла. Он ответил на ее объятие, глядя поверх ее плеча в темноту. Они посидели немного, прижавшись друг к другу, в островке тусклого света. Солнечные лучи, что падали сверху, очерчивали их лица и плечи мягкими линиями.

— Их всех убивают, — прошептала Люция. — И это моя вина.

— Нет. — Флен даже не дал ей закончить. — Это не твоя вина. То, что делают ткачи, не твоя вина. Это они виноваты, что ты родилась с такими способностями. Они. Ты ничего не сделала.

— Я все это начала. Я отдала Пурлоху свой локон. Позволила ему вернуться к ткущим Узор с доказательством, что я порченная. Если бы я этого не сделала... Мама была бы жива... И никого бы сейчас не убивали...

Флен обнял ее крепче. Его беды будто отошли на второй план. Важнее всего — утешить Люцию. Он гладил ее по волосам, скользил кончиками пальцев по обожженной и бесчувственной коже на ее шее.

— Это не твоя вина, — повторил он. — Ты не виновата в том, кто ты.

— А кто я? — Она отстранилась от него. Будь на ее месте другая девочка, он бы ожидал увидеть слезы в ее глазах. Но она смотрела на него рассеянно и странно. Чувствовала ли она вину и

угрызения совести, как другие люди? Печалило ли ее это по-настоящему? Или же то, что он принял за самоистязание — просто констатация факта? Он так давно ее знает и до сих пор не понимает до конца...

— Ты сама говорила. Ты аватара.

Люция пристально на него посмотрела и не ответила. Пришлось пояснить.

— Ну, ты мне рассказывала. Боги не желают, чтобы Арикарат вернулся, но они не станут вмешиваться непосредственно. И поэтому они посылают сюда людей вроде тебя. Людей, которые могут все изменить. Помнишь, как Дети Лун спасли тебе жизнь, когда за тобой гнались шин-шины? Помнишь, как Тэйн пожертвовал своей жизнью ради тебя, хотя был жрецом Энью и должен был ненавидеть искаженных? — Флен заломил руки, он не был уверен, что правильно выражает свои мысли. Наверное, Люции не очень приятно вспоминать про смерть Тэйна, хотя она и не всегда реагирует так, как можно ожидать. — Должно быть, он знал, что его богиня хочет, чтобы ты жила, хотя твое существование и противоречило всему, во что он верил. Ведь Арикарат убивает саму землю, а ткачи ему служат, и хотя ты искаженная — потому что ты искаженная — ты для них угроза. Луны-сестры хотят, чтобы ты жила, потому что ты можешь помочь победить их брата.

Он взял ее руки в свои. Флен очень хотел, чтобы она поняла то, что ему казалось очевидным.

— Если бы ты не была собой, не было бы Либеры Драмах. Не было бы Сарана, и мы бы ничего не узнали об Арикрате, пока не стало бы слишком поздно. Возможно, боги вели эту войну с тех пор, как появились ткачи, но мы только теперь узнали, за что мы боремся.

— Может быть, — признала она и слабо, без тени веселья, улыбнулась. — Но я не спасительница, Флен.

— А я и не говорю, что ты спасительница, — ответил он. — Я говорю, что есть причина, по которой ты здесь. Даже если мы еще не знаем, что это за причина.

Люция собиралась что-то ответить, но вдруг изменилась в лице. Ее глаза широко раскрылись. Она жестом велела Флену молчать.

Сверху раздался вздох. Что-то упало. Флен поднял голову, моргнул и вздрогнул, когда что-то капнуло ему на щеку из щели в половых досках. Он машинально стер каплю и тихо ахнул, увидев кровь на своих пальцах.

— Ткачи, — прошептала Люция.

Снова что-то рухнуло на пол, потом еще и еще. Это падали стражники. Флен едва мог представить, как ткущие Узор попали сюда, какой темной силой они воспользовались, чтобы проскользнуть в сердце Провала, пока искаженные атакуют по периметру. Они что, вывернули наизнанку умы солдат? Безнаказанно прошли по улицам Провала, прикрывшись иллюзией? На что еще способны ткущие? Чем они веками занимались под покровом тайны и какие крупницы знания подарил им их пробуждающийся бог?

Бесполезно рассуждать. Они пришли сюда, и пришли за Люцией.

— Не бойся, — сказал Флен, хотя сам испугался гораздо сильнее, чем она. Они жались к стене напротив лестницы. Западня. На лицах — полосы света. Вокруг — жаркая мгла.

Что-то сдвинули с люка. Отдернули циновку. Скрываться было бессмысленно — они точно знали, где она.

Над лестницей зажегся прямоугольник дневного света. В широком солнечном луче плясали пылинки. Три черные, оборванные тени четко вырисовывались на ярком фоне.

— Люция, — прошептал хриплый голос.

Она встала. Флен поднялся вместе с ней. Он попытался принять вызывающую позу, но это выглядело смешно: от страха парнишка едва держался на ногах.

Ткачи медленно спускались по ступенькам. Их слабые, изъеденные артритом и раком тела двигались неуклюже, с трудом. Во мраке Люция уже могла их рассмотреть. У одного — маска из раскрашенных перьев, у другого — из кусочков коры, у третьего — чеканного золота.

— Я — Люция ту Эринима, — произнесла она ровным низким голосом. — Я — та, за кем вы пришли.

— Мы знаем, — ответил один из ткачей, который — непонятно. Они спустились. Флен лихорадочно оглядывал подвал, будто ища в темноте пути к спасению. Он едва не рыдал от ужаса. Люция стояла, как статуя.

Ткач в маске из перьев поднял бледную, в язвах руку и указал на Люцию длинным желтым ногтем.

— Твое время вышло, порченная, — прошептал он.

Но исполнить угрозу ему так и не удалось. Ткущие завизжали и скорчились, сляясь отползти от Люции и Флена. Дети пятились, а уродливые создания извивались и завывали. Их конечности конвульсивно дергались. С тошнотворным хрустом рука одного из них сломалась. В следующий момент его колени вывернулись под невероятным углом и сухо щелкнули. Он страшно закричал и повалился на пол. Другой лежал на боку и выгибался назад, будто какая-то невидимая сила скручивала его. Раздавался жуткий вой и мерные щелчки — позвонок за позвонком, позвонок за позвонком... Ткачи дергались и выгибались, их кости ломались одна за другой — страшная пытка. Из-под масок сочилась кровь, пачкала их лохмотья, а они еще визжали, еще жили. Прошло еще несколько минут, прежде чем все закончилось. Они уже не походили на человеческие существа — просто кровавое месиво, будто кучи опилок, милосердно прикрытые маптиями и масками.

Флен в ужасе отвернулся и съежился в углу, заткнув уши руками. Люция бесстрастно наблюдала за происходящим.

Кайлин ту Моритат выступила на свет. На разрисованном лице глаза светились ярко-алым. Появились и другие сестры, всего — десять женщин с черно-красными треугольниками на губах и красными полумесяцами от век до скул. Все — в черных одеяниях ордена.

Кайлин, чье лицо до половины скрывала тень, посмотрела вниз, на Люцию. Выражения ее лица видно не было.

— Молодец, Люция, — похвалила Кайлин.

Люция не ответила.

Ткущие угодили в ловушку, идя по следу, оставленному Люцией в Узоре. Если бы они знали то, что знал предыдущий главный ткач Виррч, они бы поняли, что Люция неуловима, что их грубые сети в бесконечности золотых нитей не способны поймать ее тончайший след. Сестры помогли ей стать видимой для ткачей. И те не устояли перед таким искушением.

Сестры обменивались взглядами, поздравляя друг друга. Из них только Кайлин прежде имела дело с ткущим Узор. Теперь они все приняли боевое крещение и были очень измотаны. Тот момент, когда они захватили власть над телами ткачей и стали ломать их кости, как сухие ветки, в измерении Узора превратился в долгую и жестокую битву. То, что Флену и Люции показалось делом одной секунды, для них стало вечностью. Хотя числом они превосходили врага, им пришлось нелегко. Но они вышли из этой схватки целыми и невредимыми. Истерзанные трупы у их ног служили доказательством того, что они способны бросить вызов ткачам и победить.

Люция слушала резкие и взволнованные мысли воронов. Она отослала их, чтобы они не выдали ее местонахождения и не отпугнули ткущих Узор, и теперь птицы-стражи сходили с ума от беспокойства. На этот раз ей пришлось им приказывать — редкий случай. Она послала им волну утешения, и их волнение затихло, как вода в кастрюле, снятой с огня.

— Вы все молодцы, — сказала Кайлин достаточно громко, чтобы сестры услышали ее. — Но это еще не настоящее ваше испытание. Мы не позволили им предупредить своих, поэтому все еще можем рассчитывать на элемент неожиданности. По крайней мере, пока. Не будем терять времени. Начинается настоящий бой!

Сестры поднялись по ступенькам и исчезли в люке, одна за другой. Кайлин воодушевила их. Сверху послышался топот бегущих ног и голоса.

— Заэлис и Джугай здесь, — сказала Кайлин. Она посмотрела на Флена, который все еще жался в угол. Пережитый ужас стал для него слишком тяжелым потрясением.

— Я благодарю тебя от всего сердца, Кайлин. — Голос Люции звучал совершенно по-взрослому. — Ты не обязана была оставаться и сражаться за Либера Драмах.

Кайлин медленно покачала головой и наклонилась к Люции.

— Я сражаюсь за тебя, дитя. — Она поцеловала Люцию в щеку — нежная ласка, столь противоречащая ее обычной манере поведения. Потом выпрямилась и поднялась по ступенькам наверх.

Короткий разговор — и на лестнице появились Джугай и Заэлис. Они спускались в подвал и замедляли шаг — останки ткущих привели их в ужас.

— Ты опоздал, отец, — холодно проговорила Люция.

Он не ответил, потому что в этот момент раздался заунывный вой вертушек. Во второй раз за день. Набрав воздуха для ответа, Заэлис выдохнул проклятие.

Они пробили стену. Искривленные в Провале.

Глава 33

Кайку и Тсата блуждали много часов, пока не наткнулись на ферму червей.

Шахта под пойменной долиной оказалась больше, чем они могли себе представить — лабиринт коридоров и пещер, разбегающихся от центрального ствола. Они сворачивались в петли, разделялись и соединялись совершенно случайным образом. Некоторые части этого лабиринта казались заброшенными, в других будто бы и вовсе никто никогда не жил. Какие-то пещеры и коридоры, наоборот, были завалены запасами пищи и рудничными инструментами — но ничего, что можно было добывать, Кайку и Тсата поблизости не обнаруживали. В этих заброшенных складах они украли взрывчатку: ее здесь хранили неосторожно, сложив в огромные кучи, которые выделяли летучие вещества. Кайку и Тсата предполагали в конце концов обнаружить взрывчатку, даже надеялись на это, потому что они не знали другого способа уничтожить колдовской камень. Но чтобы в таком количестве! Одна искра в этой пещере — и половина

шахты рухнет. Кайку старалась не думать об этом, пока они осторожно заворачивали бруски взрывчатки в тряпки и укладывали в мешок Тсаты.

Время от времени они сталкивались с гольнери, но карлики не обращали на них никакого внимания и продолжали заниматься своими делами. Они нашли несколько изуродованных тел коротышек — жертв безумия своих жестоких хозяев. И другие следы присутствия ткачей появлялись по мере того, как Тсата и Кайку спускались все ниже и ниже в стонущую, испускающую клубы пара тьму шахты. Они видели странные фигуры, высеченные в камне, — плоды чьего-то сумасшествия. Стены коридоров испещряли надписи на разных языках, иногда явно вымышленных — тарабарщина, в которой время от времени проскальзывал ужасный смысл, намеки на нечто темное и извращенное. Одна из пещер была увешана трупами — десятки женщин-гольнери покачивались, подвешенные за ноги к сложной системе веревок, воротов и петель. Кровь из перерезанных глоток превратила земляной пол в коричневый чешуйчатый ковер. Кайку подумала, что, наверное, гольнери не только приходилось наблюдать сию сцену каждый раз, когда они проходили через эту пещеру, но, скорее всего, они же и собрали всю эту адскую машину. Кем же раньше были эти карлики и как ткачам удалось поработить их? Где их гордость? Ведь им, похоже, все равно, даже когда ткачи устраивают такие вот зверства.

Вскоре они натолкнулись на ткача.

Кайку почувствовала его присутствие прежде, чем они его увидели. Он ткал Узор, но с таким Кайку еще не сталкивалась. Его сознание напоминало флаг, трепещущий на ветру. Один конец — закреплен, другой — бьется в плетении Узора. Потом они услышали его бормотание и протяжные, резкие вскрики, которые разлетались по коридорам. Они повернули назад, чтобы не встретиться с ним. Кайку видела таких ткачей в лакмарском монастыре. Они потеряли рассудок, маски разрушили их сознание, мысли вечно скользили по течению Узора, и лишь одна жестокая нить связывала сознание с телом.

Кайку казалось, что на поверхности уже наступил день, но они слишком глубоко опустились под землю и не могли знать наверняка. По мере погружения вглубь шахты они находили все больше и больше загадок. В огромных пещерах лязгали и шелкали непонятные дымящиеся машины. Гигантские черные топки заливали каверны красноватым светом. Туда-сюда сновали, кормя пламя углем, гольнери с перепачканными лицами. Грохот стоял оглушительный — Кайку и Тсата заткнули уши и сбежали. Они проходили мимо массивных норий, уходящих в темноту. Вода выплескивалась из огромных черпаков и падала в пропасть. Газовые факелы зловеще гудели на стенах больших пещер или в железных подставках и изрыгали столбы дымного пламени. Случайно Тсата и Кайку наткнулись на место, где проводились рудничные работы: гольнери стояли на металлических мостках и отбивали породу. Лязгали цепи, визжали ворота — породу отправляли вниз на подъемниках или по скатам. Уголь для топок. Но для чего нужны сами топки?

Кайку удивляло, что такое огромное пространство пусто, но потом она решила, что это не монастырь и не крепость. Ткачей в этой шахте интересовала одна вещь: колдовской камень. А он погребен очень, очень глубоко под землей. Коридорам и пещерам требовалось найти какое-то применение. Ткачам нужно было где-то размещать огромные запасы еды для своей армии, селиться самим, расселять гольнери и Погонщиков, добывать топливо для печей и поддерживать работу всех этих штукунин — но даже для этого им понадобилась лишь малая часть подземелий. А когда войска двинулись на север и на восток, шахта и вовсе опустела.

Но откуда берутся черви-погонщики? Ответ на свой вопрос Кайку нашла на ферме.

Они вошли в пещеру и оказались на металлической галерее, скрытой в тених, — ржавые мостки, привинченные к стене, чтобы можно было пройти из одного отверстия в стене в другое, не больше. Широкий потолок низко нависал над ними. Пещеру освещали газовые факелы, между которыми змеились металлические штуки, похожие на веревки. Незванные гости присели на корточки

и посмотрели вниз. Линии скул, предплечья и колени свет делал нежно-янтарными.

На дне пещеры, как живой ковер, копошилась черная масса. Тошнотворное зрелище сопровождал постоянный чавкающий звук. Черви-погонщики. Тысячи тысяч. Над склизкой массой возвышались земляные насыпи, расположенные с присущей ткачам хаотичностью. По ним бродили десятки гольнери, которые время от времени разбрасывали какой-то порошок — корм для червей — и обливали их водой. Но по земляным насыпям ходили не только гольнери. По пещере прохаживались Связники, за ними скакали воркуны. Твари нежно ворковали и следовали за своими хозяевами по пятам, как преданные псы.

Факелы отбрасывали на влажные спинки червей отблески — тысячи отраженных полумесяцев мерцали, будто маслянистое море на закате.

— О боги... — выдохнула завороченная Кайку.

Они с Тсатой смотрели и смотрели и вскоре заметили, что на дне пещеры не только черви. Обследовав убитых искаженных, Кайку и Тсату выяснили, что черви почти неотличимы один от другого, их единственные черты — это круглый беззубый рот, обрамленный маленькими бугорками, и выделительное отверстие с другой стороны тела. Эти создания вырабатывали особую кислотную слюну, которая позволяла им проникать под кожу жертв, где они и закреплялись, выпуская из бугорков сотни тончайших усиков. Тсата обнаружил это, когда пытался вынуть одного червя из тела мертвого хозяина и ему это не удалось: плотная сеть тонких нитей накрепко пришила его к искаженному. Непонятно, как это происходило, но результат внедрения оставался очевидным: черви подчиняли себе волю хозяина, которая, в свою очередь, находилась во власти Погонщиков.

Теперь Кайку и Тсату увидели и других существ — несколько узких и плоских тварей с короткими хвостами. В воздухе над каждым висело облачко тонких волосков. Волоски эти то и дело поглаживали червей, которые теснились вокруг. Черви рядом с

ними вели себя, как поросята возле свиноматки: они суетились и отталкивали друг друга, чтобы подобраться поближе.

Был еще третий тип существ — похожие на личинки твари длиной два-три фута, с ядовито-оранжевыми пятнами на блестящей спине. Они напоминали мешки с завязкой-веревкой, только из плоти, — утроба со сфинктером. Некоторые из них были жирными, крупными, тогда как другие казались изможденными и изголодавшимися. Тсата указал на тонких и плоских существ, которые вползали в рот жирным тварям, но не трогали худых. Они забирались прямо внутрь, очень глубоко, а потом существа отрыгивали их вместе с желчью. Кайку заметила другое явление: одна из самых худых «личинок» выплюнула копошащуюся кучу крохотных червей, которые тут же направились на поиски пищи, что рассевали гольнери.

Некоторое время Кайку и Тсата сидели, затаившись в тени, и наблюдали. Потом ткиурати тихо проговорил:

— Я понял. Три пола.

Кайку посмотрела на него с недоумением.

— У нас в Охамбе есть похожие существа. Смотри, что происходит. Черви Погонщиков — самцы. Те длинные существа — самки. Самцы стараются их осеменить. Третий пол — это просто матка. Самки заползают внутрь и откладывают оплодотворенные яйца. Они вызревают внутри, питаясь соками матки, поэтому по мере развития беременности матка истончается. Потом они отрыгивают личинок, каждая из которых развивается в самку, самца или матку, и цикл продолжается.

Кайку хлопала ресницами. Она никогда не слышала о подобном. Хотя эти твари, вероятно, сарамирские. Какой-то неописанный вид, извращенный до неузнаваемости колдовскими камнями? Или они всегда были такими, прятались в неизведанных горах, пока десятки или сотни лет назад их не нашли ткущие Узор?

— Думаю, самки каким-то образом поддерживают связь с самцами, — предположил Тсата. — Что-то вроде коллективного разума, как в улье, только «пчел-маток» много. А самцы — как трутни.

В дальнейших объяснениях Кайку не нуждалась. Она уже поняла, как это все работает: самцы забираются на спящих живот-

ных или искаженных, проникают в их плоть и берут их под контроль, превращая в рабов. Самцы и матки кажутся вполне примитивными существами, но самки ведут себя очень осмысленно. Самцы просто устанавливают связь с самками, и именно самки управляют поработенными существами. Для колонии не найти лучшей защиты, чем крупные и надежные носители. И лучшего источника пищи: сами-то черви физически беспомощны. Кайку подвигила пугающей изобретательности этих паразитов.

Но теперь Связники контролируют самцов. Как им это удалось? Не через Узор, это точно. Узнать это — жизненно необходимо. Ведь нужно разорвать эти узы...

Кайку очнулась от своих мыслей, когда снизу раздался вибрирующий визг, поднявшись до такой высоты, что резало в ушах. К нему присоединился еще один, потом еще и еще. Все воркуны смотрели в то место, где прятались Кайку и Тсата, и Связники обратили свои бледные неживые лица в эту же сторону.

— Они нас увидели! — прошипела Кайку, слишком поздно вспомнив, что воркунам и вовсе не нужно видеть, темнота не помеха для их акустической системы ориентирования.

— Пора смываться, — пробормотал Тсата, и они побежали.

Оба решили бежать не назад, а вперед, выбрав незнакомые ходы, а не пещеры, которые уже миновали. Они промчались по лязгающему под ногами мосту и бросились в тоннель на дальней стороне. Пронзительные трели воркунов раздавались со всех сторон. Поднялась тревога.

— Держи! — Тсата швырнул Кайку мешок с взрывчаткой. Кайку охнула от такого грубого обращения с опасным веществом.

Они бежали по голому, безликому коридору, освещенному редкими факелами в металлических скобах. Многие из них уже потухли. Газовые факелы горели только в просторных пещерах и там, где обычные не в состоянии разогнать тьму. Тени плясали на неровных камнях круглых стен. Это была лавовая трубка — напоминание о некоем древнем катаклизме. Тсата бежал впереди. Кайку заметила, что он выхватил свои крюки-потрошители. О боги, как кстати прилась бы винтовка! Кайку очень плохо

управлялась с мечом, но, кроме него, у нее ничего не было. Кроме него... и *каны*. Вот только если ее использовать, сюда сбегутся тчаки со всей шахты.

Тоннель заворачивал вправо. Воркун выпрыгнул из ниоткуда, прямо перед Тсатой. Но реакцию охотника отточил тысячелетний опыт предков, живших в джунглях, где человека никто не предупредит, прежде чем убить. Он бросился вниз и нырнул под коготь воркуна. Лезвия клинков вонзились в незащищенное брюхо зверя и вспороли его от горла до хвоста. Воркун с выпущенными кишками рухнул к ногам Кайку, беспомощно царапая землю в смертельной агонии.

Но он был не один. Вслед за ним выбежали еще двое, и с ними — Связник. Кайку ощутила легкий озноб, увидев вблизи это тощее существо ростом в семь футов, с ног до головы закутанное в черную мантию, с безликой бледной маской. Она положила мешок с взрывчаткой и вынула меч из ножен.

— Назад, — бросил ей Тсата, не отрывая взгляда от врагов. Он пригнулся, приготовившись к схватке. — Ты здесь не помогаешь.

Он прав. Не поможет. И все же Кайку чувствовала себя ужасно: он — один против трех опаснейших врагов. И от этого ей сделалось так страшно, что она удивилась самой себе. Неосознанно она уже готовила свою *кану*. Она не позволит этим тварям убить его. Чего бы это ни стоило...

Воркуны набросились на него одновременно. Они двигались со скоростью ягуаров. Один из них встал на дыбы, чтобы нанести удар кривыми когтями на передних лапах. Тсата отскочил от него и метнулся ко второму. Тот намеревался вцепиться в живот своими клыками. Тсата подался в бок, но не ушел от удара. Гладкий костяной гребень ударил его в бедро. И Тсата промахнулся — кривое лезвие не достало уязвимого места, где длинный череп присоединялся к бронированной шее, но скользнуло по роговым пластинам на спине воркуна. Первый воркун выбросил другой коготь, переоценив свои возможности. Тсата зарычал, когда коготь вспорол ему руку,

но увернулся и вонзил крюк в грудь чудовища. Оно оглушительно взвыло и издохло. Другой воркун замер — очевидно, его чувствительные железы отказали от звука такой силы и частоты. Первый едва упал наземь, когда Тсата уже напал на второго, воткнул крюки-потрошители в заднюю часть шеи монстра, где сидел червь, и рванул в разные стороны. Воркун затрясся и рухнул на землю безвольной тушей.

За последние несколько недель Кайку не раз приходилось видеть ткиурати в бою, но его смертоносная ловкость не переставала его удивлять. Он стоял над трупами поверженных чудовищ, лицом к лицу со Связником. Из левой руки по золотистой татуированной коже текла кровь и капала с запястья.

Миг колебаний. Связник — неизвестный противник. На что он способен — непонятно.

Тсата выбросил здоровую руку вперед. Крюк, страшно вращаясь, полетел во врага. Тот то ли не успел увернуться, то ли решил этого не делать... Лезвие вошло в его тело с тошнотворным звуком. Колени подогнулись. Он тихо осел на пол.

Ткиурати не терял времени даром. Крики других воркунов приближались. Он вытащил крюк из тела Связника. Кайку подбежала к нему.

— У тебя кровь, — сказала она.

Тсата неожиданно улыбнулся.

— Я заметил.

Он наклонился и сорвал маску. Кайку ахнула, увидев...

Мертвенно-белое лицо, испещренное тонкими пурпурными сосудами, с абсолютно пустым выражением — как и маска. Узкая щель беззубого рта. Огромные черные глаза. В них отражалось испуганное лицо Кайку.

Но это был ребенок.

Под прошитой сосудами кожей расползались тонкие усики — по лбу, по впалым щекам, не затрагивая губы, уши, глаза и шею. Десятки выпуклых извилин очерчивали череп.

Тсата поднял голову Связника и стащил с него капюшон. В кожу головы крепко впилась самка червя — блестящая черная

лента, будто вросшая в тонкую мышечную ткань. Ее хвост исчезал между лопаток, проникая в позвоночник.

— Вот теперь мы знаем, — сказал Тсата.

Кайку спрятали меч в ножны и опустила на корточки возле убитого существа. Она едва могла в это поверить. Связники — люди, чья воля сливалась с волей самок червей, которые делили вместе с ними тело. Самки управляют самцами, а самцы управляют искаженными. Ткачи, должно быть, годами ловили их в горах, возможно, подчиняли с помощью масок, создавая свою армию. Ни один человек не стал бы сражаться на их стороне, поэтому они собрали армию чудовищ, монстров, порожденных заразой, которую сами же ткачи и распространяли. И они управляли своими воинами через Связников.

Но дети... Они сражались самок червей с детьми? Был ли это единственный способ добиться нужного единения? И потому ли они превращались в таких уродов?

Кайку от ярости заскрежетала зубами. Слезы навернулись на ее глазах.

Нет для этого слов. Доказательство — вот оно.

Они делали это с детьми.

Тсата схватил ее за руку.

— Нет времени оплакивать их, Кайку.

Он поставил ее на ноги и дал в руки мешок с взрывчаткой.

И они снова побежали. Вопли воркунов раздавались спереди и сзади. Перед ними валялись металлические детали какого-то несобранного устройства. Тоннель разделялся на три ветки. Тсата не колебался, выбирая путь. Он, казалось, не обращал внимания на рану на руке, истекающую кровью. Отсюда не доносился такой сильный шум. Тоннель был грубым и неровным. Похоже, им редко пользовались. Факелы стали попадаться все реже. Тсата схватил один из них и понес в руке. Кайку отпрянула — огонь не лучшее соседство для ее смертоносной ноши.

Ее окатило волной вмешательства в Узор. Что-то темное, злое шарило по подземельям. Их кто-то искал. Кайку осторожно скрыла их с Тсатой от глаз ищущего, размазав следы в Узоре.

Это была первая вещь, которой научила ее Кайлин, когда Кайку сумела обуздать свою силу. И даже такая нерадивая ученица, как Кайку, после пяти лет упражнений в совершенстве освоила этот прием. Ткач скользнул по ним невидимым взором — и не заметил. Кайку не ослабила бдительности. Теперь она знала, что здесь есть по меньшей мере один ткущий Узор, который вменяем настолько, что представляет опасность.

Она оглянулась. Эхо погони звучало теперь от развилки. Она не думала, что воркуны — такие уж хорошие ищейки, однако в этих коридорах очень мало мест, где можно спрятаться. А Тсате нужно перевязать рану. Кровь из нее хлещет и хлещет и оставляет вполне заметный след на полу.

Кайку испугалась. Она победила демонов на болотах, исцелила Джугая, несколько недель удачно охотилась с Тсатой и привыкла считать себя непобедимой и неуязвимой, стала увереннее в себе и своих способностях. Но сейчас она осознала весь ужас их положения: они — в самом сердце логова ткачей, их окружают враги, и возможно, им уже не суждено выбраться отсюда. Она боялась привлечь внимание ткача — значит, кана бесполезна. Тсата, конечно, отличный охотник и искусный воин, но он привык полагаться на неожиданность. Он убил Погонщика и троих воркунов — ему повезло. Но он серьезно ранен, хотя и не жалуется...

«Оха, во что я ввязалась? Может, нужно было вернуться к Кайлин?» — подумала Кайку.

Но эта мысль напомнила ей о том, что может сейчас твориться в Провале. Перед глазами встали картины резни и ужаса.

Она отбросила сомнения. Слишком поздно жалеть о сделанном выборе.

Тсата внезапно остановился. Кайку догнала его. Ее постепенно алеющие глаза взволнованно смотрели на факел в его руке.

— Сюда. — Он указал вниз. На уровне пола камень прорезала щель, и за нею происходило непрерывное движение. Огонь от факела будто отражали сотни быстрых светлячков. Кайку не сразу поняла, что там течет вода.

Она заколебалась — щель слишком узкая. Клаустрофобия вновь дала о себе знать. Но трели воркунов раздались снова, на этот раз гораздо ближе, и она решилась. Положила на землю мешок с взрывчаткой и скользнула ногами вперед в щель. Темнота не позволяла разглядеть, что внизу, но раз есть вода, значит, должна быть и земля. Она проползла, сколько могла, пока ноги не ощутили пустоту, и прыгнула.

Вспышка боли — что-то распоролو поясницу. Падение. Она с силой ударилась о землю, колени подогнулись. Глубина ручья была не больше дюйма.

— Кайку? — раздался сверху голос Тсаты.

Она дотронулась до спины — рука стала влажной.

— Опасности нет, — отозвалась она. — Брось факел. И осторожнее с камнями, они острые.

Тсата бережно передал ей взрывчатку и проскользнул в щель следом. Он опустил факел в воду, и они очутились в кромешной тьме. Трели воркунов и топот бегущих ног зазвучали громче.

— Ты что-нибудь видишь? — прошептал Тсата.

— Нет. — Кайку не знала, приспособятся ли ее глаза теперь. — Веди меня.

Она почувствовала, как его рука оказалась в ее ладонях — теплое и влажное рукопожатие. Кровь сочилась с его запястья, наполняла все бороздки на ее руках, просачивалась сквозь пальцы. Здоровой рукой он нес мешок с взрывчаткой. Ощущение не вызывало у Кайку отвращения, наоборот, в нем выражалась некая близость. Будто его кровь скрепляла их связь. Кайку почувствовала совершенно неуместную волну тепла и удовольствия от этого прикосновения.

Они шли вперед. Тсата вел ее в черноту. Его ботинки негромко шлепали по воде. Их окружал холодный, сырой воздух — дыхание земных глубин. Потом Кайку поняла, что дует ветерок, и что Тсата идет ему навстречу. Удивительно, но полная тьма нисколько ее не смущала. Она не одна, и она абсолютно доверяет Тсате. Когда-то Кайку не допускала даже мысли, что ее судьба может зависеть от этого человека. Чужака со своими, непонятны-

ми ей представлениями о мире, который, не задумываясь, использовал ее как приманку для чудовищного охотника. Кайку не знала, решился бы он на это теперь или нет. Возможно, та близость, что возникла между ними, помешала бы ему так легко рискнуть ее жизнью? Кто знает. Но Кайку научилась лучше понимать его беспрекословное подчинение всеобщему благу. Она знала, что он ни в коем случае не бросит ее здесь и отдаст за нее жизнь, если так будет лучше для них обоих. В этой простой логике было что-то неумовимо трогательное.

Она стала различать стены тоннеля и рябь на поверхности воды от их шагов. Сначала ей казалась, что это игры разума, но потом ощущения стали слишком отчетливыми, чтобы их игнорировать. Мир постепенно вновь принимал очертания, пока Кайку не начала видеть все так ясно, будто в небе над ней стояла Ария.

Спустя некоторое время, когда звуки погони затихли позади и им показалось, что они одни во всей шахте, Тсата остановился на привал в месте, где тоннель расширялся и пол поднимался выше уровня воды. Кайку чувствовала, что ткач все еще их ищет, но взор его где-то далеко.

— Здесь есть сухой пяточок.

— Вижу.

Тсата оглянулся на нее, и взгляд его скользнул по их сомкнутым рукам. Кайку слишком поздно поняла, что он продолжал вести ее, когда она уже прекрасно могла идти сама. Ей просто не хотелось отпускать его руку.

— Мне нужно залечить рану, — проговорил Тсата. — Она не закрывается.

Никогда Кайку так остро не ощущала непохожесть их миров, как в следующие несколько минут. В джунглях Охамбы вырастали сильные, крепкие люди. Сарамир делал знать изнеженной и слабой. Кайку смотрела, как Тсата в темноте делает операцию сам себе; закусывала губу, когда он кончиком крюка-потрошителя выковыривал из раны застрявший там осколок когтя; вздрагивала, когда он сшивал концы раны иглой из гладкого дерева и каким-то волокном. Тсата отказался от ее помощи — она ее предложи-

ла, не имея ни малейшего представления, чем может помочь, — и успешно зашил сам себя, ничем не выдав боли. Разве что дышал со свистом сквозь стиснутые зубы.

Закончив, ткиурати вынул из кошелька на поясе крохотную баночку с какой-то мазью и нанес ее на разрез, который все еще кровоточил. Его тело выгнулось дугой. Кайку подскочила на месте. Черты лица Тсаты исказила невыносимая боль, на руке и на горле вздулись вены. От раны поднимался дурно пахнущий дым.

Кайку вдруг вспомнила слова Азары, слетевшие с губ Сарана Иктиса Марула: «В Охамбе очень немногие лекарства можно называть щадящими». Мазь буквально спаивала края раны.

Она смотрела на это, не в силах помочь, слушала, как тяжело дышит Тсата. Процесс лечения казался ей невероятной мукой. Но Тсата, наконец, задышал ровнее и смыл мазь водой из ручья. Рана больше не кровоточила. На ее месте появился уродливый морщинистый шрам.

Кайку хотела как-то утешить и приободрить его... но по коридору эхом отдалась вибрирующая трель воркуна. Погонщики не прекратили погоню. Они вновь настигали добычу.

Кайку поставила Тсату на ноги, схватила взрывчатку, и они снова побежали.

Тоннель шел вниз, от воды пол был скользким. Воркунов стало, по-видимому, больше. Очевидно, они прошли по кровавому следу до щели, через которую Тсата и Кайку ускользнули, и догадались, где чужаки. Внезапно ткач снова обратил на них свое внимание, оно скользнуло по ним, как страшный, жестокий взгляд. Он почти захватил Кайку врасплох, и она едва успела спрятать их с ткиурати. Она заботилась только том, чтобы поддерживать эту скрывающую защиту, и потому не заметила, что в конце тоннеля появился свет. Лишь когда ткач отвернулся от них, Кайку пришла в себя и поняла, что Тсата замедляет шаг.

Тоннель заканчивался проржавевшей решеткой — ряд толстых квадратных столбов, через который вода сливалась в пещеру. Сквозь решетку просачивалось грязноватое, неуютное свечение.

Слышался лязг и грохот машин. В противоположной стене тоннеля было несколько вертикальных щелей и отверстий — зарешеченных и черных.

Тсата остановился, бросил взгляд назад — шум погони нарастал. Кайку пробежала мимо него — к решетке. Ей было знакомо это ужасное, неестественное свечение. Оно было выжжено в ее памяти. Кошмар, который никогда не поблекнет.

Она посмотрела сквозь решетку. Колдовской камень.

Они наконец-то добрались до дна шахты, центра паутины подземных коридоров, которыми завладели ткачи. Тоннель открывался в стене шахты высоко над огромным подземным озером с гладкой черной поверхностью. Два узких водопада несли струи воды откуда-то сверху, и они будто разбивались о черное зеркало и обращались облачками тумана. Голые скалистые острова выглядывали из-под воды. Острые известняковые шпили поднимались вверх — на головокружительную высоту, где мерцали далекие огоньки на макушках газовых факелов.

Все заполнял собой шум машин. Повсюду царило движение. Гигантские устройства, наполовину спрятанные под водой, постоянно вращались, вычерпывая воду из озера и сливая ее в передвижные баки. Вдоль стен шахты поднимались откуда-то из-под воды трубы и исчезали из поля зрения в похожих на коробки сооружениях. Они ревели и выпускали клубы пара. Сквозь щели в стенках сочился адский красноватый свет. Оттуда трубы шли вверх, в темноту. Шлюзовые ворота были вмонтированы в стены шахты. На плоских островках лепились крошечные хибарки. Металлические мосты, как объемная паутина, соединяли между собой острова и машины. По ним со своими непонятными поручениями сновали гольнери.

Посреди озера на острове-скале лежал колдовской камень. Он был почти круглый, около двадцати футов в диаметре. Дыры, щербины и трещины испещрили его поверхность. Так же, как камень на острове Фо, этот немислимым образом пустил побеги. Невозможно для камня, но... десятки тонких и изогнутых каменных арок опускались в воду, впивались в остров,

протягивались к далеким стенам или образовывали мосты между островами. Камень походил на гротескного, вставшего на дыбы паука. Его свечение вызывало у Кайку тошноту и отбрасывало нервные тени на стены.

Кайку наконец-то догадалась. Огромные черпаки, которые ходят вверх-вниз, трубы, извергающие грязную воду в реку, все эти машины, топки, жуткий жирный дым... Номору, сама того не подозревая, дала ответ на все вопросы очень давно. Но только теперь, глядя на озеро, Кайку это поняла.

Как они вырыли шахту в пойменной долине? Ее бы затопило.

Шахта не для ископаемых, а для воды.

Вода из Зана постоянно просачивается в шахту сквозь тонкую перегородку, что отделяет их друг от друга. Когда река разливается, вода в шахте тоже прибывает. Все, что здесь есть, возможно, находилось под водой много тысяч лет, возможно, с самого начала. Эти машины — огромная и сложная дренажная система. Воду вычерпывают из шахты и выливают в Зан, чтобы ткачи смогли добраться до колдовского камня, который все эти годы лежал здесь. Постоянная борьба с рекой — осушать шахту быстрее, чем вода сможет просачиваться сквозь стены или заливаться через верх. Чтобы держать колдовской камень над водой и кормить его кровавыми жертвами. Все те топки и железные приспособления должны были обеспечивать этот процесс. Ткущие овладели каким-то страшным мастерством, которого Кайку не понимала.

Но — о боги! — сама сила их упорства потрясала ее воображение.

— Кайку... — позвал Тсата.

Она обернулась и проследила за его взглядом.

В боковых тоннелях, за решетками, двигались силуэты. Вдалеке слышались вой, стоны, странное кудахтанье и бульканье. Там, откуда они пришли, вопили воркуны. Они были уже совсем близко. А за спиной у Кайку и у Тсаты — только решетка.

— Кайку, — мягко сказал Тсата. — Мы в ловушке.

Глава 34

Защитники теряли Провал.

С западной стороны люди еще держались, но укрепления с северной стороны долины уже пали. Все надежды сдержать армию искаженных рассеялись, когда на поле боя появились ткачи. Их невидимые пальцы проникали в сознание мужчин и женщин Разлома, выворачивали наизнанку восприятие — и те уже повсюду видели только врагов. Защитники стали сражаться друг с другом. Брат убивал брата. Клань и группировки раскололись и вновь потонули в кровавой междоусобице. Кто-то в страхе бежал — им казалось, что искаженные уже пробили укрепления. Заблуждение вскоре после этого стало фактом.

Пока защитники метались в поднявшемся хаосе, хитрые скренделы хлынули через стену и начали убивать и калечить длинными когтями и страшными зубами. Несколько существ нашли путь к малым северным воротам, где большинство защитников уже погибли. Они проворно стащили ключи, обыскав один из трупов, и открыли ворота. Гхореги ворвались первыми — рычащие горы мышц и зубов. Они разрывали оставшихся защитников на куски, одержимые жаждой крови. Невыносимое зрелище.

Искаженные наводнили долину, и настоящая артиллерия Провала дала залп.

Провал стоял на узком ступенчатом склоне, и это повышало его обороноспособность — с трех сторон из четырех. Захватчики попадали в долину, которая лежала к востоку от построек. Враг, атакуя с этой стороны, оказывался в крайне невыгодном положении — абсолютно открытым для всей артиллерии Провала.

Это была ужасающая бойня.

Несколько десятков огневых пушек выстрелили, когда толпа врагов хлынула на дно долины. Разлитое там масло вспыхнуло ярким пламенем. Часть долины превратилась в ад. Все, кто оказался в этом месте, превратились в живые факелы. Воздух наполнила какофония звериных криков. Полыхающие тела извивались и бились в судорогах: поджаривалась плоть и пузырилась кровь.

Двадцать баллист дали залп, выбросив в воздух несвязанные пачки взрывчатки. Она рассыпалась и падала на врагов, разбрызгивая вокруг куски разорванных трупов.

Искаженные заходили к городу с востока, где самые нижние ступени поднимались так, что образовывалась природная стена. Единственную лестницу перекрывали ворота. Лифты, которыми пользовались, чтобы перевозить слишком большие и тяжелые грузы, теперь подняли, так что они оказались вне досягаемости хищников. Сотня стрелков расположилась по краю огромной полукруглой ступени, и они косили искаженных, как траву. Чудовища бросались на стены и на ворота, но стены были слишком высоки, а ворота — слишком крепки. Они не поддавались даже под такой тяжестью. Над долиной поднимались в небо облака дыма: баллисты и пушки выжигали дыры в рядах искаженных. Сверху кружили и хрипло каркали хрящевороны. В какой-то момент враги прорвали южную оборону Провала и хлынули в долину, чтобы погибнуть там.

Но Провал был уже окружен, а искаженные все прибывали и прибывали.

Ткачи со своих позиций вновь попытались вмешаться в игру. Их не заботили потери, которые несла армия. Эти существа не представляли для них никакой ценности. А еще они твердо верили, что любой барьер можно проломить изнутри, если получить контроль над умами защитников.

Но они ошибались. На этот раз их встретили сестры Красного ордена.

Первый контакт стал ловушкой для ткачей. Они вели себя дерзко, потому что привыкли беспрепятственно двигаться в Узоре. Пожалуй, если бы по краю видимости в Узоре не скользили странные, далекие, вечно недостижимые левиафаны, то ткущие посчитали бы себя единовластными хозяевами сияющего царства. Они обращались с Узором неуклюже и грубо, с помощью масок извращая природу по своему желанию. За собой они оставляли порванные и перепутанные нити. Женщины же были как шелк.

Кайлин и ее сестры следовали вдоль нитей, которые распускали ткачи, до самого источника и расплетали их защиту. Ткачи

даже не успевали понять, что происходит. Они спешно возвращались, выстраивали новую оборону, чтобы оттолкнуть своих неведомых врагов, но сестры нападали на них, как пираньи, кусая сразу со всех сторон, уворачивались от ударов и уводили за собой. Здесь распустят узел, там ослабят нитку. Они проникали в самую сердцевину сознания ткущих, чтобы причинить ощутимый физический вред. Кайлин бросалась на врагов и вонзала в них копыя, танцевала между волокнами, оставляя после себя только фантомы и эхо, чтобы сбить ткачей с толку. Она обрезала нити, вязала узлы и открывала все пути своим сестрам.

Ткачи в отчаянии латали дыры, которые прорезали сестры, оттачивали их — но тщетно. Сестры работали как единое существо: они без труда общались между собой и объединяли свои усилия. Они знали о том, что и где делает в этой битве каждая. Несколько женщин нападали на неприступные позиции, отвлекая ткачей так, чтобы остальные могли проникнуть в незащищенные точки. Другие изводили врага, посылая по нитям мимолетную, обманчивую дрожь, пока их союзницы плели сети, чтобы ловить ткачей.

Кайлин с вызывающей легкостью избегала цепких щупалец врага, ускользая от них, как угорь. Она жалила безбоязненно: некогда она убила одного из них, и эти — ему не чета. Но она беспокоилась о сестрах, которые не имели такого опыта. Она защищала их от контратак ткачей, закручивая нити и путая их, чтобы замедлить ход волны, если удар ткущего пройдет слишком близко.

Ткачей постиг полный крах. Кайлин так осторожно истончила некоторые места в Узоре, что враги об этом даже не узнали. И по ее команде все сестры нанесли одновременный удар по этим участкам. Узор расступился, открыв зияющие дыры в защите ткачей. Сестры ринулись сквозь эти бреши, прошивая ткань вражеских тел и разрывая связи, что держали волокна вместе. Ткачи завизжали. Пламя охватило их тела. Полдюжины новых погребальных костров, вспыхнувших одновременно по всему полю битвы, дополнили страшную картину.

Но сестры уже использовали свое преимущество внезапного нападения. По меньшей мере двое из убитых ткачей послали в Узор

сигналы бедствия. Они пользовались разрозненными, случайно выбранными нитями, и потому этот крик боли не удалось перехватить. Бессловесная мольба о помощи должна была найти их собратьев. И предостеречь.

Над долиной пронеслась почти осязаемая волна возмущения. От того, что появилось нечто, что осмелилось бросить им вызов в Узоре, ткущие пришли в ярость. Гнев и страх охватили их сердца. Потому что они помнили предсмертный вопль главного ткача Вирча: «Остерегайтесь! Остерегайтесь! Женщина в паутине!»

Нити змеились по невидимому царству и искали, искали. Мужчины и женщины, искаженные люди и искаженные звери дрались, сражались и умирали в долине, но битва шла и в царстве вне чувств. Красный орден наконец-то вышел из тени.

На западной окраине Провала частокол трещал под тяжестью трупов, которые громоздились под ним.

Вонь горелого и горящего мяса мешала дышать. Глаза слезились. Номору попыталась прицелиться, моргнула несколько раз и опустила винтовку. В воздухе висела пелена черного дыма. Летали хлопья обугленной кожи. Искаженные, которые пытались сделать пандусы из собственных трупов, прекратили свои попытки после того, как защитники стали поливать их маслом и поджигать. Но ненадолго. Монстры возобновили атаку, они визжали и выли, объятые пламенем, но продолжали карабкаться. Несколько трупных гор уже почти сравнялись по высоте с частоколом, так что захватчики могли перебраться через него. Они бросались на парпет и падали с другой стороны стены, догорая уже там или напарывались на мечи Либеры Драмах. Но они лезли, не переставая, и защитники не успевали добавить масла в огонь там, где это было нужно. Костры уже потухали. И некоторым искаженным удавалось перебраться через стену невидимыми.

Дальше по линии обороны несколько десятков хищников смяли защитников и прорвались на улицы Провала, прежде чем другие успели прикрыть брешь. Войско искаженных, казалось, не интересовал бой на стене — они стремились попасть в сердце города.

Оборона долго не продержится. Номору была уверена в этом, и от этой убежденности мороз продирает по коже.

Она знала, что это из-за Погонщиков. Номору помнила, как в панике металась по каньону обезумевшие звери, когда она подстрелила нескольких Связников. Но Погонщики извлекли урок и теперь держались вне поля зрения, управляя битвой издалека. А стрелять в это пушечное мясо бесполезно — только пули тратить. Нужно достать генералов.

Искаженный мужчина с головой в форме луковицы, шишковатым лбом и мигательными перепонками на глазах пробежал мимо нее, потом остановился и вернулся. Она бесцеремонно посмотрела на него: мол, чего надо?

— Ты почему не стреляешь? Кончились пули? Вот, держи! — Он бросил ей кошель с пулями и побежал дальше, не дожидаясь благодарности. Впрочем, Номору и не собиралась рассыпаться в любезностях.

Она проследила за ним взглядом, не обращая внимания на несмолкающий грохот пушечных выстрелов, вопли и треск огня. Искаженные против искаженных. Если бы сарамирские обыватели могли это видеть, они, возможно, и задумались бы: а какова цена их глубоко укоренившегося предубеждения против жертв земляной болезни? Ткачи, которые взрастили в них эту ненависть, теперь используют зачумленных, плоды своего труда, бросая их на битву с другими зачумленными. Но граница проходит не между людьми и искаженными, а между людьми и животными. Ткачей нельзя отнести ни к тем, ни к другим. Когда-то они, может, и были людьми, но всю человечность высосали из них маски.

Номору не особенно любила искаженных, но и ненависти к ним тоже не испытывала. Она ненавидела ткачей. И из-за этой ненависти отвергала все, чему они учили. Так искаженные и Либера Драмах — враги ткачей — стали ее союзниками. Она даже не подозревала, сколько у нее общего с Кайку, да и с другими мужчинами и женщинами, для которых Провал стал домом. Как и они, Номору мстила.

Татуировки покрывали ее тело — память об оборванном и грязном детстве. Ребенок, родившийся в бедном квартале Аксе-

ками. Мать — наркоманка, курильщица амаксы. Отец — неизвестен. Ее воспитывала шайка. Номору росла в обществе, где каждый день появлялись новые лица и каждый день кого-то убивали. В ее жизни не было постоянства, и она, пожалуй, даже не знала, что это такое. Все, кто что-то значил для нее, погибли — друзья, первая любовь, даже мать, к которой она питала какую-то необъяснимую привязанность. Она жила в жестоком, замкнутом мире, где спасали только талант оставаться незамеченной и недюжинная меткость. Благодаря своим способностям, Номору удалось не стать наркоманкой, уцелеть во время внутриклановых разборок, спастись от болезней и голода, которые толкали людей на кражу — и на виселицу.

Татуировки на ее теле отражали сделки, которые она заключала, ее долги и ее должников. Они означали ее единение со своей бандой. Татуировки змеились на ее руках и на плечах, на икрах и на лодыжках. Но самая крупная и самая важная для нее была в центре спины. Рисунок знаменовал собой клятву, такую искреннюю, что она день за днем выжигала сердце Номору, клятву мести — сильнее и крепче, чем все любовные клятвы этого мира, вместе взятые.

Истинная маска, законченная лишь наполовину; с одной стороны — только незаполненный контур. Чернила зальют эту часть лишь тогда, когда Номору закончит вендетту. Маска. Бронзовый лик древнего безумного бога. Маска главного ткача Виррача.

И — хотя Номору этого и не знала — лик Арикарата, давным-давно преданного забвению брата лунных сестер.

Она была немногим старше Люции, когда ее похитили. Такие исчезновения в бедном квартале никого не удивляли. Их замечали только самые близкие. Знати приходилось кормить чудовищ, которых они держали в своих домах, ублажать и насыщать их. Для этого они забирали бедняков и нищих, отверженных, которых считали бесполезным сбродом. Номору всегда казалось, что она слишком умна, чтобы попасть к ним в лапы, но той ночью она накурилась амаксы, нисколько не заботясь о том, что идет по стопам матери. А человек, которому доверилась, продал ее агентам ткачей. Она

очнулась связанной в покоех главного ткача Виррча, в самом сердце Императорской крепости.

Номору не знала, какая именно судьба ей уготована. Но ее похитители плохо затянули узлы, и она выпуталась. День за днем она пряталась в покоех и искала выход. Дралась за разбросанные на полу объедки с голодным шакалом, который рыскал тут же, отчаянно цеплялась за жизнь, чтобы не умереть от голода и жажды в этой духоте. И день за днем она боялась. Она ждала только одного — когда в замке единственной двери повернется ключ. Она знала, что если главный ткач поймает ее, то обречет на невыносимые муки. Никогда прежде и никогда после Номору не испытывала такого всепоглощающего и долгого страха.

Ужас оставил сердце лишь тогда, когда главный ткач упал мертвым посреди сотрясавших Императорскую крепость взрывов. Потом Номору узнала, что то была работа Кайлин ту Моритат, но тогда это ее нисколько не интересовало. Она вытащила из кармана мертвеца ключи и под прикрытием всеобщего замешательства сбежала из крепости, пока Кайку и ее друзья спасали Люцию.

После этого Номору побывала в бедном квартале один-единственный раз. Но выследить предателя ей не удалось. Она отправилась к татуировщику, который подарил ей маску на спине — и маленький значок на плече — для человека, который продал ее Виррчу.

Номору покинула Аксеками, избегая встречи с людьми, которые ее знали. Чаша терпения переполнилась. Никому нельзя доверять! Поэтому она скиталась, слушала разговоры и, в конце концов, попала в Либеру Драмах, в Провал, где жили люди, которые желали гибели ткачей. По крайней мере, она желала того же.

Номору быстро заморгала, когда душное облако гари накрыло ее. Она соображала очень быстро, перебирала возможности одну за другой и отбрасывала их. Если она подохнет здесь, в Провале, и не выполнит своей клятвы, все боги отвернутся от нее. Должен быть какой-то способ добраться до Связников и обрубить их поводки, лишить их власти над армией. Но они слишком далеко и слишком хорошо прячутся.

Порыв горячего ветра рассеял облако дыма, солнце ослепило Номору. Она прикрыла глаза ладонью и посмотрела в небо над Провалом. Там кружили и каркали хрящевороны. Она посмотрела на них долгим взглядом.

Хрящевороны. Вот и ответ.

Забросив винтовку на плечо, Номору побежала по стене и спустилась по лестнице вниз. Западная стена долго не простоит. Остается надеяться, что она простоит достаточно.

Джугай с винтовкой наготове бежал по улицам Провала. Каждый изогнутый переулок, каждый изгиб тропы грозил страшной опасностью. За ним следовали Люция, Флен и Ирилия, уколощая и светловолосая сестра Красного ордена. Кайлин велела ей сопровождать их. Сзади неуклюже хроمال Заэлис со своей винтовкой.

Хищники свободно разгуливали по улицам города. Они уже убили одного зверя, им попались несколько раненых и искалеченных мужчин и женщин. Оборона еще не пала, но монстры просачивались через западную стену, а значит, в Провале уже негде укрыться.

Рождались скороспелые планы действий, но претворять их в жизнь — поздно. Детей сгоняли в пещеры на вершине Провала, где в тоннелях размещались запасы продовольствия и боеприпасы. Джугай твердил, что они должны были это сделать еще до начала атаки, но Заэлис и слушать не хотел. В пещеры ведет слишком много входов, и они очень велики — их не защитишь. Внутри дети окажутся в ловушке. Он настаивал, чтобы дети бежали на восток через долину и рассеялись по Разлому, в надежде, что враг будет слишком занят взятием города и не станет гоняться за отдельными жертвами. Это была опасная затея: Разлом — не то место, где детям стоит гулять в одиночестве, но это лучше, чем обрекать их на бойню в городе. Только отчаяние заставляло его предлагать такие выходы.

Но баррикады на севере и на юге взяты — этот план теперь невозможен. Провал окружен. Отправить детей в пещеры — зна-

чит всего-навсего отложить неизбежное, но нужно же сделать хоть что-нибудь, чтобы защитить их!

Джугай вел их по деревянному мосту, который выгнулся, как кошка, над крышами домов. В этом районе жались друг к дружке узкие постройки в стиле Новых земель. Они пробежали мимо семьи искаженных — те почему-то шли в обратном направлении. Голубое небо почти наглухо скрывали темные клубы дыма. Люция все время кашляла, прикрывая рот ладошкой, Флен не отставал ни на шаг и то и дело обеспокоенно на нее поглядывал. Сестра бежала с ними, но ее мысли были далеко. Воздух вокруг нее почти что сгустился, наполненный отзвуками битвы, что вели ее подружки, и она жаждала и боялась присоединиться к ним. Кайлин сама бы отправилась вместе с Люцией, но ей нужно было возглавлять атаку на ткачей, поэтому она оставила с наследной императрицей свою менее опытную воспитанницу. Ирилия совсем недавно закончила обучение, но обладала выдающимися способностями, поэтому ей не составит труда разобраться с любым искаженным зверем, которого они встретят на своем пути.

Они поднялись по каменной лестнице на уровень выше и свернули в узкую кривую улочку, где хаотическое нагромождение домов было особенно плотным. В молельнях курились благовония и лежали обильные подношения. Вокруг большинства из них собрались на молитву люди. Они просили у богов спасения, не веря больше в свои силы.

Они бежали по улице, когда вдруг из переулка навстречу им выпрыгнула тварь с шестью длинными ногами и получеловеческим-полуобезьяньим лицом. Джугай мгновенно прицелился и выстрелил, но промахнулся, и тварь скрылась в переулке так же быстро, как и появилась. Люди разбежались от молелен в поисках укрытия.

Заэлис в смятении оглянулся. Сердце давил тяжкий груз. На его глазах рушилось то, над чем он работал всю свою жизнь. Все эти годы он собирал людей, спланировал их, организовывал; и все эти годы люди строили вот эти дома и проживали в них свою жизнь. Исканенные работали плечом к плечу с теми, кого всю жизнь учили их

ненавидеть, но предрассудки развеялись, различия стерлись. Провал процветал. Люди здесь очень гордились тем, что им удалось сделать. И вместе с ними гордился Заэлис. Этот город стал доказательством того, что можно жить без ткущих Узор и без империи.

Но все это гибло. Даже если им удастся пережить сегодняшний день, Провалу уже пришел конец. Ткачи узнали о нем, и они вернутся, они не успокоятся, пока не разрушат его до основания. От этой мысли к горлу подкатил болезненный ком.

И еще Люция... Заэлис чувствовал, что она его предаст. Девочка сговорилась с Кайлин и согласилась стать приманкой в ловушке для ткачей. Она слушала Кайлин и не слушала человека, который много лет воспитывал ее. Она может погибнуть здесь, потому что отказалась бежать в безопасное место. Неужели только для того, чтобы помучить его? Может быть, это просто бунт девочки-подростка? Кто может сказать наверняка, если речь идет о Люции? Заэлис знал, что она наказывает его за Альскаин Мар, наказывает, считая, что Либера Драмах для него дороже нее и что он видит в ней не дочь, а инструмент для достижения своих целей.

Разве он это заслужил? Возможно... Но он и не представлял, что это будет так больно.

Они поднялись на другой уровень — еще ближе к вершине, где находились пещеры. Женщины на грани паники и безумия гадали туда детей. Будто бы пещеры выстоят, даже если падут тены...

Сестра внезапно остановилась прямо посреди улицы, и Заэлис едва в нее не врезался. Джугай тоже остановился, дав детям знак сделать то же самое. Все задыхались от бега, кроме него, и на измазанных сажей лицах пот прочертил светлые дорожки.

— Что? — спросил Джугай. Что-то в поведении Ирили пугало его.

Она осматривала балконы домов. Грязные флажки трепетали на ветру. Но воздух вокруг них будто сгустился и стал неподвижным. Даже грохот стих до отдаленного гула.

— Что? — снова прошипел Джугай. В нем крепло очень дурное предчувствие.

Взгляд сестры упал на оборванную женщину с ребенком, которые медленно шли им навстречу, и ее глаза зажглись алым.

Заэлис никогда прежде не видел фурий. Они вырвались из открытой двери и бросились прямо на него и остальных. Заэлис толкнули и сбили с ног. Он упал. Джугай развернулся на чудовищ с воплем. Огромные, похожие на кабанов существа мчались на него. Он спустил курок. Один из монстров получил пулю прямо в лоб, ноги подкосились, но масса была слишком велика, а инерция движения сильна, и он налетел на Джугай. Тот попытался отпрыгнуть в сторону, но не успел. Туша прижала его ноги, и он кувыркнулся, слишком сильно ударившись спиной о землю.

Вторая фурия выбрала другую цель. Она бросилась на Флена. Мальчика парализовал страх. Бежать — поздно. Драться — не хватит сил. Чудовище во много раз превосходило его весом, а ростом доставало до плеча. Оно воткнулось в него — комок звериной ярости с длинными кривыми клыками — и бросило его на землю. Паренек прокатился по пыльной улице и замер. Копна каштановых волос скрыла его лицо.

Фурия сверкнула маленькими черными глазками на Люцию. Люция смотрела на нее невозмутимо.

Воздух взорвался. Орущее и визжащее облако движения, перьев, клювов и когтей. Вороны рвали искаженного зверя на части, раздирая когтями и вонзая клювы в плоть. Шкура чудовища была прочной, но глаза ему уже выклевали, а с морды свисали кровавые лохмотья. Оно вопило и пищало, скрытое под массой сильных крыльев, пока не рухнуло на землю, тяжело дыша.

Вороны, как один, попадали вниз. Мертвые.

Джугай стоял ошеломленный. Он не верил своим глазам, даже когда последние птицы ударились о землю. Они все умерли мгновенно. Когда он снова смог дышать и поднялся на ноги, то увидел все: Заэлис с трудом встает; Флен неподвижно лежит на земле; две фурии на земле — мертвая и издыхающая; Люция стоит с таким спокойным выражением лица, что лучше бы она плакала и кричала. И десятки мертвых воронов.

Он поискал глазами Ирилию и понял, что ничего еще не закончилось.

Сестра распростерлась неподалеку. Голова — свернута назад. Рядом с ней — тощий ребенок, из его глаз и носа сочится кровь. Мертв. И к нему шаркающей походкой приближается жалкая нищенка.

Пока Джугай смотрел на нее, что-то случилось с глазами. Восприятие резко исказилось, и он увидел, что к нему идет не женщина, а ткач в переливчатой, похожей на радугу маске из шкурок ящериц. И мертвый ребенок тоже оказался ткачом. Вдвоем они победили Ирилию, но ей удалось забрать с собой жизнь одного из них. Только одного — мало... Даже вороны Люция теперь их не спасут.

Люди — те, кто не успел вмешаться, когда напали фурии — при виде фигуры в маске разбежались, кто куда.

Кровь застыла в жилах. Красный орден тоже может проиграть. И ткущие Узор оказались умнее, чем они предполагали. Эти двое как-то проскользнули мимо сестер.

Джугай слышал сдавленное дыхание Заэлиса. Люция стояла среди смерти и смотрела ткущему в глаза.

А он из-под маски смотрел на нее.

Краем глаза Джугай заметил движение Заэлиса. Винтовка старика взметнулась вверх.

— Заэлис, нет! — Но Джугай закричал слишком поздно.

Ткач обратил маску к лидеру Либеры Драмах и выбросил руку вперед. Белые пальцы искривились, как когти. Заэлису не удалось прицелиться — будто кто-то схватил ствол могучей рукой. В тот же миг мышцы Джугая окаменели. Каждый мускул свело мучительной судорогой. Его пригвоздило к месту. Он смотрел на происходящее широко раскрытыми глазами, но не мог не то что пошевелиться — даже вскрикнуть.

Заэлис разворачивал винтовку к себе. Он делал это не по своей воле — на лице его застыло выражение ужаса. Но дуло винтовки медленно поворачивалось к нему. Джугай, окаменев, мог только смотреть. Люция стояла тут же и не двигалась. Взгляд ее устремился куда-то вдаль.

Заэлис пытался сопротивляться. Жилка на шее неистово дрожала. Но все было бесполезно. Он развернул винтовку так, что дуло уперлось ему в горло, под подбородком.

Он не достанет до курка. Винтовка слишком длинна.

Курок начал медленно двигаться. Пальцы ткача сжались в кулак.

— Будьте вы прокляты всеми богами, ублюдки человечества, — прохрипел Заэлис. Раздался выстрел. И пуля снесла полголовы Заэлису ту Унтерлину, лидеру Либеры Драмах.

Грохот от выстрела пронесся по улицам и потерялся в отдаленном шуме битвы. Вопль прозвучал в голове Джугая, но ни один звук не вырвался из горла. Люция не шевелилась и молчала. На ее лице застыли капли крови приемного отца. Потом они стали стекать вниз, оставляя узкие красные полоски. Она дрожала, и в глазах ее блеснули слезы.

Заэлис рухнул на колени и как-то боком повалился наземь. Слеза сорвалась с ресниц Люции и прочертила дорожку по испачканной щеке.

Не обратив внимания на Джугая, ткач повернул к девочке чешуйчатое лицо.

— Плачешь, Люция? — просипел он. — Бесполезно. Совершенно бесполезно.

Джугай сдавленно выдохнул. «Не ее! Возьми меня!» — хотел он закричать. Но никакая воля не могла разрушить чары ткущего Узор. Джугай орал бы от беспомощности, но не мог даже пискнуть.

Ткач сделал шаг к Люции. И его маска раскололась.

Отзвук винтовочного выстрела достиг их ушей гораздо позже. Кровь хлынула через трещины маски. Ткач покачнулся и рухнул.

И оцепенение ушло. Джугай упал на колени. Порыв ветра принес новые клубы дыма, и он хрипло закашлялся. Но слезы текли из глаз вовсе не от того, что пепел и горечь набивались в горло. Он всхлипнул. Потрясение, страдание и страх последних минут вырвались из груди. Он сглотнул, прерывисто вздохнул и промокнул глаза краем повязки на лбу.

«Люция...»

Ветер изменился. Дым рассеялся, будто само небо всосало его. Номору подбежала к Люции, держа в руке свою драгоценную винтовку. Она бесстрастно огляделась и взъерошила рукой и без того спутанные волосы.

Джугай медленно подошел к ним. Встретился взглядом с Номору.

— Шла за воронами, — пояснила она.

Он смотрел на нее, не в силах подобрать слова, потом наклонился к Люции и положил руки ей на плечи. Девочка дрожала как осиновый лист и смотрела мимо него. Слезы катились по щекам.

— Это Заэлис? — спросила Номору.

Джугай передернуло от ее бестактности.

— Мальчик... Посмотри, что с ним.

Номору выполнила его просьбу. Люди стекались со всех сторон, бежали на помощь, ахали, увидев мертвых ткачей. Они опоздали. «Где же вы были раньше?» — с горечью думал Джугай.

— Люция? — Он легонько потряс ее за плечо. Она не взглянула на него и вообще не подала виду, что услышала его. — Люция...

Номору вернулась. Он посмотрел на нее — она покачала головой. Флен мертв.

Джугай закусил губу. Такое горе почти невозможно держать в себе. Он повернулся и зашагал прочь — боялся потерять над собой контроль при Люции. Убийство было ему не в новинку, в его прошлом хватало историй и сцен, которые он с радостью стер бы из памяти. Но, боги, такое убийство...

Он услышал за спиной голос Номору.

— Люция! Люция, ты меня слышишь? Есть еще птицы? Еще вороны?

Джугай готов был развернуться и заорать на нее, чтобы она оставила бедного ребенка в покое, что Люция и так достаточно страдала, но услышал тихий ответ:

— Есть.

Джугай обернулся. Разведчица стояла в какой-то неловкой позе, а на нее смотрела хрупкая красивая девочка, и на лице ее отражалось такое горе, что ему захотелось плакать.

— Они нам очень нужны.

— Номору... — начал Джугай, но она подняла руку, и он осекся.

Люция мягко, но сильно оттолкнула Номору, подошла к Заэ-лису и посмотрела на него. Потом, переступая через птичьи трупы, подошла к телу Флена. Паренек лежал на спине и невидящим взглядом смотрел куда-то за грань жизни и смерти. Она долго глядела на него, будто ждала, что он вот-вот встанет и снова будет дышать и смеяться...

Девушка оглянулась через плечо. Заплаканное лицо было неестественно спокойным и неподвижным, как будто его покрыли лаком.

— Вороны твои. — Голос Люции холодил, как нож. — Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Глава 35

((Выпусти нас))

Кайку машинально огляделась в поисках источника звука и только потом поняла, что звука не было. Голос раздавался у нее в голове — похоже на общение через Узор вроде того, к которому прибегали сестры Красного ордена, но только гораздо грубее.

Тсата принял боевую стойку — приготовился к встрече с воркунами, которые бежали по тоннелю. Он очень плохо видел: ночное зрение отказало от гнусного, гнилостного свечения колдовского камня, лившегося сквозь решетку за их спинами.

— Кайку, если у тебя есть какие-то идеи, самое время их озвучить, — мрачно пошутил он.

((Выпусти нас))

Голос напоминал настойчивый шепот, резкий и хриплый. Он исходил от существ, которые двигались за решетками в боковых тоннелях. Свет не касался их, виднелись только намеки на их очертания. Но и этих намеков хватало, чтобы по спине бежали мурашки. Воображение дорисовывало асимметричные, извращенные фигуры, некоторые — с множеством конечностей, другие — с

когтями, щупальцами, шипами или рудиментарными плавниками. Большинство их имели отростки, о предназначении которых она даже не догадывалась.

«Я их знаю, — подумала она. — Я это уже где-то видела».

В монастыре ткущих Узор на Фо, в Лакмарских горах, она встречала похожих существ. Те тоже сидели в клетках. Они пытались напасть на нее, приняв за ткача, потому что она вырядилась, как ткач. В Провале многие ломали головы над тем, кто или что это такое, но, кроме гипотез, никто ничего не высказал.

Кайку инстинктивно попятилась от существа, которое говорило с ней. Ее чувство Узора подсказало направление, из которого шел «голос».

Но отойдя от одной стены, она приблизилась к другой. Что-то холодное и скользкое крепко сжало ее запястье. Она взвизгнула и повернулась — хватка ослабла, и тонкое щупальце скрылось между прутьями решетки. Тсата повернулся на ее крик. Она в ужасе глядела на то место, где исчезло щупальце. Что-то подошло к решетке совсем близко — какое-то маленькое, уродливое создание.

На него упал свет, и Кайку побелела.

Существо походило на перепутанный клубок рук и ног, растущих из туловища, которое можно было назвать таковым с большой натяжкой. Пожелтевшая кожа — натянута на безнадежно перекрученный скелет. Существо конвульсивно дергалось, передвигаясь, и конечности шевелились. Где-то в середине этого узла сидела голова без намека на шею — скорее шишковатый бугор, чем голова, но на нем лепились какие-то черты.

Черты знакомого лица. Ее лица.

Она едва не упала. Кайку будто смотрела в кривое зеркало или на свой скульптурный портрет, который творец в порыве гнева наполовину смял. С глазниц свисала вялая плоть, рот будто невидимым крюком оттянуло в сторону, зубы росли в несколько рядов... но это, несомненно, было ее отражение.

((Выпусти нас)) — настойчиво повторил голос.

((Кто вы такие?)) — спросила она, забыв, что использовать кану опасно.

Создание с ее лицом скрылось в тенях, и Кайку повернулась к тому, кто говорил с ней. Он подошел к решетке. Это оказалось жалкое маленькое существо с безвольно обвисшими шипами и конечностями разного размера. Опухшие разноцветные глаза смотрели на нее с кривой физиономии.

((Кто вы такие?)) — Ей необходимо было хоть что-то понять.

((Отцы Предела)) — ответило существо, и Кайку захлестнул поток беспорядочных образов и ощущений, которые мгновенно вспыхивали и потухали в ее сознании.

Отцы Предела. Великие Мастера. Те, кто делает для ткачей маски. Воспоминания о подземных кузницах и мастерских в монастырях безумной архитектуры. Еще раньше — память о семье. *О боги, он когда-то был мужчиной, ремесленником!* Ткачи появляются ночью, как злые духи, они забирают его из крохотной деревушки в горах. Он трудится, трудится и трудится, делает маски. Рядом с ним — другие: художники, резчики по дереву, кузнецы. И пыль, пыль, пыль колдовских камней, которую они добавляют в маски, чтобы наделить их силой, нужной ткачам. Он оглядывается и видит, что пыль делает с другими, а потом смотрит на себя и замечает, что она сделала с ним. Все начинается с чешуек на тыльной стороне ладони, а потом появляется нарост на спине... Изменения происходят оттого, что они изо дня в день прикасаются к дрянной пыли. А потом они меняются слишком сильно, до неузнаваемости, но их не убивают — *боги, почему их не убивают?* — а сажают в темницу, где они продолжают меняться, хотя не трогают пыль, а иногда тюрьмы переполняются, и их забирают в другое место, потому что когда их слишком много, они опасны, ведь они могут делать странные вещи, вот как этот, а другие, как тот, могут воровать у других лица, или руки, или ноги, или что-то еще и копировать их, и он не может остановиться, и...

((ВЫПУСТИ НАС!!!))

Сила ментального порыва едва не сбила Кайку с ног. Сострадание отозвалось в ней настоящим страданием.

— Кайку! — позвал Тсата. Воркуны почти настигли их.

Она решилась. Радужки глаз стали темно-красными. Кана беспрепятственно выплеснулась из нее. Волосы взметнулись, будто призрачный ветер играл с ними. Сила с готовностью рванулась из ее лона по золотым нитям воздуха и вонзилась в металлическую решетку, что отделяла их от озера и колдовского камня. Два столба со скрежетом вырвались из гнезд и полетели в воду. В образовавшуюся щель вполне мог пройти человек.

((НЕТ! НЕТ! ВЫПУСТИ НАС!!!))

— Тсата! Сюда!

Ткиурати обернулся на скрежет. Увидев путь к отступлению, он подбежал к решетке, на мгновение затормозив перед Кайку. Их глаза встретились: его — светло-зеленые и ее — демонически красные. Она сунула ему в руки мешок с взрывчаткой.

— Ты первый.

Он не задавал вопросов и не пререкался. Просто прыгнул, надеясь, что озеро достаточно глубокое, чтобы не разбиться о дно.

Кайку услышала всплеск. Первый воркун выбежал из-за поворота тоннеля и по-кошачьи помчался к ней. Остальные задержались только на секунду.

Кайку взмахнула рукой, и решетки боковых тоннелей лопнули и зазвенели о камень. Пленники торжествующе взревели и хлынули из своих темниц. Но в этот момент Кайку уже летела вниз. Воркуны наткнулись на дикую, обезумевшую толпу бывших узников, которые совершенно не дорожили своими жизнями. Воркуны и Погонщики, которые прибежали позже, оказались лицом к лицу с десятками гротескных существ, жаждавших только одного — крови.

Их смерть оказалась столь же малоприятной, сколь и жизнь пленников.

Победители помчались дальше по тоннелю, заполняя собой пещеры и сея вокруг разрушение и хаос. Они в равной степени искали смерти и мести и находили и того, и другого в избытке.

Кайку упала в ледяную воду. От холода сковало грудь: она не смогла бы дышать, даже если бы захотела. Вопли отдалились. В ушах шумели только пузырьки воздуха. Она оттолкнулась от воды, устремилась наверх, туда, где мерзко светился колдовской камень, и вынырнула с шумным вдохом. Волосы облепили лобовину лица. Шум вокруг едва не оглушил ее.

Тсата уплывал от нее, обхватив одной рукой мешок с взрывчаткой. Она позвала его, но он не остановился, и она поплыла за ним. Позади нее визжали воркуны: пленники рвали их на части. Некоторые существа просачивались через сломанную решетку и неуклюже падали в воду, плыли или тонули — в зависимости от строения их искалеченных колдовской пылью тел. Двое уже ползли по стенам шахты, как пауки. Гольнери разбегались во все стороны, маленькие башмаки стучали по железным мосткам, которые сплетались над головой Кайку. Все Связники и искаженные, которые охраняли дно шахты, по тревоге побежали на ферму червей. Карлики остались беззащитными и метались в панике. Вокруг творился ад.

Кайку плавала лучше Тсаты и догнала его, когда он вылезал на маленький скалистый островок, от которого шаткий мост протянулся к центральному острову. Там мерцал колдовской камень. Огромные черпаки продолжали свою работу, двигались вверх и вниз, трубы высасывали воду из озера. Кайку схватила Тсату за здоровую руку. Он готов был бежать, но обернулся. В зловещем свете лицо его казалось мрачным.

— Нам нужно... — начала она, но он покачал головой. Тсата знал, что она скажет: нужно прятаться, убираться отсюда, пока не появились ткачи. Прятаться он не собирался.

Он прищелкнул языком и поднял руку. По мосту хромала фигура в маске и лохмотьях.

— Задержи его, — попросил Тсата и помчался по мосту к колдовскому камню. В руках он нес промокший мешок взрывчатки.

Кайку не успела возразить, не успела сообразить, представляют ли узники для нее и Тсаты такую же угрозу, как для всех осталь-

ных. Ткач, увидев, что ткиурати направляется прямо к их мерзкой святыне, выбросил в Узор облако волосков, которые должны были разорвать Тсату на куски. Кайку среагировала мгновенно, кана выплеснулась из нее, чтобы перехватить это смертоносное движение. Их сознания столкнулись. И весь мир залило золотом.

Кайку превратилась в пучок нитей, что переплетались с нитями ткача. Она использовала преимущество неожиданности, чтобы проникнуть как можно глубже, прежде чем ткач сжался, как кулак, заключив их схватку в плотный шар. Перед ней появлялись узлы, она распутывала их и рвалась вперед, какие-то ей удавалось обойти. Разум рассыпался на тысячи мыслей, каждая из которых вела свою битву в светлом мире Узора. Гнев ткача накрывал ее: не такая яркая и непостижимая злоба, как у руку-шаев, а нечто более... человеческое. Женщина проникла в царство мужчины, и за это она должна страшно поплатиться...

Внезапно видение померкло. Сделалось темно. Кайку стояла в коридоре, длинном коридоре, где тени плясали на стенах. За закрытыми ставнями ослепительно вспыхивали багровым молнии. Лунная буря. Как в тот день, когда она видела это место в последний раз. Вазы с цветами стояли на столах, и крупные венчики шевелились от движения ветерка. Шел дождь. Кайку не слышала шума за окном, но ощущала теплую влажность воздуха. От тишины закладывало уши. Она слышала только ток собственной крови.

Дом отца в лесу Юна. Дом, где погибла семья Кайку, и где ее выслеживали демоны шин-шин. Ей так и не удалось избавиться от кошмаров с коридорами и невидимыми существами на ногах-ходулях, которые прятались за дверьми и углами.

Но это не сон. Это реальность.

Кайку взглянула на себя, и ее догадка подтвердилась: она снова была ребенком, маленькой девочкой в ночной рубашке. Она одна в пустом доме. И нечто идет за ней.

Она ощутила быстрое приближение этой темной сущности — комок ярости и злости. Что-то настигнет ее через несколько секунд... Чудовище столь огромное, что оно проглотит ее целиком.

Кайку была ребенком. И поэтому она побежала.

Ночь напоминала смолу, густую и липкую. Она приклеивала ее ноги к полу. Кайку не могла бежать, не повернувшись спиной к чудовищу, и не могла обогнать его. Но она все равно бежала, хотя страх перед этим воплощенным злом переполнял ее, и ей хотелось рыдать и умолять его уйти. Но она знала, что ничто не заставит его повернуть назад или пощадить ее.

Она переступала босыми ногами мучительно медленно. Цветы со злобным интересом наблюдали за ней и поворачивали ей вслед свои нежные головки. Казалось, что конец коридора отодвигается на шаг, пока она делает два. Существо надвигалось и надвигалось. Монстр схватит ее, вот-вот схватит, он уже совсем близко... Но ощущение его приближения все нарастало. Слезы брызнули из глаз, она беззвучно закричала. И бежала, бежала вперед, а конец коридора был еще далеко. Все время далеко.

Это ткач! Ткач!

Кайку заставила себя вспомнить, что она не маленькая девочка, что она движется в Узоре, что ее тело стоит на островке посреди подземного озера на дне глубочайшей шахты и с него струйками стекает вода. Но где же Золотое Царство, в котором движется ее кана? Где нити?

И тогда ее осенило. Ткач изменил правила игры. Кайлин рассказывала, что ткущие по-разному представляют себе Узор, чтобы ориентироваться в нем и изменять его, ведь, в отличие от сестер, они не способны прикасаться к чистому «веществу» Узора и сохранять рассудок. Опасное, гипнотическое блаженство поглощает их. Противник втиснул ее в ее собственный кошмар, учуял подсознательные страхи, скрывать которые ей не хватало опыта, и повернул их против нее. И она оказалась в ловушке — слабое, беспомощное дитя перед могучим и злобным чудовищем.

Как с ним здесь бороться? Разве можно вообще бороться с ткачом? Вступить с ним в бой — самоубийство! Ткачи властвуют в этом царстве, а у нее нет ничего, кроме нескольких примитивных приемов и развитого инстинкта. Разве можно победить врага, который сам диктует правила и сам ведет игру?

Отчаяние нахлынуло на нее — отчаяние маленькой девочки, которая очнулась в кошмаре, отчаяние женщины, которая ввязалась в бессмысленный и безнадежный бой. Ткач поймает ее и убьет или сдает с ней что-нибудь еще более ужасное. А потом убьет Тсату.

Именно эта мысль, и никакая другая, разорвала оковы покорности.

«Бежать нельзя. На кону не только моя жизнь».

Это осознание наполнило ее силой. В последние дни Кайку перестала думать о себе и Тсате как о товарищах, как о команде, даже как о друзьях. По сути дела, слово «дружба» не совсем точно описывает ту связь, которая между ними возникла: необычное, хрупкое взаимопонимание, бессознательное доверие, без которого они не выжили бы, когда охотились на искаженных, а искаженные охотились на них. Мысли и чувства перетекали от нее к нему и наоборот, и Кайку начала думать о них как о двойственном единстве, где один не может жить без другого, единой сущности, в которой слились два существа. Если она умрет здесь, он тоже умрет. Попросив ее задержать ткача, он доверил ей свою жизнь. Кайку не знал, сколько времени прошло для Тсаты: она слишком глубоко погрузилась в этот мир. Но каждая секунда, которую она сможет ему подарить, возможно, решит вопрос его жизни и смерти. От нее зависит, выполнят ли они свою миссию или же потерпят поражение.

Тот самый охамбский *паш* — единение и бескорыстное подчинение собственных потребностей и желаний благу большинства. Теперь Кайку это поняла, и новое осознание придало ей мужества.

Она остановилась. Конец коридора будто бы прыгнул ей на встречу, приглашая бежать дальше. Ткущий тоже остановился. Кайку ощущала его прямо за спиной — так близко, что он мог бы до нее дотронуться. Волоски у нее на спине и на шее приподнялись. Она чувствовала голод монстра. Она почти добежала, добежала до спасительного угла, который скроет ее от источающего ненависть взгляда...

Но Кайку отвернулась от этого самого угла, и, оборачиваясь, она росла и взрослела — двадцать лет пролетели за одно мгнове-

ние. И вот уже взрослая Кайку стояла лицом к лицу с тем существом, в которое превратился ткач. Она смотрела на него глазами цвета артериальной крови.

Он заполнил собой весь коридор — огромное, истекающее слюной человекоподобное страшилище с шестью руками. Он нависал над ней. Жаркое дыхание воняло падалью. Пальцы его заканчивались когтями, на руках и ногах вздувались бугры мышц, жесткая черная шерсть покрывала грудь и пах. Красная кожа блестела от пота. Клыкастую морду с хоботом венчал кривой рог. Сквозь острые зубы просачивались струйки ядовитого пара. Маленькие глазки яростно сверкали.

Это был ее гиперболизированный детский страх. В кабинете отца хранилось подобное изображение Джурани. Шестирукого бога огня видели в двух ипостасях: великодушного дарителя жизни, света и тепла — и злобного чудовища, разрушителя. Его статуэтки всегда делались в паре. Именно вторая статуэтка внушала малышке Кайку ужас с тех пор, как мать рассказала ей, что Джурани живет на горе Макаarra, и над ней всегда можно увидеть струйку дыма — он идет из ноздрей бога.

Но ткач допустил ошибку. Страх зияющей пустоты, пустых коридоров, полных незримых опасностей... он всегда был с ней; подобные страхи сопровождают людей всю жизнь. Но страх Джурани она изжила в себе, едва вступив в пору отрочества, и теперь он показался ей весьма нелепым. Ткач использовал ее страхи, но улавливал отзвуки и воспоминания. Этот ужас давным-давно не имел над Кайку власти.

Она бросилась на чудовище и вцепилась в него. Мир снова превратился в сплетение золотых волокон. Морок, наведенный ткачом, рассеялся.

Но тут Кайку поняла, для чего ткач отвлекал ее. Пока она убежала, он не терял времени даром. Ткач работал над ее защитой, распускал узлы, и сеть, отделявшая его от тела Кайку, вот-вот готова была лопнуть. Она рванулась обратно, перепрыгивая с нити на нить; она латала прореху за прорехой и завязывала новые петли и узлы. Ткач давил на нее, пытался отвлечь обманными маневрами, на нее

сыпались пинки, но Кайку разгадала его замысел и не реагировала на ложные подергивания нитей. Она сновала туда-сюда, вязала узлы, ловушки, путала нити, чтобы утомить и сбить с толку противника.

Мир снова мигнул и превратился в длинный темный тоннель, по которому нечто несло на нее. Но на этот раз Кайку знала, в чем дело, и усилием воли разрушила чары и вновь вернулась в Узор. Ей не нужно было облекать этот мир в какую-то форму. Она могла прикоснуться к Узору в чистом виде. И это давало ей преимущество скорости.

Но ей катастрофически не хватало опыта. А ткач был умен. Она не продержится вечно. А перейти в наступление невозможно, пока он сам бросается на нее.

«Но нам нужно всего лишь выиграть время», — подумала она.

И увидела щель, разрыв в обороне ткущего. Он не залатал его вовремя, а ближайшие нити слишком сильно натянулись. Ткач не защищался, он был полностью поглощен атакой и блуждал в лабиринте, который создала Кайку. Он задержится в нем надолго, и этого времени хватит...

Некогда раздумывать. Кайку сжалась в точку и помчалась сквозь мерцающие завитки Узора прямо в разрыв.

Она слишком поздно поняла, что это западня. Дыра сомкнулась за ней, нити перепутались, затянулись узлами — не выбраться. Окружающие волокна напряглись, как сеть, стиснули ее. Кайку отчаянно боролась, но нити распутывались слишком медленно, а новые все появлялись и появлялись, закручивались вокруг нее... Паук пеленал беспечную мушку.

Какой-то частью сознания Кайку поняла, что ткач легко вывернулся из ловушки, которую она для него подстроила, и что он просто с самого начала заманивал ее в свою. Он нить за нитью развязывал ее защиту. А Кайку не могла выпутаться, чтобы что-то с этим сделать. Она попалась на наживку для новичков и застряла. Она не успеет остановить его. Глупая ошибка будет стоить ей жизни.

Она забилась и закричала беззвучно в отчаянной попытке освободиться. Ткач преодолел последнее препятствие... Мерзкие щупальца вонзились в ее тело. В ее плоть.

Но в этот момент волокна Узора натянулись, и по ним промчалась страшной силы волна — бессловесный, бессмысленный крик, который подхватил и Кайку, и ткача и закружил их в водовороте. Что-то вырывало ее из кокона. Она ничего не понимала и ждала, что инстинкт в конце концов подскажет, что же это за сила.

Колдовской камень... *Колдовской камень!*

Ему больно.

Ткач оцепенел, оглушенный этим криком. Важнее всего для него было благополучие колдовского камня. Это не просто задача. Это главная цель его существования. Он не понимал до конца, что им движет, что за разум повелевает им и его собратьями. Ткач не знал, что он охраняет не просто источник силы, но и частицу лунного бога Арикарата. Он вел себя, как мать, над ребенком которой нависла угроза. Он должен его спасти. Все остальное не важно. Даже самозащита.

Ткач не понял, что Кайку нападает на него, пока она не прорвалась сквозь путаницу его защит и не вонзилась ему в сердце. Кайку напоминала иглу, мечущуюся в диораме Узора, прошивающую его насквозь, пока хватка не стала достаточно сильной.

С самого начала она умела использовать свою силу с единственной целью — разрушать.

Она разорвала ткача на куски.

Золотой Узор исчез. Кайку успела разглядеть, как на мосту разлетелся на сотни горящих частиц гнусный ткач. Обломки костей, маски, ошметки плоти и лоскутки мантии с шипением падали в воду. На нее навалилась ужасная слабость. Она рухнула на четвереньки, не выдержав такой тяжести. Мокрые волосы упали на лицо. Спина тяжело поднималась с каждым вдохом и опадала с выдохом. Внутри что-то повреждено: ткач все-таки успел до нее добраться. Воспоминание о его прикосновении вызвало у нее приступ рвоты. Как сквозь вату, Кайку слышала рокот водопадов, стоны, вопли освобожденных пленников, топот ножек гольери по металлу — они спасались бегством.

Она вступила в бой с ткачом. И победила. Эта мысль отозвалась в ее душе ликованием и неверием.

Радость недолго владела ее сердцем. Она выжала себя досуха, истратила всю свою силу — как раньше, прежде чем Кайлин научила ее контролировать себя. Кана выгорела и выжгла тело. Кайку превратилась в жалкое, уязвимое существо, но опасность не миновала. Ей едва хватило сил, чтобы поднять голову и взглянуть в сторону колдовского камня, который случайно спас ей жизнь.

Остров кишел Мастерами. Они колотили по камню булыжниками, царапали когтями и зубами. Окровавленные кулаки и рты ясно говорили о том, какая безумная ярость владеет ими. Они вредили себе больше, чем камню, но он все-таки чувствовал боль. Кайку все еще ощущала его вопль, его призыв о помощи. Если в шахте остались ткущие, они все скоро будут здесь. И ей не пережить встречи с ними.

Она разглядела Тсату. Ткиурати склонился к колдовскому камню. Он набивал под него взрывчатку и замазывал ее грязью. Мастера не обращали на него никакого внимания, равно как и он на них. Заметил ли он вообще тот бой, который она выиграла, спасая ему жизнь? Кайку ощутила жгучую обиду и использовала силу этого чувства, чтобы встать на ноги.

Где-то сверху, в паутине мостов, сражались Погонщики, воркуны и Мастера. От усталости Кайку не могла думать ни о чем, кроме того, чтобы добрести по мосту до срединного острова — к Тсате.

Черпаки вращались, трубы всасывали воду, топки шипели, гремели и выпускали пар. Им плевать на нее. У них своя цель. Колдовской камень источал гниlostное свечение. С каждым шагом воздух становился все плотнее. В нем отчетливее ощущалось некое движение. У Кайку засосало под ложечкой. Она нетвердой походкой приблизилась к Тсате и тяжело упала на колени рядом с ним. Он выглядел еще более желтушным, чем обычно: на нем сказывалась близость гнусного камня. Он искоса взглянул на Кайку и вернулся к работе.

Она уже достаточно его изучила. Самое важное для них — разрушить колдовской камень. Все остальное для Тсаты отошло на второй план. Но, духи, разве он не понимает, что она только что сделала? Хоть бы слово благодарности, поддержки... Да ладно,

пусть бы порадовался, что она еще жива. Ей же не нужно многого. Но он слишком сосредоточен. И он закаменел в своих ценностях.

— Шнуры запала мокрые, — проговорил он, заложив последнюю взрывчатку. — Они не загорятся.

До Кайку дошло не сразу. Злость, вызванная его невниманием, мгновенно улетучилась.

— Тсата, нет, — в ужасе простонала она. Кайку знала, что он задумал. Знала, что сделает истинный ткиурати.

— Иди. — Он пристально посмотрел на нее. — Я останусь и удостоверюсь, что взрывчатка сработает.

— Ты хочешь сказать, что останешься и умрешь здесь! — закричала она.

— Другого выхода нет.

Она крепко схватила его за плечи и развернула к себе. Его ярко-рыжие волосы мокрыми прядями липли ко лбу. Татуированное лицо оставалось странно спокойным. Разумеется, он спокоен, в бешенстве подумала Кайку. Выбор уже сделан за него. Его проклятая психология заставит его пожертвовать своей жизнью, потому что так надо для общего блага.

— Я не позволю тебе так глупо умереть, — прошипела Кайку. — Пять лет назад убили человека, который из-за меня сунулся туда, куда ему не стоило соваться. И его смерть все еще лежит на моей совести. Твоя смерть мне не нужна!

— Ты не отговоришь меня, Кайку. Все очень просто. Если мы уйдем, то не сможем разрушить колдовской камень. И тогда все это напрасно. Речь не о нас. Речь о миллионах людей. У нас есть шанс нанести удар, и моя жизнь ничего не значит по сравнению с теми, которые мы можем спасти.

— Зато для меня значит! — закричала Кайку и тут же об этом пожалела. Но сказанного не воротишь.

Она резко замолчала. Какая-то часть ее хотела сказать что-то еще, объяснить ему, что за чувства в ней кипят, что в нем она видит человека, которому может полностью доверять, который не предаст ее, как Азара, на которого она не боится опереться. Но

раны на ее сердце еще не затянулись. Она не могла вынести того, чтобы он пожертвовал собой, но и сказать ему это тоже не могла.

Он посмотрел на нее с нежностью.

— Нет времени, — проговорил Тсата. В его голосе слышалось что-то похожее на сожаление. — Иди!

— Я не могу идти! — Она сглотнула желчь: желудок реагировал на мерзкий камень. — У меня не хватит сил. Мне нужна твоя помощь.

Сомнение промелькнуло в бледных глазах Тсаты. Но он принял решение быстро.

— Тогда ты тоже должна остаться.

— Нет! — завопила она. — О духи, меня тошнит от твоего самопожертвования! Я не хочу сейчас взять и умереть, и ты не сделаешь этот выбор за меня! Ты единственный, кто может предупредить ткиурати об опасности, которую несут ткачи, в Охамбе не поверят сарамирцу. И если ты здесь погибнешь, это будет эгоизмом! Ты заботишься о моем *паше*, а не о своем, не о своем народе! Когда Сарамир падет, Охамба станет следующей! А ты — единственный человек, который может ее спасти! Мы не знаем, что будет, если взорвать этот камень, но знаем, что будет с Охамбой, если ткачи приплывут туда, а ткиурати будут не готовы! Они все умрут! Мир не черно-белый, Тсата. Есть много способов поступить правильно.

На лице Тсаты было написано колебание, но, когда он заговорил, Кайку заплакала от горечи и досады.

— Я должен остаться, — повторил он. — Шнуры мокрые.

— Я могу это сделать! — заорала Кайку. — Я — проклятая всеми богами искаженная! Я могу взорвать его на расстоянии.

Тсата всматривался в ее глаза. Он был достаточно мудрым, чтобы понять, что сейчас она скажет все что угодно, лишь бы увести его отсюда.

— Можешь?

— Да! — выпалила она. Но может ли? Она не знала. Она не знала ни предела своих возможностей, не осталось ли у нее достаточно *каны*. Она никогда не пробовала ничего подобного раньше.

А сейчас измотана до крайности. Но она смотрела ему в глаза и лгала.

«Я тебя не потеряю. Как Тэйна».

— Тогда нужно торопиться. — Тсата вскочил на ноги и потянул Кайку за собой. Она ахнула — движение причинило ей боль — и позволила ему затащить себя в воду. Ей не хватало сил, чтобы плыть, но Тсата поддерживал ее одной рукой, а другой греб. Ее не заботило, куда они плывут. Важно лишь то, что они выбираются. И что он ей поверил. Другой вопрос, сможет ли она выполнить обещание. Но пока Кайку не позволяла себе об этом думать. Она цеплялась за Тсату, и он держал ее.

Воркуны сражались на мостах с обезумевшими Мастерами. На срединном острове тоже завязался бой. Рев машин оглушал Кайку, он становился все громче и громче. Она подняла голову и поняла дерзкий план Тсаты.

В нескольких метрах от них опускались огромные черпаки и поднимались, полные воды, куда-то в темноту шахты. Тсата плыл туда.

— Не бойся, — прошептал он, заметив выражение ее лица. Один из черпаков вынырнул из-под воды прямо перед ними и потащился вверх. Тсата подплыл туда, откуда только что зачерпнули воду.

Кайку обмякла. Она ему доверяла. Ей больше ничего не оставалось.

Она ушла под воду, потом что-то ударило ее снизу, она стукнулась рукой о металл... и выплыла. Она снова могла дышать. Их с Тсатой подхватила громадная железная колыбель. Они поднимались. Озеро удалялось. Через край черпака выплескивалась вода и падала вниз. За ними шли другие черпаки. Пугающее чувство подъема едва не бросило ее в панику, но она ощущала ненадежность своего положения и потому застыла.

Они скользили мимо паутины мостов, мимо Мастеров, которые дрались с хищниками, мимо ревуших машин, топков и огромных вращающихся шестерней. Сверху тихо упал Погонщик, налетел на перила и со сломанным позвоночником свалился в озеро. Воркун

терзал гольнери: Погонщик погиб, и зверь вновь стал просто зверем. Посреди этого безумия никто не замечал людей в черпаке, которые двигались навстречу далеким огонькам газовых факелов.

Кайку ощутила на плече руку Тсаты.

— Давай, Кайку.

Она закрыла глаза. Она искала в себе хоть искорку энергии, истязала выгоревшее тело, собирала в комок *кану*.

«Ну, пожалуйста, только разочек... — взмолилась она и поняла, что обращается к Охе. К императору Богов, которому она приносила клятву. Эта клятва привела ее сюда. — Мне очень нужна помощь».

Вот оно! Кайку нашла ее, нашла маленькую искорку в своем лоне, она подняла ее к груди и исторгла из тела — скудную частицу энергии, которая причинила ей боль, проходя через опаленную плоть. Глаза распахнулись, она прерывисто вздохнула, и Узор вновь оплел весь мир. Она видела сплетение нитей в озере, завитки золотой волокнистой крови на мостах, клубы пара, выпускаемые машинами. Кайку схватилась за ниточку и заскользила по ней — вниз, к озеру, к колдовскому камню.

Черный узел дышал. Кайку едва могла смотреть на него. Он будто корчился от невыносимой злобы, и крик его боли ураганом несся по Узору. Он жил, как это ни ужасно — жил и источал ненависть. Разъяренный и покалеченный бог.

Но он не мог ее остановить. Собрав все свое мужество, она бросилась вперед, нашла грязь, наклепленную у основания камня, и прошла сквозь нее. Туда, где плотно лежали бруски взрывчатки. Нити Узора здесь извивались и дрожали от сдерживаемой энергии.

Кайку нащупала свою искорку и метнула ее.

Глава 36

Битва за Провал теперь кипела в небесах.

Вороны поднялись с крыш, с деревьев, из гнезд в скалах — облаком столь же плотным, как и пелена черного дыма, что висела над долиной. В их коротких птичьих мыслях зов Люции прозвуч-

чал наподобие горна. Она всегда считала их своими друзьями и до сегодняшнего дня ни за что не подвергла бы их опасности. Но времена изменились. И теперь она призвала своих воздушных стражей и отдала им один-единственный простой приказ: убить хрящеворонов.

В темном от гари послеполуденном небе с криками кружились черные тени. Они нападали на искаженных птиц. Легион воронов во много раз превосходил по силам врага, но хрящевороны были намного крупнее. Искаженные птицы рвали когтями и клювами, били крыльями, ныряли вниз. Но вороны Людии оказались гораздо проворнее. Они не отставали от врагов, клевали и царапали их и быстро уходили от ответных ударов. Их клювы и когти покраснели от крови искаженных. Окровавленные комки мышц и перьев падали на неровные крыши, но на трех воронов приходилось по одному хрящеворону.

Кайлин ту Моритат знала, что за бой разворачивается над ее головой, но гораздо больше ее волновала битва в Узоре. Она стояла на краю одного из верхних уровней города в окружении двух сестер и двадцати мужчин, которые ревностно охраняли их от хищников. Внизу теснились на каменных платформах дома, еще дальше стояли баррикады, за которыми бурлило вражеское войско. Искаженные бездумно бросались на восточные укрепления, откуда их сотнями расстреливали из винтовок и пушек. Дым валил клубами, кое-где случайно открывая улицы. По улицам бегали искаженные хищники. Западная стена едва держалась, и через нее постоянно просачивались звери и охотились на женщин и детей, которые не успели укрыться в пещерах.

Битва в небе отражалась в Узоре, как в зеркале.

Сестры налетали на ткачей, как кометы, и уходили от их тяжеловесных ответных ударов. Они распускали сети и развязывали узлы, работая слаженно и с такой быстротой, о какой ткачи не могли даже мечтать. Теперь сестры превосходили числом врагов и начинали выигрывать битву.

Самые опытные ткачи держались. Они отчаянно сражались с сестрами, пока до них не дошла волна беспокойства. Кайлин с ра-

достью поняла, что это кричит от боли колдовской камень. После этого ткущие стали ошибаться: им не доставало сосредоточенности, чтобы обороняться от сестер. Двое ушли один за одним: сестры проникли в их тела и разорвали волокна на части. Ткачи взрывались пламенем.

Еще один находился на пороге гибели, когда Кайлин ощутила страшный озноб — будто предчувствие собственной смерти. Она собралась за мгновение до того, как ударила взрывная волна такой невероятной силы, что призыв колдовского камня о помощи потерялся, как комариный писк. Самая ткань бытия натянулась и вздулась, как парус под мгновенным порывом ветра. Всех, кто был в Узоре, накрыло этой волной искривления. Она прошла сквозь них и покатила дальше. Ткачи затихли. Кайлин инстинктивно проследила по нитям, где раздался взрыв.

На западе. На западе, там, где была Кайку.

Кайлин возликовала. Колдовской камень в Разломе уничтожен. Она издала торжествующий клич, и сестры бросились в атаку.

Но ткачи уже сдались. Казалось, души покинули их чахлые тела. Их сознания плыли в Узоре, как бледные призраки. Беда опустошила их. Сестры заколебались, подозревая неладное; они ждали сопротивления — сопротивления не было. Их колебания длилось не дольше нескольких секунд. Они набросились на врагов, как волки на раненых кроликов, и разорвали их в клочья.

И все закончилось. Сестры парили одни среди нежно покачивающихся нитей. Одни — за исключением левиафанов, которые скользили на грани восприятия. Они двигались очень возбужденно. Взрывная волна докатилась до них и встревожила.

Кайлин мало-помалу начала получать из Узора странные ощущения. Ей понадобилось время, чтобы понять природу этого нового явления. Левиафаны переговаривались между собой, и низкие приглушенные щелчки и трели эхом отдавались во всем ее существовании. Никогда прежде далекие создания не подавали виду, что знают о присутствии в Узоре людей, разве что пытались держаться как можно дальше от любопытных. Но сейчас они отвечали на похоронный колокол колдовского камня.

Кайлин вернулась в мир осязаемых предметов, красок и звуков и засмеялась. Ей хотелось остаться и послушать голоса таинственных обитателей Узора, но слишком много еще нужно было сделать. Ткачи потерпели поражение в битве за Провал, но этого еще было недостаточно, чтобы считать войну оконченной.

Она взглянула на сестер слева и справа от себя: они с трудом сдерживали улыбки. В красных глазах горел яркий торжествующий огонь. И Кайлин ощутила прилив такой гордости, какой сама от себя не ожидала. В Провале жили лишь несколько сестер — малая часть сильнейшей организации. Кайлин боялась собрать все свое сообщество в одном месте — эта сеть казалась ей слишком хрупкой и уязвимой. Но здесь Красный орден проявил себя в полную силу, он бросил вызов ткацким Узор и переиграл их на их же поле. Кайлин ощутила глубокое родство с каждой из этих женщин, рожденных с каной и спасенных от смерти. Ей всегда казалось, что они не обычные люди, а элита человечества, которую искажение поставило выше породившей ее расы. Теперь она в этом убедилась.

Кайку, бесценная Кайку. Это наверняка она спасла всех и в конце концов оправдала надежды Кайлин.

Глава Красного ордена разослала через Узор множество приказов, направила сестер туда, где в них больше всего нуждались. В ее сердце нарастало гнетущее беспокойство и отравляло радость победы. Во время схватки Кайлин было не до того, и она не замечала, что сестра Ирилия, которую она отправила сопровождать Люцию, куда-то исчезла.

Хрящеворонам пришел конец. Когда последних из них заклевали на лету, Люция повернулась к Номору и спросила:

— Что дальше?

Джугай бросил на нее обеспокоенный взгляд. Она вела себя не так, как подобает девочке четырнадцати лет от роду. На ее глазах только что погибли отец и лучший друг — боги! — а она даже не стерла с лица кровь Заэлиса! Но ее скупые слезы уже высохли, и испачканное в саже лицо застыло, как ледяная маска. Ее глаза, всегда мечтательные и немного рассеянные, превратились в осколки хрусталя — холодные и острые.

Джугай быстро огляделся. Они все еще стояли в том месте, где на них напали ткачи. Здесь же лежали тела Флена и Заэлиса, фурий, ткачей, сестры Ирили и нескольких десятков воронов. И Люция спокойно стояла посреди всего этого. Джугай умолял ее укрыться в безопасном месте — отчасти из сострадания к ней, отчасти потому, что сам не мог смотреть на трупы Заэлиса и своего друга Флена, распростертые в пыли. Она не обратила на его слова ровным счетом никакого внимания. В конце концов прибыли воины, и Джугай расставил их вокруг, чтобы охранять Люцию. Если она сама не желает уходить, тогда ему придется защищать ее здесь.

Он догадался, что делает Номору, хотя она, как обычно, отмалчивалась и на прямые вопросы не отвечала. Хрящевороны не принимали участия в битве, они все время оставались вне досягаемости — кружили высоко в небе. Понятно, для чего они это делали: они служили Связникам глазами. Вот на этом-то и основывался план Номору: вырвать Связникам глаза, ослепить их. Они окажутся в очень-очень невыгодном положении. А уж потом...

— Найди их, — резко сказала Номору.

Люция не ответила. Но полет воронов изменился. Те, кто не сражался с искаженными, разлетелись во все стороны. Они искали Связников.

Люция слушала их, прикрыв глаза. Номору с нетерпением следила за ней. От западной стены прибежал гонец: укрепления вот-вот обрушатся под тяжестью трупов.

Джугай нахмурился. Если стена падет, все будет кончено. Даже если удастся найти Связников, надежда подобраться к ним невелика. Возможно, если бросить все силы в прорыв и достать Погонщиков... но это вряд ли. Однако лучше так, чем сидеть здесь сложа руки, жаться к рушащимся стенам и ждать смерти. Как ни пряться, а все равно город скоро сметет лавина когтей и клыков.

Винтовки взметнулись к плечам — в конце улицы появилась фигура в черном. Но это была всего лишь Кайлин, высокая и, как всегда, невозмутимая. Стражники опустили оружие, Кайлин прошла мимо них, не удостоив даже взглядом. Она огляделась и посмотрела на Джугая.

— Она ранена? — спросила Кайлин.

— Она не ранена, — ответил Джугай.

Люция открыла глаза.

— Кайлин, мне нужна твоя помощь, — сказала она таким повелительным тоном, какого от нее никогда не слышали.

Кайлин приблизилась к ней.

— Да, конечно.

Джугай перевел взгляд с одной на другую. Они могли бы быть матерью и дочерью — такие похожие позы, такие похожие голоса.

— Чем я могу помочь тебе?

— Я кое-что нашла.

— Погонщиков? — нетерпеливо спросила Номору.

— Их я нашла раньше, — ответила Люция с мерзкой улыбкой, которая так жутко смотрелась на ее небесном лице. — Я нашла кое-что получше.

В отличие от сестер Красного ордена Погонщики не боялись сбиваться в кучу. Они заняли позиции к югу от Провала, в стороне от основного сражения. Их окружала сотня гхорегов — надежная защита от любой атаки, которую может предпринять Провал. Они легко отражали нападения небольших, но отчаянных отрядов. Провал мог бы выставить довольно большое войско, способное подавить их числом, однако люди были заперты в долине, и их, по сути дела, можно было не опасаться. Поэтому Погонщики, которых Номору научила не приближаться к врагу на винтовочный выстрел, расположились на границе своего влияния и руководили битвой издалека.

Гибель ткачей Погонщиков не заботила: они ничего не почувствовали, потому что у них не было соответствующих эмоций. Гораздо больше их беспокоила бойня, которую вороны Провала устроили хрящеворонам. Они лишились своих дозорных. Они не умели напрямую подключаться к зрению всех своих тварей, только к зрению хрящеворонов.

Потеряв их, Погонщики переключились на скренделов и велели им забраться как можно выше, чтобы они смогли обозревать поле битвы, но для хрящеворонов это была никудышная замена.

Связники выбрали для себя полукруглый, заросший травой пятачок, который с запада, юга и востока надежно защищал холмистый гребень. Гхорегов они не выпускали на гребень и были уверены, что никто и понятия не имеет об их местонахождении. Здесь собрались почти две сотни Связников — толпа длинных и тощих существ в одинаковых черных мантиях и ничего не выражающих, жутких белых масках. Все они стояли лицом на север. До первой атаки Связники едва справлялись со своим зверинцем, потому что каждый из них может контролировать только определенное число хищников. Но защитники Провала косили искаженных, как траву, и вскоре Связникам стало гораздо легче. Теперь они с легкостью держали под контролем свои отряды. Гхореги беспрестанно рыскали вокруг на мощных косматых лапах.

Гхореги — твари очень сильные и опасные, но зрение у них не особенно острое, и слух не самый чуткий, и соображают они тоже не очень быстро. Впрочем, как и Связники. И ничего удивительного, что никто из них не обратил внимания на нарастающий шум, доносившийся с юга. Пока не стало слишком поздно. К тому моменту, когда гхореги, непонимающе порывивая, стали посматривать в сторону гребня, звук стал вполне отчетливым.

Они слышали топот копыт.

Через мгновение их взгляду предстал новый и совершенно неожиданный враг.

Всадники дома Икэти с боевым кличем хлынули сверху. В серо-зеленой толпе скакал с высоко поднятым мечом Бэрак Зан. Его голос звучал громче многих. Гхореги попытались организовать оборону, но слишком медленно. Всадники мчались на врага. Они дали одновременный залп из винтовок, сильно проредив ряды искаженных, и врезались в гхорегов с мечами наголо.

Волосатые лапы выбивали всадников из седел, лезвия пронзали шкуру и впивались в плоть, ноги лошадей ломались, как сухой хворост; винтовки бахали, люди падали и погибали под копытами лошадей или в зубах хищников. Хаос рукопашной.

Зан гарцевал на лошади, уводил ее от ударов гхорегов и отрубал мечом каждую протянувшуюся к нему лапу. Впалые щеки —

забрызганы кровью. Челюсти крепко сжаты. Много лет никто не видел в его глазах такого огня.

Всадников было больше, чем гхорегов, в три раза, но гхореги пока держались, охраняли своих молчаливых хозяев. Те все еще смотрели на север, будто схватка за их жизнь несколько их не волновала.

И тут еще семь сотен солдат выплеснулись на гхорегов с западного гребня. Жалкая кучка тварей не могла противостоять такой силе — и не могла помешать врагам окружить их и добраться до Погонщиков. Всадники беспрепятственно косили безмолвных существ в черном: отсекали головы, разрубали наискосок, через ключицу. Погонщики не издавали ни звука и покорно позволяли себя убивать. Люди Икэти не задавались вопросом, откуда такая удача, и просто уничтожали врагов, проникая все глубже и глубже в их ряды.

Гхореги отреагировали мгновенно. Всякая слаженность их действия исчезла. Они превратились из опасных воинов в бешеных зверей, которые отчаянно искали выхода из леса сверкающей стали. Их не заботило ничего, кроме своей жизни. Однако они стали только более уязвимыми. Их построгали на кровавые куски мяса в считанные минуты.

Наконец, бойня закончилась. Последние из гхорегов издохли. Бэрак Зан тяжело дышал в седле, озирая кровавую сцену. Бэрак торжествующе оскалился, поднял меч вверх и издал победоносный клич. Его люди ответили ему в едином порыве ликования.

Мисани ту Колай сидела на лошади и смотрела на них с гребня холма. Длинные волосы развевал ветер. Лицо ее, как всегда, было бесстрастно.

В рядах искаженных начался хаос. Погонщики погибли. Звери снова стали зверьми. У западной стены, которая трещала под тяжестью трупов, звери прекратили свои самоубийственные атаки и набросились друг на друга: дым и запах крови взбесил их. Они напарывались на колья, удирали от огня, прыгали со стены и

нападали на все, что движется, охваченные паникой. Изможденные и потрепанные защитники, не веря собственным глазам, смотрели, как враги, которые были в шаге от победы, вдруг обратились в бегство, да еще таким диковинным образом. Кто-то в истерике принялся благодарить богов, и его крик подхватили все на стене, потому что только боги способны были спасти людей от неминуемой гибели в самый последний момент.

Люди стояли на стене, их ослабевшие руки едва держали мечи и винтовки, и они просто дышали. Они были счастливы.

На востоке происходило примерно то же самое, за исключением того, что здесь звери были заперты в долине. Они не могли бежать вперед, и их расстреливали из винтовок, пушек и баллист. Без Погонщиков они обезумели от страха. Визг и рев сопровождали каждый взрыв. Кто-то отгрызал собственные конечности, кто-то зарывался под горы дымящихся трупов, другие лежали, словно парализованные, и толпа топтала их или разрывала на куски. Кто-то пытался спастись, забираясь вверх по склону, но таких было немного. Большинство кружились в вихре смерти, пока не приходил их черед погибнуть — от пули или чьих-то когтей.

К закату над Провалом вновь воцарилась тишина.

В алеющем небе все еще плыли облака дыма. Око Нуки рассерженно смотрело поверх западных пиков Ксаранского Разлома. Выжившие в битве уже перестали замечать смрад от горелых трупов и крови: слишком долго они им дышали. Оглушенные битвой и ошарашенные люди бессмысленно бродили по городу или заставляли себя участвовать в каких-нибудь работах: многое нужно сделать, а времени осталось мало.

Женщины рыдали — их мужья уже не вернутся домой. Дети плакали и звали родителей, которые не могли откликнуться, потому что лежали где-нибудь в пыли с разорванным горлом; их хватали на руки чужие матери. Искривленные на время брали к себе не-искривленных и наоборот. Они еще не знали, что, когда опознают трупы, дети останутся с ними навсегда.

Хищников убили, немногие сбежали. Охотники отправились в погоню за теми, кто бродил поблизости. Некоторые звери прятались в домах Провала, их тоже отстреливали.

Невероятно, но город выстоял. Однако люди не чувствовали триумфа, только усталость и смирение. Им пришлось пережить больше ужасов, чем они могли себе представить, и теперь сердца их пребывали в оцепенении. Горе и потери — высокая цена для победы. На людей давило осознание того, что хотя они и отвоевали свои жизни, но Провал погиб. Здесь больше нельзя оставаться. Ткачи придут снова, и в следующий раз они будут осторожнее и хитрее. В следующий раз всей удачи этого мира не хватит, чтобы спасти город.

Войска дома Икэти медленно въехали в Провал. Бэрак Зан и Мисани ехали впереди. Они устали не меньше горожан, но по другим причинам. Их вымотала бешеная скачка из Зилы. Едва не загнали лошадей. Когда Фарех вырвал из Кседжена знание о Люции, Зан наконец-то поверил Мисани. Он взял тысячу всадников, которых привел под Зилу, и во весь опор помчался в Провал. Мисани вела его. Они проехали к югу от Бараска, по северной окраине ужасного леса Ксу и въехали в Разлом к югу от Провала. Мисани вела их тропами, которые пригодны для конных. Обычно эти пути крайне опасны из-за враждующих кланов. Но в эти дни перед лицом великой опасности Разлом отбросил мелкие междоусобные распри. Поэтому Мисани и Зана ничто не задержало, и они прибыли как раз вовремя.

Однако никто не встречал их как героев. Лишь немногие поняли, что крах врагов — это их заслуга. Их встречали взглядами, в которых выражались чувства от любопытства до гнева: зачем эти конные воины в Провале сейчас? Где вы пропадали, когда были так нужны?

Мисани понадобилась вся сила воли, чтобы сохранить хладнокровие. В каждом новом трупе она боялась узнать Кайку, Люцию или кого-то еще из друзей. Несколько мертвых она смутно вспомнила, но не стала о них плакать: она еще не знала, насколько страшна ее собственная потеря. Разрушенный дом — тяжелое зре-

лице, но Мисани не отличалась особой сентиментальностью, для нее место — это всегда только место. Но она страшилась спросить о судьбе друзей, страшилась того, что могла услышать в ответ. Насколько она знала Кайку, та обязательно должна была быть в гуще событий. Упрямая девица, которая не отступит ни перед чем... Мисани старалась не думать, что будет с ней, если Кайку погибла.

Она не совсем понимала, куда именно ведет людей Зана. Ею руководило только яркое чувство того, где ей нужно быть — и указания, что оставила Кайлин в ее голове. Даже спустя несколько часов Мисани не до конца пришла в себя от потрясения, которое пережила, когда в ее мыслях прозвучал голос Кайлин.

Цепь событий уже сложилась в ее голове: вороны Люцции заметили их издалека, Кайлин воспользовалась каной, чтобы связаться с Мисани, она рассказала ей, где Связники и что нужно сделать. Но Мисани пугала та тончайшая грань, которая отделила их от поражения. О боги, да если бы ткачи чуть быстрее послали бы сюда свою орду, если бы Зан сомневался чуть дольше... Если бы Фарех заподозрил, чего хочет Зан, и скрыл бы от него то, что знал Кседжен... Если бы люди Баккары не «спасли» Мисани... Если бы Чиен не настоял, чтобы она осталась в его доме в Ханзине...

От всех этих «если» Мисани бросало в дрожь.

Она вспомнила Чиена, его грубые черты, бритую голову. Ей было не жаль его или почти не жаль. Он был хорошим человеком, это правда, но хорошие люди умирают так же часто, как и плохие. Мисани это знала. Она подозревала, что ее отец приложил к этой смерти руку. Но ее убийцам теперь не достать: из Зилы ее вывели тайно. В конце концов, Чиен не выполнил просьбу, и Мисани не считала себя обязанной выполнять свое обещание. При других обстоятельствах она, возможно, повела бы себя более благородно. Но сейчас нужно подумать о благополучии матери, это важнее, чем договор, который ушел вместе с Чиеном. Мир жесток, но и Мисани научилась быть жестокой.

Они повернули на пыльную улицу, и Мисани увидела, куда привела ее Кайлин. Воины остановились. Она спешила и мед-

ленно пошла вперед — по ковру из вороновых трупов, мимо трупов ткачей и фурий, мимо тела мертвой сестры. Посреди этого кошмара, как черный шпиль, возвышалась Кайлин. Люция склонилась над телом Заэлиса, закрыв лицо руками.

Мисани остановилась перед высокой женщиной и встретилась с ней взглядом. Радужки Кайлин вновь стали обычного зеленого цвета.

— Мисани ту Колай, — с поклоном произнесла сестра. — Я приношу тебе искреннюю благодарность.

Мисани слишком нервничала, чтобы тратить время на соответствующие любезности.

— Где Кайку? — спросила она.

Кайлин ответила не сразу, и сердце Мисани болезненно сжалось.

— Я не знаю наверняка, — сказала наконец Кайлин. — Она отправилась на другой конец Разлома. Там она уничтожила колдовской камень, который мы обнаружили. Вы с ней решили исход этой битвы. Если бы ткачи продолжали сражаться с нами, я не смогла бы направить тебя к Погонщикам.

«Колдовской камень?» — подумала Мисани, но ничего не сказала. Похоже, она многое пропустила.

— Связаться с Кайку я не могу, — продолжила Кайлин. — Она мне не отвечает. Я не знаю, что это значит.

Мисани взвесила все возможности. Полная неизвестность.

Кайлин взглянула на Люцию.

— Она просидела вот так уже несколько часов. Мы не можем убрать тела. Боюсь, что она получила рану, от которой никогда не оправится.

Мисани собиралась ответить, но услышала позади себя и оглянулась. Зан шагал между трупами. Он смотрел только на...

— Люция?

Она подняла голову, услышав его голос, но не больше.

— Люция? — повторил он. Она повернулась к нему. Лицо и волосы — в красном.

Зан прерывисто вздохнул. Она медленно поднялась на ноги.

Они смотрели друг на друга.

И она раскинула руки. Кровь Заэлиса измазала ее ладони. Нижняя губа Люции задрожала, и лицо исказилось от рыданий. Зан бросился к ней и стиснул в объятиях, и Люция отчаянно вцепилась в него. Ее хрупкое тело дрожало. Они стояли обнявшись среди дыма, горя и смерти, отец и дочь, и годы тоски друг по другу заставляли их сжимать руки еще крепче.

Глава 37

Кайку пошевелилась и открыла глаза, щурясь от яркого полуденного солнца. Тело ныло, высохшая одежда царапала кожу. Рядом слышался негромкий разговор костра. Пахло жареным мясом. Кайку лежала на каменной земле в неглубокой ямке, с трех сторон окруженной скалами. Ее мешок лежал под головой и играл роль подушки. Воздух был неподвижным и тихим: ни насекомых, ни птиц. За несколько недель она привыкла к этой тишине. Значит, колдовской камень еще близко.

Она поспешила сесть, но невольно поморщилась: болезненно напряженные мышцы явно не желали такого поворота дел. Тсата склонился над костром.

— Не напрягайся, — посоветовал он. — Ты еще очень слаба.

— Где мы? — Кайку попыталась задать вопрос, но в горле так пересохло, что у нее получилось только слабое сипение. Тсата протянул ей бурдюк с водой. Кайку долго и жадно глотала благодатную влагу, потом заставила себя оторваться, глубоко выдохнула и повторила свой вопрос более внятно.

— В нескольких милях к западу от шахты. Думаю, мы в безопасности, по крайней мере, пока.

— А как мы сюда попали?

— Я тебя нес.

Кайку потеряла лоб, стараясь сообразить. Теперь ей казалось, что кое-что она помнит, на грани сна и яви: вода, ее тянет куда-то в черноту, потом Тсата несет ее, как убитого оленя, на плечах.

— Мы выбрались из шахты тем же путем, что и попали внутрь?

Тсата кивнул.

— Мы поднялись в черпаке так высоко, как только могли, а потом я бежал с тобой на плечах. К счастью, наверху искаженных не было. — Он тепло ей улыбнулся. — Наверное, ты этого не заметила. Последнее усилие стоило тебе дорого.

Она фыркнула.

— Есть хочешь? — Тсата указал на костлявую тушку неизвестного зверя, которую жарил на вертеле над костром.

Она с улыбкой вздернула подбородок вверх — охамбское «да». Он взял дичь и сел рядом с ней. За последние часы они несколько раз промокли и высохли, и выглядели теперь соответственно. Тсата отделил от костей кусочек мяса и протянул Кайку, она отбросила с лица непокорную челку и приняла пищу. Ели молча. Тсата погрузился в свои мысли, а Кайку просто радовалась тому, что жива, солнечному теплу на щеках и вкусу жареного мяса.

Она чувствовала глубокое успокоение. Внутри ослабло некое напряжение, о котором она даже не подозревала. Они уничтожили колдовской камень, нанесли ткачам такой удар, на какой до сих пор ни у кого не хватило мужества и сил. Кайку предстоит пройти еще долгий-долгий путь, прежде чем ее клятва Охе будет исполнена. Но на данный момент она сделала достаточно. Она так долго прозябала в бездействии, и хотелось ей только одного — делать что-нибудь, что угодно, лишь бы не играть в любимую игру Заэ-лиса и Кайлин — в прятки. Она сделала и не имела права требовать от себя сейчас большего. К ней вернулась вера в себя.

И более того. Она — уже не та Кайку, которая с разбитым сердцем уходила из Провала несколько недель назад. Прежняя Кайку — наивное существо — ничего не знала о силе, сокрытой в ней. Она могла обращаться с ней только как с дубиной и едва умела ее обуздывать. Но обстоятельства требовали от нее все новых усилий, она использовала *кану* так, как никогда прежде не пробовала и даже не подозревала о подобных возможностях. И каждый раз справлялась. Не имея ни соответствующих знаний, ни опыта, победила демонов, очистила тело человека от яда и спасла ему жизнь и — самое невероятное! — она одержала победу над тка-

чом. Эта победа, конечно, едва не обернулась поражением... но все-таки была победой!

Кайку часто удивлялась, почему Кайлин столько с ней возится. Любой другой учитель давно бы от нее отказался. А теперь она знала. Кайлин говорила много раз, но природное упрямство мешало Кайку это услышать. Пока она сама не поняла, что Кайлин права. У нее необычайный дар обращения с каной. И ее возможности — безграничны. О боги, да с ее помощью можно творить такие вещи...

Кайку всегда была слишком нетерпелива и непоседлива, чтобы посвятить себя многолетнему обучению в Красном ордене, и поэтому с радостью разбрасывалась своим талантом, выполняя мелкие поручения, которые, по сути дела, мог бы выполнить любой другой человек. Но последние недели показали ей наконец, что кана — больше, чем оружие. А еще она поняла, что обладать силой и не уметь ей пользоваться — хуже, чем вообще ничего не иметь. Что, если бы ей не удалось спасти жизнь Джугая? Уничтожить колдовской камень? Какая вина легла бы на ее плечи тяжким грузом? Она все время будет попадать в ситуации, где потребуется кана, но возможно, когда-нибудь ей встретится такая опасность, с которой она не справится. А люди будут расплачиваться за это жизнью...

И Кайку поняла, что кратчайший путь к исполнению клятвы лежит не там, где она его искала. Кайлин всегда говорила: чем медленнее идешь, тем быстрее придешь. Чтобы стать лучшим игроком в этой опасной игре, нужно сначала многому научиться. Когда-то эта мысль казалась Кайку пустым оправданием бездействия. Теперь она осознала, сколько в ней здравого смысла. И кляла себя на чем свет стоит, потому что не видела этого раньше.

Решение пришло само собой. Она позволит Кайлин учить ее. Когда вернется, извинится и попросит снова начать с ней курс обучения. И это будет ее самым важным делом. Ее жажда мести на данный момент удовлетворена, и это делает принятое решение только тверже. Вступить в Красный орден. Стать сестрой. И бороться с ткачами, используя свою силу, которую когда-то считала проклятием.

Разумеется, если Красный орден еще существует, и вообще будет, куда возвращаться. Но, как ни странно, в глубине души Кайку не волновалась за Провал, Мисани и Люцию. Ее посетило странное, расплывчатое воспоминание об обмороке и голосе, вызывающем к ней. И, что бы он ни сказал, на сердце полегчало. Не имея никаких доказательств, Кайку твердо знала, что ткачи не убили последнюю надежду, что и Мисани, и Люция до сих пор живы. И этого довольно.

— Что ты будешь делать теперь? — спросила она Тсату.

— Вернусь с тобой в Провал, а потом отправлюсь назад в Охамбу. Я должен рассказать своему народу, что здесь происходит. — Он заколебался, потом взглянул ей в глаза. — Если хочешь, поедем вместе.

Как это было бы просто, как чудесно! Снова быть вместе, не возвращаться в привычный мир. Быть с человеком, которому доверяешь абсолютно, который не способен на обман и предательство... Она колебалась. Но только мгновение.

— Я ничего не хочу так сильно, как поехать с тобой. — Она грустно улыбнулась. — Но мы оба знаем, что я не могу. И оба знаем, что ты не можешь остаться.

Он кивнул. На сарамирский манер.

— Мне хотелось бы, чтобы все было иначе.

От этих его слов у Кайку защемило сердце.

После этого говорить о чем-то уже не хотелось. Они поели, немного отдохнули, и когда Кайку собралась с силами, Тсата помог ей встать. Они вскинули на плечи дорожные мешки и винтовки и пошли на восток. Назад в Провал. И дальше.

Храм Охи на вершине Императорской крепости был самой высокой точкой Аксеками. Выше него устремлялись только макушки башен, которые стояли по углам этого величественного золотого здания. Отделка храма поражала воображение и казалась даже чрезмерной: круглое основание поддерживало массивный купол. Мозаика, филигрань, геммы и инкрустации украшали его. Здесь сверкало столько сокровищ, что от них слепило глаза. Во-

семь скульптур белого мрамора поддерживали купол. Они изображали основных богов в человеческом облике: Ассантуа, Риэку, Джурани, Омеху, Энью, Шинту, Изисию и самого Оху. У ног каждого стоял или сидел его зверь. Самым огромным был изображен хозяин храма, и у ног его стоял кабан. Больше всего впечатлял верх купола: его украшали бриллианты. Они переливались всеми цветами радуги и изображали звезду Абинаксис, которая стала началом начал и породила вселенную, богов и богинь. Когда око Нуки освещало бриллианты, они вспыхивали подобно настоящей звезде. Правда, увидеть их можно было только с Башен Четырех Ветров. А вообще зрелище предназначалось для богов — как попытка загладить тот грех гордыни, который много веков назад привел к гибели Гобинды.

Изнутри храм выглядел столь же прекрасно, разве что менее вычурно: над внутренней отделкой поработали более современные мастера, которые сумели сделать ее изящной, под стать сарамирской архитектуре. Барельеф слоновой кости оплетал храм изнутри, как виноградная лоза. За окнами стояла жара, но здесь влажный воздух таил прохладу. От входа к огромному алтарю в центре вело возвышение. Остальное пространство занимал чистый неглубокий бассейн, дно которого было выложено мозаикой и полированными камнями, чтобы услаждать взоры. В нем не плавала ни одна рыбка, и вода казалась гладким стеклом.

Аван ту Колай преклонил колени перед алтарем слоновой кости на круглом острове посреди бассейна. В руке он держал несколько ароматических палочек. Он шептал мантру, снова и снова, раз за разом. Аван даже начал неосознанно раскачиваться в такт словам. Он исполнял ритуал благодарности Охе, правителю Золотого Царства, богу войны, мести, исследований и дерзаний. Склонив лысеющую голову и монотонно раскачиваясь, Аван благодарил его за то, что бог невредимыми провел его и его семью через крах империи.

Аван вновь подверг дом Колай страшной опасности, но выиграл. Все представители рода Бэтик будут истреблены. В Аксеками не осталось ни одного живого человека, который носил бы это

имя. Регулярная армия Бэтик растерзана, и их владения скоро захватят. На всех оставшихся детей этого дома объявлена охота. Пять лет Мос восседал на троне, и пять лет дом Колай пребывал в немилости. Но в конце концов, это он, Аван, стоит на коленях в храме Охи. А Мос повержен.

В последующие недели многое изменится. Какр все объяснил Авану. Народ слишком сильно ненавидит ткущих Узор, чтобы они могли открыто править страной. Искривленные звери слишком страшны, единственное, на что они годятся — убийства, террор. А с запуганных людей много не возьмешь. Поэтому ткущим нужен он — главная фигура, манекен власти. Он придаст режиму ткущих человеческое лицо. Его люди сменят истребленных императорских стражей и станут новой... миротворческой силой. Когда в Аксеками установится порядок, порченных станет меньше, их переведут в другие города. Постепенно люди привыкнут к мысли, что традиционный мир погиб, и вместе с ним ушли дворцовые игры и знать, и слово «семья» уже ничего не значит. Аван станет императором только на словах, на деле он будет подчиняться ткущим Узор. Они будут называть его Хранителем, а его воинов — черная стража.

За это ему нужно всего лишь расплатиться честью. Но честь — это так мало по сравнению с победой... Честь восстановила против него дочь.

Аван подумал о Мисани. В памяти всплыло ее лицо — ничего больше. Он уже не испытывал к ней никаких родительских чувств, никакой отцовской любви. Ему пришлось признать, что она избежала всех его покушений, других сообщений ему не поступило. Эта мысль заставила его слабо улыбнуться. По крайней мере, в этом она — дочь своего отца. Ее сложно убить. Что ж, пусть теперь живет, как хочет. Она больше не позорит его. Придворные интриги больше ничего не значат, следовательно, она не может его скомпрометировать. Бэрак мог попасть в неловкое положение, если бы стало известно о непослушании его чада. С Хранителем такого не произойдет. У него нет соперников, потому что ему нет равных. Не стоит тратить время, чтобы избавиться от нее. Лучше просто забыть.

Хорошо бы, чтобы Мураки тоже это поняла и последовала его примеру... Но это уже не так важно.

Шаги за спиной Авана возвестили о появлении главного ткача Какра. Аван прекратил молиться и встал, чтобы низко поклониться алтарю. Потом он развернулся к своему новому господину.

— Молишься, Хранитель? — проскрежетал Какр. — Как пошло.

— Боги оказали мне милость, — ответил Аван. — Это заслуживает благодарности.

— Боги покинули эту землю. Если они вообще когда-то существовали...

Бровь Авана изогнулась.

— Так, значит, ткущие не поклоняются богам?

— Отныне мы — ваши боги, — прохрипел ткач.

Аван посмотрел в его трупное лицо и ничего не ответил.

— Пошли, — каркнул Какр. — Нам нужно о многом поговорить.

Аван кивнул. О многом поговорить и многое сделать. Даже ткачам не покорить такую огромную страну, как Сарамир, — ни за день, ни за год. Они уничтожили главу этого государства, захватили столицу и еще несколько крупных городов. Но знать и простой люд рассеяны по бывшей империи, и их так быстро не возьмешь, даже с такими силами, которыми располагают ткачи. Даже притом, что армии самых могущественных семей разбиты наголову. Северо-запад континента будет в руках ткущих Узор через месяц. Потом встанет вопрос об уничтожении оставшихся знати — беспомощной без своих домашних ткачей, ослепших и искалеченных. Потом ткачи захватят юг, и не останется никого, способного противостоять им.

Будет ли это так просто, Аван не знал. Но он отлично умел пристраиваться к победителю. И теперь он гораздо больше хотел быть с ткачами, чем против них.

Какра же заботили не только войска, армия и захватническое движение. Он размышлял о том, что могло произойти в Ксаранском Разломе. Они потеряли многих ткачей. Но, что самое ужас-

ное, колдовской камень Разлома разрушен. Какр ощущал его смерть как рану. Он состарился, сгорбился еще сильнее, и боли раздирали его тело сильнее, чем когда бы то ни было. Что же стало с Провалом и с Люцией?

И кто победил ткачей? Что за женщины бросили им вызов в царстве вне чувств? Какр никогда не сталкивался с ними, и сейчас они казались ему самой сильной угрозой грядущему могуществу. Если бы Какр располагал достаточными силами, он бы бросил их в Разлом для уничтожения этих мерзавок. Но он подозревал, что они снова спрячутся. Как долго они там скрывались и набирали мощь? Много лет порченных детей убивали, чтобы предотвратить подобное. Но это случилось. И насколько же они теперь сильны? Сколько их?

Какр думал о сестрах и... боялся их.

Они с Аваном медленно прошли над бассейном к выходу из храма. Солнечный свет ослепительным потоком лился из дверного проема. Они разговаривали о триумфе и крахе, и голоса их отдавались эхом, а потом затихли. Дом императора всех богов опустел.

Солнце клонилось к закату — тусклый красный шар за завесой дыма, который все еще поднимался над долиной Провала. Кайлин стояла на высоком утесе, заросшем сверху травой. Под ней отвесно обрывалась вниз черная скала. Она размышляла. Столько планов...

Сестры рассеялись вокруг Провала: они помогали Либеру Драмах. Либер Драмах рассыпалась, чтобы не быть легкой мишенью. Через несколько недель люди встретятся в условленном месте. Бывшие жители Провала делали, что могли. Большинство собиралось через некоторое время воссоединиться, доверяя лидерам, которые возглавляли их в дни благоденствия и в дни бедствий. Кто-то собирался идти своим путем, присоединиться к другим поселениям и кланам или выбраться из Разлома. Единство Провала распалось, и ему уже не суждено возродиться.

Целый день через Узор приходили сообщения из других ячеек Красного ордена: новости из Аксеками. Вести о резне в северных

городах. Свидетельства победоносного марша ткачей. Император погиб, и вместе с ним погибла империя. Сестры знали, что игра уже началась, ткачи узнали о них — и молчание нарушено.

Сзади послышалась негромкая поступь. Кайлин и не оборачиваясь знала, что это Фаэка. Рыжеволосая сестра подошла к краю обрыва и встала рядом с Кайлин. Как и все сестры, она носила черное платье и устрашающую раскраску на лице, но покрой ее платья отличался от того, что носила Кайлин, а волосы Фаэка укладывала в сложную прическу из кос и пучков — она родилась в Речном Краю.

Некоторое время они молчали. Око Нуки скользило к горизонту. Кораллово-розовое небо с сиреневыми тенями пачкали только облака дыма.

— Столько людей погибло, — наконец проговорила Фаэка. — Ты так это планировала?

— Отнюдь. Ткачи узнали о Провале из-за кучки глупых фанатиков. Это скорее несчастный случай.

Фаэка не ответила. Кайлин позволила молчанию затянуться.

— Это мы виноваты? — в конце концов выдохнула свой вопрос Фаэка. — Прятались, бездействовали, хотя могли что-то делать... все эти годы... Такова цена?

— Фаэка, перестань. — В голосе Кайлин скрипнуло раздражение. — Ты знаешь так же, как и я, почему мы долгие годы бездействовали. Сегодня многие погибли, но по сравнению с тем, сколько людей погибнет в ближайшее время, это — капля в море.

— Мы могли их остановить, — возразила Фаэка. — Могли захватить трон и остановить ткачей. Если бы мы попытались...

— Возможно, — с сомнением произнесла Кайлин. Она немного наклонила голову и искоса посмотрела на Фаэку. Она ищет оправданий, бальзама на свои раны. Но Кайлин нечего ей дать. — Но почему мы должны были это делать? Не позволяй совести терзать тебя. Все только начинается. Сестры пробудились. Грядет война за Сарамир. — Горячий ветер пошевелил перья на ее воротнике. — Мы хотели, чтобы трон достался ткачам. Поэтому мы сдерживали своих союзников, прятались и велели прятаться

им. Поэтому мы отказывались помогать им, используя наши возможности. Они не должны это узнать. Они назовут это предательством.

Фаэка неохотно кивнула. Она смотрела вдаль.

— Если все только начинается, — проговорила она. — Я боюсь того, что грядет.

— И правильно делаешь, сестра. Правильно делаешь.

Они больше не разговаривали, но и не расходились. Сестры долго стояли рядом в лучах догорающего заката и смотрели на дым, а небо выцветало, и тьма сгущалась над землей.

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. (495) 727-16-15
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр-т, д. 132, т. (495) 172-18-97
- м. «Медведково», ТЦ «ХЛ Мытищи», Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, т. (495) 641-22-89
- м. «Новослободская», д. 26, т. (495) 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, т. (495) 268-14-55
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Коломенская», ТЦ, пр-т Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. «Китай-город», ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА****

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», т. (4722) 32-53-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, д. 132а, т. (4722) 31-48-39
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Ижевск, ТРЦ «Столица», ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Калининград, пл. Калинина, д. 17/21, т. (4012) 65-60-95
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Курск, ул. Радишева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 63, т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Рязань, ул. Почтовая, д. 62, т. (4912) 28-99-39
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-1960
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: zakaz@ast.ru

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Вудинг Крис
Нити зла**

**Редактор Е. Богатырева
Художественный редактор О. Адашкина
Компьютерная верстка: О. Полова
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор Н. Дмитриева**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Санитарно-эпидемиологическое заключение
77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.**

**ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Шелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru**

**ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1**

**ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.**

**Качество печати соответствует
качеству предоставленных диапозитивов**

Люди не могут, не должны пострадать от таинственной Порчи. Порукой тому — могущество Ткачей, магов, хранящих Сарамирскую империю от демонического Зла, угрожающего ей разрушением. Каждый порченный подлежит казни — иначе последствия будут ужасны. Ведь всякий, кто отмечен клеймом Порчи, обладает колдовскими способностями, слишком огромными и непредсказуемыми, чтобы не представлять опасности для обитателей Сарамира...

Так считалось.

Но правда ли это?

Ведь ныне в Сарамире все больше силы набирает Красный орден, загадочная школа колдуний, где порченных девушек обучают пользоваться своим магическим даром и внушают им, что в действительности Ткачи давно уже служат не Свету, но — Тьме.

Скоро — очень скоро — ведьмам ордена предстоит встретиться со своими давними противниками в открытом бою...

*Бел
Дракона*

ISBN 978-5-17-055412-6

9 785170 554126